

Новосибирская Библейская Богословская Семинария

Грамматика греческого языка Нового Завета

Н.Е. Dana – Х.Е. Дана

*Профессор толкования Нового Завета
Юго-Западной баптисткой теологической семинарии,
Форт Ворс, Техас.*

Джулиус Манти

*Профессор толкования Нового Завета
Северной баптисткой теологической семинарии,
Чикаго, Иллинойс.*

*Литературная и научная редакция перевода:
кандидат филологических наук **Мякин Т.Г.***

Ключ к сокращениям

Здесь приводится список основных работ, цитируемых в данном учебнике. Перечисленные книги могли бы составить достаточно полную рабочую библиотеку студента, изучающего грамматику греческого языка Нового Завета. Однако, чтобы достигнуть этой цели в полной мере, к списку следует добавить “Симфонию к Греческому Новому Завету” Моултона и Гедена (Moulton, Geden). Желающие иметь начальный курс греческого языка могут приобрести учебник Мейчена “Греческий язык Нового Завета для начинающих” (Machen: *New Testament Greek for Beginners*) (издательство Macmillan) или книгу Дэвиса “Грамматика греческого языка Нового Завета для начинающих” (Davis: *Beginner's Grammar of the Greek New Testament*) (издательство Doran). Более подробная библиография по всем основным темам данной области приводится в «Грамматике» Робертсона.

При ссылках на различные публикации мы указываем соответствующую аббревиатуру имени автора или названия книги (как показано ниже), за которой следуют номера страниц. Используются следующие аббревиатуры:

- ASV** Американский стандартный перевод Библии (American Standard Version).
- AV** Перевод Библии Короля Иакова (Authorized Version).
- Bl.** Бласс. *Грамматика греческого языка Нового Завета* (2-е изд.) (Blass: *Grammar of New Testament Greek*).
- Br.** Бартон. *Наклонения и времена в Новом Завете* (Burton: *New Testament Moods and Tenses*).
- Bt.** Баттманн. *Грамматика греческого языка Нового Завета* (Buttmann: *Grammar of New Testament Greek*).
- D.** Дейссман. *Филология греческой Библии* (P.G.B.) и *Изучение Библии* (B.S.) (Deissmann: *Philology of the Greek Bible and Bible Studies*).
- G.** Грин. *Справочник по грамматике греческого Нового Завета* (Geen: *Handbook to the Grammar of the Greek New Testament*).
- LXX** Септуагинта (Ветхий Завет на греческом языке).
- M.** Моултон. *Введение в грамматику греческого языка Нового Завета* (Moulton: *Prolegomena to the Grammar of New Testament Greek*).
- M-II.** Моултон. *Грамматика греческого языка Нового Завета*. Том 2 (Moulton: *Grammar of New Testament Greek*).
- R.** Робертсон. *Грамматика греческого Нового Завета в свете исторических исследований* (Robertson: *A Grammar of the Greek New Testament in the Light of Historical Research*).
- R-S.** Робертсон. *Краткая грамматика греческого Нового Завета* (Robertson: *A Short Grammar of the Greek New Testament*).
- RV** Пересмотренный перевод Библии на английский язык (Revised Version).
- T.** Тамб. *Справочник современного разговорного греческого языка* (Thumb: *Handbook of the Modern Greek Vernacular*).
- W.** Винер. *Грамматика идиом Нового Завета*. (Winer: *Grammar of the Idiom of the New Testament*) (7-е изд.). Перевод Таера (Thayer) по пересмотренному и исправленному изданию Ланемана (Luneman).
- WH.** Весткотт и Хорт. *Греческий текст Нового Завета* (Westcott and Hort: *Greek Text of the New Testament*).
- Wr.** Райт. *Сравнительная грамматика греческого языка* (Wright: *Comparative Grammar of the Greek Language*).

Все перекрестные ссылки в книге сделаны согласно номерам параграфов. Например, 120, (3), ii будет относиться к параграфу 120, подзаголовок (3), второму абзацу, напечатанному мелким шрифтом. Мы попытались пронумеровать материал в книге таким образом, чтобы сделать ссылки простыми в использовании и точными.

Введение

Ссылки: R. 76-83, R.-S. 3, 4; M. 22-34

1. Современный сравнительно-исторический метод, широко используемый во всех отраслях языкознания, состоит в том, чтобы изучать язык на протяжении всех этапов его становления и развития, а также в свете его взаимоотношений со всеми родственными ему языками. Отрасль науки, исследующая родственные связи и эволюцию языков носит название сравнительно-исторического языкознания. Сегодня студент, если он действительно считает себя образованным человеком, изучая язык, обязательно опирается на сравнительно-исторический метод. Поэтому нам следует начать рассмотрение греческого языка Нового Завета с установления его взаимосвязей с другими языками, а также с обзора этапов эволюции собственно греческого языка. Будет весьма полезным для учащегося познакомиться с тем, каково отношение греческого к родственным ему языкам, а также узнать об общих особенностях эволюции этого языка в целом.

Индоевропейские языки

2. Все языки, на которых говорит человечество, можно объединить в семьи, подразделяющиеся на ветви, а уже последние состоят из отдельных языков. Однако здесь мы по необходимости рассмотрим сполна лишь одну семью языков, а именно ту, к которой принадлежит греческий язык. Эта языковая семья называется индоевропейской. Ее легко анализировать, поскольку она включает в себя наиболее высокоразвитые и одновременно наиболее изученные языки. Иногда индоевропейскую семью называют индогерманской или арийской. Из всех трех названий последнее наиболее удобно, но и создает некоторую путаницу, поскольку данный термин, во-первых, не учитывает азиатские языки, входящие в данную семью, а во-вторых, придает немецкому языку чересчур большую значимость. Поэтому здесь используется название, которое наилучшим образом отражает характер этой семьи, хотя является не совсем точным.

3. Индоевропейский первоначально был языком племен, в доисторические времена предположительно населявших область на востоке Центральной Азии или западно-центральной Европы. Древнейшие исторические реалии, свидетельствующие об этих племенах, связаны с западной Европой, но в какую-то очень раннюю эпоху довольно большая часть этой народности переместилась на юг и обосновалась в Персии и Индии, что и послужило основанием для названия языков «индоевропейскими». Данная семья стала источником семи ветвей, каждая из которых представлена несколькими языками. Здесь мы перечислим лишь самые распространенные из них. Более полная информация представлена в книге Уитни “*Жизнь и развитие языка*” (Whitney: *Life and Growth of Language*) и в труде Свита “*История языков*” (Sweet: *History of Languages*).

4. Древнейшим представителем рассматриваемой языковой семьи является **индийская ветвь**, наиболее известным представителем которой является *санскрит*. Он особенно интересен всякому, изучающему новозаветный греческий, ввиду своего близкого родства с греческим языком, старшим братом которого можно назвать санскрит. Санскрит дошел до нас благодаря Ведическим гимнам – священным текстам индусов. Более поздние памятники санскрита представляют собой законы, эпические произведения и т.п. В санскрите система склонения существительного является наиболее развитой по сравнению со всеми остальными языками, включая восемь, а иногда и девять падежных форм.

Поздний период эволюции языков индийской ветви представлен пракритом.

5. Второе по своей древности ответвление индоевропейской семьи – это **греческий язык**. Его диалекты сформировались еще в античности. Затем, в течение нескольких веков до наступления христианской эры эти диалекты проходили процесс объединения и унификации. В дальнейшем мы рассмотрим вопрос взаимодействия диалектов более подробно. Греческий

язык можно назвать самым литературным из всех древних языков. Он породил настоящий поток литературных произведений, начавшийся с поэм Гомера, которые появились около 900 г. до н.э.

6. Следующая по времени языковая ветвь – это ветвь **италийская**. Ее главный язык – латынь. Помимо латыни к языкам этой ветви относились умбрский (северная Италия) и оскский (южная Италия). До нас дошли лишь скудные остатки этих диалектов. Латынь представлена широким сводом памятников античной литературы; кроме того, сам латинский язык живет и по сей день, хотя и в очень измененном виде, в качестве романской языковой группы, к которой относятся итальянский, французский, испанский, португальский и румынский языки.

7. Вопрос о сравнительном возрасте языков, входящих в оставшиеся ветви, должен быть отложен до получения дополнительных сведений. Если следовать порядку исторической значимости, то здесь в первую очередь следует упомянуть **тевтонскую** ветвь, распространенным языком которой является английский. Возможно, он, как голландский или немецкий, произошел от родственного ему древнеготского языка (если не считать немецкий прямым потомком готского), единственным сохранившимся памятником которого являются фрагменты Библии, переведенной Ульфилой, великим христианским миссионером просветителем готов. Скандинавский язык также весьма древнего происхождения, важнейшие памятники литературы, созданные на нем – это Эдда и исландские саги. К диалектам этого языка восходят современные датский, шведский, норвежский и исландский языки. «Самые ранние письменные памятники тевтонской ветви представлены руническими надписями, причем некоторые из них датированы третьим или четвертым веком». (Wг. 2).

8. **Славянские языки** – это еще одна ветвь индоевропейской языковой семьи. Ареал их распространения – восточная и южная Европа, главным образом Россия, Польша и некоторые Балканские государства. К этой же ветви обычно относят и балтийские языки, хотя иногда и выделяют в отдельную балтийскую группу (ср. Свит, *там же*, стр. 98). Наиболее древние литературные памятники славянской ветви созданы на болгарском, самым же распространенным языком является русский.

9. **Кельтский**, древнейший язык западной Европы, представлен главным образом языками гэльским и бретонским. К этой же ветви относятся ирландский, шотландский и уэльский языки.

10. **Иранская** ветвь представлена, прежде всего, персидским языком (фарси). Она включает в себя и древний зендский язык – на нем была создана «Авеста», священная книга зороастризма.

Приведенная выше характеристика языковой семьи, к которой принадлежит греческий язык, исключительно важна для изучения последнего. Эта характеристика могла бы быть и еще более краткой, однако, для ясного понимания современного подхода к языкознанию необходимо дать учащемуся представление об области современных лингвистических исследований. В целом, с достаточной четкостью, выделяется еще одна языковая семья, остальные же шесть семей с трудом поддаются классификации, поскольку они, по-видимому, возникли в результате смешения различных языковых семей и групп.

11. Границы **семитской** семьи определяются почти столь же четко, как и индоевропейской. Географически ее источником является южная Азия. К данной семье принадлежат иврит, ассирийский, финикийский, арамейский, сирийский, арабский и абиссинский языки. По уровню развития эта семья занимает второе место после индоевропейских языков.

12. Оставляя индоевропейскую и семитскую семьи языков, исследователь сталкивается с обескураживающим его конгломератом. Здесь уже нет стройной системы флективного словоизменения, так легко поддающейся систематическому анализу. Вместо нее мы обнаруживаем языковые формы, которые могут быть либо моносиллабическими, либо агглютинативными, либо теми и другими одновременно. Немедленно складывается впечатление, что данные языки принадлежат одной семье, но никому из филологов еще не удалось на основании имеющегося материала прийти к такому простому выводу. Напротив, они находят достаточное количество признаков, отличающих эти смешанного

происхождения языки друг от друга и говорящие в пользу их разделения на шесть отдельных семей.

Скифская семья¹ представлена рядом языков Азии и Европы, разделяясь на турецкую, финскую и венгерскую группы. *Монгольская*, или моносиллабическая семья ведет свое происхождение из юго-восточной Азии, и представлена гималайской, монгольской, маньчжурской и китайской группами языков. Японский язык, возможно, также родственен этим языкам. *Малайско-полинезийская* семья включает в себя языки островов Южной Азии. На языках *кавказской* семьи говорят народы, живущие в районе Кавказских гор, на юге центральной Азии. *Хамитская* семья² представлена египетским, ливийским и эфиопским языками и, возможно, родственными языками нижней Африки. Языки диких племен Африки практически не поддаются классификации.³ *Американская* семья включает в себя языки индейцев американского континента. Но специалисты по сравнительно-историческому языкознанию не вполне согласны с тем, что индейские языки принадлежат одной семье. Фактически, некоторые из приведенных выше утверждений пока остаются лишь предположениями. Сравнительно-историческое языкознание как наука все еще находится в младенческом возрасте и перед исследователем остается обширное поле для поисков. Изучая языки, многое можно узнать об истории того или иного народа.

13. Робертсон (Р. 37) подразделяет все языки на *изолирующие*, *агглютинативные* и *флективные*. В изолирующих языках значение изменяется не через изменение словоформы, но иначе, например, в силу изменения порядка слов. К таким языкам относятся китайский, бирманский и другие. В агглютинативных языках используются отделяемые приставки, инфиксы и суффиксы – их можно встретить, например, в турецком языке. Во флективных языках большое значение имеют окончания, корни и приставки. Этот тип языка представлен индоевропейской и семитской семьями. В некоторых языках – например, в современном английском, задействованы в большей или меньшей степени все перечисленные способы выражения значения. Свит к названным трем типам добавляет еще один, названный им *инкорпорирующим*. В языках этого типа члены предложения, такие как подлежащее, глагол и дополнение, объединяются в одно слово (см. Свит, *там же*, стр. 65 и далее). Дополнительный материал об индоевропейских языках содержится в Wг. 1-4.

Греческий язык

14. Первые сведения о греческом языке относятся приблизительно к 1500 г. до н.э. Однако история языка до Гомера окутана тайной.⁴ Развитие языка прошло пять периодов:

(1) *Период становления*. Он начинается с доисторических времен – времен формирования греков как народности и продолжается вплоть до Гомера (ок. 900 до н.э.). Примитивные племена, послужившие источником формирования греческого народа, входили в состав большой арийской семьи, первоначально населявшие Запад центральной Азии. В доисторические времена от этой семьи отделилась группа племен и мигрировала на небольшой полуостров в южной Европе, теперь называющийся Грецией. Топография данной территории крайне запутанна. Многочисленные горные хребты и проникающие вглубь земли морские заливы разрезают страну на множество частей. Вследствие сложного характера рельефа первые племена были практически изолированы от общения друг с другом, и

¹В настоящее время такое деление устарело: языки, которые автор относит к скифской семье, обычно теперь разделяют на две семьи – алтайскую (тюркские языки) и уральскую (финно-угорские). См. Краткая географическая энциклопедия. М., 1966, т. 5, с. 272. Прим. редактора.

²Современные ученые обычно говорят о единой семито-хамитской семье. Прим. редактора.

³Современное языкознание выделяет семью Банту, семью Манде, нилотскую и готтентотскую семьи, а также ряд других семей и групп. Прим. редактора.

⁴В настоящее время, после расшифровки М. Вентрисом и Дж. Чендвиком линейного письма крито-микенских табличек (1952) наука получила немало сведений и о до-гомеровском греческом (XV – XIV вв. до н.э.)

поэтому становление здесь единого народа с единым языком было замедлено. Появилось множество различных диалектов, основными из которых были аттический, беотийский, северо-западный, фессалийский и аркадский. Вероятно, они произошли от трех изначальных диалектов: дорийского, эолийского и ионийского. Наиболее влиятельным и продуктивным был ионийский диалект, оказавший впоследствии сильнейшее воздействие на становление греческого языка.

(2) Классический период. Данный этап продолжительностью в несколько столетий начинается временем Гомера и оканчивается завоеваниями Александра Македонского (около 330 г. до н.э.). В этот период наибольшее влияние приобрел аттический диалект, развившийся большей частью из древнеионийского диалекта и вобравший в себя наилучшие элементы дорийского и эолийского. Дошедшие до нас произведения древнегреческой литературы написаны преимущественно на аттическом диалекте. Любая нормативная грамматика древнегреческого языка описывает, прежде всего, его аттический вариант, попутно указывая на элементы других диалектов как на неправильности в употреблении или исключения. Аттический диалект выступил как главная сила в процессе всего последующего формирования греческого языка. Он явился основой и для греческого языка Нового Завета.

(3) Период койне. Этот период начинается в 330 г. до н.э. и заканчивается 330 г. н.э. Его можно назвать эпохой всеобщего распространения греческого языка. В это время греческий язык свободно употребляется и понимается во всем цивилизованном мире. На улицах Рима, Александрии, Иерусалима он слышался так же часто, как и в Афинах. Широкое распространение греческого койне произошло по четырем причинам.

а) Обширная колонизация. Греки были очень энергичным народом и уже на ранних этапах своей истории научились мореплаванию от финикийцев, соперничая с ними в покорении морских просторов. В результате этого греческие колонии распространились почти по всему средиземноморскому побережью. Одна из наиболее могущественных колоний находилась на восточном побережье Италии, недалеко от центра латинского мира.

б) Интенсивное политическое и коммерческое взаимодействие греческих племен. Развитие общества посредством обширной колонизации, особенно перед лицом общей для всех опасности, исходившей с востока, побуждало греческие племена к более тесному взаимодействию, развило в них чувство национального единства. Несомненно, ни одна из причин не повлияла в этом смысле на греков так сильно, как продолжительное противоборство с персами. Военная кампания Кира, подробно описанная Ксенофонтom в его романе «Анабасис», соединила греков, говоривших на разных диалектах, в одну большую армию, что способствовало развитию единого языка. Ввиду этого, предпосылки койне можно найти уже в таком изысканном аттическом литературном памятнике, как «Анабасис» Ксенофонта.

в) Религиозные взаимоотношения. Хотя в каждом греческом племени имелся свой племенной бог или боги, все же в народной среде жило некоторое чувство религиозного единства. Оно проявляло себя в частности в том, что наиболее могущественных божеств пантеона, особенно Зевса, почитали все племена. Верховные божества, которые могут считаться национальными, таким образом, послужили фактором единения народа. Этому особенно способствовало учреждение больших общенациональных празднеств в таких религиозных центрах как Олимпия, Делос и Дельфы. Надписи на всевозможных статуях и памятниках, воздвигнутых в этих городах, делались на всех основных диалектах, что знакомило племена с языками друг друга. Естественно, что у людей, которые периодически собирались вместе на эти праздники из всех уголков широко раскинувшейся Эллады, возникало естественное стремление к общему языку. Данный фактор, несомненно, был весьма существенен для образования койне.

г) Завоевания Александра Македонского. Процесс стирания диалектных различий и становления единого греческого языка пошел особенно быстро в эпоху Александра (334-320 гг. до н.э.). Соединение представителей всех греческих племен в армии Александра

Македонского привело к тому, что общеупотребительный греческий язык обрел зрелость, а широкое внедрение греческой культуры под руководством Александра способствовало распространению этого общего языка по всей территории Македонской империи. Когда Рим завоевал эти эллинизированные территории, он в свою очередь, сам подвергся эллинизации, и, таким образом, весь цивилизованный мир воспринял греческое койне. Поэтому Апостол Павел, обращаясь к людям, населявшим политический центр латинского мира, мог писать на греческом языке великолепные вероучительные трактаты, а римский император Август вынужден был сделать надпись по-гречески на своей официальной печати (см. D. V. S. 243).

Теперь мы кратко охарактеризуем два оставшихся периода развития греческого языка.

(4) **Византийский период** простирается с 330 г. по 1453 г. Он начинается с раздела Римской империи, и развитие греческого языка здесь в большой степени зависело от прочности Константинопольского престола.

(5) **Современный период** начинается с 1453 г. и продолжается вплоть до настоящего времени. В данный этап происходит становление языка, который сегодня можно услышать на афинских улицах. Поразительно, что этот язык гораздо ближе к языку Нового Завета, чем к языку произведений Еврипида и Платона.

15. Робертсон настаивает на существенном и очевидном единстве греческого языка. Действительно, хотя последний состоит из множества диалектов и прошел ряд последовательных стадий развития, различные его составляющие так связаны друг с другом, что составляют единый язык. По этой причине, какую-либо одну форму языка или какой-либо один период его истории не следует выставлять в качестве универсального образца (см. также D., P.G.B.). Так, классический аттический диалект ни в коем случае нельзя рассматривать в качестве образцового греческого языка, как, впрочем, нельзя использовать в качестве универсального критерия и язык Гомера. Обе формы представляют собой лишь диалектные варианты единого греческого языка, таким образом, греческий язык един независимо от того, в какой момент истории мы его застаем: в 1000 г. до н.э. или в 1000 г. н.э.; греческий язык – это язык и аттического поэта, писавшего на койне, и жителя современных Афин. «Это единый язык, эпический ли диалект Гомера перед нами или дорийский Пиндара, ионийский Геродота или аттический Ксенофонта, эолийский Сапфо или аттицизм Плутарха, произведения Павла, посланника Христа, или надпись в Пергаме, папирусное письмо из Египта или творения Трикуфиса и Влахоса в наши дни» (R. 42). Робертсон предлагает следующую периодизацию истории греческого языка: Микенский этап – 1500-1000 гг. до Р.Х.; этап диалектов – 1000-300 гг. до Р.Х.; этап койне – 300 г. до Р.Х.-330 г. Р.Х.; Византийский греческий – 330-145 гг.; современный греческий – с 1453 г. до наших дней. Совершенно справедливо ученый отмечает: «В действительности, всякое деление спорно, так как история языка непрерывна, хотя и распадается на три основных этапа» (R. 41-43).

Греческий язык Нового Завета

16. Было время, когда ученые, работавшие с оригиналами Нового Завета, рассматривали его греческий язык как особый язык Святого Духа, созданный божественным провидением для авторов Писания. Когда ошибочность этой концепции стала очевидной, появились две противоположные школы. **Гebraисты** утверждали, что Септуагинта и Новый Завет были написаны на библейском греческом языке с преобладанием еврейских и арамейских языковых форм; **пуристы**, напротив, доказывали, что в греческом тексте Священного Писания преобладали нормы классического греческого языка. Но, начиная с 1825 г., труды Винера произвели революцию во взглядах новозаветных толковательных школ на эту проблему. В конце концов, в результате исследований Дейссмана в Германии, Моултона в Англии и Робертсона в США вопрос был окончательно решен в пользу того, что греческий Нового Завета – это просто один из образцов разговорного греческого языка первого века, то есть, греческое койне. Вдохновленные Богом авторы Нового Завета творили на обычном языке народа, чего и следовало ожидать.

17. Робертсон замечает, что среди ученых, занимавшихся греческим языком Нового Завета, мнение, отражающее общепринятый сегодня факт, что греческий язык Нового Завета есть не что иное, как народное койне первого века высказывалось еще на столетия раньше. Тому способствовали свидетельства древних надписей и папирусов. Свидетельства надписей были обобщены не ранее 1887 г., и в этой новой области исследования первоходцами стали Е. Л. Хикс и У. М. Рамсей (E. L. Hicks, W. M. Ramsay). Но полное принятие нового метода – достижение XX столетия. В этой сфере самые обширные изыскания провел,

несомненно, Дейссман. Будущее также не сулит никакой другой точки зрения по вопросу происхождения и характера греческого языка Нового Завета (см. R. 31-48).

Литературные памятники койне

18. Поскольку греческий язык Нового Завета являлся общеупотребительным в тот период, когда создавалась эта части Библии, исследователю Нового Завета было бы интересно узнать, какие еще памятники этого языка, способные помочь в изучении новозаветного греческого, дошли до нас. Существует шесть типов такого рода памятников:

(1) Библейский греческий. Мы все же говорим о языке Нового Завета и Септуагинты как о «библейском греческом», но не потому, что это отдельный язык, или даже диалект, а потому, что он обладает определенной специфичностью и представляет интерес сам по себе. Действительно, после выхода эпохальных трудов Дейссмана термин «библейский греческий» может вызывать некоторое смущение, однако верно и то, что у данного термина есть свое место в филологической науке. Причем адекватность термина следует уже из одного факта существования литературы, отмеченной уникальными качествами и представляющей исключительный интерес. Таким образом, следует признать справедливым, что Новый Завет и Септуагинта демонстрируют нам специфическую разновидность койне. Эти произведения по своим литературным достоинствам превосходят обычный уровень папирусных текстов, хотя еще и не достигают классического стандарта аттических писателей. Итак, принимая во внимание предостережения Дейссмана и следуя его выводам, нам, тем не менее, небесполезно будет учитывать специфический характер библейского греческого языка.

(2) Литературное койне. Эпоха койне создала целую литературу, по своему языку куда более близкую к классической норме аттического диалекта, нежели Новый Завет. Это произведения Плутарха, Полибия, Иосифа Флавия, Страбона, Филона и др. (см. M. 25-26).

(3) Папирусы. Этот архаичный писчий материал изготовлялся из папирусного тростника - египетского водного растения. Его использовали, начиная еще с глубокой древности вплоть до Византийского периода. И сегодня папирусы с текстами находят в Египте, где климатические условия благоприятствуют их сохранению. Они особенно важны для тех, кто изучает греческий язык Нового Завета, как ввиду разнообразия представленной на них литературы, так и по той причине, что их язык – это типичное койне. Они донесли до нас многие типы письменных памятников, начиная от образцов дружеской переписки и заканчивая специальными текстами, например, юридически оформленные договоры. Тем не менее, среди них немного образцов произведений литературы, собственно литературы, таких как поэма или научный трактат. В большинстве своем это личные письма, договоры, завещания, судебные протоколы, государственные документы и т.д. В них представлен язык обычных людей, и именно на этом языке был написан Новый Завет (см. D., *P.G.B.* 23-33; M. 27-28; и, особенно, *Словарь религии и этики* Гудспида (Goodspeed in Mathews-Smith: *Dictionary of Religion and Ethics*), стр. 324).

(4) Надписи. По сравнению с папирусами, ареал распространения надписей куда шире. Их больше всего там, где находились крупные центры средиземноморской цивилизации. Надписи находят «как в их первоначальном местоположении, так и лежащими под руинами и горами развалин» (D., *P.G.B.* 17 и далее). Обычно надписи представляют собой эпитафии или заметки, вырезанные на каменных плитах для официальных, гражданских или мемориальных целей. Формально-литературный характер свойственен им в большей степени, чем папирусам. Тем не менее, надписи ценны более в историческом, чем в литературном отношении. Выдающиеся работы сэра Уильяма Рамсея по исторической критике Нового Завета широко использовали богатый материал надписей (см. D., *P.G.B.* 17-23; M. 28-29).

(5) Остраконы. Остраконами называют обломки глиняной посуды (фрагменты разбитых кувшинов или других глиняных сосудов), использовавшиеся людьми из низших слоев общества, для памятных заметок, расписок и т.п. «Будучи языковой летописью низших

классов, эти простые тексты на осколках сосудов способствовали выяснению многих деталей языкового характера нашей Священной Книги – той самой Книги, которая написана не образованными, а простыми людьми из народа – людьми, которые сами признавали, что носят свои сокровища в глиняных сосудах (2 Кор. 4:7). Таким образом, по своей ценности для нас скромные остраконы подчас сопоставимы с папирусами и надписями» (D., P.G.B. 35). Полезно, однако, привести также следующее наблюдение Моултона: «не следует делать вывод, ... что новозаветные писатели во всем были подобны малообразованным писцам» (M. 28; см. D., P.G.B. 17-23; R. 21).

(6) Современный греческий. Только в XIX в. ученые осознали значимость взаимосвязи между современным греческим языком и койне – это открытие совершено в 1834 г. Эта взаимосвязь вытекает из того факта, что современный греческий язык следует скорее возводить к койне, нежели к аттическому диалекту, чего, конечно, и следовало ожидать. Народный говор вообще является решающим фактором, определяющим направление эволюции языка. Само собой разумеется, что действительной основой того греческого, на котором сейчас говорят в Афинах, является язык, представленный в Новом Завете, а не классический язык Эсхила или аттические стилизации Полибия. Моултон здесь цитирует Хацидакиса (Hatzidakis), современного греческого лингвиста, который утверждает, что «язык, на котором обычно говорят сегодня в городах, в меньшей степени отличается от общепотребительного языка эпохи Полибия, чем последний отличается от языка Гомера» (см. M. 29 и далее).

19. Дейссман считает надписи особенно значимыми в том, что касается свидетельств о греческом языке Нового Завета. Папирусам он, напротив, отводит важное, но не первостепенное место (B. S. 80 и далее). Моултон со своей стороны считает, что наиболее важным источником информации о греческом языке Нового Завета (M. 27 и далее) является частная переписка, сохранившаяся именно на папирусах. Библейский греческий не могли понять до изучения указанных памятников. Робертсон, в свою очередь, цитирует 186 слов, ранее считавшихся характерными для библейского греческого и которые, как показали папирусы и надписи, на самом деле были общепотребительными (R. 65 и далее). Дейссман приводит свой список из 17 слов (B. S. 83), а затем пускается в детальные рассуждения относительно многих других слов, которые, по его наблюдению, употреблялись в первом столетии (B. S. 86 и далее). В целом, Моултон, возможно, более прав, придерживаясь мнения, что папирусы представляют собой наиболее важный источник информации о греческом языке Нового Завета.

Виды койне

20. Как и любой язык, который является одновременно и языком литературы, в греческом койне налицо различия между разговорным и письменным языком. Ввиду этого различают два вида койне:

(1) Литературное койне за пределами Библии представлено большинством имеющихся надписей и некоторым количеством папирусных текстов.

(2) Разговорное койне представлено в основном папирусами, остраконами и подавляющим большинством текстов Библии. Однако Евангелие от Луки и Послание к Евреям ближе стоят к литературной разновидности койне.

Моултон так пишет о литературном койне: «Писатели послеклассической эпохи следовали аттической норме в меру своих возможностей, обычно в избытке примешивая к ней грамматические или лексические элементы, взятые из разговорного языка, к которому они питали слишком глубокое презрение, чтобы дать ему какое-либо наименование», и далее он замечает в связи с порицанием ими разговорного языка как «плохого греческого»: «таким образом, эти авторы невольно обогащали нас информацией о том греческом, который интересует нас более, нежели так высоко ценимый ими искусственный аттический» (M. 24-26). В связи с этим, литературное койне по большей части представляет собой неуклюжую и неудачную попытку восстановить классический тип и идиоматику аттического языка. И будучи таковым, оно не является ни хорошим аттическим языком, ни хорошим койне.

Иноязычные элементы в Новозаветном греческом

21. Жизнь народа, в среде которого появился Новый Завет, была подвержена влиянию множества исторических реалий. Одним из тех факторов, которые воздействовали на язык

наиболее сильно, была эллинистическая культура. Однако не только она нашла свое отражение в новозаветном греческом. Авторами Нового Завета были евреи (возможно, исключая Луку), что, естественно порождает в нас ожидание увидеть в тексте следы воздействия их родного языка. Кроме того, Новый Завет был создан на территории, политический подвластной Риму – государству, где говорили на латыни. Таким образом, вполне закономерным является тот факт, что в языке Нового Завета мы сталкиваемся с гебраизмами и латинизмами.

(1) Гебраизмы. В Новом Завете, несомненно, присутствуют элементы иврита. Это связано, прежде всего, с воздействием древнееврейского языка Ветхого Завета и Септуагинты. Кроме того, поскольку арамейский был разговорным языком Палестины, возможно, что текст Нового Завета подвергся незначительному воздействию и со стороны этого языка. Многие полагают, что Лука располагал литературными источниками для своего Евангелия, написанными на арамейском. В виду наличия нескольких каналов влияния иврита на язык Нового Завета, количество гебраизмов в нем порой преувеличивалось. В действительности, они наличествуют в тексте, но в небольшом числе.

В языке Нового Завета Моултон обнаруживает три момента, связанных с воздействием семитского окружения: (1) слова, проецирующие семитскую фразеологию; (2) семитизмы в синтаксисе; (3) семитизмы, являющиеся результатом перевода текста с древнееврейского или арамейского на греческий язык. Моултон во всех деталях обсуждает тот факт, что семитизмы преобладают в произведениях Луки, и объясняет это двумя причинами: (1) использованием грубых греческих переводов с семитских оригиналов; (2) литературной адаптацией стиля Септуагинты. Моултон указывает, в частности, на паратактическую конструкцию с καί как на вероятный результат семитского влияния, поскольку она имеет параллели в лице консекитивной конструкции с *vav* в иврите. Вводная конструкция καὶ ἐγὼ εἶπετο вероятно, является отражением в греческом מֵאֵין (М. 10–18). Дейссман связывает такого рода семитизмы в Новом Завете с особенностями религиозной фразеологии, «которая и напоминала фразеологию наших проповедей или христианских журналов» (цитируется в М. 18). В целом Дейссман расценивает семитское влияние на Новый Завет как фактор исключительной значимости и называет Септуагинту «матерью новозаветного греческого языка» (см. P.G.V. 8–15). Дело, однако, в том, что Септуагинту уже можно считать не в такой степени стопроцентно семитской, как это предполагалось ранее. И хотя Кониберг и Сток приводят восемьдесят один пример семитизмов в грамматике (*Избранные отрывки из Септуагинты* (Conybeare, Stock: *Selections from the Septuagint*), тщательное их исследование в свете существующих данных о койне показывает, что пятьдесят три из них - типичные для греческого языка обороты, а оставшийся список из двадцати восьми, будет, возможно, сокращен при дальнейшем изучении койне. То есть, текст Септуагинты, по крайней мере, на шестьдесят пять процентов – это греческий язык того времени, в которое она создавалась. «Таким образом, мы приходим к осознанию того, что мы слишком преувеличивали количество гебраизмов и арамеизмов в греческой Библии» (P.G.V. 52; см. также R. 88-108).

(2) Латинизмы. Они - результат римского влияния: это в основном личные имена, названия должностей, учреждений и т.д. Число латинизмов невелико даже в сравнении с гебраизмами.

Моултон полагает, что латынь едва ли могла повлиять на библейский греческий. Ученый допускает, что в Новом Завете встречаются слова, заимствованные из латыни, но что касается грамматики (по-настоящему жизненно-важного аспекта языка), то здесь латинское влияние на новозаветный греческий совершенно ничтожно. «Опуская ряд лексических моментов, можно сказать, что латынь не повлияла на новозаветный греческий» (М. 21). Робертсон приводит исчерпывающий список латинских слов Нового Завета, общее число которых – тридцать два (причем одно из них вызывает сомнения). Указывает он также на четыре латинских фразеологизма (см. R. 108–111). Итак, придерживаясь в целом взгляда Моултона на грамматику Нового Завета, и считая ее свободной от влияния латинского языка, все же следует признать наличие латинизмов и учитывать этот факт при изучении новозаветного греческого языка.

Часть I. Морфология

I. Орфография

Ссылки: R. 177–181, 206–208, 221–222, 236–238; R-S. 11-16; M. 44-47.

22. Слово орфография происходит от двух греческих слов: ὀρθός (*прямой*) и γράφειν (*писать*). Следовательно, оно означает правильное или принятое написание. Орфография как раздел грамматики обнимает собой все вопросы, имеющие отношение к внешней структуре слов. Орфография новозаветного греческого языка – это область исследования, в которой еще многое не ясно. Здесь мы обсудим только наиболее важные моменты.

Алфавит

23. В греческом алфавите периода койне насчитывалось двадцать четыре буквы. Основой для греческого алфавита послужил финикийский алфавит, который был видоизменен и дополнен такими элементами, как, например, буквы, отображающие гласные звуки. Затем, в доклассическое время, алфавит претерпел дальнейшие модификации, такие как потеря дигаммы и замена *h* (заимствованной семитской *xet*) на *η*. Формы букв, закрепившиеся в аттическом диалекте, использовались и в койне. Однако в фонетическом плане, вероятно, произошли многочисленные изменения.

В ходе исторического развития языка друг друга сменяли четыре различных типа написания букв. (1) Вероятно, наиболее древними были *заглавные* буквы, встречающиеся в надписях. По форме они, в основном, соответствуют современным заглавным буквам. (2) Необходимость быстрого написания таких заглавных букв при изготовлении рукописей после введения в употребление папируса и пергамента привело к формированию письма, известного под названием *унциального*. (3) Стремление соединять унциальные буквы при письме реализовалось при возникновении *курсивного* (“бегущий”) или *минускульного* письма. (4) После изобретения книгопечатания, минускульное письмо послужило основой «печатного шрифта» для строчных букв (см. М-II. 37 и далее).

Алфавит

Название	Заглавные	Строчные	Унциальные	Название	Заглавные	Строчные	Унциальные
Альфа	Α	α	ᾰ	Ню	Ν	ν	Ͱ
Бета	Β	β	ͱ	Кси	Ξ	ξ	Ͳ
Гамма	Γ	γ	Ͳ	Омикрон	Ο	ο	ͳ
Дельта	Δ	δ	ͳ	Пи	Π	π	ʹ
Эпсилон	Ε	ε	ʹ	Ро	Ρ	ρ	͵
Дзета	Ζ	ζ	͵	Сигма	Σ	σ ς	Ͷ
Эта	Η	η	Ͷ	Тау	Τ	τ	ͷ
Тета	Θ	θ	ͷ	Упсилон	Υ	υ	͸
Йота	Ι	ι	͸	Фи	Φ	φ	͹
Каппа	Κ	κ	͹	Хи	Χ	χ	ͺ
Лямбда	Λ	λ	ͺ	Пси	Ψ	ψ	ͻ
Мю	Μ	μ	ͻ	Омега	Ω	ω	ͼ

24. Первоначально язык существовал только в устной форме, так что буквы были ни чем иным, как условными символами, изобретенными для отображения звуков. Гласные звуки производятся сокращением голосовых связок, вызывающим их вибрацию во время прохождения через них воздушной струи. Различие в произнесении звуков достигается изменением положения органов речи. Все звуки можно разделить на два основных класса: звуки, при произнесении которых создается препятствие воздушной струе, и звуки, при произнесении которых такое препятствие не создается. Итак, природа звуков такова, что они образуют только два класса: звуки, производимые с участием препятствия воздушной струе, называются согласными, а звуки, произносимые без препятствия при прохождении воздушной струи, называются гласными.

(1) *Согласные* можно классифицировать следующим образом:

(рядом с русским термином стоит английский термин, который автор использовал в оригинале. См. примечания после таблицы - переводчик)

а) Плавные:	λ, μ, ν, ρ		
б) Взрывные (mutes)	<i>Глухие</i>	<i>Звонкие</i>	<i>Придыхательные</i>
Заднеязычные (gutturals)	κ	Γ	χ
Губные (labials)	π	β	φ
Переднеязычные (dentals)	τ	δ	θ
в) Свистящие (sibilants)	ζ, ξ, σ, ψ.		

(2) *Гласные звуки* - α, ε, η, ι, ο, υ, ω. Вопрос о том, как произносились эти гласные в древний период греческого языка, сейчас является практически неразрешимым. Наблюдающееся в папирусах изменение гласных в дифтонги и наоборот, а также замена одних гласных другими показывает, что многие звуки дублировались, однако, какими эти звуки были, мы не в состоянии определить. С уверенностью можно лишь сказать, что «между греческим языком Рима и Азии, Эллады и Египта существовало значительное различие» в произношении (см. М-II 41 и далее). Произношение этих гласных на современный новогреческий манер «не сделало бы язык точнее, но причинило большое неудобство» (там же 42.). Робертсон, несомненно, прав, полагая, что греческое произношение эпохи Нового Завета в большей степени походило на разговорный греческий времен Демосфена, чем на современное греческое произношение (R-S.15). Вопрос продолжает оставаться открытым.

25. Иногда две гласные объединяются или сливаются в единый звук. Подобное сочетание гласных называется *дифтонгом*. В греческом языке имеются следующие дифтонги: αι, αυ, ει, οι, ου, ευ, ηυ, υι. Комбинация *подписной йоты* с α, η и ω похожа на дифтонг, хотя йота не вызывает изменения в звуке. Как и произношение гласных, произношение дифтонгов является проблемой, которая не может быть решена окончательно.

Правописание

26. Никакая другая область, касающаяся внешней структуры языка, не является столь туманной и неопределенной, как правописание койне. Самые известные рукописи Нового Завета составлены более двух с половиной столетий спустя появления оригиналов, причем способ написания слов в рукописях настолько различен, что мы можем быть уверены: меньше всего внимания переписчики уделяли вопросу сохранения орфографии. В разрешении проблем правописания папирусы вряд ли помогут, поскольку они представляют собой хаос разновидностей. Однако, эти различия, по сути, малозначимы для процесса

экзегетики. Мы можем принять орфографию текста Весткота-Хорта (WH) без опасения уклониться в неправильное толкование.

Особые сложности возникают вследствие тенденции транскрипции, известной как *итаизм*. Это явление заключается в том, что гласные и дифтонги переходят в краткий *и*. Итаизм проявляется рано, уже во время написания Синайских рукописей. Такая путаница в звучании, естественно, привела к путанице в транскрипции. Здесь же следует упомянуть и две других тенденции. Одна из них состояла в упразднении различия между долгими и краткими гласными. Долгота гласных последовательно выдерживалась в классическом аттическом диалекте, но в койне различие по продолжительности звучания стало исчезать, и к периоду современного греческого оно совершенно исчезло (см. Т. 7). Кроме того, мы обнаруживаем еще одну тенденцию, соответствующую итаизму: замещение дифтонгов простыми звуками (см. М-II. 42 и далее). Однако в папирусах часто наблюдается обратный процесс, где *ι* и *ε* заменяются на *ει* и *αι*. Фактически, в папирусах данные гласные и дифтонги взаимно заменяют друг друга. Подобные тенденции неизбежно вносили в манускрипты путаницу, поскольку очевидно, что «писец испытывает постоянно искушение переправить орфографию документа согласно принятым в его время нормам письма» (R-S. 11).

Элизия

27. Если конечная гласная слова – краткая, она может вытесняться начальной гласной следующего слова. Это вытеснение обозначается апострофом. Элизия наблюдается в основном в предлогах и частицах, например, *δι' αὐτοῦ*, *κατ' οἴκου*, *οὐδ' ἄν*.

В Новом Завете элизия встречается не так широко, как в классическом греческом. В новозаветном тексте она применяется «постоянно и обязательно перед местоимениями и частицами, также перед существительными в часто встречающихся сочетаниях, таких как *ἀπ' ἀρχῆς*, *κατ' οἴκου*. В остальных комбинациях употребление элизии неоднородно и случайно» (М-II. 61).

Красис

28. Красис – это слияние слова со следующим за ним словом, сопровождающееся пропуском или стяжением гласных. Данное явление наблюдается при употреблении союза *καί* и форм артикля, и передается на письме значком тонкого придыхания над вторым словом ('). Такой значок называется *коронис*, например, *καὶ ἐγώ* вместо *καί ἐγώ*; *τοῦνοα* вместо *τὸ νοα*.

В Новом Завете красис наблюдается редко. Действительно, «за исключением *τοῦνοα* в Мф.27:57, *τοῦνατίου*, трижды (2Кор. 2:7; Гал. 2:7; 1Пет. 3:9; прим. перев.), и *ταῦτα* у Луки, красис ограничен сочетаниями с союзом *καί*, на который такая же тенденция распространяется более явным образом и в современном греческом. ... Папирусы – памятники культуры не настолько развитой (в оригинале буквально «низкой» - прим. пер.), чтобы использовать фонетическое письмо – показывают, что красис использовался иногда в случае, когда безударные слова могли сливаться с предыдущим словом» (М-II. 63).

Беглые согласные

29. Конечная *ς* в слове *οὐτως* употреблялась в классическом греческом только перед гласными, однако в Новом Завете она употреблялась в большинстве случаев и перед согласными. Текст Весткота-Хорта показывает только десять исключений.

30. Пропуск *ς* в *ἄχρη* и *μέχρη* наблюдается в Новом Завете, но с несколькими исключениями, если мы принимаем свидетельство текста Весткота-Хорта.

31. Беглое, «приставное» *ν* добавляется к формам 3-его лица единственного числа, оканчивающимся на *ε*, а также, к формам с окончанием на *σι* и к *ἐστί*; например, *ἔλαβεν*, *πᾶσιν*, *ἐστίν*. В классическом греческом языке данная согласная использовалась только перед словами, начинавшимися с гласной, либо на конце главного или придаточного предложения, однако в Новом Завете – так же, как и в папирусах, – она часто появляется перед согласными. Итак, можно сказать, что правилом койне было использование *беглого ν* независимо от последующего слова.

Придыхание

32. Виды придыхания. В койне, как и в классическом греческом языке, имелось два вида придыхания: густое (') и тонкое ('). Графическое обозначение придыхания появилось на более позднем этапе развития греческого языка. Моултон обнаружил, что «в литературных памятниках знаки придыхания начали добавлять не позднее времени написания $\aleph$ (алеф = Синайский кодекс – *прим. пер.*) и В (Ватиканский кодекс – *прим. пер.*)» (М-П. 97 и далее).

33. Придыхательность. В классическом греческом языке, когда предлог предшествовал слову с густым придыханием, и конечная гласная предлога выпускалась, то, если согласная, ставшая в результате конечной, имела соответствующую придыхательную форму, то она становилась придыхательной. Однако в Новом Завете придыхательность иногда имела место, когда густого придыхания не было, например, $\alpha\phi\omicron\rho\alpha\omega$ – при соединении $\alpha\pi\acute{o}$ и $\delta\rho\acute{\alpha}\omega$, но $\alpha\phi\acute{\iota}\delta\omega$ в комбинации $\alpha\pi\acute{o}$ и $\acute{\iota}\delta\omega$.

Слияние

34. Когда происходил стык двух гласных или гласной с дифтонгом, принадлежащих разным слогам, то обычно они сливались в один слог. Таким образом, $\gamma\acute{\epsilon}\nu\epsilon-\omicron\varsigma$ становится $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\upsilon\varsigma$; $\acute{\epsilon}\phi\acute{\iota}\lambda\epsilon-\epsilon$ становится $\acute{\epsilon}\phi\acute{\iota}\lambda\epsilon\iota$.

i. Слияние в глаголах с основой на гласную происходит, в общем, по единому правилу с редкими исключениями. В других частях речи стяжение осуществляется в разнообразных случаях, с которыми следует знакомиться, наблюдая и рассматривая каждый их них в отдельности. Приводимая ниже таблица слияния гласных применяется к большинству случаев, в особенности к глаголам.

Чтобы определить слитную форму по данной таблице, в крайней левой вертикальной колонке найдите гласную основы, а в верхней горизонтальной - соединительную гласную; слитная форма находится на месте пересечения колонки и ряда.

	ε	η	ο	ω	ει	η	ου	οι
α	α	α	ω	ω	ϛ	ϛ	ω	ϛ
ε	ει	η	ου	ω	ει	η	ου	οι
ο	ου	ω	ου	ω	οι	οι	ου	οι

ii. При образовании инфинитива слитных глаголов наблюдается несколько исключений, которые следует здесь отметить. Глаголы с основой на гласную α образуют форму инфинитива настоящего времени действительного залога с окончанием на -ῶν вместо -ᾶν, что соответствовало бы правилу слияния в сочетании -ᾶειν. У инфинитива настоящего времени действительного залога глаголов с основой на гласную ο происходит слияние -ῶειν в -οῦν вместо -οῖν. Глагол $\zeta\acute{\alpha}\omega$ имеет в инфинитиве настоящего времени действительного залога форму $\zeta\eta\acute{\iota}\nu$ вместо $\zeta\eta\acute{\iota}\nu$.

iii. В процессе словообразования, образования основ и изменении формы слова сочетание согласных так же оказывается причиной частых изменений в характере этих звуков. Чтобы помочь студентам, изучающим греческий язык, проследить подобные изменения, мы предлагаем их здесь в обобщенном виде.

Плавные

Легко поддаются перестановке.

λ иногда удваивается для возмещения потери гласной.

ρ удваивается регулярно после гласной.

- ν:
- перед плавными согласными трансформируется в тот же плавный согласный.
 - перед заднеязычными становится γ (носовым).
 - перед губными становится μ.
 - перед переднеязычными остается без изменения.
 - перед σ выпадает, а предыдущая гласная удлиняется.

Взрывные.

Заднеязычные: перед μ переходят в γ; перед σ переходят в ξ;

	перед τ переходят в κ; перед θ переходят в χ;
Губные:	перед μ переходят в ν; перед σ переходят в ψ;
	перед τ переходят в π; перед θ переходят в φ;
Переднеязычные:	перед μ переходят в σ; перед σ выпадают;
	перед τ переходят в σ; перед θ переходят в σ;
	перед κ выпадают.

Свистящие.

ζ – сочетание переднеязычного и σ.

ξ – сочетание заднеязычного и σ.

ζ – сочетание губного и σ.

σ между двумя согласными или гласными обычно выпадает.

σ в начале слова обычно заменяется на густое придыхание.

Ударение

35. Многие преподаватели греческого языка не уделяют большого внимания вопросу ударения, однако, подобное пренебрежительное отношение к данной теме выдает их непонимание духа и истории языка. Если кто-либо пожелает с предельной точностью изучить греческий язык, то для него важно понять принципы и практику расстановки ударения. Здесь мы предлагаем краткое изложение принципов и вытекающие из них методы определения места ударения в помощь изучающим язык. Невозможно овладеть греческим языком лишь путем запоминания правил, следует понять принципы и научиться распознавать методы применения этих принципов, получая, таким образом, достоверное знание языковой системы.

36. Начнем с краткого обобщения *принципов расстановки ударения*. «Место ударения определяется ‘законом третьего слога’, согласно которому восходящий тон не может заходить в слове далее третьего от конца слога» (М-П. 53). То есть ударение зависит от принципов интонирования, которые были тщательно разработаны издателями греческой классики и строго ими соблюдались. «Острое» (или «восходящее») ударение представляет восходящий тон, в то время как «тупое» (или «нисходящее») – нисходящий тон. Каждый слог наделен ударением – либо тупым, либо острым – хотя тупое ударение не обозначается, за исключением ударения на последнем слоге слова, не имеющего острого ударения. Слово, не имеющее острого ударения в потоке речи, с необходимостью получает его, если находится в изолированной позиции (как в лексиконе) или перед паузой (в конце простого или придаточного предложения). Таким образом, мы говорим, что острое ударение на последнем слоге меняется на тупое в потоке речи. Если в рамках одного слога наблюдается как повышение, так и понижение тона, то слог представляет собой комбинацию острого и тупого ударения, называемую «облеченным ударением» (или «циркумфлексом»). Таким образом, если проанализировать и передать на письме все тоны и типы ударения, ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ приобретает вид ἡ βασιλεία τοῦ Θεοῦ.

37. Характер ударения определяется долготой слога. Хотя долгий слог не обязательно является ударным, он оказывает значительное влияние на ударение. Это влияние проявляется в том, что слово с долгим конечным слогом не может иметь ударение, отстоящее от конца слова дальше, чем предпоследний слог.

38. Острое ударение задает тон для трех слогов. Следовательно, третий от конца слова слог может иметь острое ударение, если последний слог слова краткий. Слово не нуждается в дополнительном ударении перед односложной энклитикой, если острое ударение приходится на последний слог слова. Но двусложная энклитика должна иметь собственное ударение, если перед ней стоит слово с острым ударением на предпоследнем слоге. Если острое ударение приходится на третий от конца слог и перед таким словом находится двусложная энклитика, то последний слог слова принимает дополнительное ударение.

Заметьте, что когда дополнительное ударение приходится на последний слог, то он и два слога энклитики образуют три слога, на которые может распространяться острое ударение.

39. Облеченное ударение создает тон только для двух слогов, по той очевидной причине, что облеченное ударение представляет собой эквивалент ударения двух слогов, поскольку является сочетанием как восходящего, так и нисходящего тона. По этой причине облеченное ударение не может отстоять от конца слова далее, чем предпоследний слог, и не может обеспечить ударением двухсложную энклитику, либо односложную энклитику, если оно приходится на предпоследний слог.

40. Сейчас мы рассмотрим применение этих принципов в более систематической форме, выражаемой обобщенно в виде **правил расстановки ударения**. Важно помнить, что это не произвольные «правила», но методы, обеспечивающие реализацию основных принципов интонирования.

(1) Острое ударение (').

а) Может стоять на одном из последних трех слогов; например, ἄνθρωπος, ἀγάπη, ἀδελφός.

б) Не может стоять далее предпоследнего слога от конца слова, если последний слог – долгий; например, ἄνθρωπος, но ἀνθρώπου.

(2) Облеченное ударение (^).

а) Может стоять на одном из двух последних слогов; например δοῦλος, θεῶ.

б) Должно стоять на предпоследнем слоге, если он долгий, ударный и находится перед кратким последним слогом; например, δῶρον.

в) Не может стоять на предпоследнем слоге, если последний слог долгий; например, δῶρον, но δῶρος.

г) Не может стоять на кратком слоге, например, δῶρον, но λόγος.

(3) Тупое ударение (˘).

а) Может стоять на последнем слоге; например, ὁ θεὸς φιλεῖ.

б) Появляется только когда сразу же за ним следует другое слово; например, ἡ καλὴ γυνή.

(4) Ударение в спрягаемых формах.

а) При спряжении ударение получает отступающий характер, то есть, оно отступает как можно дальше от конца слова, насколько это позволяет сделать последний слог слова; например, ἀκούω, ἤκουον.

Моултон считает данный метод постановки ударения в глаголах «следствием их первоначально примитивной энклитической формы» (М-II. 55).

б) Существует несколько случаев, когда нарушается нормативная расстановка ударения в глаголах. В правильных глаголах на ω в инфинитиве аориста действительного залога, в инфинитиве перфекта действительного залога, перфектном причастии медиопассивного залога и инфинитиве аориста страдательного залога ударение падает на предпоследний слог, в то время как в перфектном причастии действительного залога и аористе страдательного залога – на последний слог. В неправильных глаголах также наблюдаются случаи нарушения нормы акцентуации; например, ἀκούσαι, λελυκέναι, λελυμένος, λυθῆναι, λελυκώς, λαβών.

Необходимо отметить, что исключениями из принципа отступающего ударения в каждом случае становятся инфинитивы и причастия. Моултон считает, что, так как они, по сути, скорее существительные и прилагательные, нежели собственно глаголы, то они в действительности не являются исключениями из принципа отступающего ударения в глаголах (М-II. 55).

в) В составных глаголах (то есть сочетание глагола с предлогом) ударение обычно не падает на предлог, за несколькими исключениями, например, ἐξῆλθεν, ἔξεστιν.

г) В слитных глаголах, если ударение в неслитной форме падало на первый из двух стяженных слогов, в слитной форме оно становится облеченным; например φιλέει принимает

форму φιλεῖ. Если ударение первоначальной формы падало на второй из двух стяженных слогов, то в слитной форме оно становится острым; например, φιλεῖτω имеет вид φιλεῖτω. Если в первоначальной форме ударение не стояло ни на одном из стяженных слогов, то после слияния оно подчиняется стандартному правилу отступающего ударения; например, ἐφίλεε становится ἐφίλει.

(5) Ударение в склоняемых формах.

При склонении ударение слова остается в том же положении, что и в форме именительного падежа единственного числа, либо настолько близко к нему, насколько это позволяют основные правила расстановки ударения. Ударение в форме именительного падежа устанавливается методом наблюдения. Тем не менее, при склонении выделяются три особых правила, которые следует здесь отметить.

а) Все существительные и прилагательные первого склонения имеют обличенное ударение на последнем слоге слова в родительном падеже множественного числа; например, ἡμερῶν, προφητῶν.

б) Любое слово, изменяемое по первому или второму склонению и имеющее ударение на последнем слоге, принимает обличенное ударение в родительном и дательном падеже единственного и множественного числа; например, единственное число: ἀρχή, ἀρχῆς, ἀρχῇ, ἀρχῇν; множественное число: ἀρχαί, ἀρχῶν, ἀρχαῖς, ἀρχάς.

в) Односложные существительные третьего склонения имеют ударение на последнем слоге в родительном и дательном падеже единственного и множественного числа; например, единственное число: νύξ, νυκτός, νυκτί, νύκτα; множественное число: νύκτες, νυκτῶν, νυξί, νύκτας.

(6) Проклитики и энклитики.

а) Проклитикой называется безударное слово, произносимое слитно с последующим словом, например, ἐκ θεοῦ. Проклитиками в Новом Завете являются формы артикля ὁ, ἡ, οἱ, αἱ; предлоги εἰς, ἐκ; союзы εἰ, ὥς; и отрицания οὐ.

б) Энклитикой называется слово, которое, насколько это возможно, теряет ударение и произносится слитно с предшествующим словом, например, ὁ θεός ἐστιν ἀγαθός. В Новом Завете употребляются следующие энклитики: формы местоимений μοῦ, μέ, σοῦ, σοί, σέ; неопределенное местоимение τὶς; неопределенные наречия ποῦ, ποτέ, πῶ, πώς; частицы γέ, τέ; все формы настоящего времени изъявительного наклонения глагола εἰμί за исключением формы второго лица единственного числа εἶ а также форм φημί и φησί.

Следует заметить, что μοῦ и σοῦ «перемещают ударение на предыдущее слово и принимают его от последующей энклитики, например συνδουλός σου εἰμι (Откр. 19:10); см. М-П. 54).

При употреблении энклитик соблюдаются следующие правила постановки ударения:

- (а) Острое ударение на последнем слоге слова перед энклитикой сохраняется, например, ὁ θεός ἐστιν ἀγαθός.
- (б) Если предшествующее слово имеет ударение на предпоследнем слоге или обличенное ударение на последнем слоге, то двусложная энклитика сохраняет свое ударение, в то время как односложная энклитика его теряет; например, ὁ λόγος ἐστὶν ἀληθής, ὁ λόγος τοῦ θεοῦ ἐστὶν ἀληθής, τὴν χώραν μου εἰσῆλθεν, ὁ θεὸς φιλεῖ με.
- (в) Энклитика в начале предложения сохраняет свое ударение, например, ἐσμέν μακάριοι.
- (г) Если в слове, предшествующем энклитике, ударение падает на третий от конца слог, то это слово принимает добавочное острое ударение на последнем слоге, например, ὁ Χριστὸς ἄνθρωπός ἐστιν, οὗτος ἐγένετο ὁ ἀπόστολός μου.
- (д) Если слово, предшествующее двусложной энклитике, имеет обличенное ударение на предпоследнем слоге, то это слово принимает дополнительное острое ударение на последнем слоге, например, τὸ δῶρόν ἐστιν ἐκ τοῦ θεοῦ.

- (е) Односложная энклитика получает собственное ударение, если предшествующее слово имеет обремененное ударение на предпоследнем слоге, например, ὁ οἶκος μου.
- (ж) Двухсложная энклитика получает собственное ударение, когда ей предшествует слово с обремененным ударением на последнем слоге; например, τέκνον θεοῦ ἐμὶ.
- (з) Если энклитика следует за проклитикой или энклитикой, то последние получают ударение, например, εἰ τίς ἐστιν δίκαιος.

i. Следует заметить, что когда энклитики, состоящие из долгих слогов, произносятся слитно с предшествующим словом, то в целях рациональной расстановки ударения слоги таких энклитик считаются краткими, например, οὗτος ὁ λόγος μου ἦν.

ii. Существует три случая, когда ἐστί изменяется в ἔστι:

- (1) Если это слово стоит в начале предложения, например, ἔστιν ἀγαθὸς ἄνθρωπος.
- (2) Когда оно обозначает существование или возможность, например, ὁ θεὸς ἔστιν.
- (3) Когда ἐστί следует за οὐκ, εἰ, ὥς, καί, τοῦτο, например, οὐκ ἔστιν καλόν.

(7) Особые правила.

а) В дифтонгах значки ударения и придыхания располагаются над второй гласной; например, οὗτος.

б) Дифтонги αἰ и οἰ когда находятся в конце слова (за исключением форм оптатива), при расстановке ударения считаются краткими, например, ἄνθρωποι, χῶραι.

Мы не стремились к тому, чтобы соотнести каждое правило расстановки ударения с основными принципами, но в большинстве случаев любой студент может сам проследить эту связь. Некоторые случаи постановки ударения относятся просто к фактам языка, для которых нет никакого логического объяснения. Очень хорошо всегда помнить закон трех слогов (см. §36) и иметь в виду, что: (1) третий от конца слог может иметь только острое ударение; (2) предпоследний слог может иметь острое или обремененное ударение; (3) последний слог может иметь острое, обремененное или тупое ударение. Во всех перечисленных вариациях место ударения определяется соответственно длительности последнего слога, за исключением нескольких случаев употребления энклитик, которые просто нужно запомнить. Великолепное обсуждение принципов постановки ударения, основанное на широком анализе, представлено в М-II. 51-56. Если дополнить его материалом из R. 226-236, тогда будут охвачены все важные аспекты данной темы.

II. Склонение

Ссылки: R. 246-254; R-S. 17-31; M. 48-49.

41. Склонение – это изменение формы имени (существительного, прилагательного, местоимения или причастия) с целью указать на его отношения с остальной частью предложения. На ранних этапах развития индоевропейского языка, возможно, падеж обозначался почти исключительно изменением формы слова. Хотя «сравнительное языкознание не может ничего сказать о происхождении падежных окончаний» (R. 250), по-видимому, они произошли от местоимений и наречий (Wt. 144 и далее). Решение этой проблемы, однако, должно остаться по большей части в области субъективных предположений, поскольку единственный имеющийся у нас объективный аргумент заключается в том, что падежные отношения первоначально выражались только посредством изменения формы слова. Позднее эти отношения стали обозначаться также с помощью предлога, который постепенно вытеснял собой падежные окончания, пока они почти совсем не исчезли в современной английской речи.

Взаимосвязь склонения и падежа

42. Будем помнить, что падеж определяется не изменением формы слова, но изменение формы слова возникло с целью обозначить падеж, поэтому последний определяется на основании словоупотребления. *Склонение имеет дело с формой; падеж – с функцией.* Падеж

определяется отношением имени к другим словам в грамматической структуре предложения. Склонение возникло, как средство оформить такие отношения имен. Отсюда ясно видно, что падеж существительного следует выявлять не по его форме, но согласно грамматическим отношениям, которые оно приобретает в предложении. Важность этого факта проявится еще яснее, когда мы подойдем к изучению падежа в разделе о синтаксисе. Здесь же интересно отметить, что мы будем на самом деле неточны, говоря о различных формах в склонении как о падежах, поскольку их отношение к падежу лежит не сфере сущности, а в сфере формы. К путанице склонен вести и такой термин, как падежные окончания, которые лучше называть флексией.

Вышеизложенные соображения помогут студенту понять, почему можно говорить о количестве падежей, превышающем число существующих флексий существительного.

43. Одно падежное окончание (флексия) может использоваться для нескольких падежей. Изучающему греческий язык уже знакомо это явление, к нему относится пример именительного, винительного и звательного падежей существительных среднего рода, где три падежа представлены одним падежным окончанием. Следовательно, нельзя отрицать, что и в других случаях одно падежное окончание может указывать на более чем один падеж. Новый научно-исторический метод, с помощью которого греческий язык изучают в последние годы, позволил обнаружить, что в языке существует восемь падежей: именительный, звательный, родительный, отложительный, дательный, местный, инструментальный и винительный.⁵ Обычно мы встречаем только четыре падежных окончания. Первое употребляется для обозначения именительного и звательного падежа, второе – родительного и отложительного, третье – дательного, местного и инструментального, четвертое – винительного. Следует всегда помнить, что падежные окончания не решают вопроса об определении падежа.

Райт полагает, что «в индогерманском праязыке имелось восемь падежей, причем, возможно, и более – если считать звательную форму падежом» (Wt. 144). Робертсон перечисляет восемь четко выраженных греческих падежей (R. 247-250). Моултон, в общем, согласен с ним (см. М. 60 и далее), и Нанн следует в данном вопросе его примеру, опуская инструментальный падеж (Х.П.В. Нанн, *Синтаксис греческого языка Нового Завета* (H.P.V. Nunn: *Syntax of New Testament Greek*), стр. 38). Полное рассмотрение данного вопроса содержится в разделе «Синтаксис».

Число в именах

44. В классическом греческом языке мы обнаруживаем три числа: единственное, двойственное и множественное; однако в койне двойственное число исчезло. В наших целях здесь неуместно говорить о деталях истории двойственного числа и его упразднения, необходимо лишь отметить этот факт. Формы единственного и множественного числа используются обычным образом. Характер некоторых существительных требует употребления только формы единственного или только формы множественного числа. Нерегулярные случаи невозможно свести к системе, их следует изучать методом наблюдения.

Моултон полагает, что многие греческие диалекты, «особенно ионийский», утратили двойственное число до периода койне и считает причиной его появления скованность первоначальной речи; после же исчезновения скованности двойственное число должно было неминуемо исчезнуть, что и произошло фактически (М. 57). Робертсон предполагает, что оно возникло благодаря желанию особо выделить парные объекты, такие как руки и глаза (R. 251). Ближе всего к фактам, пожалуй, будет объединить предположения, высказанные Моултоном и Робертсоном.

⁵Указанные восемь падежей по значению тождественны аналогичным русским: именительный и звательный соответствуют русскому именительному, родительный и отложительный – русскому родительному, дательный – дательному, местный – предложному, инструментальный – творительному, винительный – винительному. Примечание редактора.

Род в именах

45. В койне мы встречаем три рода, знакомых нам по аттическому греческому: мужской, женский и средний. В случаях, когда вопрос о роде не решается половой принадлежностью объекта, род определяется методом наблюдения. Греческий язык Нового Завета строго придерживается родовых различий.

Робертсон и Грин полагают, что род появился на основании пола, а затем стал применяться к неодушевленным объектам в результате поэтической персонификации (R. 252; G. 17). Однако Свит расходится с ними во взглядах (*История языков*, стр. 38). Моултон считает знаменательным факт, что современный греческий находится «под властью этого устарелого нароста на языке почти в такой же степени, как и его классический предок» (М. 59).⁶ Но, независимо от нашего понимания значимости рода, мы, изучая греческий язык Нового Завета, должны привыкнуть к наличию этого языкового явления. Следует тщательно рассматривать не только «смысловой род», имеющий связь с фактическим полом, но и «грамматический род», который определяется только грамматикой.

Склонение в греческом языке

46. При классификации склонений в греческом языке обычно выделяют три склонения в зависимости от окончания основы существительного. Существительные, основа которых оканчивается на α , принадлежат к первому склонению. Существительные с основой на o относятся ко второму склонению. Третье склонение включает существительные, основы которых оканчиваются либо на согласную, либо на ι , $υ$ или $\epsilonυ$. Третье склонение определяется как окончанием основы, так и падежными окончаниями, что является отличительной чертой данного склонения. Вариации, наблюдаемые в окончании основы существительных третьего склонения, порождают некоторую разногласию во мнениях о количестве греческих склонений, однако по вопросу наличия трех упомянутых склонений существует общее согласие.

Робертсон считает, что невозможно четко и точно обрисовать границы склонений. Этого мы вполне естественно можем ожидать, помня, что склонения формировались не по правилам, но сложились в результате спонтанного развития языка. Учитывая данный факт, мы не удивимся, заметив смешение различных склонений и наложение их друг на друга. Ранние попытки языковедов построить исчерпывающую классификацию всех вариаций выразились в выделении десяти и более склонений. Уитни определяет в санскрите пять склонений существительных, но не указывает четкие различия между ними. Для современного греческого языка характерно смешение первого и третьего склонения (см. R. 246-247).

47. Первое склонение. Существительные данного склонения обычно принадлежат к женскому роду, хотя к нему относятся и несколько существительных мужского рода. Основа существительных первого склонения оканчивается на α , которая, однако, видоизменяется или подвергается слиянию. Формы варьируют в зависимости от разных видов основ. Эти вариации проявляются только в единственном числе, а формы множественного числа одинаковы для всех существительных данного склонения (см. Парадигму 1).

(1) α сохраняется, если перед конечной гласной основы находится ϵ , ι или ρ .

Но в Новом Завете после ι и ρ иногда встречаются $\eta\varsigma$ и η (см. М-П. 118).

(2) Когда конечной гласной основы предшествует σ , λ , $\lambda\lambda$ или удвоенная согласная, в таком случае эта гласная — обычно краткая α , которая изменяется на η в формах родительного и дательного падежа единственного числа.

(3) После других согласных основа заканчивается обычно на η (см. Парадигму 1).

(4) В именительном падеже единственного числа существительные мужского рода данного склонения оканчиваются на — $\eta\varsigma$.

⁶Категория рода существует и в ряде других современных языков, в частности во французском и русском. (Прим. ред.)

(5) После ϵ , ι или ρ существительные мужского рода принимают окончание $-\alpha\varsigma$ по аналогии с существительными женского рода.

Следует указать, что некоторые существительные третьего склонения оканчиваются в именительном падеже единственного числа на α , $\alpha\varsigma$ и $\eta\varsigma$. Разницу в склонении можно заметить по форме родительного падежа единственного числа. Несколько существительных мужского рода первого склонения имеют α в родительном падеже единственного числа; например $\text{Ворр}\acute{\alpha}\varsigma$, $-\alpha$, $\text{μαμων}\acute{\alpha}\varsigma$, $-\alpha$, $\text{Κηφ}\acute{\alpha}\varsigma$, $-\alpha$. А для родительного и дательного падежей некоторых существительных на $-\rho\alpha$ характерны окончания $-\eta\varsigma$, $-\eta$, например, $\text{σπε}\acute{\iota}\rho\alpha$, $-\eta\varsigma$, $\text{μάχαι}\rho\alpha$, $-\eta\varsigma$.

48. Второе склонение. Существительные данного склонения принадлежат к мужскому и среднему роду, несколько существительных – к женскому. Во втором склонении присутствует два ряда окончаний, один – для существительных женского и мужского рода, другой – для среднего рода. В родительном и дательном падеже обоих чисел соответственно окончания одинаковы для всех трех родов (см. Парадигму 2).

В этом склонении имеется несколько существительных, оканчивающихся в именительном падеже единственного числа на $\omega\varsigma$ и несколько на $\epsilon\omega\varsigma$ и $\omicron\omega\varsigma$, которые употребительнее в слитных формах.

49. Третье склонение. Оно отличается наибольшим разнообразием форм, одновременно являясь наиболее трудным среди всех склонений. Важным фактором, вызывающим вариативность, является окончание основы. Основа определяется посредством отбрасывания окончания слова в форме родительного падежа. К третьему склонению относятся существительные всех трех родов. Здесь невозможно дать классификацию, которая не содержала бы абсолютно никаких вариаций, а исчерпывающий анализ форм слишком объемён, чтобы изложить его здесь. В наших целях самым простым и максимально приближенным к точности является разделение форм данного склонения на пять классов, перечисляемых ниже (см. Парадигму 3).

(1) *С основой на взрывную согласную.* К данной группе относятся существительные мужского и женского рода, основы которых оканчиваются на взрывную согласную, в основном, это переднеязычные взрывные τ и δ , и в одном случае θ . Встречается несколько слов с основой на κ , несколько – на γ и χ , четыре – на π и одна – на β . В качестве примеров существительных этого класса, встречающихся в Новом Завете, можно указать $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$, $-\tau\omicron\varsigma$; $\acute{\epsilon}\lambda\pi\acute{\iota}\varsigma$, $-\delta\omicron\varsigma$; $\theta\rho\iota\varsigma$, $-\theta\omicron\varsigma$; $\acute{\alpha}\nu\theta\rho\alpha\chi$, $-\kappa\omicron\varsigma$; $\phi\lambda\acute{o}\chi$, $-\gamma\omicron\varsigma$.

(2) *С основой на плавную согласную.* Такие существительные в основном принадлежат к мужскому роду, хотя есть несколько существительных и женского рода. В Новом Завете встречаются такие представители этого класса, как $\acute{\alpha}\lambda\varsigma$, $\acute{\alpha}\lambda\omicron\varsigma$; $\alpha\acute{\iota}\omega\upsilon\upsilon$, $-\omega\iota\omicron\varsigma$; $\acute{\eta}\gamma\epsilon\mu\acute{\omega}\upsilon\upsilon$, $-\omicron\iota\omicron\varsigma$; $\pi\omicron\iota\mu\acute{\eta}\nu$, $-\epsilon\iota\omicron\varsigma$; $\rho\acute{\eta}\tau\omega\rho$, $-\omicron\iota\omicron\varsigma$; $\mu\acute{\eta}\nu$, $\mu\acute{\eta}\iota\omicron\varsigma$.

(3) *С чередованием в основе.* К данному классу относятся существительные третьего склонения, которые теряют гласную последнего слога основы во второй и третьей падежной форме единственного числа и третьей падежной форме множественного; так, в $\acute{\alpha}\nu\eta\rho$, основа $\acute{\alpha}\nu\epsilon\rho$ -, родительный падеж $\acute{\alpha}\nu\delta\rho\acute{o}\varsigma$. Подобные существительные принадлежат к мужскому и женскому роду, например встречающиеся в Новом Завете $\pi\alpha\tau\acute{\eta}\rho$, $-\tau\rho\omicron\varsigma$; $\mu\acute{\eta}\tau\eta\rho$, $-\tau\rho\omicron\varsigma$; $\theta\upsilon\gamma\acute{\alpha}\tau\eta\rho$, $-\tau\rho\omicron\varsigma$.

(4) *С основой на гласную.* Это основы мужского рода на $\epsilon\upsilon$, женского рода на ι , мужского, женского и – в одном случае – среднего ($\delta\acute{\alpha}\kappa\rho\upsilon$) рода на υ . Имена мужского рода на $\epsilon\upsilon$ имеют окончание $\epsilon\omega\varsigma$ в родительном падеже единственного числа. То же окончание отличает и имена женского рода с основой на ι . Основы на υ имеют $\omicron\varsigma$ в родительном падеже. Примеры существительных данного класса: $\acute{\alpha}\lambda\iota\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$, $\text{Βασιλ}\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$, $\pi\acute{o}\lambda\iota\varsigma$, $\sigma\acute{\tau}\alpha\varsigma\iota\varsigma$, $\iota\chi\theta\acute{\upsilon}\varsigma$, $\sigma\acute{\tau}\acute{\alpha}\chi\upsilon\varsigma$.

(5) *С основой на ат и ес.* К данному типу относятся только существительные среднего рода. Группа существительных с основой на $\alpha\tau$ является второй по величине среди имен существительных третьего склонения после наиболее многочисленного класса – имен женского рода на ι . Некоторые слова с основой на $\alpha\tau$ образуют именительный падеж путем замены конечной τ основы на ς , но, как правило, именительный падеж образуется посредством выпадения τ . Существительные на $\epsilon\sigma$ теряют характерную для них огласовку

основы (€) и в именительном падеже оканчиваются на ος. При склонении конечная согласная основы ζ выпадает, и € сливается с гласной окончания. Несколько примеров существительных данного класса из Нового Завета: κέρας, -ατος; σῶμα, -ατος; γένος, γένους (слияние γένεος из γένεος); ἔτος, ἔτους (слияние ἔτεος из ἔτεος). Существительное мужского рода συγγενής, по-видимому, относится к данному классу, поскольку в родительном падеже имеет форму συγγενούς (см. М-П. 138), но первоначально это слово было прилагательным, склонявшимся как ἀληθής.

(6) Помимо указанных существительных, которые можно классифицировать с большей или меньшей точностью в Новом Завете, существует изрядное количество существительных третьего склонения, не укладывающихся в рамки систематизации и точной классификации. Относительно нерегулярных существительных всех трех склонений см. Парадигму 4.

i. Исчерпывающее рассмотрение существительных третьего склонения, имеющихся в Новом Завете, можно найти в М-П. 128-143.

ii. Полезно отметить, что существуют определенные формы, являющиеся общими для всех трех склонений.

(1) Существительные среднего рода имеют только три формы для всех падежей, одна из них общая для именительного, звательного и винительного падежей; вторая – для родительного и отложительного; третья – для дательного, местного и инструментального падежей. (2) α всегда служит окончанием существительных среднего рода множественного числа в именительном, звательном и винительном падежах. Тем не менее, эта α иногда появляется в слитной форме, как в γένι вместо γένε-α. (3) ι всегда является окончанием формы дательного падежа единственного числа, становясь подписной после долгой гласной, как в первом и втором склонении. (4) Окончанием формы родительного падежа множественного числа всегда служит -ων. Существительные мужского и среднего рода всегда имеют одинаковые окончания в родительном и дательном падежах (см. G. 16).

iii. В Новом Завете употребляется несколько несклоняемых существительных, заимствованных из иврита, например, ῥαββεί, Ἱερουσαλήμ, μάινα, Ἀββα. Это, вероятно, служит объяснением фразы из Откр. 1:4: ὁ ὢν καὶ ὁ ἦν καὶ ὁ ἐρχόμενος, где существительное, по всей видимости, считается несклоняемым, соответствуя еврейскому слову *Яхве* (Иегова).

iv. В Новом Завете встречается несколько случаев смешанного склонения. Слово иногда изменяется как по одному, так и по другому склонению. Так, существительное σάββατον имеет форму σάββατῳ в единственном числе, но σάββασι во множественном числе. Полный обзор исследований данного вопроса предлагается Моултоном (М-П. 124-128).

Артикль

50. Греческий артикль представляет собой, строго говоря, местоимение, но его специфические функции оправдывают отдельное рассмотрение артикля как в разделе о морфологии, так и в разделе о синтаксисе. Что касается падежных форм артикля, то он склоняется по аналогии с первым и вторым склонениями. Следует отметить, что артикль служит средством безошибочного определения рода имен (см. Парадигму 5).

Имя прилагательное

51. *Склонение прилагательных.* Склонение прилагательных аналогично склонению существительных. Когда формы мужского рода отличаются от форм женского, то они обычно склоняются по первому и второму склонениям, хотя иногда – по первому и третьему. При совпадении форм мужского и женского рода, прилагательные склоняются только по второму и третьему склонению (см. Парадигму 6).

52. *Степени сравнения прилагательных.* Образование степеней сравнения прилагательных в койне не слишком отличается от стандартов классического языка. Главное различие состоит в том, что в койне редко встречается форма превосходной степени. Наряду с несколькими нерегулярными способами образования степеней сравнения, существуют два регулярных.

(1) Преобладающий способ образования степеней сравнения состоит в добавлении -τερος и -ατος к основе; например, πιστός, πιστότερος, πιστότατος. Если предпоследний слог слова

заканчивается краткой гласной, то соединительное -ο- обычно удлиняется в -ω-; например οόφος, σοφώτερος, σοφώτατος. Прилагательные третьего склонения с основой, заканчивающейся на εσ, присоединяют суффикс сравнительной степени непосредственно к основе; например, ἀληθής, ἀληθέστερος, ἀληθέστατος. Если основа прилагательного заканчивается на ων, то к основе добавляется εσ, например, σῶφρων, σωφρωνέστερος, σωφρωνέστατος.

(2) Часто встречается форма сравнительной степени, заканчивающаяся на -ιων; несколько прилагательных оканчиваются в превосходной степени на -ιστος например, καλός, καλλίωv, κάλλιστος.

(3) Некоторые прилагательные образуют степени сравнения нерегулярным способом, например, μικρός, ἐλάσσων, ἐλάχιστος.

i. Склонение прилагательных в сравнительной и превосходной степени, а также перечень основных нерегулярных способов образования степеней сравнения прилагательных см. в Парадигме 6.

ii. Наречия образуются от прилагательных путем добавления ως к основе положительной степени. В качестве сравнительной степени наречий используется форма среднего рода винительного падежа единственного числа соответствующего прилагательного в сравнительной степени, а для превосходной степени – форма среднего рода винительного падежа множественного числа прилагательного в превосходной степени, например, καλῶς, κάλλιον, κάλλιστα.

Местоимение

53. Поскольку местоимение появилось в языке как помощник существительного, вполне естественно, что в изменении форм оно следует существительному (см. Парадигму 7).

(1) Большинство греческих местоимений принадлежит к первому и второму склонению.

(2) Вопросительные, неопределенные, неопределенно-относительные местоимения изменяются по третьему склонению.

Причастие

54. Причастия имеют пять типов падежных окончаний. Четыре из них принадлежит к первому и третьему склонениям, а оставшийся – к первому и второму (см. Парадигму 8).

(1) Причастия настоящего и будущего времени действительного залога: λύων, -οντος; -ουσα, -ουσης; -ον, -οντος; λύσων склоняется таким же образом.

(2) Причастия аориста действительного залога: λύσας, -σαντος; -σασα, -σάσης; -σαν, -σαντος.

(3) Причастия перфекта действительного залога: λελυκώς, -κότος; -κυῖα, -κυῖας; -κός, -κότος.

(4) Причастия аориста страдательного залога: λυθείς, -θέντος; -θείσα, -θείσης; -θέν, -θέντος.

(5) Оставшиеся причастия страдательного залога и все причастия медиального залога изменяются по первому и второму склонениям, например λυόμενος, -η, -ον.

Имена собственные

55. Имена собственные в Новом Завете, являясь производными от еврейских имен или их транслитерацией, обычно не склоняются. Однако некоторые из подобных имен подверглись эллинизации и начали изменяться по падежам как греческое существительное. Греческие и латинские имена собственные склоняются по регулярному типу. Имена собственные встречаются во всех трех склонениях. Подробное рассмотрение данного вопроса см. в М-II. 143 и далее.

Числительные

56. Числительное εἷς («один») огласно своей количественной характеристике, склоняется только в единственном числе; остальные числительные, соответственно, — только во множественном. Из других многие не склоняются. Нетрудно определить с точностью, какие числительные склоняются. Εἷς склоняется по аналогии с первым и третьим склонением; δύο, τρεῖς, τέσσαρες — только по третьему склонению. Порядковые и количественные числительные на -οι изменяются по первому и второму склонению, как καλός (см. Парадигму 9).

III. Спряжение

Ссылки: R. 303-306, 330-343; R-S. 32-47; M. 51-56.

57. В греческом языке глагол как часть речи достигает апогея своего развития. Ни в каком другом языке или наречии система глагольных форм не была настолько детально разработана и организована с таким великолепным «архитектурным мастерством», как в греческом (R-S. 33). Анализ греческого глагола во всех его разнообразных модификациях представляет собой длительный и детальный процесс, который можно описать здесь лишь в общих чертах. Полностью система спряжения глаголов представлена в Парадигме 10.

Моултон замечает, что парадигматика глагола в койне значительно сдвигается в сторону упрощения по сравнению со сложностью аттического глагола. Подобная тенденция продолжилась в современном греческом языке, где отсутствует опатив и инфинитив, за исключением остаточных форм среднего залога и форм на -μι. «Эти и другие тенденции, проявляющиеся в современном греческом языке, берут свое начало еще в раннюю эпоху эллинизма, но они не проникли в язык настолько глубоко, чтобы освободить его от тяжелого бремени морфологического хлама, когда-то обладавшего значимостью, но теперь устаревшего» (M-II. 182).

Классы греческих глаголов⁷

58. Правильные глаголы. К данному классу относятся глаголы, которые в форме настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога первого лица единственного числа оканчиваются на ὦ сохраняя во всех формах одну глагольную основу, временные основы которых при изменении формы глагола не образуются нерегулярным способом. Эти глаголы можно назвать глаголами на *омега* правильного словоизменения. Они демонстрируют типичное формообразование греческого глагола, например, λύω, λύσω, ἔλυσα, λελυκα и т.д.

59. Неправильные глаголы. Существуют глаголы с фонетическими вариациями в основе.

(1) Фонетические вариации возникают иногда вследствие изменений, произошедших при образовании временных основ, как в случае с ἀγγέλλω, аорист ἤγγειλα.

(2) Многие глаголы обладают двумя и более глагольными основами, образованными от совершенно разных корней, которые являются в свою очередь остатками разных первоначальных глаголов, например, ἔρχομαι, основа ἐρχ-; ἐλεύσομαι, основа ἐλευ-; ἦλθον, основа ἔλθ-.

60. Слитные глаголы. К данной группе относятся глаголы с основой, заканчивающейся на гласную, которая ведет к определенным изменениям в окончаниях или в образовании временных основ. Существует несколько классов подобных глаголов: глаголы, оканчивающиеся на α, такие как ἀγαπάω; оканчивающиеся на ε, такие как φιλέω; оканчивающиеся на ο, например δηλόω. В окончаниях настоящего времени и имперфекта конечная гласная основы сливается с гласной окончания, образуя слитную форму (см.

⁷В русской филологической традиции термин класс, в приложении к греческому языку, имеет несколько иной смысл, подразумевая группу глаголов, объединенных общим характером основы. Классы, выделяемые автором, соответствуют скорее русскому термину «спряжение». (Прим. ред.)

таблицу стяжений в §34). При образовании основ других времен конечная гласная удлиняется; α и ε переходят в η, ο переходит в ω; например, слитная форма глагола ἀγαπάω – ἀγαπῶ; будущее время – ἀγαπήσω; слитная форма φιλέω – φίλῶ, будущее время – φιλῆσω; δηλόω, δηλῶ, δηλώσω.

61. Глаголы на μι. Данный класс состоит из глаголов, сохраняющих первичные греческие глагольные окончания. Относящиеся к ним слова представляют собой древнейшие греческие глаголы. Достаточное число таких μι-форм обнаружено у Гомера, но их гораздо меньше в классическом греческом языке, причем количество данных глаголов продолжает уменьшаться в койне и в течение Византийского периода, полностью исчезая в современном разговорном греческом, хотя в какой-то мере они используются в официальном и литературном стиле. Наиболее часто употребляемые глаголы имеют именно эту форму, что свидетельствует о древности их происхождения, например, εἰμί, ἵστημι, τίθημι.

Структура греческого глагола

Глагол в греческом языке, как правило, предполагает четыре элемента.

62. Глагольная основа является неизменяемой основной частью глагола и служит базисом для дальнейшего глагольного словоизменения. Не вполне точным будет назвать этот элемент глагола «корнем», поскольку корень может отличаться от глагольной основы, которая иногда бывает «производной основой подобно τιμα» (R-S. 33), где корень – τιμ. Как было показано выше, многие глаголы имеют несколько глагольных основ. Основа определяется путем отбрасывания приращения в форме аориста, хотя существует несколько исключений, например, ἄγω, аорист ἤγαγον, основа αγω; λείπω, аорист ἔλιπον, основа λιπ; но στέλλω, перфект ἔσταλκα, основа σταλ.

63. Временная основа как элемент греческого глагола служит для различения временных форм, например, ἄγω, основа аориста ἤγαγον; τίθημι, основа настоящего времени τιθε-; λείπω, основа перфекта ἐλειπον.

64. Соединительная гласная используется для присоединения окончания к временной основе и обычно служит отличительным признаком наклонения, например, ἀγάγ-η-τε, где -η- свидетельствует о сослагательном наклонении.

65. Глагольный суффикс (окончание) является собственно окончанием, показывающим залог, лицо и число. Так, в глаголе λύ-ε-σθε окончание -σθε обозначает средний залог, второе лицо, множественное число.

Учитывая все сказанное выше, мы видим, что глагол λύσμεν имеет следующее строение:

Глагольная основа:	λυ-
Временная основа:	λυσ-
Соединительная гласная:	-ω-
Глагольный суффикс (окончание):	-μεν

Временные основы

66. Если образно представить глагольную основу как фундамент здания глагольной системы, то временную основу можно назвать первым этажом. Она служит опорой, к которой присоединяются приставки.

67. Образование временной основы. Как правило, признаком регулярной временной основы служит присоединяемая согласная, называемая *окончанием основы*. Для различения функций времени используются также два других признака: *приращение* (или *аугмент*) и *удвоение*.

(1) Окончание временной основы. Глагол в греческом языке обычно имеет четыре характерных окончания временной основы.

а) Основа будущего времени заканчивается на σ с соединительными гласными ο/ε, например, λύσω, λύσομεν, λύσετε.

б) Основа аориста действительного и медиального залогов оканчивается на σ с соединительной гласной α например, ἔλυσα, ἐλύσαμεν, ἐλύσατε.

в) Основа страдательного залога заканчивается на θε, которое при изменении слова обычно имеет вид θή например, ἐλύθην, λυθήσομαι.

г) В перфекте действительного залога основа заканчивается на κα например, λέλυκα.

д) В перфекте медиального и страдательного залога основа не имеет определяющего окончания, но присоединяет глагольный суффикс (личное окончание) непосредственно к удвоенной основе, например, λέλυμαι, λέλυσαι, λέλυται и т.д.

Глагольные основы, оканчивающиеся на согласную, претерпевают значительные изменения в сочетании с окончанием основы. Для помощи в образовании глагольных форм мы здесь приводим перечень соответствующих изменений. Сравните его со списком изменений в §34, iii.

(1) *Основы будущего времени и аориста. Перед σ:*

Плавные.

В будущем времени вставляется ε и выпадает σ: ἀγγέλλω, ἀγγέλεω, переходит в ἀγγέλεω, сливается в ἀγγελεῶ (ср. §68, (3), б).

В аористе выпадает σ и удлиняется гласная основы: μένω, ἔμεινα (ср. §68, (1), а, (б)).

Взрывные.

Заднеязычные переходят в ξ: ἄγω, ἄξω, ἤξα.

Губные переходят в ψ: τρίβω, τρίψω, ἔτριψα.

Переднеязычные выпадают: πείθω, πείσω, ἔπεισα.

Свистящие.

Свистящие ассимилируются (уподобляются в): σῶζω, σώσω, ἔσωσα.

(2) *Основа страдательного залога. Перед θ:*

Плавные.

ν выпадает: κρίνω, ἐκρίθην.

λ, ρ сохраняются: ἀγγέλλω, ἡγγέλθην; αἴρω, ἤρθην.

μ – вставляется ε, удлиняющаяся в η: νέμω, ἐνεμήθην. (Это единственные формы основы на μ в Новом Завете.)

Взрывные.

Заднеязычные.

κ, γ меняются на χ: διώκω, ἐδιώχθην; ἄγω, ἤχθην.

χ сохраняется: διδάσκω (διδάχ-), ἐδιδάχθην.

Губные.

π, β меняются на φ: πέμπω, ἐπέμφθην; τρίβω, ἐτρίφην.

φ – вытесняет θ, образуя второй аорист: γράφω, ἐγράφην; или сохраняется ἀλείφω, ἡλείφθην

Переднеязычные изменяются на σ: πείθω, ἐπέισθην.

Свистящие.

Свистящие изменяются на σ: κτίζω, ἐκτίσθην. (Но σῶζω становится ἐσώθην.)

(3) *Основа перфекта действительного залога. Перед κ:*

Плавные.

λ, ρ сохраняются: ἀγγέλλω, ἡγγέλκα; αἴρω, ἤρκα.

ν выпадает: κρίνω, κέκρικα;

или вставляется ε удлиненная до η: μένω, μεμύνηκα;

или образуется второй перфект: φαίνω, πέφηνα.

Взрывные.

Заднеязычные.

к меняется на χ, к окончания основы вытесняется: διώκω, δεδίωχα.

γ меняется на χ, к окончания основы вытесняется: ἄγω, ἤχα;

или сохраняется, к окончания основы вытесняется: ἀνοίγω, ἀνέωγα.

χ сохраняется, к окончания основы вытесняется: τυγχάνω (τυχ-), τέτυχα.

Губные меняются на φ, к вытесняется: τρίβω, τέτριφα.

Переднеязычные выпадают: πείθω, πέπεικα.

Свистящие.

Свистящие выпадают: ἀρπάζω, ἥρπακα.

(4) Основа перфекта среднего залога.

Перед μ:

Плавные.

ν меняется на σ: φαίνω, πέφασμαι;

или выпадает: κρίνω, κέκριμαι.

λ, ρ сохраняются: ἀγγέλλω, ἡγγέλμαι; αἶρω, ἥρμαι.

Взрывные.

Заднеязычные.

к, χ меняются на γ: διώκω, δεδίωγμαι; διδάσκω, δεδίδαγμαι.

γ сохраняется: ἄγω, ἤγμαι.

Губные меняются на μ: γράφω, γέγραμμαι.

Переднеязычные меняются на σ: πείθω, πέπεισμαι.

Свистящие.

Свистящие меняются на σ: κτίζω, ἔκτισμαι.

Перед σ:

Плавные.

С плавными происходит то же, что и перед μ: πέφα(σ)σαι, κέκρισαι, ἡγγέλσαι, ἥρσαι.

Взрывные.

Заднеязычные меняются на ξ: δεδίωξαι, ἤξαι.

Губные меняются на ψ: γέγραψαι.

Переднеязычные вытесняются: πέπεισαι.

Свистящие.

Свистящие вытесняются: ἔκτισαι.

Перед τ:

Плавные.

С плавными происходит то же, что и перед μ: πέφασται, ἡγγέλται и т.д.

Взрывные.

Заднеязычные.

γ, χ меняются на κ: ἤκται, δεδίδακται.

к сохраняется: δεδίωκται.

Губные.

β, φ меняются на π: γέγραπται.

π сохраняется: πέπεμπται.

С переднеязычными происходит то же, что и перед μ: πέπεισται.

Свистящие.

Сосвистящими происходит то же, что и перед μ: ἔκτισται.

В форме изъявительного наклонения второго лица множественного числа перфекта среднего залога σ опускается, а θ объединяется с основой согласно образцам, приведенным в пункте «основа страдательного залога»: ἔκριθε, ἡγγέλθε, ἤχθε и т.д.

Форма изъявительного наклонения третьего лица множественного числа перфекта среднего залога образуется с помощью причастия перфекта среднего залога и εἰμί в форме третьего лица множественного числа: λείπω, λελειμμένοι εἰσὶ; ἄγω, ἡγμένοι εἰσὶ; πείθω, πεπεισμένοι εἰσὶ.

Используя эти примеры, студенты могут самостоятельно проследить другие изменения в глагольных формах.

(2) Приращение. В изъявительном наклонении временные формы прошедшего времени обладают приращением и называются вторичными временами. Существует два вида приращения.

а) Слоговое приращение представляет собой присоединение приставки ε к глаголам, начинающимся с согласной, например, ἔλυον.

б) Временное приращение используется в глаголах, начинающихся с гласной, и представляет собой удлинение начальной гласной, например, ἀκούω, ἦκουον.

Если начальная гласная – ε, она обычно изменяется на η, но иногда на εἰ например в глаголе ἔχω, имперфект εἶχον. А меняется на η, ο – на ω. Поскольку ι и υ не имеют соответствующей долгой гласной, приращение в данном случае не отображается, если, конечно, не обозначить его следующие образом: ι, υ. Когда начальная гласная уже долгая, она по необходимости остается неизменной. В дифтонгах, где вторым элементом является ι, удлиняется первая гласная, и ι становится подписной, например, η вместо αι и ει; ω вместо οι.

В других дифтонгах первая гласная удлиняется, а вторая остается неизменной, например, ηυ вместо ευ и αυ.

в) Несколько глаголов получают как временное, так и слоговое приращение, например, μέλλω, ἤμελλον; ἀνοίγω, ἀνέωξα.

i. Если в состав глагола входит предлог, то приращение занимает место между предлогом и глагольной основой, например, ἐνδύω, ἐνέδυσσα. Если предлог оканчивается на гласную, то перед приращением она выпадает, например, διαπορεύομαι, διεπορεύομην. Перед приращением ἐκ изменяется в ἐξ, например, ἐκβάλλω, ἐξέβαλον.

ii. Иногда следы первоначальной глагольной согласной проявляются в форме слогового приращения там, где обычно ожидалось бы временное приращение, например, εἶχον для ἐ-εχον, производное от ἔσχεον с выпадением σ.

(3) Удвоение. Данное явление наблюдается в основе перфекта, являясь необходимым элементом ее правильного образования. Как и в случае с приращением, способ удвоения изменяется в зависимости от начальной буквы.

а) Если глагол начинается с согласной, то она удваивается, причем между получившимися одинаковыми согласными вставляется ε с целью образования слога, например, λέλυκα.

Если начальный согласный является придыхательным взрывным, то он удваивается соответствующим глухим взрывным; например, θαυμάζω, τεθαύμακα. Если глагол начинается двумя согласными (кроме сочетания взрывного с последующим плавным) или удвоенным согласным, удвоение, по аналогии со слоговым приращением, заключается в присоединении ε, например, στεφανῶω, ἐστεφάνωκα; ξηραίνω, ἐξηραμμαι; γινώσκω (глагольная основа γνο-, ἔγνωκα (см. G. 99).

б) Если глагол начинается с гласной, то она удлиняется, как при временном приращении, например, ἀγαπάω, ἡγάπηκα. В некоторых глаголах удваивается весь слог, например, ἀκούω, ἀκήκοα.

в) Иногда глагол с начальной гласной использует для удвоения обе формы приращения, например, ὁράω, ἐώρακα.

68. Классификация временных основ. Греческий глагол обладает пятью различными временными основами, а именно, основой аориста, настоящего времени, будущего времени, перфекта и страдательного залога. Начать обзор лучше с аориста, поскольку данная временная форма является основной и наиболее употребительной.

(1) Основа аориста. От данной основы образуются формы аориста действительного и медиального залогов, причем эти формы представлены двумя разновидностями, известными как первый и второй аорист.

а) Основа первого аориста образуется тремя способами.

- (а) Обычно путем прибавления $\sigma(\alpha)$ к глагольной основе, например, $\lambda\upsilon\omega$, глагольная основа $\lambda\upsilon$ -, основа первого аориста $\lambda\upsilon\sigma(\alpha)$ -.
- (б) Глаголы с основой на плавные образуют аорист путем удлинения гласной глагольной основы; например, $\acute{\alpha}\gamma\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omega$, основа $\acute{\alpha}\gamma\epsilon\lambda$ -, аорист $\acute{\eta}\gamma\epsilon\lambda\alpha$.
- (в) Некоторые формы аориста образуются путем прибавления к глагольной основе κ , например, $\delta\acute{\iota}\delta\omega\mu\iota$, основа $\delta\omicron$ -, аорист $\acute{\epsilon}\delta\omega\kappa\alpha$.
- б) Второй аорист, как правило, производится непосредственно от базовой глагольной основы. Данная форма образуется тремя способами.**
 - (а) В некоторых формах второго аориста окончания присоединяются непосредственно к глагольной основе: к форме изъявительного наклонения добавляется приращение путем префиксации, а к окончанию основы присоединяются вторичные окончания, например, $\lambda\alpha\mu\beta\acute{\alpha}\nu\omega$, основа $\lambda\alpha\beta$ -, аорист $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\beta\omicron\nu$.
 - (б) У небольшого числа глаголов удлиняется гласная глагольной основы, например, $\gamma\acute{\iota}\nu\acute{\omega}\sigma\kappa\omega$, основа $\gamma\upsilon\omicron$ -, аорист $\acute{\epsilon}\gamma\upsilon\nu\omicron\nu$.
 - (в) У еще меньшего числа глаголов удваивается глагольная основа, например, $\acute{\alpha}\gamma\omega$, основа $\alpha\gamma$ -, аорист $\acute{\eta}\gamma\alpha\gamma\omicron\nu$.

(2) *Основа настоящего времени.* От основы настоящего времени образуются глагольные формы настоящего времени и имперфекта действительного, медиального и страдательного залога. Данная основа представлена широким разнообразием форм, представляя собой наибольшие затруднения для классификации. Эти разнообразные формы, вероятно, имели функциональную значимость в доисторические времена, но отличия между ними по большей части потеряли свой смысл уже в классический период (см. М-П. 183). Итак, формы настоящего времени могут быть классифицированы следующим образом:

а) *Простая основа настоящего времени.* Иногда в качестве основы настоящего времени выступает простая глагольная основа, например, λύω, основа λύ-.

б) Удлиненная основа. Некоторые глаголы образуют основу настоящего времени путем удлинения слогообразующей гласной основы, обычно до дифтонга. Большинство этих глаголов имеет основы, оканчивающиеся на взрывной согласный; например, $\phi\epsilon\acute{\upsilon}\omega$, основа $\phi\upsilon\upsilon$.

в) Удвоенная основа. Иногда при образовании основ настоящего времени используется удвоение (по аналогии с перфектом), например, δίδωμι, основа δο-.

г) *Основа на тау*. Многие глаголы с основой, заканчивающейся на губной взрывной согласный, прибавляют к ней τ для образования основы настоящего времени, например, κρούπτω, основа круп-.

д) *Основа на иоту*. Образую основу настоящего времени, некоторые глаголы прибавляют *и* к глагольной основе. Эта *и* образует сочетания со следующими за ней звуками:

- (а) В сочетании с κ, γ, χ она образует σσ, например, φυλάσσω, глагольная основа φυλάκ-, основа настоящего времени φυλάκι-.
- (б) В сочетании с δ, иногда с γ, образуется ζ, например, σώζω, основа σωδ-, основа настоящего времени σωδι-.
- (в) С последующей λ иота образует λλ; например, ἀγγέλλω, основа ἀγγελ-, основа настоящего времени ἀγγελι-.
- (г) Если за ι следуют ν и ρ, то ι меняется с ними местами и становится частью основы, обычно в форме дифтонга, например, αἶρω, основа ἀρ-, основа настоящего времени ἀρι-.

е) *Основа на носовой согласный*. Подобные основы бывают двух видов:

- (а) Иногда носовой согласный присоединяется к глагольной основе, например, πίωω, основа πι-, основа настоящего времени πιυ-.

- (б) Носовой согласный (или согласные) иногда озвучивает глагольную основу; например, λαβάνω, основа λαβ-.

ж) Начинательная основа. Так называются основы настоящего времени на -σκω-, поскольку глаголы этого типа, как правило, обозначают начало состояния или действия; например, μινίσκω, основа μιν-.

В глаголе μινίσκω, как это часто случается, мы наблюдаем сочетание двух характерных признаков основы настоящего времени: удвоение и прибавление -σκω-.

з) Основа на гласную. Данные глаголы образуют основу настоящего времени обычно прибавлением гласной к глагольной основе, например, δοκέω, основа δοκ-; γαμέω, основа γαμ-.

и) Неправильные основы. К этому классу относится большое число неправильных глаголов, основы настоящего времени которых не содержат единых признаков, выделяемых в целях классификации, например, γίνομαι.

Более подробный и специальный анализ основы настоящего времени представлен в М-П. 184 и далее.

(3) Основа будущего времени. Эта основа унаследовала некоторые первоначальные особенности употребления основы настоящего времени, признаки которой она и сохраняет в себе. Тем не менее, основа будущего времени обладает собственными способами образования с регулярностью, позволяющей при классификации выделить подобные формы в отдельную группу. Итак, основа будущего времени характеризуется четырьмя способами образования:

а) Правильный способ образования основы будущего времени – прибавление σ к простой глагольной основе, например, λύω, основа λυ-, будущее время λύσω.

б) В глаголах с основой на плавные согласные прибавление σ нежелательно в целях благозвучия, поэтому основа будущего времени образуется путем присоединения ε, которая регулярно появляется в слитном виде, например, ἐρείρω, основа ἐρερ-, будущее время ἐρερέω, сокращенная до ἐρερῶ.

в) Ряд основ будущего времени представляют собой глагольную основу, остающуюся без изменений, например, φάγομαι, будущее время от ἐσθίω, глагольная основа φαγ- (аорист ἔφαγον).

г) Нередко, когда гласной конечного слога основы является ι, признак будущего σ замещается на ε, например, ἐλπίζω, регулярная форма будущего времени ἐλπίσω, однако, в действительности мы обнаруживаем форму ἐλπιῶ, являющуюся результатом слияния ἐλπίεω.

(4) Основа перфекта. От данной основы образуются формы перфекта и плюсквамперфекта действительного и медиального залогов, а также будущего перфекта страдательного залога (путем прибавления σ). Основа перфекта представлена тремя разновидностями.

а) Основа первого перфекта образуется путем удвоения простой основы и прибавления κ, которая становится окончанием основы. От этой основы образуется первый перфект и плюсквамперфект действительного залога, например, λέλυκα, (ἐ)λελύκειν.

При образовании перфекта в глаголах с основой на плавные гласная основы часто меняется на α, например στέλλω, ἔσταλκα. Заметим также, что при удвоении начальная σ обычно опускается или заменяется на густое придыхание. В некоторых глаголах последняя согласная опускается перед окончанием основы, например, πείθω, πέπεικα.

б) Основа второго перфекта образуется путем удвоения простой основы, удлинения гласной в основе и прибавления α. От данной основы производятся формы второго перфекта и плюсквамперфекта действительного залога, например, λέιπω, корень λιπ-, перфект λέλοιπα, плюсквамперфект (ἐ)λελοίπειν.

в) Основа перфекта медиального залога образуется путем удвоения простой основы и прибавления глагольных окончаний непосредственно к получившейся удвоенной основе без

добавления к основе какого-либо окончания или соединительной гласной. От данной основы производятся формы перфекта и плюсквамперфекта медиального и страдательного залогов. В случае с формой будущего перфекта страдательного залога, σ – характер будущего времени прибавляется к удвоенной основе с использованием соединительной гласной; например, λέλυμαι, (ἐ)λελύμην, λελύσομαι.

(5) Основа страдательного залога. От этой основы образуются формы аориста и будущего времени страдательного залога. Данная основа производится двумя способами.

а) Во-первых, основа страдательного залога образуется путем прибавления -θε- к простой основе, ε обычно удлиняется до η; например, ἐλύθην, λυθήσομαι.

б) Во-вторых, основа страдательного залога образуется путем прибавления к глагольной основе ε, удлиняющейся в η, например, ἐλίπην, λιπήσομαι.

Соединительные гласные

69. Между временной основой и глагольным окончанием обычно вставляется гласная, называемая соединительной. В большинстве случаев она появляется в сочетании с другой гласной, хотя в первом и втором лице множественного числа она обычно не изменяется. Подобные соединительные гласные чередуются в зависимости от наклонений, поэтому некоторые филологи называют их «суффиксами наклонения». Однако, такой термин не вполне точен, поскольку эти гласные изменяются при изменении времени в рамках одного наклонения. Верно также и то, что каждому наклонению свойственен определенный набор соединительных гласных, благодаря которым мы различаем наклонения. Более точным названием будет простой термин - соединительные гласные (или переменные гласные). Классификация указанных гласных имеет в виду соответствующие наклонения.

(1) В изъявительном наклонении.

а) В настоящем времени, имперфекте и будущем времени употребляется ο перед μ и ν, а в других случаях – ε например, λύ-ο-μεν, λύ-ε-τε.

б) В аористе и перфекте используется α например, ἐλύσ-α-μεν, λελύκ-α-τε.

в) В плюсквамперфекте употребляется ει например, (ἐ)λελύκ-ει-μεν.

(2) В сослагательном наклонении.

В данных формах перед μ и ν употребляется ω, а в других случаях во всех временах используется η например, λύ-η-ς, λύс-ω-μεν.

(3) В оптативе.

Хотя в Новом Завете встречается лишь несколько подобных форм, в целях полноты анализа следует описать также соединительные гласные, характерные для оптатива.

а) В настоящем времени действительного и медиального залогов, будущем времени действительного и медиального залогов, перфекте действительного залога, будущем перфекте страдательного залога употребляется οί например λύ-οι-μι, λυ-οί-μην, λύс-οι-μι, λυс-οί-μην, λελύк-οι-μι, λυθηс-οί-μην.

б) В аористе действительного и медиального залогов используется αί например, λύс-αι-μι, λυс-αί-μην.

в) В аористе страдательного залога и перфекте медиального залога употребляется ει например λυθ-εί-ην, λελυμένος ει-ην.

(4) В повелительном наклонении.

Формы данного наклонения строятся по аналогии с изъявительным наклонением, за исключением того, что в перфекте вместо α используется ε например, λέλυк-ε, λελυк-έ-τω и т.д.

(5) В причастиях.

Причастия медиального и страдательного залогов, оканчивающиеся на μένος, в качестве соединительной гласной используют ο, за исключением перфекта, например, λυ-ό-μένος, но λελυ-μένος.

Глагольные окончания

70. В различных формах времени и залога, лица и числа употребляются разные глагольные окончания. Они служат основным показателем при определении залога, числа и лица. Тем не менее, наиболее удобной представляется их классификация по категориям времени и залога.

(1) Первичные окончания.

Данные окончания используются во временных формах без приращения, а также в первичных временных формах.

а) Действительный залог: в единственном числе – μι, σι, τι; во множественном числе – μεν, τε, υσι. Окончания претерпевают значительные изменения, когда используются для действительного словоизменения, например, ο-μι переходит в ω; ε-σι переходит в εις; ε-τι переходит в ει и ο-υσι переходит в ουσι.

б) Медиальный и страдательный залоги: в единственном числе – μι, σαι, ται; во множественном числе – μεθα, σθε, νται. При действительном изменении формы глагола σαι обычно переходит в η.

(2) Вторичные окончания.

Эти окончания употребляются во временных формах изъявительного наклонения с приращением и в оптативе медиального залога.

а) В действительном залоге – ν, ζ, -; μεν, τε, ν или σαν. Данные окончания употребляются также в аористе страдательного залога изъявительного наклонения.

б) В медиальном и страдательном залогах – μην, σο, το; μεθα, σθε, ντο.

Окончания инфинитива и причастия

71. Чтобы помочь студенту понять систему глагольных флексий в ее полноте, следует дать единую сводку характерных окончаний греческого инфинитива и причастия.

(1) Инфинитив.

а) Инфинитивы настоящего и будущего времени, а также второго аориста действительного залога имеют окончание -ειν, например, λύειν, λύσειν, λαβείν.

б) Инфинитив первого аориста действительного залога имеет окончание -αι, например, λῦσαι.

в) Для инфинитивов перфекта действительного залога и аориста страдательного залога характерно окончание -ναι, например, λελυκέναι, λυθῆναι.

г) Инфинитивы медиального залога и инфинитивы страдательного залога оставшихся времен имеют окончание -σθαι, например, λύεσθαι, λύσεσθαι, λύσασθαι и т.д.

(2) Причастие.

а) Причастия настоящего и будущего времени, а также второго аориста действительного залога имеют окончания -ων, -ουσα, -ον, например, λύων, λύσων, λαβῶν.

б) Причастие первого аориста действительного залога имеет окончания -ας, -ασα, -αν, например, λύσας.

в) Причастие перфекта действительного залога имеет окончания -ώς, -υια, -ος, например, λελυκώς.

г) Для причастия аориста страдательного залога характерны окончания -εις, -εισα, -εν, например, λυθείς.

д) Причастия медиального залога и причастия страдательного залога оставшихся времен имеют окончания -μενος, -η, -ον; например, λυόμενος, λυσόμενος, λυσάμενος и т.д.

Большую помощь студенту, изучающему греческий язык, окажет таблица глагольных форм, приведенная Моултоном в книге “Введение в изучение греческого языка Нового Завета” (Moulton: *Introduction to the Study of New Testament Greek*), стр. 98, которую мы воспроизводим в адаптированном и сокращенном виде. Таблица демонстрирует изменение глагольной основы при образовании временных основ. Сравните ее со схемой в § 67.

Наст. время действ. залог	Будущ. вр., действ. залог	1-й аор., действ. залог	Перфект, действ. залог	Перфект, медиальный залог	1-й аор., страд. залог
-αω } -εω }	-ησω	-ησα	-ηκα	-ημαι	-ηθη
-οω	-ωσω	-ωσα	-ωκα	-ωμαι	-ωθη
-βω, -πω } -φω, -πτω }	-ψω	-ψα	-φα	-μμαι	-φθη
-γω, -κω, -ξω } -σσω, -ττω }	-ξω	-ξα	-χα	-γμαι	-χθη
-δω, -θω, -ζω	-σω	-σα	-κα	-σμαι	-σθη
-νω	-νω	-να	-γκα	-μμαι	-νθη

Часть II. Синтаксис

Введение

Ссылки: R. 379-389; R-S. 63,64.

72. В первой части данного учебника мы занимались морфологией, а теперь переходим к синтаксису – поэтому здесь уместно провести разграничение между этими двумя областями грамматики. Морфология изучает строение и форму слова, синтаксис – грамматические отношения между словами. Морфология имеет дело с фактическим материалом, появляющимся в результате спонтанного развития языка, в то время как синтаксис рассматривает рациональные принципы выражения мысли. Морфологические признаки различны в разных языках, а синтаксис по большей части одинаков для всех языков.

73. При изучении синтаксиса чрезвычайно важно видеть границы этой особой области языкознания и понимать ее сущность. Данными вопросами нередко пренебрегают, что отрицательно сказывается на качестве языковых знаний. Слишком часто, овладевая грамматикой, студент переходит к синтаксису, понимая лишь то, что он открыл очередную страницу учебника с новым заголовком. По мере же освоения данного раздела он лишь обзревает массу фактов – или «правил» - разного уровня значимости. К сожалению, он не углубляется в понимание причины возникновения фактов и связей между ними, а единственной целью изучения становится запоминание свода произвольных «правил грамматики». Такое отношение приводит к полному непониманию сути синтаксиса как предмета.

74. Представление о том, что синтаксис есть разработка правил нормативной речи – в корне неверная идея. *Синтаксис есть процесс анализа и классификации способов выражения, предоставляемых языком.* Синтаксис не управляет языком, а имеет дело с фактами языка как таковыми. Поэтому сейчас нам следует коснуться истории и специфики языковых явлений непосредственно в том виде, в каком они проявляются в греческом тексте Нового Завета. «Научная грамматика в конечном итоге представляет собой историю грамматики, а не лингвистический кодекс законов. Источником авторитетности в вопросах языка являются не научные труды о языке, а люди, использующие этот язык в жизни» (R. 31).

75. Из сказанного выше логически вытекает еще один важный для нас вопрос, а именно: что такое язык? Язык – это средство, с помощью которого мысль передается от одного человека к другому, или, если взглянуть с другой стороны – средство, с помощью которого один человек способен мыслить совместно с другим. «Язык можно определить, как выражение мысли посредством звуков речи» (Свит, *История языков*, стр. 1). Термин «звуки речи» распространяется как на устную, так и письменную форму речи, поскольку письмо – ничто иное, как система символов, обозначающих произносимые звуки. Однако существует другой способ выражения мысли, известный нам как язык знаков. В нем применяются жесты, и хотя он не так точен или удобен, как язык-речь, тем не менее, он является языком, поскольку используется для выражения мысли. Соответственно, наиболее точным является определение, данное Уитни: «Язык ... представляет собой ... определенный набор средств, которыми люди сознательно и намеренно выражают свои мысли, с целью, главным образом, довести их до сведения других людей. Язык – это экспрессия ради общения» (*Жизнь и развитие языка*, стр. 1). По сути, язык есть система символов, служащих для выражения мысли.

76. Итак, мы увидели, что синтаксис имеет дело с фактами языка, и что язык является средством передачи мысли. Это подводит нас к завершающей и основополагающей идее: синтаксис в основном изучает формы, которые мысли могут принимать в процессе выражения. Здесь мы обнаруживаем, что грамматика и психология являются родственными науками. Поэтому, чтобы быть точным при изучении синтаксиса, «принимаемые во внимание факты речи должны отражать, прежде всего, установленные факты концептуального мышления». По этой причине лучшие из современных лингвистов «в процессе работы с идеями стремятся проникнуть в их смысл, достигая психологических и логических корней мысли» (Шеффилд, *Грамматика мышления* (Sheffield: *Grammar of Thinking*), стр. vi, 3). Таким образом, синтаксис большей частью имеет дело с формами, в которые одевается мысль. Мысль же есть действие разума в отношении к явлениям окружающей среды или опыта. Явление отражается в сознании, восприятие рассматривает сопутствующие обстоятельства, а рассуждение подыскивает ему определение и выявляет связи с другими явлениями. Например, я разглядываю пейзаж, открывающийся из окна дома, и в поле моего зрения попадает некоторый объект. Восприятие представляет увиденный мною предмет как факт, существующий в сознании. Разум посредством памяти, воображения и рассудка дает ему определение: объект принадлежит к классу предметов, знакомых мне под словом *дерево*. Так в сознании появляется понятие *дерева* (*tree*). Но моя мысль ведет меня дальше, за пределы данного определения, различая не только то, что понятие в сознании принадлежит к известному классу вещей, но показывая, что там, на лужайке, это понятие реализуется как событие, следовательно, *дерево есть, существует* (*tree is*). Далее, рассуждение выявляет некоторую специфичность, характеризующую наше понятие: *дерево - зеленое* (*tree is green*). Следовательно, понятие уже выступает как частный представитель своего класса: *это дерево (есть) зеленое* (*the tree is green*). Мы видим, таким образом, что в результате деятельности восприятия и рассуждения идея материализуется в своем завершенном виде, а такие идеи служат отправным пунктом синтаксиса.

Итак, мысль, выработанная в сознании человека, выражается как последовательность слов: *это дерево (есть) зеленое*. Подобная последовательность слов называется *предложением*. Заметим, что приведенное типичное выражение мысли включает два элемента: наименование объекта – *это дерево*, и утверждение об объекте: *(есть) зеленое*. Первый элемент называется *подлежащим*, второй – *сказуемым*. Однако основу для этой обретенной завершенности мысли создают только два слова: *дерево есть*. Следовательно, главной частью подлежащего является *существительное*, а главной частью сказуемого – *глагол*. Мы приходим к выводу, что в основании синтаксиса лежит предложение, а его базисные части – существительное и глагол – составляют фундаментальные элементы синтаксиса. Поэтому в своем рассмотрении синтаксиса Нового Завета, мы будем отталкиваться именно от этих двух основополагающих элементов.

Мы охарактеризовали наш пример – *это дерево было зеленым* – как типичное предложение по той причине, что оно содержит два обычных элемента обретенной завершенности идеи: наименование и суждение – подлежащее и сказуемое. Хотя существуют предложения, не имеющие такой характерной формы, они все же являются истинными предложениями, поскольку выражают завершенную идею – например, восклицание: «Какая красивая роза!» или ответ: «Ну, конечно». Тем не менее, данные предложения не следует считать типичным предметом синтаксиса. Более тщательное научное рассмотрение того, что мы называем предложением, отражено в R. 390-445, а с кратким обзором наиболее важных вопросов можно ознакомиться в R-S. 63, 64. Шеффилд хорошо освещает понятие предложения с точки зрения психологии и логики (*там же*, стр. 18-29).

I. Имя существительное

77. Существительное – это акт речи, посредством которого человек дает имя какому-либо факту, существующему в сознании. Акт речи может быть опосредованно выражен письменными символами. В процессе мышления существительное используется и характеризуется различными способами. Этот род контекстуальных отношений и является предметом рассмотрения в разделе, посвященном синтаксису существительного.

(1) Используемое в ходе выражения мысли существительное вступает в различные отношения с остальными членами предложения. Существительное может выступать в роли собственно подлежащего, определять подлежащее или входить в состав сказуемого. Подобные разнообразные взаимоотношения существительного с другими словами называются категорией **падежа**.

(2) Иногда говорящий желает определить взаимоотношения существительного с окружающими словами более ярко, чем это можно сделать посредством форм склонения. Такая цель достигается с помощью **предлога**.

(3) Кроме того, у говорящего часто возникает стремление охарактеризовать существительное через определение. Для выполнения этой задачи используется **прилагательное**.

(4) Осознаваемый объект может упоминаться часто в небольшом отрывке речи. Во избежание монотонного повтора его имени в процессе развития языка появилось **местоимение**.

(5) Когда говорящий хочет представить вещь, обозначенную существительным, как конкретную или известную, он использует **артикль**.

Итак, синтаксис существительного включает в себя синтаксис *падежей, предлогов, прилагательных, местоимений и артикля*.

II. Глагол

78. Глагол – это акт речи, с помощью которого производится суждение относительно факта, существующего в сознании. Подобно существительному, он может быть выражен письменными символами. Отношения, которые обуславливают высказываемое суждение, определяют разнообразие функций глагола.

(1) Подлежащее переменяется в зависимости от его отношения к говорящему: то есть, говорит ли человек о себе, обращается ли к собеседнику, или ссылается на объект. Данное отношение выражается категорией глагольного **лица**.

(2) Подлежащее может обозначать один или несколько объектов, что создает категорию **числа**.

(3) Если суждение, высказываемое относительно человека, подразумевает действие, то такое действие рассматривается как производимое или получаемое подлежащим – отсюда происходит категория **залога**.

(4) Предложение должно отражать отношение говорящего к действию, о котором идет речь, что достигается посредством категории **наклонения**.

(5) Суждение включает в себя определенную характеристику показываемого факта, который может соотноситься с каким-либо временем, отсюда мы имеем категорию **времени**.

(6) Говорящий может добавить к одному суждению другое – вспомогательное, которое тем самым приобретает двойную природу – и существительного и глагола, таким образом употребляются **инфинитив и причастие**.

(7) Характеризуя суждение через различные признаки, мы применяем **наречие**.

(8) Добавляя одно суждение к другому, говорящий употребляет соединительное слово, называемое **союзом**.

(9) Отношение говорящего к факту или его чувства по отношению к суждению часто выражается особой группой слов - **частицами**.

Таким образом, синтаксис глагола охватывает все разнообразие его функций, включая в себя синтаксис *лица, числа, залога, наклонения, времени, инфинитива, причастия, наречия, союза и частиц*. Последние три группы слов могут употребляться как с существительными или прилагательными, так и с глаголами, хотя, несомненно, рассмотрение их в плане синтаксиса глагола представляется более логичным.

i. Робертсон выражает сожаление, что в научном изучении синтаксиса, особенно в связи с результатами, полученными сравнительным языкознанием, мы шагнули не слишком далеко. Прделанная в этой области работа была не вполне адекватна, так как опиралась на анализ слишком ограниченного числа языковых фактов. Мы продолжаем нуждаться в исторически и аналитически исчерпывающем исследовании синтаксиса. Тем не менее, заря новой эпохи забрезжила в работе Делбрюка (Delbrück), достигшего в сотрудничестве с Бругманом (Brugmann) воодушевляющего успеха в этом направлении.

ii. Определенные трудности связаны с вопросом самостоятельности синтаксиса как области языкознания. Форма и ее значение очень тесно связаны между собой. Однако синтаксис все же занимает характерное для него место: он описывает и интерпретирует факты, отображаемые в языке. По сути, это явление исторического, а не философского характера. Поэтому не следует создавать теории и произвольные правила, пытаясь затем иллюстрировать их небольшим числом отобранных фактов языка, но мы должны рассмотреть все языковые факты, включая исключения и частности, а затем классифицировать и истолковать их как можно более тщательно и точно (см. R. 379-389).

Раздел I.

Имя существительное

I. Падеж

Ссылки: R. 441-456; R-S. 86-90; M. 60-70.

79. В индоевропейском языке существовало, по крайней мере, восемь падежей (включая ассоциативный падеж как вспомогательный к инструментальному). В поддержку этого утверждения мы имеем, наряду с другими, очень обоснованное и выразительное свидетельство профессора Джозефа Райта (Wright) из Оксфорда: «Индогерманский язык, каким мы его сейчас знаем, пользовался, по крайней мере, восемью падежами, а возможно, и большим количеством, если звательную форму считать падежом» (W. 144).

80. Существует две причины сделать вывод, что в греческом языке присутствует восемь падежей. Первые сведения об этом были получены при исследовании санскрита, где наличествует восемь падежных форм. Когда греческие падежи были изучены в сопоставлении с восемью падежами санскрита, то было обнаружено значительное сходство в падежной системе двух языков. Так вполне обоснованный метод сравнительной лингвистики привел греческих языковедов двадцатого столетия к осознанию того, что в греческом языке существует восемь падежей, а не пять, как утверждалось ранее.

81. В дополнение к данным сравнительно-исторического исследования, факт существования восьми падежей опирается на соответствующее понимание сущности падежа, исходящее из того, что данная именная категория существительного определяется скорее функцией, чем формой. Падеж в греческом языке следует устанавливать на основании отношения слова к остальным членам предложения. «В структуре предложения каждая падежная форма как таковая находится в соответствующей ее характеру обязательной взаимосвязи с другими элементами высказывания» (W. 181). Выше мы рассмотрели, что основные части предложения – это существительное и глагол. В простейшем типичном предложении существительное выступает в качестве подлежащего и потому стоит в именительном падеже. Нелепо было бы думать иначе и утверждать, что существительное стоит в именительном падеже и поэтому является подлежащим. Итак, совершенно очевидно, что падеж определяет скорее функция, нежели форма, и этот принцип является фундаментальным в деле изучения падежа.

82. Попробуем проанализировать падежи греческого существительного, мы должны стремиться, прежде всего, к определению его функций в структуре предложения. В греческом языке существительное обычно употребляется следующим образом: **(1)** Основной и типичный случай употребления имеет цель охарактеризовать объект сознания, по отношению к которому высказывается суждение, содержащееся в сказуемом; то есть, существительное употребляется в роли подлежащего. Данную функцию мы называем *именительным* падежом. **(2)** Существительное иногда употребляется вне особых грамматических связей, в качестве объекта обращения, и оно имеет форму *звательного* падежа. **(3)** Существительное может использоваться для определения характера или отношений другого существительного – данная функция называется *родительным* падежом. **(4)** Существительное может употребляться для обозначения отправной точки, когда сообщается о перемещении или происхождении, для чего используется *отложительный* падеж. **(5)** Существительное может употребляться для указания объекта интереса или ссылки, такая функция называется *дательным* падежом. **(6)** Существительное употребляется для указания места расположения объекта или совершения действия, для чего используется *местный* падеж. **(7)** Иногда существительное обозначает средство, описываемое мыслью.

Подобное употребление мы обозначаем как *инструментальный* падеж. (8) Существительное может употребляться с целью, представив объект, на который распространяется действие, каким-либо образом ограничить утверждение, эту функцию мы именуем *винительным* падежом. Перечисленные восемь функций служат основными значениями восьми падежей. Однако, имея восемь падежей, мы встречаем обычно только четыре падежных окончания, а у некоторых существительных имеется отдельная форма для звательного падежа. Соотношение между падежами и окончаниями представлено в следующей таблице:

Падежная форма	Падеж	Основное значение
Первая	Именительный Звательный	Наименование Обращение
Вторая	Родительный Отложительный	Определение Отделение
Третья	Дательный Местный Инструментальный	Интерес Положение Средство
Четвертая	Винительный	Ограничение, объект

i. Робертсон высказывает уверенность в существовании восьми греческих падежей, демонстрируя сдвиг сегодняшней лингвистической науки в этом направлении. (R. 247-250: 446-449). Шеффилд говорит, что «индоевропейские языки имеют следующие косвенные падежи: родительный, дательный, винительный, отложительный, инструментальный и местный. Им противопоставлены именительный падеж как функция существительного-именования и звательный как вид существительного-императива» (*там же*, стр. 147). Это утверждение отражает в настоящий момент общее мнение ученых, занимающихся сравнительным языкознанием. Исследователи, не согласные с существованием восьми падежей, различимых и доступных определению, по крайней мере, признают некоторое различие между падежными формами, применяя такие термины, как отложительный родительный падеж, инструментальный дательный падеж, и тому подобное. Робертсон называет сращение нескольких падежей в одну форму «синкретизмом падежей» (R. 448). Это слияние форм редко ведет к двусмысленности, хотя Робертсон отмечает несколько случаев, где трудно определить падеж. Эти исключения, конечно, не следует рассматривать как свидетельство упразднения основных различий между падежами. Каждый падеж обладал первоначальным базовым значением, сохранившимся на всем протяжении исторического развития падежа, которое может быть выявлено путем достаточно непредвзятого анализа (R. 453-456).

ii. Относительно существования восьми падежей в греческом языке Моултон не выражает большой уверенности. Он называет факты, свидетельствующие об отложительном, инструментальном и местном падежах «степенно исчезающими рудиментами» (M. 60), подробно рассматривая вопрос упразднения падежей в результате развития системы предлогов, явно ссылаясь скорее на падежную форму, чем на падежную функцию. Однако Моултон все же отрицает «исчезновение древних различий в падежных значениях», и, продолжая обсуждение, признает наличие исторических различий. Он соглашается с Винером по поводу определения родительного падежа как «без сомнения, обозначающего *источник действия*», замечая в связи с этим, что «отложительный падеж... употребляется для выражения части значений родительного падежа, с которым он слился». Но Моултон не отдает должного своему замечательному образованию и лингвистическому чутью, используя названия «*местный дательный*» и «*инструментальный дательный*». Если данная падежная форма является местным или инструментальным падежом, то зачем присоединять еще и дательный? Мы всерьез сомневаемся в целесообразности подобных терминов, вносящих путаницу (см. M. 60-76). Бласс впадает в такую же непоследовательность, отводя значительное место «инструментальному дательному падежу» (Bl. 116 и далее). Винер ссылается на то, что дательный падеж служит инструментальному (W. 208), при этом совершенно упускает из виду падежную функцию, и впадает в замешательство, пребывая под несомненным влиянием латинской падежной системы. Баттман, говоря о падежах, точно следует Винеру, принимая, например, его определение родительного как падежа, «обозначающего источник» (Bl. 157). Несмотря на расхождение в терминах, Винер, Баттман и Бласс приводят исчерпывающие доказательства существования основных падежных отличий. Исследователи девятнадцатого столетия развеяли настолько большое число недоразумений, окутывавших туманом греческий язык Нового Завета, что мы уже не можем ожидать от этих пионеров своего времени исчерпывающего объяснения всех запутанных вопросов, памятуя особенно, что сравнительное языкознание как наука находится еще в младенческом возрасте. Но главным достижением второй половины этого столетия стало устойчивое движение в направлении света. Гесснер Харрисон в работе, опубликованной в 1858 г., признает, что в греческом языке существует более пяти падежей (см. *Греческие предлоги и падежи* (Gessner Harrison: *Greek Prepositions and Cases*), стр. 70 и далее). Его знаменитый ученик Джон А. Бродес (Broadus) проложил путь новому методу для короля современных эллинистов, А.Т. Робертсона (см. R. viii). Двадцатое столетие, несомненно, станет свидетелем полной и окончательной победы описанного

выше более логичного и исторически обоснованного толкования падежей как в греческом, так и в других индоевропейских языках.

Именительный падеж

Ссылки: R.456-461; R-S. 90-91; М. 69-70.

83. Начиная рассмотрение падежей в привычном порядке, мы подходим в первую очередь к именительному падежу, «хотя он и не первый в смысле времени появления» (R-S. 90). Первоначальная функция именительного падежа состояла в том, чтобы более отчетливым образом идентифицировать субъект глагола в личной форме. В греческом языке сама форма глагола выступает как субъект действия, так, например, ἐκήρυξε означает: *он проповедовал*. Соответственно, когда существительное оказывается подлежащим глагола, оно становится приложением подлежащего, подразумеваемого в глаголе. Таким образом, ὁ Παῦλος ἐκήρυξεν на самом деле означает *он, то есть Павел, проповедовал*. Итак, именительный падеж – это нечто большее, чем падежная форма подлежащего: это падеж предполагающий особое *наименование*, и существительное в именительном падеже является, по сути, приложением к субъекту глагола.

(1) Именительный падеж подлежащего. Хотя именительный падеж нельзя строго определить как падеж подлежащего, все же его основная функция состоит в указании на производителя действия или носителя состояния, выраженного глаголом в личной форме. В действительности, данная функция есть использование именительного падежа в качестве *приложения* (см. 2 Кор. 10:1), и, следовательно, она включает в себя то, что обычно называют именительным падежом приложения.

ὁ πατὴρ ἀγαπᾷ τὸν υἱόν.

Отец любит Сына. Ин. 3:35.

(2) Именительный падеж сказуемого. Данная функция приложения проявляется и когда именительный падеж выступает в роли сказуемого. Здесь смысл существительного как наименования субъекта усиливается посредством того, что оно выступает как объект, эмфатическим образом определяемый предложением, например, когда говорится ὁ κηρύσσων ἐστὶ Παῦλος, *проповедующий есть Павел*.

ὑμεῖς γάρ ἐστε ἡ δόξα ἡμῶν.

Ибо вы – слава наша. 1 Фес. 2:20.

См. также: Еф. 2:14; 1 Ин. 4:8.

(3) Именительный падеж имени собственного. Поскольку именительный падеж по своей природе является падежом именованного, нет ничего необычного в том, что в языке проявляется тенденция ставить имена собственные в этом падеже независимо от контекста, в который они включены. Так, имя собственное в именительном падеже часто встречается в таких выражениях, где с точки зрения грамматики это выглядит неуклюже. Такие случаи демонстрируют скорее чистое падежное значение, чем соответствие требованиям контекста.

ἤγγισεν πρὸς τὸ ὄρος τὸ καλούμενον Ἐλαιῶν.

Он приблизился к горе, называемой Елеонская. Лук. 19:29.

См. также: Лук. 21:37; Ин. 1:6; 3:1; Деян. 7:40; 2 Кор. 12:18; Откр. 9:11.

Такое употребление именительного падежа может служить приемлемым объяснением грамматической неправильности Откр. 1:4. В Новом Завете, кроме того, нередко встречается аналогичное употребление именительного падежа при страдательном залоге от καλέω, например в Лук. 2:21 и 19:2.

(4) Независимый именительный падеж. Когда идея мыслится независимой от каких-либо особых глагольных отношений, она выражается именительным падежом с добавлением описательной или пояснительной фразы. Таким образом, именительный падеж употребляется для именованного скорее *идеи*, чем *объекта*. Такое использование падежа

иллюстрируется случаем, иногда называемым вводным именительным падежом или абсолютным именительным падежом.

ταῦτα ἃ θεωρεῖτε ἐλεύσονται ἡμέραι.

Эти (вещи), которые вы видите, придут дни ... Лук. 21:6.

См. также: Марк. 8:2; Еф. 4:15.

Примером подобного использования именительного падежа является его употребление в приветствиях (см. 1Кор. 1:1). Встречается также независимый именительный падеж, используемый как разновидность «абсолютного именительного» в пословицах и цитатах (см. 2Пет. 2:22; 1Кор. 3:19).

(5) Именительный падеж восклицания. Если мысль необходимо выделить с особой ясностью, то именительный падеж используется без глагола. Функция именования, служащая обычно помощником глаголу, теперь реализуется без него, и потому приобретает большую выразительность. Данное явление хорошо проиллюстрировать примером, когда ребенок в радостном изумлении указывает рукой на друга, несущего фрукты, и кричит: «Яблоки!» Если ребенок скажет «Здесь есть яблоки», то это ослабит экспрессию. Именительный падеж выступает как указательный, и его указующая функция усиливается, когда существительное не заслоняется глаголом.

ταλαίπωρος ἐγὼ ἄνθρωπος.

Бедный я человек! Рим. 7:24.

См. также: Марк. 3:34; Рим. 11:33.

В нашем анализе мы опустили тот случай использования именительного падежа, который языковеды обычно называют «именительным падежом, используемым в качестве звательного», поскольку мы согласны с Робертсоном в том, что при таком употреблении дело состоит не в применении одного падежа вместо другого, а в том, что одна падежная форма служит двум падежам. Где бы ни проявлялась идея обращения, падеж предстает как звательный независимо от падежной формы (см. R. 461). Замечание Бласса относительно того, что «именительный падеж проявляет тенденцию подменять собой звательный» основано на ошибочном представлении о падежной форме как синонимичной самой категории падежа (см. Bl. 86). Подобное недоразумение в отношении того, что есть падеж, повлияло на Моултона, когда он пришел к заключению, что «именительный падеж, употребляемый без артикля, следует рассматривать как простой заменитель звательного падежа» (M. 71). Здесь Моултон, как и в других пунктах своей работы, соглашается с традиционными лингвистическими взглядами. В аналогичную ошибку он впадает и утверждая в своей ранней работе, что в Ин. 17:25 «употребляется прилагательное в звательном падеже с существительным в именительном падеже» (*Введение в изучение грамматики Нового Завета*, стр. 168). Прилагательные могут согласовываться с существительными, ими определяемыми, лишь только в падеже, но не в падежной форме, как ясно из такого случая, как ἡ ἄδικος γυνή, *нечестивая женщина*.

Звательный падеж

Ссылки: R. 461-468; R-S. 91-91; M. 71.

84. Звательный падеж употребляется только в единственном случае, а именно – он является падежом прямого обращения, если вообще звательный можно назвать собственно падежом (см. ниже). Когда на обращении делается особое ударение, используется вспомогательная частица ὦ, как в Мат. 15:28. Обычно же применяется просто форма звательного падежа, как в Деян. 17:22. Когда говорящий желает сообщить объекту обращения более четкую определенность, он употребляет артикль, а поскольку артикль должен стоять в форме именительного падежа (у артикля отсутствует отличная для звательного падежа форма), это ведет к замене окончания существительного на окончание именительного падежа, но в таком случае, тем не менее, функция звательного падежа сохраняется (см. Лук. 8:54).

θάροσε, θυγάτηρ.

Дерзай, дочь. Мат. 9:22.

Данную форму существительного вообще сложно рассматривать как падеж в собственном смысле слова. В тех случаях, когда звательный падеж располагает своей специфической формой, она обычно представляет

собой корень слова, как в ἰχθύ, βασιλεῦ, δαίμον. Можно вполне согласиться с выводом Робертсона, что «в действительности, звательная форма не есть падеж. Практически приходится считать ее падежом, но в строгом смысле слова эта форма падежом не является. (Фаррар, *Греческий синтаксис* (Farrar: *Greek Syntax*), стр. 69). Она находится вне области синтаксиса, поскольку существительное в данном случае занимает изолированное положение и не имеет связи с остальными словами» (R. 461). В период койне характерная форма зательного падежа уже выходила из обращения, а из современного греческого языка она исчезла совсем. Следы классического использования данного падежа можно обнаружить в Лук. 1:3.

Родительный падеж (Собственно родительный падеж)

Ссылки: R. 491-514; R-S. 98-104; M. 72-74.

85. Родительный падеж – это падеж определения или описания. Он «адъективный»⁸ по функции» (R-S. 98), и обычно служит для ограничения значения существительного или именной конструкции, хотя нередко используется также с глаголами, прилагательными и наречиями. Его адъективная природа весьма четко выражена и вполне очевидна. Словосочетание «счастье человека» немногим отличается по смыслу от выражения «человеческое счастье». Таким же образом, встречая καρδία ἀπιστίας – буквально *сердце неверия*, мы понимаем, что оно почти полностью совпадает со значением ἄπιστος καρδία, *неверное сердце*. Однако существительное в родительном падеже характеризует объект с большей выразительностью, чем прилагательное.

Можно привести большое количество примеров, когда существительное выполняет функции прилагательного. И здесь следует быть особенно внимательным при переводе с тем, чтобы не представить оригинальную фразу неестественной или неуклюжей по форме. Например, отрывок Деян. 9:15, οὗτος ἐκλογὴς ἐστίν μοι следует передать как *он есть избранный сосуд для Меня*. А фразу ἐν πυρὶ φλογός (2Фес. 1:8) лучше перевести *в пламенеющем огне*. И δόξης в Кол. 1:27 означает *славное*, – τὸ πλοῦτος τῆς δόξης τοῦ μυστηρίου τούτου. В 1Фес. 1:3 τῆς πίστεως, τῆς ἀγάπης и τῆς ἐλπίδος можно перевести прилагательными: *верное, любящее и надеющееся* соответственно. Общепринятые английские версии дают не вполне четкий и ясный перевод Евр. 4:2, ὁ λόγος τῆς ἀκοῆς – *слово слышания*. На самом деле это *слово слышанное*; то есть, *слово, которое они слышали*. Такой вариант предлагают переводы Моффатта (Moffatt), Веймута (Weymouth), Бродеса (Broadus) и др.

86. Гесснер Харрисон с замечательной проницательностью высказывает утверждение, что родительный падеж «употребляется для уточнения значения предыдущего существительного, а также для показа, в каком более определенном смысле его следует понимать» (*там же*, стр. 15). Таким образом, главная функция родительного падежа – определение. Совершенно очевидно, что данная функция включает в себя идею ограничения, а это демонстрирует сходство родительного падежа с винительным, который также передает смысл ограничения. Однако родительный падеж ограничивает смысл в отношении вида объекта, в то время как винительный ограничивает его в отношении протяженности. Например, ἐργάσατο τὴν ἡμέραν означает *он проработал отрезок времени или весь день*, а ἐργάσατο τῆς ἡμέρας – *он работал в дневное время*, а не в ночное. Родительный падеж сужает рамки реальной применимости значения слова, налагая на него специфические ограничения. Так, βασιλεία представляет собой понятие с широким спектром возможных значений. Существует множество видов царств, причем возможно как буквальное, так и метафорическое использование этого слова. Но ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ означает только одно царство, а именно царство определенного вида. Так, употребление родительного падежа сужает спектр значений, присущих объекту, до конкретных границ.

87. Здесь может показаться, что основная функция родительного падежа – установление более точных границ понятия в плане его класса или вида. «Родительный падеж просто помечает атрибутивные существительные, выражая практически любые связи, посредством которых они образуют сложные концепции» (Шеффилд, *там же*, стр. 152). Вместе с тем, в наших силах сделать шаг вперед в исследовании основного значения родительного падежа. В

⁸Адъективный – употребляемый в качестве прилагательного. (Прим. перев.)

самом деле, на основании какого общего принципа реализуется его функция определения? Он, конечно, устанавливает пределы не произвольным образом, и не внешним, как винительный падеж. Родительный падеж обозначает пределы сущностные, выявляя «точку очевидного родства с определяемым словом» (Харрисон, *там же*, стр. 16). Например, слово βασιλεία способно сочетаться с ограничивающим его значение существительным в родительном падеже, причем это существительное должно обладать вполне определенным значением, а именно – оно должно выражать смысл, который, по логике, мог бы сочетаться с мыслью о сфере организованной и регулируемой деятельности. Таким образом, понятие Божьего суверенитета влечет за собой возможность построения фразы ἡ βασιλεία θεοῦ. Здесь родительный падеж θεοῦ является разумным определением βασιλεία. Итак, родительный падеж дает разумное, обоснованное определение для определяемой идеи. Попытки давать посредством родительного падежа неразумные определения приведут к абсурду – к сочетаниям типа, «влажность пустыни», «жар льда», ἡ βασιλεία δούλου и т.д. Мы приходим к выводу, что родительный падеж определяет существительное через указания на его существенные и рациональные отношения или качества.

88. Следовательно, мы можем утверждать, что основное значение родительного падежа это *указывать на атрибут* объекта. Подобное указание осуществляется двумя способами. Первый – через обозначение сущностного отношения. Так, ἡ βασιλεία θεοῦ – это царство, отличительным атрибутом которого является его отношение к Богу. Второе – через обозначение сущностного качества. Например, καρδιά ἀπιστίας – это сердце, отличительный атрибут которого есть неверность. Таким образом, родительный падеж дает характеристики определяемому существительному через указание на качество или отношение.

89. Когда некое отношение реализуется в физической сфере, оно выражает идею *контакта*. «Крыша дома» – это крыша на доме, а «полевая трава» – трава на поле. Данный смысл с отчетливостью проявляется в том известном факте языка, что глаголы, включающие в свое значение идею обладания или достижения, обычно согласуются с существительными в родительном падеже. С еще большей ясностью значение контакта проявляется в конструкциях с предлогами. Так, ἐπὶ с дательным падежом означает общее положение, в то время как с родительным падежом – указывает на реальный контакт. В Мат. 9:2 выражение ἐπὶ κλίνης, *на кровати*, подчеркивает, что человек действительно прикован к кровати, в то время как в Лук. 21:6, λίθος ἐπὶ λίθῳ, *камень на камне*, подразумевает ситуацию, когда камни Храма уже не будут находиться на свойственном им месте. Итак, значение контакта удивительно точно выражается предлогами с родительным падежом.

Современные лингвисты справедливо выражают обоснованное несогласие с мнением Винера о том, что «родительный падеж обозначает *источник*» (W. 184). Это ошибочное утверждение было впоследствии подхвачено многими учеными. Однако, Винер демонстрирует гораздо более глубокое понимание смысла родительного падежа, называя его «падежом зависимости» (W. 190). Можно легко заметить, что такое название вполне соответствует значению родительного падежа как указывающего на определение или атрибут. Вебстер, подобно Винеру, смешивает основное значение родительного падежа со значением отложительного падежа, заявляя, что «родительный прежде всего указывает на объект, *из которого что-то происходит*», но в конце этого же абзаца он пишет более верно: «Таким образом, родительный падеж в греческом языке соответствует родительному и отложительному падежам в латинском» (*Синтаксис и синонимы греческого Нового Завета* (Webster: *Syntax and Synonyms of the Greek Testament*), стр. 63, 66). Робертсон проникает в самую суть языка, называя родительный падежом обособления, определяющего *род* или вид (R. 493). Сходное определение предлагает доктор С. Б. Вильямс (Williams) из Объединенного университета в неопубликованных грамматических заметках. Основным значением родительного падежа он считает идею классификации. Объединив эти два взгляда, мы приходим к весьма удачному определению: родительный падеж обособляет значение объекта в отношении его класса или вида. Такое определение идентично предыдущим соображениям о том, что родительный падеж обособляет значение посредством указания рационального определения.

90. В этом параграфе предлагается наш анализ того, как используется родительный падеж в Новом Завете. Мы постарались сделать этот анализ если не исчерпывающим, то достаточно точным и ясным.

(1) **Родительный описательный.**⁹ Совершенно очевидно, что данное употребление родительного падежа ближе всего к его основному значению. Дать разумное определение объекту – значит описать его. В действительности, случаи использования родительного в функции описания настолько приближены к основному значению этого падежа, что представляется сложным выявить границу между первым и вторым. Во всех случаях своего употребления родительный падеж является более или менее описательным. Бласс верно замечает, что данное употребление падежа – самое распространенное (Bl. 95). Когда родительный падеж явно выступает в своем собственном, прямом значении, без добавления к нему новых оттенков в виду давления контекста, тогда мы рассматриваем его как описательный родительный падеж. Существует множество прекрасных примеров такого употребления.

ἐγένετο Ἰωάννης κηρύσσω βαπτισμα μετανοίας.

Явился Иоанн, проповедуя крещение покаяния. Марк. 1:4.

См. также: Рим. 6:6; Кол. 1:22.

Адъективное значение родительного падежа заметно наиболее ярко, когда описательный родительный выполняет в сказуемом абсолютно ту же функцию, что и предикативное прилагательное, как в Евр. 10:39, ἡμεῖς δὲ οὐκ ἐσμέν ὑποστολής, *мы же не из колеблющихся* (см. Рим. 9:9).

(2) **Родительный принадлежности.** Определительная функция довольно легко сочетается с идеей принадлежности. Указать на принадлежность – значит, определить одно существительное посредством другого существительного, которое обозначает обладателя. Говоря ἡ βίβλος, *книга*, мы относим объект к множеству с достаточно неопределенными границами, но если мы скажем ἡ βίβλος τοῦ Ἰωάννου, *книга Иоанна*, то сразу же выделим ее особым образом, указав на ее принадлежность: это некая конкретная книга, которая принадлежит Иоанну. Родительный принадлежности является одним из наиболее распространенных случаев использования родительного падежа, особенно часто встречается эта конструкция с личными местоимениями.

ἐν τῶν πλοίων, ὃ ἦν Σίμωνος.

Одна из лодок, которая была Симонова. Лук. 5:3.

См. также: Мат. 26:51.

(3) **Родительный родства.** Здесь родительный падеж ближе определяет некое лицо через указание на происхождение или супружеские отношения. Этот случай употребления родительного падежа весьма близок к предыдущему, являясь, в действительности лишь «особым вариантом родительного принадлежности» (R. 501). Чаще всего встречающаяся конструкция включает в себя артикль мужского или женского рода и имя собственное в родительном падеже, причем существительное, обозначающее родство, опускается. Предполагается, что эти отношения известны или достаточно очевидны из контекста. Так, если бы мы прочитали в Евангелиях Ἰησοῦς ὁ Μαρίας, мы бы, не задумываясь, подставили υἱός после ὁ. Иногда, тем не менее, подразумеваемые отношения неясны для современного читателя (см. τοῦδα Ἰακώβου, Деян. 1:13). Данная конструкция широко использовалась в разговорном греческом языке периода койне, о чем свидетельствует ее частое употребление в папирусах.

Δαυὶδ τὸν τοῦ Ἰεσσαί.

Давид, (сын) Иессеев. Деян. 13:22.

См. также: Мат. 4:21; Ин. 6:71; 21:15.

(4) **Родительный времени, места и отношения (наречный).** Родительный падеж иногда используется либо для того, чтобы ближе определить значение глагола путем указания на место или время действия, либо для того, чтобы дать определение прилагательному. Здесь его определительная функция проявляется с достаточной

⁹В русской филологической традиции предпочитается термин «определятельный». Прим. ред.

отчетливостью, поскольку речь идет о характере действия, на что и обращается внимание читателя. Например, *νυκτός* не означает действие *ночью* (момент времени) или *на протяжении* ночи (ограниченность действия определенным временем), но действие *в течение* ночи (характер времени), или, говоря попросту, *ночное действие*. Наречное значение данной конструкции очевидно, поскольку указание времени и места обычно служит для уточнения глагольного значения, а прилагательные, как правило, определяются наречиями. Использование родительного в качестве подобного определения включает в себя следующие случаи:

а) Родительный времени. Как уже отмечалось, речь здесь идет скорее о характере времени, нежели о моменте времени (местный падеж) или продолжительности времени (винительный падеж). Это «именно такое-то время, а не какое-либо другое» (R-S. 100).

οὗτος ἦλθεν πρὸς αὐτὸν νυκτός.

Он пришел к нему ночью. Ин. 3:2.

См. также: Мат. 25:6; Лук. 18:7; Ин. 19:39.

б) Родительный места. При данном употреблении родительного на первый план выдвигается идея контакта. Однако определительная функция за этим падежом все еще сохраняется. Когда *ἐκεῖνης* используется в Лук. 19:4, это скорее путь определенного качества, нежели какой-либо другой, которым надлежало проходить Иисусу. Гомер использует *λοῦεσθαι ποταμοῖο* для обозначения купания именно в реке, а не в каком-либо другом месте; то есть, он описывает купание, указывая через родительный падеж то место, где оно происходит, и характеризует его, как *речное купание*. Очевидно, что идея купания сродни мысли о реке, поэтому *ποταμοῖο* – это *разумное* определение.

ἵνα βάψῃ τὸ ἄκρον τοῦ δακτύλου αὐτοῦ ὕδατος.

чтобы омочил конец перста своего в воде. Лук. 16:24.

См. также: Лук. 19:4; Деян. 19:26.

в) Родительный отношения. Родительный падеж иногда ставится при прилагательных для того, чтобы ввести характеризующее их значение в определенные рамки. Так, *ισχυρὸς πίστεως* – означает *сильный в отношении веры*, вместе с тем это словосочетание можно истолковать как *сильный в вере*. Наречное значение родительного падежа здесь очевидно.

καρδία ποιηρὰ ἀπιστίας.

Сердце, лукавое в неверии (по отношению к неверию). Евр. 3:12.

См. также: Евр. 5:13; Иак. 1:13.

(5) Родительный при существительных действия. Иногда существительное, определяемое словом в родительном падеже, выражает действие. В подобной конструкции слово в родительном падеже обозначает предмет, через который проходит действие, будь то субъект или объект такого действия.

а) Родительный субъекта. При данном употреблении родительного, существительное в родительном падеже *производит* действие, являясь тем самым субъектом глагольного действия, выражаемого определяемым существительным.

τὸ κήρυγμα Ἰησοῦ Χριστοῦ.

Проповедь Иисуса Христа. Рим. 16:25.

См. также: Рим. 8:35; 2Кор. 5:14.

б) Родительный объекта. При таком употреблении родительного существительное в родительном падеже *принимает* действие на себя, относясь, таким образом, к глагольному действию, выражаемому определяемым существительным как *объект*.

ἡ δὲ τοῦ πνεύματος βλασφημία οὐκ ἀφεθήσεται.

Но хуление Духа не простится. Мат. 12:31.

См. также: 1Кор. 1:6; 1Пет. 3:21.

(6) Родительный приложения. Существительное, сообщающее объекту некоторую особенность и индивидуальность, иногда ставится в родительном падеже рядом с другим существительным, именующим этот объект в общем смысле. В такой конструкции вещь, обозначенная как представитель класса, определяется более конкретным образом через приложение ее специфического наименования в родительном падеже. Слово в родительном падеже здесь является приложением к определяемому им существительному. Так, в ἡ πόλις Ἐφέσου существительное πόλις обозначает принадлежность к классу, а Ἐφέσου обособляет одного из членов класса в смысле его индивидуальности и особенности.

ἔλεγεν περὶ τοῦ ναοῦ τοῦ σώματος αὐτοῦ.

Он говорил о храме тела Своего. Ин. 2:21.

См. также: Рим. 4:11; 2Кор. 5:1.

(7) Родительный разделительный. Существительное может быть определено посредством выражения в родительном падеже целого, частью которого является это существительное. Определительная функция здесь не проявляется заметным образом, однако сохраняется. Если сказано, ὁ Πέτρος ἦν εἰς τῶν ἀποστόλων, *Петр был одним из апостолов*, то Петр определен через указание на его отношение к группе. Таким образом, данная конструкция реализует типичную для родительного падежа функцию.

δώσω σοι ἕως ἡμίσεως τῆς βασιλείας μου.

Я дам тебе даже до половины от моего царства. Марк. 6:23.

См. также: Мат. 15:24; Откр. 8:7.

Вместе с тем мы можем интерпретировать приведенную форму существительного как отложительный падеж, поскольку легко представить себе целое как источник, откуда берется указанная часть (G. 215). Подобное толкование имеет опору в том, что разделительный смысл иногда выражен в Новом Завете при помощи ἀπό (Мат. 27:21) и ἐκ (Мат. 27:48) с отложительным падежом. Эту конструкцию обнаруживаем и в папирусах; например, P. Petr. II, 11:5: ἀπὸ τούτου τὸ μὲν ἡμῖν, *часть этого*. Далее, такой взгляд подтверждается использованием в современном греческом языке ἀπο с существительным как типичной разделительной конструкции. Эти моменты, несомненно, свидетельствуют, что разделительный смысл присущ отложительному падежу в большей мере, чем родительному. Однако, тот факт, что в распоряжении авторов, писавших на койне, наличествовала конструкция, отчетливо выражающая идею источника делает более вероятным то, что родительный падеж они использовали бы скорее для определения характера объекта, чем для определения его источника. Ссылка на целое, откуда взята часть, предполагает акцент либо на заимствовании, либо на определенном характере отношений – источник или характер отношений. С целью подчеркнуть первый смысл употребляется отложительный падеж с предлогом; для выделения второго потребовался бы родительный падеж, поскольку отложительный не имеет такого значения. Мы приходим к выводу, что подобную форму существительного в конструкции без предлога следует скорее рассматривать как родительный падеж.

(8) Родительный самостоятельный. Существительное и причастие в родительном падеже грамматически не связанные с остальной частью предложения, образуют самостоятельный родительный падеж. По аналогии с латынью его можно истолковать как отложительный самостоятельный, но разнообразие падежного употребления в данной конструкции, представленное индоевропейскими языками, удерживает нас от подобного необоснованного заключения. В санскрите встречается самостоятельный родительный, местный и инструментальный падежи (Уитни, *Грамматика санскрита* (Whitney: *Sanskrit Grammar*), стр. 98, 100, 102), в то время как в современном греческом имеется самостоятельный именительный падеж (Т. 32). Нет, таким образом, особых причин сомневаться в том, что эту конструкцию следует считать именно самостоятельным родительным падежом.

καὶ ἐκβλήθεις τοῦ δαίμονίου ἐλάλησεν ὁ κωφός.

И, когда демон был изгнан, немой стал говорить. Мат. 9:33.

См. также: Мат. 25:5; Марк. 9:28.

Родительный падеж ставится при прилагательных и наречиях там, где подразумеваемая идея нуждается в некотором дополнительном определении для придания полноты смыслу. Так, κοινωνοὶ ἐστε оставило бы мысль в неопределенности, но κοινωνοὶ ἐστε τῶν παθημάτων, *мы участники страданий* (2 Кор. 1:7), сообщает мысли

полноту и определенность. Помимо этого, родительный падеж иногда встречается при глаголах там, где глагол «соотносится с основным значением родительного падежа» (R. 507). Ниже указаны некоторые из типов глаголов, употребляющихся с существительным в родительном падеже:

- а) *Отчуждения*. Лук. 15:25 (ср. в русском «вкусить чего-либо» и т.д.).
- б) *Чувства*. Деян. 20:33 (ср. в русском «остерегаться чего-либо», «желать чего-либо» и т.д.).
- в) *Участия*. 1Кор. 10:21 (ср. в русском «быть участником чего-либо»). Данная конструкция содержит представление о разделении.
- г) *Управления*. Мат. 2:22 (ср. в русском «возглавлять что-либо, начинать что-либо»).

Отложительный падеж (Отложительный родительный падеж)

Ссылки: R. 514-520; R-S. 104, 105; M. 72.

91. Данная падежная форма редко обладает собственным окончанием в индоевропейских языках, однако, по сравнению с остальными падежами, она имеет вполне определенную и различимую функцию. Название падежа отражает его смысл: отложительный (лат. *ablativus*) – «захваченный» или «отделенный». Итак, основное значение отложительного падежа – источник, точка отправления. Это значение может также входить в качестве элемента в состав более сложных понятий, не только подчеркивая в буквальном смысле удаление или отделение одного объекта от другого, но и включая в себя любой смысл, относящийся к отклонению от предшествующих отношений, обозначая источник, причину, происхождение и тому подобное. Отложительное значение предполагает изменение состояния с точки зрения первоначальной ситуации, поэтому, когда мы говорим ἡ σωτηρία τῆς ἀμαρτίας, то рассматриваем спасение с точки зрения первоначального человеческого состояния – рабского служения греху. Употребляя отложительный падеж, автор описывает первоначальную ситуацию, причем передаваемая идея в том или ином смысле означает выход за рамки этой ситуации. Итак, пытаясь сформулировать простейшее определение отложительного падежа, можно сказать, что его основное значение состоит в указании на *отделение*.

(1) Отложительный отделения. Здесь отложительный падеж выступает в своем основном значении, при отсутствии какого-либо дополнительного связанного с ним смысла.

ἀπηλλοτριωμένοι τῆς πολιτείας τοῦ Ἰσραήλ.

Будучи отчуждены от общества Израильского. Еф. 2:12.

См. также: Евр. 13:7; 2Пет. 1:14; Откр. 21:2.

(2) Отложительный источника действия либо состояния. Значение отделения иногда подразумевает, что первоначальная ситуация являлась до некоторой степени источником наличествующего характера или состояния. Объект, именуемый существительным, с которым соотносится также и другое слово в отложительном падеже, до некоторой степени обязан своим существованием вещи, выражаемой через отложительный падеж.

διὰ τῆς παρακλήσεως γραφῶν.

Утешением из Писаний. Рим. 15:4.

См. также: Деян. 1:4; 2 Кор. 4:7.

(3) Отложительный действующего лица (инструмента). Это функция не типична для отложительного падежа, но встречается в тех случаях, когда идея действующего лица подразумевает происхождение или источник.

ἰκανὸς δὲ κλαυθμὸς ἐγένετο πάντων.

И немалый плач был совершен всеми. Деян. 20:37.

См. также: Лук. 2:18; Деян. 20:3.

В этом примере довольно ясно видно, что существующий смысл сохранится, если *πάντων* рассматривать как *из всех*. Инструмент действия или действующее лицо являются одновременно источником действия. В Новом Завете подобная конструкция, как правило, предполагает предлог *ἐν*. К этому случаю относится и так называемый «родительный материала или меры» (см. Рим. 15:13; Лук. 2:44).

(4) Отложительный сравнения. Совершенно очевидно, что употребляемая в сравнительном обороте падежная форма, которую обычно считают формой родительного падежа, на самом деле представляет собой отложительный падеж. Сравнение само по себе предполагает размежевание с движением в сторону обладания большим количеством. Так, *μεῖζων τοῦ δέινο* означает *продвинутый далее в обладании искусством*, то есть, *более искусный, чем кто-то*. Смысл отделения здесь лежит на поверхности. Отложительный сравнения употребляется и при превосходной степени (см. Марк. 12:28).

οὐκ ἔστιν δοῦλος μεῖζων τοῦ κυρίου αὐτοῦ.

Раб не больше господина своего. Ин. 13:16.

См. также: Мат. 3:11; Откр. 21:2.

i. Отложительный падеж нередко встречается при глаголах, хотя и не настолько часто, как родительный, дательный или винительный падежи. Конечно, отложительный при глаголах следует различать более по смыслу, нежели по форме. Сложные глаголы с приставками *ἀπό*, *ἐκ* и *παρά* требуют отложительного падежа согласно его основной функции там, где эти приставки привносят в глагол идею отделения. Глаголы остановки, удержания, недостачи, отсутствия, отчаяния и родственных им значений также согласуются с отложительным падежом. Этого же падежа требуют, естественно, глаголы, заключающие в себе идею сравнения или разделения. Можно в целом отметить, что глаголы употребляются с отложительным падежом, когда их значение близко к основному значению данного падежа (см. R. 517-519).

ii. Почти все специалисты в области греческого языка – как классического, так и новозаветного – путали отложительный и родительный падежи. Некоторые, впрочем, замечали их существенное различие и выделяли «отложительный родительный», однако, это название «истинно лишь в отношении формы, а не смысла, что приводит к некоторым недоразумениям» (R. 514). Робертсон занимает правильную позицию, считая отложительный отдельным падежом. Моултон пишет о различии между формами, но придает ему мало значения. Нанн признает отличие отложительного падежа от родительного, но не отмечает специфики его употребления, так как желает «избежать споров с устоявшейся классификацией» (*Синтаксис греческого языка Нового Завета*, стр. 42). Большинство других специалистов в области языка Нового Завета следуют Винеру, рассматривая родительный падеж как форму, обозначающую источник действия или состояния.

Дательный падеж

(Собственно дательный падеж)

Ссылки: R. 535-543; R-S. 111-114; M. 62-64.

92. Дательный, местный и инструментальный падежи объединяются одним окончанием, тем не менее, различие в функциях весьма заметно (причем это различие представляется гораздо большим, чем различие между отложительным и родительным падежами). Почти все современные языковеды признают эту разницу, ее замечали даже филологи предыдущего столетия. Бласс утверждает, что «необходимо проводить границу между собственно дательным падежом, обозначающим личность, косвенным образом вовлеченную в действие, инструментальным дательным падежом (и дательным сообщества) и, в-третьих, местным дательным падежом» (Bl. 109). Уже в 1858 г. Гесснер Харрисон писал о различии между инструментальным и местным дательным падежами, хотя ошибочно смешивал их с отложительным падежом, находясь под несомненным влиянием латыни (*там же*, стр. 53). Однако если мы признаем, что падеж действительно определяется функцией, тогда нам с необходимостью следует признать и то, что третья форма греческого существительного выражает значения трех падежей: дательного, местного и инструментального.

93. Прочитанное выше наблюдение Бласса о том, что дательный падеж «обозначает личность, косвенным образом вовлеченную в действие», полностью соответствует основному значению этого падежа. Дательный падеж действительно выражает, в основном, личностную идею. «Иногда он используется в отношении неодушевленных предметов, но как правило предметов персонифицированных», имеющих «заметный личностный оттенок»

(R. 576). Дательный, как правило, является падежом межличностных взаимоотношений, причем в свете этого основного значения следует толковать и его использование в отношении предметов. Мы принимаем точку зрения Робертсона, что исходное предназначение дательного падежа – выражение *личностного интереса*. Данная исходная функция применительно к предметам приобретает значение *ссылки*.

(1) **Дательный косвенного дополнения.** Этот случай наиболее близок к главному значению падежа, обозначая того, для кого или в чьих интересах производится действие. Таким образом, данное употребление выражает основное значение дательного падежа.

πάντα ἀποδώσω σοι.

Все тебе отдам. Мат. 18:26.

См. также: Мат. 13:3; 1 Кор. 5:9.

(2) **Дательный удобства и неудобства.** Частный случай применения дательного падежа косвенного дополнения – выражение личной заинтересованности. Если я говорю ἔδωκεν τὸ βιβλίον μοι, то совершенно ясно, что я был лично заинтересован в передаче книги, и смысл принципиально не меняется, если сказать τὸ βιβλίον μοι ἡγοράσθη, *книга была принесена для меня* – здесь идея личной заинтересованности только усиливается. Отрицательным аспектом этой же идеи является дательный падеж неудобства.

ἔκρινα ἐμαυτῷ τοῦτο.

Я решил это для себя. 2 Кор. 2:1.

См. также: Мат. 23:31; Откр. 21:2.

(3) **Дательный принадлежности.** В английском языке нет точного эквивалента данному случаю употребления дательного падежа, указывающего на личную заинтересованность, синонимичную заинтересованности владельца. При выражении этого значения четко проявляется родство данной функции с дательным косвенного дополнения. Очевидно, что ἔδωκεν τὸ βιβλίον μοι тесно связано по смыслу с τὸ βιβλίον ἐστὶ μοι.

καὶ οὐκ ἦν αὐτοῖς τέκνον.

И у них не было ребенка. Лук. 1:7.

См. также: Лук. 4:16; Ин. 1:6.

(4) **Дательный отношения.** Значение интереса, выражаемое дательным падежом, может быть ослаблено вплоть до идеи простого отношения. Так, в ἔδωκεν τὸ βιβλίον μοι οἰκodomῇ, *для назидания*, идея интереса вполне выразительна в μοι, но ослаблена в οἰκodomῇ, хотя продолжает в нем присутствовать, поскольку данное слово можно, исходя из здравого смысла рассматривать как *в интересах назидания*, что, однако, влечет за собой одушевленность οἰκodomῇ. Дательный отношения предполагает как правило неодушевленность предмета, хотя может встречаться и в связи с лицами одушевленными.

ἀπεθάνομεν τῇ ἁμαρτίᾳ.

Мы умерли для греха. Рим. 6:2.

См. также: Рим. 8:12; 2 Кор. 5:13.

i. Особую специфичность дательный отношения обнаруживает, согласуясь с непереходными и безличными глаголами (см. 1 Кор. 6:12).

ii. Относительно слияния дательного падежа с местным и инструментальным, Робертсон замечает, что различие между этими падежами гораздо более очевидно, чем между родительным и отложительным падежами. Он цитирует Монро: «отдельные формы этих трех падежей сохранились до сравнительно позднего периода в самом греческом языке» (R. 535). Баттманн, как и другие, под влиянием аналогии с латынью впадает в заблуждение относительно дательного и отложительного падежей в греческом языке (Bt. 171). Это наглядно показывает, до какой степени языковеды, формулируя суждения о синтаксисе, оставались в плену у формы. Баттманн наследует такой взгляд от Винера (W. 208). Возможно, языковедов прошлого объединяла некая общая тенденция смешивать дательный падеж с отложительным. Моултон точно очерчивает границы между тремя падежами, обнимаемыми третьей формой греческого существительного, предлагая составные термины – местный дательный падеж и инструментальный дательный падеж (M. 75). Допустим, что это не вполне лишено

основания, поскольку невозможно совершенно игнорировать форму, даже находясь в сфере синтаксиса, поскольку зачастую определить синтаксическую функцию можно только при помощи формы. Мы лишь стараемся быть осторожными, чтобы при анализе синтаксиса форма не стала играть самодовлеющую роль.

iii. Дательный падеж всего чаще встречается при глаголах, выражающих личную заинтересованность, помощь и т.д. Кроме того, он широко используется с существительными и прилагательными. С наречиями дательный падеж встречается реже, а обнаружить его в сочетании с предлогами вообще вряд ли возможно (см. R. 536-538, 541).

Местный падеж (Местный дательный падеж)

Ссылки: R. 520-525; R-S. 105-108.

94. Ни один падеж греческого языка не маркирован с такой определенностью, как местный падеж. Его основное значение представляется совершенно ясным, а применение выявляется при большом разнообразии случаев с легкостью. Действительно, ни в чем нельзя быть более уверенным, чем в том факте, что локатив – это отдельный падеж. «Значение местного падежа очень простое. В санскрите Уитни называет его *в-падежом*, тот же смысл проявляется и в греческом языке. Локатив указывает на имеющее четкие границы местоположение и соответствует идее, выражаемой английскими предлогами *в, на, посреди, у, около* и т.п., причем значение собственно падежной формы при обычном употреблении определяется зачастую словесным значением и контекстом. В любом случае нетрудно выявить простое основное значение падежа как указывающего на местоположение, имеющее четкие границы, задаваемые самим словом и контекстом» (R-S. 106). Итак, определяя местный падеж в простейших терминах, можно назвать его падежом *местоположения*. Разновидности использования локатива невелики по количеству и понятны.

(1) Локатив местоположения. Когда границы, очерчиваемые местным падежом, имеют *пространственный* характер, мы определяем данную падежную форму как локатив местоположения. Такое использование локатива следует считать наиболее близким к основному значению этого падежа. В Новом Завете он чаще всего встречается с предлогами, но иногда и без них.

οἱ μαθηταὶ τῷ πλοιαρίῳ ἦλθον.

Ученики приплыли в лодке. Ин. 21:8.

См. также: Деян. 21:21; 1 Фес. 3:1.

(2) Локатив времени. Границы, очерчиваемые местным падежом, могут иметь *временной* характер, и в данном случае речь должна идти о местном падеже времени. Подобное использование локатива вполне гармонирует с идеей местоположения: местный падеж обозначает время, в котором нечто происходит; то есть показывает местоположение во времени.

καὶ τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἐγερθήσεται.

И в третий день воскреснет. Мат. 20:19.

См. также: Марк. 14:40; Деян. 21:16.

(3) Локатив области. В данном случае мы имеем дело с метафорическим местным падежом, который здесь, тем не менее, все еще сохраняет свое основное значение. Предполагаемые границы местоположения скорее *логические*, нежели пространственные или временные. Здесь показывается, что одна идея вводится в рамки другой, которая тем самым служит как бы областью применения первой идеи. Локатив области встречается при существительных, глаголах и наречиях.

а) При существительных.

ὡθροὶ γεγόνατε ταῖς ἀκοαῖς.

Вы стали неспособны слушать (= в слушанье). Евр. 5:11.

См. также: 1 Кор. 14:20.

б) При глаголах.

ἐνεδυναμώθη τῇ πίστει.

Он был сделан сильным в вере. Рим. 4:20.

См. также: Деян. 18:5; Евр. 3:10.

в) При прилагательных.

μακάριοι οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ.

Блаженны чистые сердцем. Мат. 5:8.

См. также: Мат. 11:29; Евр. 3:5.

i. Иногда ἐν с местным падежом используется для указания на движение, то есть там, где мы бы ожидали встретить εἰς с винительным падежом. Данное явление свидетельствует о *многофункциональном* характере местного падежа.

ii. Некомпетентное утверждение Бласса, что «в Новом Завете нет ни единого следа использования местного дательного падежа» (Bl. 119), представляется крайне странным при наличии убедительных примеров, приведенных Робертсоном (R. 521). Мы вынуждены принять заключение последнего, что «было бы преувеличением утверждать о полном исчезновении местного падежа в Новом Завете» (там же).

iii. Местный падеж встречается при довольно большом числе прилагательных и глаголов, а также при ряде имен существительных, но употребление местного падежа с предлогами встречается чаще всего.

Инструментальный падеж (Инструментальный дательный падеж)

Ссылки: R. 525-535; R-S. 108-111.

95. Имеются предположения, что данному падежу исторически предшествовал древний ассоциативный падеж, следы которого сохранились в санскрите. Представления о сообществе и способе действия стоят друг к другу гораздо ближе, чем это может показаться на первый взгляд. Человек в некотором роде связан со средством или способом, с помощью которого он достигает цели, а в случае общения между двумя людьми второе лицо представляет средство общения. Близость представлений о сообществе и способе действия проявляется, например, через использование предлога «с» в выражении «я прогуливался вдоль дороги *с* другом, который шел *с* тростью». Более простая и грубая идея орудия, применяемого для выполнения задачи, связанной с тем, кто пользовался этим орудием, далее развилась в широкое понятие инструмента. Функция инструментального падежа вполне ясна. Конечно, его основным значением является *указание на инструмент*.

i. Инструментальный падеж иногда по своему значению стоит гораздо ближе к местному падежу, чем нам это представляется. Например, относительно отрывка Иак. 2:25, где сказано, что Раав отправила израильских посланников ἐτέρᾳ ὁδῷ, *другим путем*, Робертсон говорит следующее: «здесь, вероятно, употреблен местный падеж, хотя его можно спутать с инструментальным» (R. 527). Однако логическое ударение здесь делается не на идее *места*, откуда они вышли, но на *способе* их выхода. Поэтому данную форму легче всего объяснить как инструментальный падеж образа действия. Вопрос об определении падежа вообще можно решать путем установления главной идеи предложения, выявления логического ударения.

ii. В явном виде особое окончание для инструментального падежа зафиксировано историческим греческим языком, точнее – кипрским диалектом. Данное окончание также присуще форме некоторых наречий (см. R. 525).

(1) Инструментальный творительный. Вполне очевидно, что такое употребление инструментального – ближе всего к основному значению этого падежа. Это наиболее частый способ использования инструментального падежа в Новом Завете. Инструментальный творительный здесь обозначает безличное средство, инструмент действия, в то время как одушевленное действующее лицо обычно передается конструкцией ὅπο с отложительным падежом.

ἐξέβαλεν τὰ πνεύματα λόγῳ.

Он изгонял духов словом. Мат. 8:16.

См. также: Марк. 5:4; Лук. 6:1.

(2) Инструментальный причины. Данный случай использования инструментального падежа отражает простой переход от обозначения орудия, посредством которого достигается результат, к первоначальному фактору, производящему этот результат. Так, когда мы говорим «он был уничтожен землетрясением», то способ построения фразы здесь лишь незначительно отличается от того, который мы видим в «он был уничтожен кинжалом убийцы». В первом предложении действие раскрывает изначальную причину происшедшего. Перед нами здесь явно форма инструментального падежа, и ее невозможно классифицировать иначе.

φόβῳ θανάτου ἦσαν δουλείας.

Из-за страха смерти они были привержены рабству. Евр. 2:15.

См. также: Рим. 11:30; 2Кор. 2:7.

(3) Инструментальный образа действия. Это один из наиболее распространенных способов использования инструментального падежа. Этот падеж здесь обозначает *способ, посредством которого* выполняется или достигает конечного результата действие. Идею образа действия можно проследить также в наречиях инструментальной формы, таких как δημοσία, *публично* (Деян. 16:37). «Вместе с тем инструментальный падеж образа действия употребителен, как правило, не с наречиями, но, прежде всего, с глаголами, а также с прилагательными и даже с именами существительными» (R. 530).

προφητεύουσα ἀκατακλύπτῳ τῇ κεφαλῇ.

Пророчествуя с непокрытой головой. 1Кор 11:5.

См. также: Деян. 11:23; 1Кор. 10:30.

(4) Инструментальный меры. Нетрудно заметить, что идея измерения содержит в себе идею способа или средства. Две точки во времени или в пространстве разделены *посредством* лежащего между ними расстояния. В Новом Завете инструментальный падеж в этой функции употребляется, в основном, по отношению к расстоянию во времени. Действительно, Робертсон классифицирует такое использование инструментального падежа как творительный падеж времени (R. 527). Инструментальный меры также может употребляться для выражения степени различия (см. Евр. 1:4).

ἱκανῶ χρόνῳ ταῖς μαγίαις ἐξεστακεῖν αὐτούς.

Немалое время он изумлял их волхованиями. Деян. 8:11.

См. также: Лук. 8:27; Рим. 16:25.

(5) Инструментальный сообщества. Выше мы отмечали, что идея инструмента содержится в идее сообщества. Чтобы сообщество имело место, другая сторона должна предоставить средства для того, чтобы оно образовалось. Тем не менее, сообщество не обязательно бывает личностным, хотя по преимуществу оно является именно таким. Рим. 15:27, τοῖς πνευματικοῖς ἐκοινῶνισαν буквально означает: *они имели общение (с вами) как с людьми духа.* Это явный пример сообщества, хотя средства коммуникации здесь не являются личностными. Инструментальный падеж сообщества весьма широко представлен в Новом Завете. Робертсон приводит семьдесят восемь примеров такого использования инструментального падежа.

νεανίσκος τις συνεκολούθει αὐτῷ.

Некий юноша следовал с ним. Марк. 14:51.

См. также: Рим. 11:2; 1 Кор. 4:8.

(6) **Инструментальный действующего лица.** Иногда в Новом Завете действующее лицо обозначается инструментальным падежом без предлога. В таких случаях глагол всегда стоит в форме страдательного или среднего залога.

οἱσὶ γὰρ πνεύματι θεοῦ ἄγονται, οὗτοι υἱοὶ θεοῦ εἰσίν.

Ибо все, ведомые Духом Божьим, суть сыны Божиим. Рим. 8:14.

См. также: Гал. 5:18; Кол. 1:16.

Винительный падеж

96. По сравнению со всеми остальными падежами винительный, вероятно, самый древний и, конечно, наиболее часто используемый падеж греческого языка. Он обладает более широким спектром функции, чем любой другой падеж. Действительно, винительный падеж – это «падеж прямого дополнения, в качестве какового он обычно и выступает, если по какой-либо причине его не следует употребить в ином качестве» (R-S. 29). Вероятно, первоначально винительный падеж имел множество разнообразнейших способов применения, поэтому выявить его основное значение не так легко. Конечно, в основном он ставится при глаголах, подобно тому, как родительный падеж ставится преимущественно при именах. Винительный падеж главным образом относится к действию, а именно уточняет направление, протяженность или окончание действия. «Винительный падеж означает, что данный объект представлен как пункт, в направлении которого осуществляется движение: этим пунктом может быть окончание действия или описываемого движения, этим пунктом может быть также пространство, пересекаемое объектом в его направленном движении» (Вебстер, *Синтаксис и синонимы греческого Нового Завета*, стр. 63). Итак, основная функция винительного падежа на самом деле тройка, то есть этот падеж обозначает окончание, направление, либо пространство движения или действия. Однако каждое из перечисленных значений задействовано для уточнения пределов распространения действия, поэтому основным значением винительного падежа можно назвать *ограничение*. Если сказать ὁ ἄνθρωπος ἔπεμψε, *человек послал*, то акт посылания ничем не ограничен и не имеет определенного значения; но если сказать ὁ ἄνθρωπος ἔπεμψε τὸν δοῦλον, *человек послал слугу*, то мы сразу же *ограничиваем* действие, указывая на его объект. Другой пример - ὁ ἄνθρωπος ἦλθεν τὴν χώραν, *человек пришел в страну*. Здесь движение ограничено пунктом прибытия. Подобным же образом можно сказать ὁ ἄνθρωπος ἐπορεύετο μακρὰν ὁδόν, *человек проделал большой путь*, где действие обретает четкие пространственные границы. Итак, во всех случаях базовым значением является ограничение. Данная основная функция в большей или меньшей степени прослеживается в самых разнообразных способах использования винительного падежа.

(1) Винительный прямого дополнения. Идея ограничения всего очевиднее, когда объект, обозначенный существительным, непосредственно испытывает на себе действие, выраженное переходным глаголом. Бласс называет такой способ употребления винительного падежа винительным прямым дополнением при переходном глаголе (Bl. 87). Действие глагола сосредоточено на некоем объекте, необходим для того, чтобы смысл глагола состоялся. В Новом Завете, конечно, имеется масса примеров подобного словоупотребления.

ἀλήθειαν λέγω.

Истину говорю. Ин. 8:46.

См. также: Мат. 4:21; Ин. 1:14.

Определяя случаи использования винительного падежа прямого дополнения в греческом языке следует помнить, что многие глаголы, которые в английском и других языках являются непереходными, в греческом языке переходные. Это глаголы со значением «говорить хорошо или плохо о ком-либо», «воздерживаться», «являть милость» и т.д. Впрочем, иногда обнаруживается, что эти глаголы присоединяют дополнение посредством предлога, как и в идиомах английского языка (см. Bl. 146 и далее).

(2) Наречный винительный. Иногда винительный падеж, выступая в присущей ему ограничительной функции, уточняет значение глагола лишь косвенным образом. Данный способ использования винительного – это «винительный падеж, который лишь опосредованно или отдаленно определяет материальный объект» (W. 229). Винительный здесь ограничивает действие, скорее обозначая факт, имеющий косвенное отношение к действию, нежели выражая объект, напрямую затронутый действием. Многие слова оказались настолько употребительны в этой функции, что превратились, по сути, в наречия, а некоторые, перестав употребляться в других падежах и в самом деле стали наречиями, например, *πρότερον*, *πλείστον*, *μᾶλλον*, *σχεδόν*. Наречный винительный падеж может употребляться в трех значениях.

а) Винительный меры или степени.

ἀπεσπάσθη ἀπ' αὐτῶν ὥσεί λίθου βολήν.

Он отошел от них примерно на бросок камня. Лук. 22:41.

См. также: Мат. 20:6; Ин. 6:19.

Разновидностью наречного винительного падежа меры является винительный падеж времени, «в течение которого» происходит действие (Мат. 20:6). Иногда винительный падеж употребляется для обозначения момента времени почти так же, как местный падеж (Деян. 20:16), но при этом винительный указывает на протяженность во времени, чего не может передать местный падеж. Это значит, что когда винительный падеж употребляется для обозначения момента времени, этот момент времени является составной частью продолжительного временного периода, подразумеваемого из контекста (см. Ин. 4:25; Деян. 27:33; 1 Кор 15:30). Подобный смысл местный падеж передать не способен.

б) Винительный образа действия.

δωρεὰν ἐλάβετε, δωρεὰν δότε.

Даром получили, даром отдавайте. Мат. 10:8.

См. также: 1 Кор. 14:27; 1 Пет. 3:21.

в) Винительный отношения.

ἥτις πολλὰ ἐκοπίασεν εἰς ὑμᾶς.

Которая много (= в отношении многих вещей) трудилась для вас. Рим. 16:6.

См. также: 1 Кор. 9:25; Еф. 4:15.

i. Винительный, употребляющийся с инфинитивом, является скорее не «подлежащим» инфинитива, но представляет собой винительный отношения, применяемый для описания «лица, связанного с действием» (R-S. 97).

ii. Наречный винительный падеж широко представлен в папирусах (см. B.G.U. 22:5).

(3) Винительный этимологический. Когда винительный прямого дополнения выражает идею, которая уже заключена в глаголе, он называется этимологическим винительным падежом. Здесь границы, которые винительный падеж ставит действию, совпадают со значением глагола, и такой падеж употребляется с целью усиления смысла этого глагола.

τὸν καλὸν ἀγῶνα ἡγώνισμαι.

Сражением добрым я сразился. 2 Тим. 4:7.

См. также: Мар. 4:41; 1 Пет. 5:2.

(4) Двойной винительный. Некоторые глаголы для уточнения своего значения требуют более чем одного дополнения. Сюда относятся глаголы, способные присоединять к себе:

а) Личное и неличное дополнение.

ἐκεῖνος ὑμᾶς διδάξει πάντα.

Он научит вас всему. Ин. 14:26.

См. также: Мар. 6:34; Евр. 5:12.

б) Прямое и предикативное дополнение.

οὐκέτι λέγω ὑμᾶς δούλους.

Я уже не называю вас рабами. Ин. 15:15.

См. также: Ин. 6:15; Лук. 1:59.

i. Здесь мы следовали в основном тем примерам двойного винительного падежа, которые приводит Бласс (см. Вл. 91 и далее). Винер разделяет данный падеж на «винительный падеж лица и предмета» (Ин. 19:2) и «винительный падеж подлежащего и сказуемого» (Ин. 6:15; см. W. 226-228). Можно заметить, что подходы обоих авторов достаточно близки. Практически те же определения дает и Вебстер (*там же*, стр. 64).

ii. Многие глаголы, требующие в английском и других языках совершенно иной конструкции, управляют в греческом двойным винительным падежом, например ἐνέδυσαν αὐτὸν τὰ ἱμάτια αὐτοῦ, *одежи Его в Его собственные одежды* (Мар. 15:20). С другой стороны, порой там, где мы вправе были бы ожидать второго винительного падежа, обнаруживается, однако, εἰς с винительным падежом. Вероятно, такое употребление является гебраизмом – результатом влияния еврейской конструкции с ל (см. Деян. 7:21 и Быт. 12:2 в Септуагинте; см. Вл. 150). Робертсон обращает внимание на тот факт, что нам может встретиться даже три винительных падежа с одним глаголом, как в Мар. 10:18 (R. 479). В тех случаях, где имеет место двойной винительный падеж при глаголе, стоящем в действительном залоге, при замене действительного залога страдательным, винительный падеж предмета обычно сохраняется (Деян. 18:25), хотя иногда, особенно в конструкциях с καλέω, падеж обоих существительных меняется на именительный (Лук. 2:21; W. 229).

(5) Винительный самостоятельный. Иногда винительный в согласовании с причастием или без него выступает в своеобразной, своего рода объяснительной функции, становясь грамматически независимым по отношению к остальной части предложения. Данное употребление винительного падежа встречается в Новом Завете очень редко. В качестве очевидного примера Робертсон приводит Деян. 26:3. Существуют и несколько других мест, где мы, возможно, имеем дело с винительным самостоятельным.

γινώστην ὄντα σε.

Поскольку ты являешься знатоком. Деян. 26:3.

См. также: 1Кор 16:6; Еф. 1:18; Рим. 8:3.

Невозможно утверждать с полной уверенностью, что все конструкции, на которые мы сослались, представляют собой винительный самостоятельный. Каждую из них можно истолковать иначе. Винер рассматривает Деян. 26:3 как *анаколуф*¹⁰ – явление, часто встречающееся в Новом Завете. Он вообще сомневается в том, что в Новом Завете есть хотя бы один случай употребления винительного самостоятельного, полагая что «при тщательном исследовании грамматическое обоснование использования винительного падежа можно обнаружить в структуре предложения» (W. 231). Винительный самостоятельный встречается в классическом греческом языке (Гудвин, *Греческие наклонения и времена* (Goodwin: *Greek Moods and Tenses*), стр. 338), а также в надписях (Бак, *Греческие диалекты* (Buck: *Greek Dialects*), стр. 125), но его наличие в папирусах весьма сомнительно (М. 74). Вебстер вполне обоснованно называет такой случай употребления «винительным падежом приложения, относящегося ко всему предложению» (*там же*, стр. 66). Использование винительного падежа в функции приложения, несомненно, имеет место.

(6) Винительный при закланиях. В Новом Завете при глаголе ὀρκίζω, *я заклинаю*, обычно стоят два винительных падежа.

ὀρκίζω σε τὸν θεόν, μή με βασανίσῃς.

Заклинаю Тебя Богом, не мучь меня. Мар. 5:7.

См. также: Деян. 19:13; 1Фес. 5:27.

В действительности данная конструкция представляет собой двойной винительный падеж – именно так классифицирует ее Робертсон (R. 483 и далее), но ее специфическая идиоматичность заслуживает отдельного рассмотрения.

¹⁰ Анаколуф – нарушение или отсутствие подразумеваемой грамматической структуры предложения. То есть, начало предложения подразумевает некоторое логическое продолжение, но конец не соответствует тому, что ожидалось бы исходя из грамматики. Анаколуф может быть как грамматическим, так и стилистическим. Он наиболее характерен для разговорной речи и внутренних размышлений. (*Прим. перев.*)

II. Предлоги

Ссылки: R. 571-636; R-S. 115-126; M. 98-107.

97. Предлоги – это вспомогательные слова, используемые для выражения именных отношений. Данная функция является основной, хотя предлоги используются в различных целях, как объясняется далее. Название “*предлог*” говорит о том, что обычно такие слова располагаются перед существительными. Сначала предлоги служили вспомогательным средством для построения падежных форм существительного, затем в процессе развития предлоги все более вбирали в себя значение окончаний грамматических форм, пока последние не оказались почти совсем вытесненными. В современном греческом языке, как и в большинстве других современных языков, предлог используется в качестве главного критерия для различения падежных форм.

Происхождение

98. Первоначально предлоги были наречиями. То есть, сначала они чаще служили дополнениями глаголов, нежели имен. Постепенно их связь с существительными стала более тесной, и в итоге традиция закрепила использование предлогов за определенными падежами. «Нетрудно ... сделать вывод, что арийские предлоги первоначально были наречиями, которые сначала выступали в качестве дополнений не существительного, но сопутствующих глаголов. ... Постепенно эти употребительные в прошлом наречия все более и более связывались в мышлении со склоняемыми существительными, которым они теперь служили в качестве определения, пока, наконец, первоначальное значение падежей не подчинилось значению сопутствующих им предлогов, а в некоторых случаях забылось» (Свит: *там же*, стр. 54).

99. Большинство встречающихся в поэмах Гомера предлогов употреблялось также и в качестве наречий. Существуют случаи такого же использования предлогов и в Новом Завете, а это значит, что некогда они были полноценными наречиями. Приведем в качестве примера 2 Кор 11:23, *διάκονοι* Χριστοῦ εἰσίν; ὑπὲρ ἐγώ. *Они служители Христовы? Я больше*. Здесь ὑπὲρ функционирует как обычное наречие; также εἰς в Лук. 21:4, ἔβαλον εἰς τὰ δῶρα, *они положили дары в*. В Откр. 21:21 ἀνα εἰς и в Марк. 14:19 κατὰ εἰς используются распределительно: *один за другим*, или *каждый*. (Заметьте, что εἰς стоит в именительном падеже.) Существуют также многочисленные примеры того, как из наречий образуются предлоги; например, ἀνω, от ἄνω, *вверх*; κατὰ от κάτω, *вниз*; εἰς от ἔσω, *внутри*; и ἐκ от ἔξω, *снаружи*.

100. Вдобавок к этому имеется множество наречных предлогов, – их некоторые исследователи необоснованно называют «не собственно» предлогами. В одних текстах они функционируют как наречия, в других – как предлоги. Перечень таких предлогов включает: ἅμα, *вместе с*; ἀντικρὺς, ἀπέναντι, κατέναντι, *напротив*; ἄνευ, ἄτερ, *без*; ἄχρι(ς), *вплоть до*; ἔγγυς, *вблизи*; ἔκτος, ἔξω, *снаружи*; ἐμπροσθεν, ἐνώπιον, *перед*; ἕνεκεν, *ради*; ἑνοχός, *виновный в*; ἔντος, ἔσω, *внутри*; ἐπάνω, ὑπέρανω, *над*; ἐπέκεινα, ὑπέρεκεινα, *выше*; ἔως, *вплоть до*; μέσον, *посреди*; μεταξύ, *между*; ὀψις, *после*; πλὴν, *кроме*; ὑποκάτω, *под*; χωρίς, *вдали от*.

Функции

101. В то время как наречия характеризуют действие, движение или состояние, выражаемое глаголом, выступая в качестве обстоятельства образа действия, места, времени или степени действия; предлоги, выражая этот же смысл, в дополнение к нему говорят еще и о направлении и относительном положении действия, движения или состояния, показанного глаголом. Значит, предлоги являются служебными словами при глаголах, помогая им более

конкретно выразить отношение действия к именам. Так, в ἤκούσατε ἀπ’ ἀρχῆς, *вы слышали от начала*, процесс слышания характеризуется локализацией во времени; в ἦλθεν εἰς τὸ ἱερόν, *он вошел в храм*, направленное движение ограничено определенным местом. Учитывая все вышесказанное, было бы неверным утверждать, что предлоги управляют падежами. Однако, неверно и противоположное – что падежи управляют предлогами. Истина в следующем: в той же мере, в какой падежи ограничивают и определяют отношения глаголов к именам, в такой же мере и предлоги помогают выразить более точно и ясно те оттенки в значении, ради обозначения которых и появились падежи. Предлоги также употребляются для выражения падежных отношений между именами, как в Еф. 6:23, ἀγάπη μετὰ πίστεως ἀπὸ θεοῦ, *любовь с верою от Бога*. Итак, первоначально предлоги служили только вспомогательными частицами при глаголе, но затем между ними и существительным сформировались более тесные связи, помогая более точно выразить место существительного среди других членов предложения. Некоторые предлоги даже приняли окончания того падежа, с которым они вначале употреблялись. Таким образом, чтобы понять значение предлога в полном объеме, необходимо знать функцию падежа, употребляемого с рассматриваемым предлогом в каждом конкретном случае, абсолютное значение предлога и, главное (что обычно наиболее трудно), выяснить его значение по отношению к данному контексту.

Значение предлогов

102. Почти каждый предлог, как правило, занимает позицию перед словом, привнося, таким образом, новый оттенок в значение слова, делая это значение более определенным или усиливая его. Очень часто предлоги употребляются с целью подчеркнуть смысл слова или выразить его интенсивность. Языковеды называют подобное употребление предлогов «абсолютизирующим». Зачастую предлоги отражают оттенки значения, которые невозможно выразить иным способом. У всех предлогов, за исключением ὧς, περί и πρό, конечная гласная выпадает, если следующее за предлогом слово начинается с гласной.

103. Существуют предлоги, использующиеся только с одним падежом; например, ἀνά, ἀντί, ἀπό, ἐκ и εἰς; некоторые употребляются с двумя, а другие – с тремя падежами.

104. Говоря о значении предлогов, следует помнить еще один чрезвычайно важный факт, что в отличие от английских предлогов, каждый греческий предлог может употребляться для выражения одного или нескольких значений - как родственных, так и противоположных. Лучший способ установить значение предлога - изучить его в различных контекстах и отметить разницу в характере употребления. Для большей легкости здесь даются ссылки на текст. Такой метод – это метод индукции. Весьма вероятно, что первоначально каждый предлог имел одно единственное значение, и это исходное значение практически невозможно выяснить точно, можно лишь высказывать предположения. Итак, предпринимая попытку сформулировать общее значение предлога, мы называем его *основным* значением. В последующие годы исследователями были вскрыты дополнительные значения, большинство из которых родственны основному, однако некоторые отличаются от него довольно сильно. Такие дополнительные значения мы называем *производными* значениями. Они встречаются гораздо чаще, именно их в основном следует придерживаться при переводе. Кроме того, существует особое, редкое употребление предлогов в значениях, которые мы называем *отдаленными*, поскольку они не имеют прямого отношения к главному значению предлога и встречаются редко. Однако понимание таких значений окажет несравнимую помощь в толковании трудных отрывков Писания.

Ἀνά

105. Основное значение: *вверх*.

В сложных слова: *вверх, назад, вновь*. Рим. 12:2, ἀνα-καίνωσκει, *обновление*.

Производные значения: данный предлог редко используется вне сложных слов, и только с винительным падежом. Означает: **по** [о количестве, пространстве, распределении]¹¹, Откр. 4:8, ἔχων ἀνὰ πτέρυγας ἕξ, *имели по шести крыл*. См. также: Ин. 2:6. В Мат. 20:9, ἀνὰ δηνάριον значит *по динарию*. Очень часто используется в разделительном смысле: Лук. 10:1, ἀνὰ δύο, *по два*; 1 Кор. 14:27, ἀνὰ μέρος, *по очереди*. См. также Мат. 20:9-10; Откр. 21:21. Выражение ἀνὰ μέσον в Мат. 13:25, Марк. 7:21 и Откр. 7:17 значит *среди*; но в 1 Кор. 6:5 оно значит *между*.

Ἀντί

106. Основное значение: *лицом к лицу*.

В сложных словах: **лицом к лицу**. Лук. 24:17, ἀντι-βάλλετε, или *бросаете друг другу в лицо*, или *бросаете напротив*; Ин. 19:12, ἀντι-λέγει, *говорит против*.

Употребляется только с отложительным падежом. Одно из обычных значений этого предлога в классическом греческом языке было **в обмен на**, и этот перевод прекрасно соответствует Евр. 12:16, *который в обмен на (ἀντί) один обед отказался от своего первородства*. Так переводят Кюхнер (Kühner) и Винер (Winer). В Мат. 5:38 и Рим. 12:17 хорошим переводом является **за: око за око, зуб за зуб**. См. так же Мат. 17:27; Ин. 1:16. Словосочетание ἀνθ' ὧν встречается пять раз в значении **потому что** (см. Лук. 1:20; 12:3).

107. В настоящее время мы располагаем убедительным доказательством того, что преобладающим значением ἀντί в первом веке было **вместо**. «Самое общеупотребительное значение ἀντί - *вместо*» (Моултон, Миллиган, *Словарь греческого Нового Завета* (Moulton, Milligan: *Vocabulary of the Greek New Testament*). Этот вывод основывается на том, как используется предлог в папирусах. Профессор Уайтселл (Whitesell) из Чикаго исследовал употребление ἀντί в Септуагинте и нашел тридцать восемь мест, где данный предлог правильно переведен в RV как **вместо**. Поскольку ἀντί используется в Новом Завете в двух случаях, когда речь идет об искуплении, подобный перевод требует тщательного рассмотрения. Отметим следующее: Быт. 22:13, *и принес его во всесожжение вместо (ἀντί) сына своего*; Быт. 44:33, *пусть я, раб твой, вместо (ἀντί) отрока останусь у господина моего*; Чис. 3:12, *Я взял левитов из числа сынов Израилевых вместо (ἀντί) всех первенцев*. Эти три предложения, конечно, передают идею замещения. Обсуждаемый нами перевод особенно применим к следующим текстам: Мат. 2:22, *Архелай царствует в Иудее вместо (ἀντί) Ирода, отца своего*; Лук. 11:11, *подаст ему змею, вместо (ἀντί) рыбы*; 1 Кор. 11:15, *ибо волосы даны ей вместо (ἀντί) покрывала*; Евр. 12:2, *Иисуса, который вместо (ἀντί) предлежащей Ему радости, претерпел крест*. Но следует ли наш предлог переводить как **вместо** в Мат. 20:28 и Марк. 10:45, δοῦναι τὴν ψυχὴν αὐτοῦ λύτρον ἀντὶ πολλῶν, или он означает здесь, скорее **в обмен на**? При обоих вариантах перевода предлог будет выражать идею замещения. Отсутствие ясного понимания этого отрывка – результат не лингвистической двусмысленности, но богословской полемики.

Ἀπό

108. Основное значение: *далеко, вдали от*.

В сложных словах: **от** [об удалении], **назад**.

Ин. 18:26, ἀπέκοψε, *он отсек*; Мат. 16:27, ἀποδώσει, *он воздаст*. Этот предлог является весьма распространенным. Он выражает отделение и поэтому употребляется только с отложительным падежом.

¹¹ Здесь и далее в квадратных скобках приведены пояснения к значению некоторых предлогов. Эти пояснения не являются частью оригинального текста книги и добавлены при переводе в связи с неоднозначностью и плохим соответствием друг другу русских, английских и греческих предлогов. (Прим. перев.)

Производное значение: **от, из**. Мат. 3:16, ἀνέβη ἀπὸ τοῦ ὕδατος, *вышел из воды*. Но Марк более описателен и вводит дополнительные детали, используя причастие настоящего времени и ἐκ, из (в значении *изнутри*): Марк. 1:10, ἀναβαίνων ἐκ τοῦ ὕδατος, *выходящего из воды*.

Отдаленное значение: **(1) посредством, от** и т.п.¹² [о действующем лице]: Иак. 1:13, ἀπὸ θεοῦ πειράζομαι, *я искушаем Богом* (см. Деян. 15:4; 2 Кор. 7:13; Откр. 12:6). Во всех случаях подчеркивается источник действия. **(2) вследствие (буквально «на основании чего-либо»):** Евр. 5:7, ἐσακουσθεὶς ἀπὸ τῆς εὐλαβείας, *услышанный вследствие (от) благоговения*; см. Ин. 21:6; Деян. 28:3. Это употребление подтверждено папирусами. Fayum CXI: 4, *Я очень недоволен тобой за то, что ты потерял двух маленьких поросят ἀπὸ τοῦ σκυλμοῦ τῆς ὁδοῦ, вследствие (от) усталости после путешествия*. 'Αφ' ἧς или οὗ значит *с тех пор как*.

'Από может вбирать в себя значение, выражаемое ἐκ, но обычное значение ἀπὸ предполагают движение *от края*; в то время как ἐκ указывает на движение *изнутри*. Παρά с отложительным падежом подчеркивает источник и ставится только при одушевленном субъекте; как в Ин. 9:16, οὐκ ἔστιν οὗτος παρὰ θεοῦ, *Он не от Бога*.

Διά

109. Основное значение: **два**, от δύο. Иак. 1:8, δί-ψυχος, *двоемысленный*.

В сложных словах: **два, между, через**. Этот предлог часто употребляется в «абсолютизирующем» смысле. Евр. 1:11, σὺ δὲ διαμένεις, *а Ты пребываешь через* (то есть, *бесконечно*).

Производное значение: **(1) с родительным падежом; через** [сквозь [о пространстве], в течение [о времени], посредством [о способе действия]]. Ин. 3:17, ἵνα σωθῇ ὁ κόσμος δι' αὐτοῦ, *чтобы мир спасен был через Него*. В этом значении предлог встречается весьма часто. **(2) С винительным падежом:** (а) **из-за, вследствие**. Мат. 6:25, διὰ τοῦτο λέγω ὑμῖν, *из-за этого Я говорю вам*. Это значение предлога также весьма распространено. (б) **ради, для**. Марк. 2:27, τὸ σάββατον διὰ τὸν ἄνθρωπον ἐγένετο, *суббота появилась для человека* (см. Мат. 19:12; Рим. 4:23, 24; 11:28; Откр. 1:9; 2:3).

Отдаленное значение: **(1) через, посредством** и т.п. [о действующем лице]. 2 Кор. 1:19, Ἰησοῦς ὁ ἐν ὑμῶν δι' ἡμῶν κηρυχθεὶς, *Иисус, проповеданный у вас нами* (см. 1 Кор. 11:12; Гал. 1:1). **(2) посредством** и т.п. [об инструменте]. Лук. 8:4, εἶπεν διὰ παραβολῆς, *говорил притчами* (см. Деян. 15:23; 18:9). Словосочетание διὰ τί обычно обозначает **почему** (см. Мат. 21:25; Марк. 11:31).

В работе Дж. Миллигана «Греческие папирусы» (G. Milligan: *Greek Papyri*), стр. 39-40, приведено четыре отрывка, где διά указывает на действующее лицо. Один из авторов говорит, что посылает два письма, διὰ Νηδύμου μία, διὰ Κρονίου ... μία, и сообщает, что прилагаемый документ должен быть подписан διὰ Διοδώρου ... ἢ διὰ τῆς γυναικός. Хотя διά в некоторых случаях действительно используется для указания на действующее лицо, этот предлог не в полной мере принимает значение ὑπο. Это отличие между предлогами проливает свет на истинное отношение Иисуса к творению, свидетельствуя о том, что Иисус не был абсолютным, независимым Творцом, но Посредником в творении. См. Ин. 1:3, πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο; Евр. 1:2, δι' οὗ καὶ ἐποίησεν τοὺς αἰῶνας; Мат. 1:22, ἵνα πληρωθῇ τὸ ῥηθὲν ὑπὸ κυρίου διὰ τοῦ προφήτου (см. Марк. 1:5; Лук. 2:18; Ин. 1:10).

Ἐκ

110. Основное значение: **из (чего-либо), изнутри**.

¹² Идея действующего лица (а также инструмента) может быть выражена в русском языке множеством способов. Это, в зависимости от контекста, предлоги *посредством, через, от, по*, творительный или родительный падеж без предлога и т.д. Здесь и далее, во избежание путаницы, большинство вариантов перевода опущено, но они легко могут быть определены на основании смысла предлога и контекста. (Прим. перев.)

В сложных словах: **из, прочь** – в эмфатическом значении. Текст 2 Кор. 4:8 дает замечательный пример употребления в «абсолютизирующем» смысле, ἀπορούμενοι ἀλλ' οὐκ ἐξαπορούμενοι, *мы в затруднении, но мы не сбиты с толку*.

Производное значение: данный предлог употребляется исключительно с отложительным падежом, означая: **из, изнутри**. Деян. 8:39, ὅτε δὲ ἀνέβησαν ἐκ τοῦ ὕδατος, *когда же они вышли из воды*.

Отдаленное значение: (1) **по (буквально «на чем-то»)**, с. Мат. 20:21, 23, εἰς ἐκ δεξιῶν καὶ εἰς ἐξ ἐωνύμων, *один по правую руку, другой по левую*. См. также: Лук. 20:42. Папирусы дают достаточно оснований для такого перевода: οὐλὴ καστροκνημῖω ἐκ δεξιῶν, *шрам на ноге теленка с правой стороны* (B.G.U. 975:15). Но ἐκ получает такое значение лишь в сочетании со словами «правый» и «левый». (2) **посредством** и т.п. [об инструменте]. Рим. 1:17, ἐκ πίστεως ζήσεται, *он будет жив верою*. В Рим. 3:30 мы читаем: *Который оправдает* ἐκ πίστεως (см. Иак. 2:18, 22; 1Ин. 4:6). (3) **из-за, вследствие**. Ин. 6:66, ἐκ τούτου πολλοὶ ... ἀπῆλθον, *из-за этого многие отошли*.

Εἰς

111. Основное значение: **внутри, в**. Данный предлог произошел от ἐν и постепенно настолько усвоил его функции, что в современном греческом языке ἐν уже не встречается.

В сложных словах: **в, внутрь**; например, εἰσελθεῖν, *войти*.

Производное значение: с винительным падежом: **в, на, к, до, для** [о движении, времени, цели]. Эти значения весьма распространены. Εἰς употребляется более тысячи семисот раз в Новом Завете и встречается только с винительным падежом. Деян. 11:25, ἐξῆλθεν δὲ εἰς Ταρσόν, *отправился в Тарс*; Деян. 16:19, εἵλκυσαν εἰς τὴν ἀγοράν, *повели их на площадь*; Рим. 1:5, ἀποστολὴν εἰς ὑπακοὴν πίστεως, *апостольство в послушание вере*; 1 Кор. 14:22, αἱ γλώσσαι εἰς σημεῖόν εἰσιν, *языки – для знамения*.

Отдаленное значение: (1) **в** [об обретенном положении] Лук. 8:48, πορεύου εἰς εἰρήνην, *иди в мире* (см. Ин. 1:18; Деян. 2:27, 31; 19:22). (2) **на** [о поверхности] Марк. 1:10, καταβαῖνον εἰς αὐτόν, *сходящим на него* (см. Деян. 27:26). Такое использование предлога очень распространено в папирусах. (3) **против**. Лук. 12:10, ὃς ἐρεῖ λόγον εἰς τὸν υἱόν, *кто скажет слово против Сына* (см. Лук. 15:18; Деян. 6:11). (4) **среди, между**. Лук. 10:36, ἐμπεσόντος εἰς τοὺς ληστὰς, *оказавшемуся среди разбойников* (см. Ин. 21:23; Деян. 4:17). (5) **относительно, касательно, о**. Деян. 2:25, Δαυὶδ γὰρ λέγει εἰς αὐτόν *ибо Давид говорит о Нем* (см. Рим. 10:4; 15:2; 16:19). (6) **в качестве**, выражает эквивалентность [на русский язык обычно лучше переводить творительным падежом без предлога]. Евр. 1:5, ἐγὼ ἔσομαι αὐτῷ εἰς πατέρα, *Я буду Ему Отцом* (см. Марк. 10:8; Деян. 7:53; 13:22). (7) **из-за, вследствие**. Рим. 4:20, εἰς δὲ τὴν ἐπαγγελίαν τοῦ θεοῦ οὐ διεκρίθη τῇ ἀπιστίᾳ, *но из-за обетования Божьего он не поколебался неверием* (см. Мат. 3:11; Марк. 2:18; Рим. 11:32; Тит. 3:14). (8) **с целью, для**, обычно ставится при инфинитиве, но в иных случаях и без него. Мат. 8:34, ἡ πόλις ἐξῆλθεν εἰς ὑπάντησιν τῷ Ἰησοῦ, *город вышел для встречи (= с целью встретить) Иисуса* (см. Мат. 8:4; 1Кор. 11:24; 2Кор. 2:12).

i. Ниже приводится довольно обширная цитата из статьи Дж. Манти (J. R. Mantey) «Необычные значения предлогов в греческом языке Нового Завета», опубликованной в журнале *Толкователь (Expositor)*, Лондон, июнь 1923.

Когда в Деян. 2:38 покаяние рассматривается как отречение себя, а крещение – как публичное выражение смирения и посвящения человека Христу, то есть в том значении, в котором покаяние и крещение понимались в первом веке, то выражение εἰς ἄφεσιν τῶν ἁμαρτιῶν ὑμῶν может обозначать *с целью (ради) отпущения грехов*. Но если раннехристианское значение крещения не учитывается, а ударение делается на акте крещения как на церемониальном средстве спасения, то происходит искажение христианского учения в целом, поскольку одним из ярких отличий христианства от иудаизма и язычества является доктрина о спасении через веру, в то время как остальные религии говорят о спасении через дела.

Предложение μετανοήσεν εἰς τὸ κήρυγμα Ἰωάνη в Мат. 12:41 и Лук. 12:32 служит убедительным доказательством необычного использования обсуждаемого предлога. Что привело людей к покаянию? Конечно, проповедь Ионы. Мат. 3:11 дает следующее свидетельство: ἐγὼ μὲν ὑμᾶς βαπτίζω ἐν ὕδατι εἰς μετανοίαν. Крестил ли Иоанн, чтобы люди могли покаяться, или же по причине их покаяния? Предположим, что верно первое утверждение, однако, мы не найдем подтверждений этому в Писании. Если верно последнее, то апостолы утвердили практику Иоанна Крестителя и следовали ей, к тому же она находится в полном согласии с требованием Христа иметь внутреннюю, неподдельную праведность. Данный отрывок связан с имеющимся у нас свидетельством писателя первого века о том, что Иоанн Креститель крестил людей только после покаяния. Иосиф Флавий пишет в сочинении *Иудейские древности*, VIII, 5:2: «... который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг ко другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях (учил Иоанн) омовение будет угодно Господу Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения своего тела, тем более что души их заранее уже успеют очиститься.” (перевод с греческого Г. Генкеля – прим. пер.).

ii. Дейсман в книге “Свет с Древнего Востока” (Deissmann: *Light From the Ancient East*) приводит несколько убедительных цитат из папирусов в качестве доказательства факта, что πιστεύειν εἰς αὐτὸν означало *сдаться на милость* или *покорность, подчинение* кому либо. Раб продавался *во имя храмового бога*; то есть, чтобы быть слугой в храме. Дж. Миллиган согласен с Дейсманом в том, что способ употребления εἰς αὐτόν, встречающийся в папирусах, часто используется и в Новом Завете. Поэтому верить или креститься во имя Иисуса означает объявить и считать себя пожизненным слугой Иисуса Христа.

Ἐν

112. Основное значение: *внутри*.

В сложных словах: *внутри*, *в*; например, ἐνεργέω *произвожу (что-либо в)*, и ἐνδύω, *одеваюсь в*.

Производное значение: с местным падежом: *в, на, у, внутри, среди* [о положении, сфере]. Мат. 2:5, ἐν Βηθλεέμ, *в Вифлееме*; Деян. 1:17, ἐν ὑμῖν, *среди нас*. С местным падежом он ставится в большинстве случаев при именах, обозначающих место, но встречается и при именах, обозначающих время (см. Деян. 1:15). (2) С инструментальным падежом: *с, посредством* и т.п. [о способе, инструменте]. 1 Кор. 4:21, ἐν ῥάβδῳ ἔλθω πρὸς ὑμᾶς; *с жезлом прийти к вам?* Откр. 6:8, ἀποκτεῖναι ἐν ῥομφαίᾳ καὶ ἐν λιμῷ καὶ ἐν θανάτῳ, *умерщвлять мечем и голодом, и мором*. См. также: Лук. 1:51; Рим. 1:18; Евр. 9:25; Откр. 13:10. Для ввода придаточных предложений времени нередко используется словосочетание ἐν τῷ, *когда, пока, в то время*, часто употребляющееся как с инфинитивом, так и с личными глаголами; например, Мат. 13:4, ἐν τῷ σπεῖρειν αὐτόν, *когда он сеял* (см. Лук. 5:34).

Отдаленное значение: (1) *сверх того*, встречается только один раз. Лук. 16:26, καὶ ἐν πᾶσι τούτοις μεταξύ ἡμῶν καὶ ὑμῶν, *и сверх всего этого, между нами и вами*, и т.д. (2) *в, к* [о движении с последующим пребыванием]. Ин. 3:35, πάντα δέδωκεν ἐν τῇ χειρὶ αὐτοῦ, *все дал в руку Его* (см. Мат. 26:23; Рим. 2:5). (3) *из-за, вследствие*. Гал. 1:24, ἐδόξαζον ἐν ἐμοὶ τὸν θεόν, *и прославляли из-за меня Бога* (см. Рим. 1:24; Кол. 1:21; 1 Пет. 2:2).

i. “Профессор Г. Кеннеди (Н. А. А. Kennedy) приводит несколько случаев употребления ἐν в значении *из-за, вследствие* из Септуагинты и посланий апостола Павла” (см. Моултон и Миллиган, *там же*).

ii. По поводу выражения ἐν Χριστῷ, которое встречается сто шестьдесят четыре раза в посланиях Павла, Дейсман говорит: “Не вызывает сомнений, что ‘Христос во мне’ означает вознесенного Христа, живущего в Павле, ... и Павла, пребывающего во Христе. Христос, вознесенный Христос, есть Дух Святой. Посему, Он может жить в Павле, и Павел в Нем”. Это мистическая взаимосвязь подобна воздуху: он в нас, и одновременно - мы в нем.

iii. Ἐν употребляется в Евр. 1:1-2 почти в том же значении, какое имеет διὰ с родительным падежом, ὁ θεός λαλήσας τοῖς πατέρας ἐν τοῖς προφήταις ἐπ’ ἐσχάτου τῶν ἡμερῶν τούτων ἐλάλησεν ἡμῖν ἐν υἱῷ, *Бог, говоривший отцам в пророках (через пророков), в последние дни сии говорил нам в Сыне (через Сына)* (см. Мат. 12:27, 28).

Ἐπὶ

113. Основное значение: *на*.

В сложных словах: **на**, а также для усиления смысла, например, ἐπιγινώσκω, *знаю совершенно*.

Производное значение: **(1)** с родительным падежом: **на, у, возле, при, перед**, подчеркивая пребывание. Лук. 2:14, ἐπὶ γῆς εἰρήνη, *мир на земле*. **(2)** С местным падежом: **на, у, возле, над, перед**, [по-русски иногда передается творительным без предлога] подчеркивая положение. Мат. 18:13, χαίρει ἐπ' αὐτῷ, *он радуется*. **(3)** С винительным падежом: **по, на, к, вплоть до, над, через**, подчеркивая движение или направление. Марк. 16:2, ἔρχονται ἐπὶ τὸ μνημεῖον, *приходят ко склепу*.

Отдаленное значение: **(1)** **в** [о положении]. Исх. 2:5, λούσασθαι ἐπὶ τὸν ποταμόν, *купаться в реке*; Рим. 1:10; 6:21; Тит. 1:2. **(2)** **против**. Марк. 14:48, ὡς ἐπὶ ληστὴν ἐξήλθατε, *как против разбойника вы вышли* (см. Лук. 12:53; Деян. 13:50). **(3)** **для** [о цели]; **в течение** [о времени]. Мат. 3:7, ἐρχομένους ἐπὶ τὸ βάπτισμα, *идущих для крещения*, Лук. 7:44; 18:4; Деян. 19:10, 34. **(4)** **после, по**. Лук. 1:59, ἐκάλουν αὐτὸ ἐπὶ τῷ ὀνόματι τοῦ πατρὸς, *хотели назвать его по имени отца* (см. Лук. 14:34; Рим. 5:14; Откр. 1:7). **(5)** **вследствие, ввиду (буквально «на основании чего-либо»)**. Деян. 4:21, ἐδόξαζον τὸν θεὸν ἐπὶ τῷ γεγονότι, *прославляли Бога ввиду происшедшего* (см. Лук. 1:47; Рим. 5:12; 1 Кор. 1:4). Словосочетание ἐφ' ᾧ в Рим. 5:12 и 2 Кор. 5:4 означает *потому что*. **(6)** **в то время как, при**. Деян. 11:28, ἥτις ἐγένετο ἐπὶ Κλαυδίου, *который был во время Клавдия (при Клавдии)* (см. Мат. 1:11; Марк. 2:26; Лук. 3:2). **(7)** **вдобавок к**. 2 Кор. 7:13, ἐπὶ τῇ παρακλήσει ἡμῶν, *вдобавок к утешению вашему*. Такое применение предлога было общепотребительным в классическом греческом языке.

Κατά

114. Основное значение: **вниз**.

В сложных словах: **вниз**. Рим. 1:18, τὴν ἀλήθειαν ... κατεχόντων, *крепко держащихся за истину* [буквально: *державших внизу*]. Иногда он употребляется эмфатически; например, Мат. 3:12, τὸ δὲ ἄχρουν κατακαύσει, *а солому сожжет огнем*.

Производное значение: **(1)** с отложительным падежом: **вниз с**. Марк. 5:13, ὥρμησεν ἡ ἀγέλη κατὰ τοῦ κρηνοῦ, *устремилось стадо вниз с крутизны*. **(2)** С родительным падежом: **вниз на, вниз, против, на, по, по всему**. Деян. 9:42, γνωστὸν δὲ ἐγένετο καθ' ὅλης Ἰόππης, *и это сделалось известным по всей Иоппе*. **(3)** С винительным падежом: **вдоль, по, в, согласно**. Лук. 10:4, μηδένα κατὰ τὴν ὁδὸν ἀπάσθητε, *ни кого по дороге не приветствуйте*. Также в разделительном смысле: Деян. 2:26, κατ' οἴκον, *от дома к дому*; Лук. 2:41, κατ' ἔτος, *из года в год*; 1 Кор. 14:27, κατὰ δύο, *по двое*; см. также Лук. 8:1; 13:22.

Отдаленное значение: **(1)** **применительно, что касается, в отношении** и т.п. Фил. 4:11, οὐχ ὅτι καθ' ὑστέρησιν λέγω, *это я говорю не в связи с нуждой*; Рим. 14:22; 2 Кор. 7:11; Еф. 6:21. **(2)** **в** [о положении]. Деян. 11:1, οἱ ὄντες κατὰ τὴν Ἰουδαίαν, *бывшие в Иудее* (см. Деян. 13:1; 15:23; 24:12; Евр. 11:13). **(3)** **перед**. Лук. 2:31, κατὰ πρόσωπον πάντων, *перед лицом всех* (см. Деян. 2:10; Гал. 2:11; 3:1).

Μετά

115. Основное значение: **посреди**. Мат. 1:23, μεθ' ἡμῶν ὁ θεός, *Бог среди нас (с нами)*.

В сложных словах имеет три четко выделяемых значения. **(1)** **с, вместе с**. Лук. 5:7, μετόχος, от μετά и ἔχω, *имеющий вместе с, то есть соучастник*. **(2)** **вслед за**. Деян. 10:5, μετάπεμψαι Σίμωνά, *отправь вслед за Симоном (то есть, приведи Симона)*. **(3)** Часто используется для выражения идеи изменения или отличия, например, μετανοέω, *думаю по-другому*, μεταρροφούσθε; *измените себя*; μετατίθημι, *переставляю*.

Производное значение: **(1)** с родительным падежом: **с, вместе с**. Марк. 1:13, ἦν μετὰ τῶν θηρίων, *Он был со зверями*; см. также Марк. 1:20, 29, 36. **(2)** С винительным падежом: **после**. Лук. 5:27, μετὰ ταῦτα ἐξῆλθεν, *после этого Он вышел*; см. также Лук. 9:28; 10:1; 12:4.

Παρά

116. Основное значение: **рядом, у (чего-либо)**.

В сложных словах: **рядом, у**. Мат. 4:13, Καφαρναοὺμ τὴν παραθαλασσίαν, *Капернаум, расположенных у моря*. К этому близко стоят значения **при, вдоль**. В качестве приставки иногда употребляется эмфатически. Мат. 8:5, παρακαλῶν αὐτὸν, *настоятельно зовя* (то есть, умоляя) *Его* (см. Деян. 17:16; Евр. 3:16; Гал. 4:10).

Производное значение: **(1)** с отложительным падежом: **от, из, у** [об источнике действия]. Ин. 4:9, παρ' ἐμοῦ πείν αἰτεῖς, *ты просишь у меня пить* (инфинитив используется как имя) *у меня*. **(2)** С местным падежом: **сбоку от, в присутствии, у, перед**. Лук. 1:30, εὗρες χάριν παρὰ τῷ θεῷ, *ты обрела благодать у Бога*; Рим. 2:30, δίκαιοι παρὰ θεῷ, *праведны пред Богом*. Παρά в отложительном и местном падеже используется только с именами одушевленными, но если мы возьмем винительный падеж, то ситуация становится прямо противоположной за исключением лишь нескольких случаев. **(3)** С винительным падежом: **к, к краю, рядом с, около, вдоль, за**. Лук. 18:35, παρὰ τὴν ὁδὸν ἐπαιτῶν, *прося милостыню у дороги* (см. Рим. 1:25; Евр. 1:9). При сравнительной степени предлог лучше всего переводить **чем**. Евр. 1:4; 2:7, ἡλάττωσας αὐτὸν ... παρ' ἀγγέλους, *сделал Его ниже, чем ангелы*. В нескольких случаях παρὰ получает значение **против**. Рим. 1:26, τὴν φυσικὴν χρῆσιν εἰς τὴν παρὰ φύσιν, *естественное употребление на противоестественное* (см. Деян. 18:13; Рим. 11:24).

Περὶ

117. Основное значение: **вокруг**.

В сложных словах: **вокруг**. Деян. 13:11, περιάγων ἐζήτει χειραγωγούς, *ходя вокруг, он искал руководителей*. Нередко употребляется в «абсолютизирующем» смысле, эмфатически усиливая, в некоторых случаях, значение слова. Евр. 10:11, περιελεῖν ἁμαρτίας, *полностью освободить от грехов* (см. Деян. 27:20; Мат. 26:38).

Производное значение: **(1)** с родительным падежом: **о, относительно, касательно**. Мат. 16:11, οὐ περὶ ἄρτων εἶπον, *не о хлебе Я сказал* (см. Мат. 17:16; 18:19; 19:17). **(2)** С винительным падежом: **вокруг, вблизи, около** [о пространстве и времени]. Мат. 8:18, ὄχλον περὶ αὐτὸν, *толпу вокруг Него* (см. Мат. 20:3, 5, 6, 9). В винительном падеже περὶ указывает на пребывание вблизи или вокруг, в то время как в родительном падеже предлог передает общее отношение, как в предложении «Разговор вращался *вокруг* него».

Отдаленное значение: **(1)** **ради, в пользу**. Мат. 26:28, τὸ αἷμά μου ... περὶ πολλῶν, *кровь Моя ради многих* (см. Марк. 1:44; Ин. 16:26; Евр. 5:3; Исх. 14:14, 25). **(2)** В Деян. 13:13 лучшим переводом может быть **с**; οἱ περὶ Παῦλον, *бывшие с Павлом*. **(3)** В Тит. 2:7 возможный хороший перевод περὶ πάντα - **во всем**.

Πρό

118. Основное значение: **перед, впереди**.

В сложных словах: **перед**. Мат. 2:9, ὁ ἀστήρ ... προῆγεν αὐτοῦς, *звезда шла перед ними*.

Производное значение: с отложительным падежом: **перед**. Ин. 5:7, ἄλλος πρό ἐμοῦ καταβαίνει, *другой сходит передо мною*.

Отдаленное значение: πρό только дважды в Новом Завете отклоняется от своего обычного значения **перед**. **(1)** В Ин. 10:8, πάντες ὅσοι ἦλθον πρό ἐμοῦ κλέπται εἰσὶν καὶ λησταί, *данный*

предлог обычно переводится как *перед*, но контекст подсказывает другой вариант перевода, а именно **вместо** или **во имя**, что также является распространенным переводом *πρό*. Гесснер Харрисон в книге «Греческие предлоги и падежи» (стр. 408) цитирует примеры подобного употребления предлога. Он пишет: «отсюда происходит идея занятия одним места другого или фигурирования в качестве его заместителя». (2) Выражение *πρό πάντων* в Иак. 5:12 и 1Пет. 4:8 означает *прежде/более всего*.

Πρός

119. Основное значение: *близко, лицом к лицу*.

В сложных словах: **близко** (Мат. 15:32); **по направлению к** (Лук. 9:41); **для** (Мат. 13:21). В некоторых случаях предлог эмфатически усиливает значение слова. Деян. 10:10, *πρόσπεινος*, *сильный голод*; Деян. 2:24, *προσκαρτέρειω*, *постоянно пребываю*.

Производное значение: (1) с местным падежом: **у, в, при, за** [о местоположении]. Ин. 20:12, *ἓνα πρὸς τῇ κεφαλῇ καὶ ἓνα πρὸς τοῖς ποσί, одного у головы и одного у ног* (см. Лук. 19:37; Ин. 18:16; Откр. 1:13). (2) С винительным падежом. (а) **к, по направлению к**. Мат. 2:12, *μὴ ἀνακάμψαι πρὸς Ἡρώδην, не возвращаться к Ироду*. (б) **возле**. Марк. 4:1, *ὄχλος πρὸς τὴν θάλασσαν, народ возле моря*. (в) **против**. Деян. 6:1, *πρὸς τοὺς Ἑβραίους, против Евреев*. (г) **с, вместе с**. Ин. 1:1, *ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν, Слово было с Богом*. (д) **у, в, при, за** [о положении]. Марк. 7:25, *προσέπεσεν πρὸς τοὺς πόδας αὐτοῦ, она упала у ног Его*.

Отдаленное значение: (1) **для** [о цели]; **в течение** [о времени]. Деян. 27:34 (единственный случай употребления с отложительным падежом); Ин. 5:35; Рим. 15:2; Тит. 1:16; 2Тим. 3:17, *πρὸς πᾶν ἔργον ἀγαθὸν ἐξηρτισμένος, для всякого доброго дела полностью приготовленный*. (2) **в связи с, в отношении**. Евр. 5:1, *τὰ πρὸς τὸν θεόν, то, что касается (отношения) к Богу*. (3) **на** [о поверхности]. Марк. 5:11, *Ἦν δὲ ἐκεῖ πρὸς τῷ ὄρει ἀγέλη χοίρων, было же там, на горе стадо свиней*. (4) **ввиду, вследствие**. Марк. 10:5, *πρὸς τὴν σκληροκαρδίαν ὑμῶν, в виду жестокосердия вашего* (см. Мат. 19:8). (5) В сочетании с инфинитивом используется для указания на цель. Мат. 6:1, *πρὸς τὸ θεαθῆναι αὐτοῖς, чтобы быть видимыми ими*.

Σύν

120. Основное значение: *вместе с*.

В сложных словах: (1) **с**. Марк. 14:51, *κακίσκος τις συνεκολούθει αὐτῷ, некий юноша следовал с Ним*. (2) **вместе**. 1Кор. 14:26, *ὅταν συνέρχησθε, когда вы сходитесь вместе*. (3) Иногда предлог усиливает значение слова, к которому присоединяется. Лук. 2:19, *συνετήρει, тщательно хранила* (см. Лук. 12:2; 13:11; Рим. 11:32).

Производное значение: с творительным падежом: **вместе с, с**. Ин. 12:2, *Λάζαρος ἦν ... σὺν αὐτῷ, Лазарь был с Ним* (см. Лук. 1:56; 5:9; 9:32). *Σύν* ставится почти исключительно при лицах одушевленных и подразумевает близкие отношения или сотрудничество.

Отдаленное значение: **наряду с**. Лук. 24:21, *σὺν πᾶσιν τούτοις, наряду со всем этим*. Таким же образом этот предлог можно перевести и в Деян. 17:34.

ὑπέρ

121. Основное значение: *над*.

В сложных словах: (1) **над**. Евр. 9:5, *ὑπὲράνω, выше, над*. (2) **Более чем**. 1 Фес. 3:10, *ὑπερπερισσοῦ δεόμενοι, прося более чем ревностно* (см. 2 Кор. 12:7; Фил. 4:7). (3) **вне**. 1 Фес. 4:6, *ὑπερβαίνειν, переступать, обманывать*. (4) Иногда предлог употребляется в «абсолютизирующем» или усилительном смысле. Фил. 2:9, *ὁ θεὸς αὐτὸν ὑπερύψωσεν, Бог Его превознес* (см. 1Тим. 1:14).

Производное значение: **(1)** с отложительным падежом. (а) *для, за, ради, в пользу*. Тит. 2:14, ἔδωκεν ἑαυτὸν ὑπὲρ ἡμῶν, *Он отдал Себя за нас* (см. Марк. 14:24, Лук. 22:19, 20; Евр. 2:9). (б) *вместо*. Ин. 11:50, “лучше нам, чтобы один человек умер *вместо народа* (ὑπὲρ τοῦ λαοῦ, нежели чтобы весь народ погиб”; Гал. 3:13, “Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись *вместо нас* (ὑπὲρ ἡμῶν) клятвою”. В обоих отрывках контекст ясно показывает, что речь идет о замещении (см. 2 Кор. 5:14, 15; *Каталог греческих папирусов* 94:15). **(2)** С винительным падежом. (а) *над, выше*. Мат. 10:24, οὐκ ἔστιν μαθητῆς ὑπὲρ τὸν διδάσκαλον, *ученик не выше учителя*. (б) *за пределами, больше*. Деян. 26:13, ὑπὲρ τὴν λαμπρότητα τοῦ ἡλίου, *больше сияния солнца*. (в) *более чем*. Мат. 10:37, ὁ φιλῶν πατέρα ἢ μητέρα ὑπὲρ ἐμὲ, *кто любит отца или мать более чем Меня*.

Отдаленное значение: **(1)** *касательно, относительно, в связи с*. Ин. 1:30, οὗτός ἐστιν ὑπὲρ οὗ ἐγὼ εἶπον, *Он есть Тот, относительно Которого я сказал* (см. 2Кор. 8:23; 2Фес. 2:1). **(2)** При прилагательных в сравнительной степени предлог может переводиться как *чем*. Евр. 4:12, τομώτερος ὑπὲρ μάχαιραν, *острее, чем меч* (см. Лук. 16:8; Ин. 12:43).

‘Υπό

122. Основное значение: *под*.

В сложных словах: **(1)** *под*. Мат. 5:35, ὑποπόδιόν, *подножие*.

Производное значение: **(1)** с винительным падежом: *под*. Мат. 8:9, ἄνθρωπος εἰμι ὑπὸ ἐξουσίαν, *я человек подвластный*. **(2)** С отложительным падежом: *посредством* и т.п. [о действующем лице]. Мат. 1:22, ῥηθὲν ὑπὸ κυρίου, *сказанное Господом*.

‘Υπό наиболее часто используется для указания на действующее лицо. В самом деле, действующее лицо обозначается при помощи оборота с ὑπό гораздо чаще, чем при помощи какой-либо другой из упомянутых конструкций. Столь же часто встречается инструментальный падеж без предлога (см. Рим. 8:14, ὅσοι γὰρ πνεύματι θεοῦ ἄγονται, *ибо все кто водимы Духом Божьим*). Остальные четыре предлога, изредка используемые для указания на действующее лицо, таковы: ἐκ (Гал. 4:4), παρὰ (Ин. 17:7), ἀπό (1 Кор. 3:18) и διὰ (Мат. 1:22). Говоря выше о διὰ мы привели примеры его употребления в качестве предлога, вводящего действителя-посредника.

Предложные конструкции

123. Предлоги могут употребляться с прилагательными, существительными, местоимениями, образуя устойчивые конструкции. Как результат подобные конструкции иногда получают значение идиомы. Например, они могут брать на себя роль союзов: Лук. 21:24, ἄχρι οὗ, *до тех пор пока*; Откр. 16:18, ἄφ’ οὗ, *с тех пор как*; Лук. 12:3, ἀνθ’ ὧν, *потому что*; Рим. 5:12, ἐφ’ ᾧ, *потому что*; Мат. 25:40, 45, ἐφ’ ὅσον, *так как*; но в Мат. 9:15 и 2 Пет. 1:13, *пока*; Евр. 3:3; 9:27, καθ’ ὅσον, *так как, в виду того что*; Мат. 21:25, διὰ τί, *почему*; Мат. 14:31, εἰς τί, *почему*; Лук. 5:34, ἐν ᾧ, *пока*.

124. Следующие предложные конструкции выступают в основном в функции наречий: 2Кор. 1:14, ἀπὸ μέρους, *отчасти*; Мат. 4:17, ἀπὸ τότε, *с этого времени*; Мат. 23:39, ἀπ’ ἄρτι, *с этого времени*; Мат. 18:10, διὰ παντός, *всегда*; Евр. 7:25, εἰς τὸ παντελές, *полностью, навсегда*; Деян. 12:7, ἐν τάχει, *быстро*; Ин. 4:31, ἐν τῷ μεταξύ, *между тем*; 3 Ин. 1, ἐν ἀληθείᾳ, *искренно или неподдельно*; 2 Кор. 9:6, ἐπ’ εὐλογίαις, *щедро*; Деян. 23:19, κατ’ ἰδίαν, *частным образом*; Деян. 3:17, κατὰ ἄγνοιαν, *несведущие*.

125. Иногда устойчивые сочетания одного или нескольких слов с предлогом могут переводиться прилагательными. Дж. Миллиган в работе «Греческие папирусы» (стр. 47) переводит ἐξ ὑγιούς καὶ ἐπ ἀληθείας как *здоровый и истинный*, а в «Словаре греческого Нового Завета» (стр. 59) переводит ἀπὸ δημίας как *безупречный*. В отрывке 2 Кор. 8:2 κατὰ βάθος обозначает *глубокое*. Когда предложная конструкция встречается в атрибутивной позиции, то есть следует за артиклем, оно выполняет функцию прилагательного: Деян. 17:13,

οἱ ἀπὸ τῆς Θεσσαλονίκης Ἰουδαῖοι, *Фессалоникские Иудеи*; Деян. 18:25, ἐδίδασκεν ἀκριβῶς τὰ περὶ τοῦ Ἰησοῦ, *он учил правильно тому, что относится к Иисусу*; Рим. 4:12, τῆς ἐν ἀκροβυστίᾳ πίστεως, *необрезанной (в необрезании) веры*.

126. Сходным образом существительное, стоящее в родительном падеже, описания может иногда переводиться прилагательным. В Кол. 1:27 и Тит. 2:13 τῆς δόξης значит *славное*, а правильный перевод τῆς ἀδικίας в Лук. 16:8 - *неправедный*. Заметьте подобное же употребление в Деян. 9:15, σκεῦος ἐκλογῆς ἐστὶν μοι, *он есть избранный сосуд для Меня*.

Функции предлогов в пространственном изображении

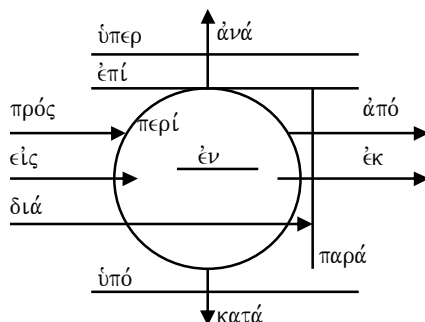

Таблица значений предлогов

	Направление	Положение	Отношение	Действующее лицо	Инструмент	Причина	Связь	Цель
ἀνά	вверх	в, у, при						
ἀντί			вместо, в обмен на			из-за, вследствие		
ἀπό	от, из		за, для	посредством <i>и т.п.</i>		ввиду, вследствие		
διὰ	через		за, для	посредством <i>и т.п.</i>	через, посредством <i>и т.п.</i>	из-за, вследствие		ради, для
ἐκ	из, изнутри	по			посредством <i>и т.п.</i>	из-за, вследствие		
ἐν	внутри	в, на, у, внутри, среди	сверх того	в	с помощью, посредством <i>и т.п.</i>	из-за, вследствие	с	
εἰς	в, на, к, до	в, на, среди, между	в качестве, для, против, относительно			из-за, вследствие		с целью, для
ἐπί	вплоть до, к	на, у, возле, над, перед	против, после, по, во время			ввиду, вследствие		для
κατά	вдоль, вниз, на, по, по всему	внизу, на, у, в, при, перед	применительно, что касается, в связи с					
μετά			после				с	
παρά	вне, за, от, к краю	сбоку от, у, перед	против				с	
περί	вокруг, кругом		относительно, касательно, о				с	
πρό		впереди, перед						
πρός	к, по направлению	у, в, при, за	против, в связи с,		посредством <i>и т.п.</i>	ввиду, вследствие	с	для

	к		в отношении					
σύν			наряду с				с	
ὑπέρ	за	над, выше	относительно, для, в пользу, вместо					для, ради
ὑπό		под		посредством и т.п.				

III. Имя прилагательное

Ссылки: R. 650-675; R-S. 65-66; M. 77.

127. Сейчас мы подходим к теме, которой обычно пренебрегают при изучении грамматики греческого языка. Поскольку греческое имя прилагательное по сути своей очень близко к имени существительному, лишь немногие эллинисты обращаются к рассмотрению данной части речи, но и они отводят этому вопросу довольно мало места. Тем не менее, не существует ни одного языка, который по богатству и разнообразию употребления прилагательных сравнялся бы с греческим. Поэтому всякому, кто изучает греческий язык Нового Завета, крайне важно ознакомиться, по крайней мере, с наиболее характерными чертами употребления прилагательных.

Происхождение прилагательных

128. Прилагательное – это просто частный случай употребления существительного. В происхождении прилагательного от существительного невозможно усомниться. Здесь мы упомянем три свидетельства в пользу данного факта, другие же обнаружатся при дальнейшем рассмотрении темы. Во-первых, между существительным и прилагательным существует близкое родство по форме и флексии. Во-вторых, в санскрите гораздо меньше различий между существительными и прилагательными, чем в греческом языке. Третьим и, возможно, наиболее сильным свидетельством, является использование существительного, занимающего положение приложения, в типичной функции прилагательного, что сохранилось в некоторых языках даже до настоящего времени. (Обратите внимание, например, на такие выражения, как “надежа царь”, “свет боярыня” и т.п.)¹³ Пример подобного употребления существительного в Новом Завете дает Мат. 3:6, ἐν τῷ Ἰορδάνῃ ποταμῷ, в *Иордан реке*. Приведенные свидетельства, бесспорно, указывают на происхождение прилагательных от существительных. Вместе с тем, чрезвычайно развитое употребление прилагательного в греческом языке заслуживает отдельного рассмотрения.

Винер отмечает, что имеется «два вида существительных – субстантивное и прилагательное», и что, хотя они «отличаются друг от друга по смыслу, все же последнее (включая причастие) в греческом языке гораздо ближе к субстантиву, чем, например, в латинском». (W. 234).

Согласование прилагательных

129. Тесное родство прилагательного с существительным подтверждается также тем фактом, что существительное обычно определяет форму первого. Прилагательное согласуется в роде, числе и падеже с существительным, которое оно характеризует.

ἐγώ εἰμι ὁ ποιῆν ὁ καλός
Я есмь пастырь добрый. Ин. 10:11.
 См. также: Мат. 7:24; Евр. 8:2.

¹³ В современном русском языке подобная конструкция практически не употребляется, но в английском она продолжает существовать; например, "a city home", "a treasure house". (Прим. перев.)

С собирательным существительным может согласовываться прилагательное во множественном числе (Деян. 21:36), в данном случае согласование определяется более смыслом, нежели формой. Согласование по смыслу может распространяться также и на категорию рода (1 Кор. 7:19).

Функция прилагательного

130. Суть имени прилагательного – определение. Данная часть речи обозначает нечто, являющееся отличительным признаком или характеристикой существительного. Например, в словосочетании «красивый сад» прилагательное просто указывает на факт *красоты* в связи с садом. Но заметьте, что прилагательное выражает состояние бытия (*красоту*), тогда как существительное просто обозначает объект (*сад*). Итак, основной смысл словосочетания можно представить как «красота-сад». Ясно видно, что прилагательное выступает по большей части в функции имени, происходящего от существительного и используемого как определение другого существительного.

i. Хотя смысл прилагательного – в определении, не только оно выполняет данную функцию в греческом языке. То же самое выражается родительным падежом, особенно родительным падежом описания и приложения. Когда в конструкции с родительным падежом отсутствует артикль, отношение определения усиливается. Возможно, что в ходе развития языка имя существительное в описательном родительном падеже предшествовало прилагательному и явилось непосредственным источником происхождения последнего. В таком случае в эволюции имени прилагательного можно выделить три этапа: (1) *собака-будка*, (2) *будка собаки*, (3) *собачья будка*. Встречаются и существительные в родительном падеже, выполняющие функцию приложения (см. §90 (6)).

ii. Всем этим способам определения присущи различные цели. Однако нельзя утверждать, что какой-то способ «заменяет» другой. Робертсон справедливо расходится с Винером во мнении, что те или иные идиомы «следует естественным образом выразить прилагательным». (R. 651; см. W. 236). С нашей точки зрения, всякому писателю «следует» использовать то средство выражения, которое он использует, поскольку мы должны допустить, что оно наиболее точно передает его мысли.

131. Существует величайшее множество вариантов употребления прилагательного в греческом языке, но приведенный ниже перечень вполне достаточен для практических целей.

(1) Прилагательное, выступающее в функции определения. Основное и наиболее характерное употребление прилагательного состоит в том, что оно определяет, описывает имя существительное. Выполняя эту функцию, прилагательное проявляет свою двойственность. Оно может быть как *атрибутивным*, так и *предикативным*.

а) Прилагательное выступает как атрибутив, когда оно *приписывает* некое качество определяемому им существительному; например, ὁ ἄδικος κριτής, *неправедный судья*.

πρῶτον τὸν καλὸν οἶνον τίθησιν.

Сперва хорошее вино он подает. Ин. 2:10.

б) Прилагательное выступает как предикатив, когда *утверждает* нечто о существительном, которое определяет; например, ὁ κριτής ἄδικος, *судья неправеден*.

ἔστηκεν ἐν τῇ καρδίᾳ ἐδραῖος.

Но кто стал непоколебим в сердце. 1 Кор. 7:37.

Хотя определение – функция прилагательного, ее могут выполнять и другие части речи, например, существительные, местоимения, причастия, инфинитивы, наречия, и даже – несложные предложения. Следует быть осторожными, различая атрибутивное и предикативное прилагательное и атрибутивную и предикативную позицию артикля. Атрибутивное прилагательное обычно употребляется с артиклем, но может стоять и без него (Ин. 1:18). Предикативное прилагательное всегда употребляется без артикля. Тем не менее, артикль не определяет отношение прилагательного к существительному. Это отношение определяется тем способом, с помощью которого прилагательное представляет существительное, где прилагательное становится либо второстепенным, либо главным в словосочетании. Робертсон подводит итог обсуждению проблемы, говоря, что «предикат представляет добавочное утверждение и, в действительности, является главным, в то время как атрибутив есть второстепенное описание того существительного, о котором высказано утверждение» (R. 656).

(2) **Субстантивированное прилагательное.** Иногда прилагательное настолько восстанавливает свой первоначальный субстантивный характер, что полностью выполняет функцию существительного. В данном случае существует разница в использовании субстантивированных прилагательных в зависимости от их рода.

а) Субстантивированное прилагательное *мужского* рода выступает в функции существительного со строго определенным, *конкретным* значением.

σύ εἶ ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ.

Ты есть Святой Божий. Ин. 6:69.

б) Субстантивированное прилагательное *женского* рода обычно предполагает согласование с *подразумеваемым* именем существительным женского рода.

ἐπορεύθη εἰς τὴν ὄρεϊνὴν.

Она пошла в горную страну. Лук. 1:39.

Буквальный перевод здесь: *она пошла в горную*, а *страна*, χωράν, подразумевается.

в) Субстантивированное прилагательное *среднего* рода в единственном числе обычно получает значение *абстрактного* существительного.

ὁ χρηστὸν τοῦ θεοῦ.

Благость Божья. Рим. 2:4.

Часто субстантивированное прилагательное среднего рода лишь подразумевается (Мат. 10:42). Иногда прилагательное среднего рода множественного числа обозначает определенный класс предметов, представляя собой их наименование, как в Рим. 1:20 (W. 235).

(3) **Прилагательное-наречие.** Наречие очень тесно связано с прилагательным, которое само было «возможно, первоначальным и простейшим наречием» (R-S. 66). Эта первичная связь проявляется в том, что прилагательное напрямую соотносится с содержанием, выражаемым главным глаголом предложения. Падеж прилагательного в данной конструкции обычно винительный (отношения), хотя могут использоваться и другие косвенные падежи (см. πολλῶ в Рим. 5:9).

τὸ λοιπόν, χαίρετε ἐν κυρίῳ.

Наконец, радуйтесь в Господе. Фил. 3:1.

См. также: Марк. 1:19; Ин. 10:40.

Часто прилагательное употребляется совершенно естественным для прилагательного образом там, где соответствующий английский фразеологизм требует наречия (Марк. 4:28; G. 269). Нужно соблюдать осторожность и отличать данные случаи от собственно наречного употребления прилагательных. Иногда, впрочем, неясным остается различие между предикативным и наречным прилагательным. Вопрос в том, с чем прилагательное связано более тесно – с существительным или с глаголом? Например, ὅπου ἦν Ἰωάννης τὸ πρῶτον βαπτίζων в Ин. 10:40 означает не *где Иоанн был первым для крещения*, но *где Иоанн впервые приступил к крещению*; а в тексте Марк. 4:28, ἡ γῆ καρποφορεῖ πρῶτον χῆρτον, означает: *земля производит первую зелень*, а не *вначале земля производит зелень*. То есть в последнем случае πρῶτον более тесно связано с χῆρτον, чем с καρποφορεῖ, тогда как в Ин. 10:40 πρῶτον ясно определяет βαπτίζων, а не Ἰωάννης, и поэтому функционирует как наречие. В этом и кроется отличие (см. R. 657).

Степени сравнения прилагательных

132. Степени сравнения прилагательных в греческом койне – вещь весьма специфическая. Любой англоговорящий студент, изучающий греческий язык и желающий понять эту специфику, обязательно должен отойти от присущих его родному языку способов употребления прилагательных. Следует также помнить, что новозаветный греческий отличается от классического греческого, в особенности тем, что в Новом Завете превосходная степень употребляется редко, и используется, как правило, не в своей основной функции, а для усиления выражения.

(1) Сравнительная степень. В Новом Завете в функции сравнительной степени выступают:

а) Прилагательное в положительной степени с предлогом.

ἁμαρτωλοὶ παρὰ πάντας τοὺς Γαλιλαίους.
Грешнее, чем все остальные Галилеяне. Лук. 13:2.
 См. также: Рим. 8:18; Евр. 4:12.

б) Прилагательное в положительной степени с союзом ἢ (чем).

καλὸν σοὶ ἐστὶν ἢ βληθῆναι εἰς τὸ πῦρ.
Лучше тебе, чем быть брошенным в огонь. Мат. 18:8.

в) Прилагательное в положительной степени с μᾶλλον.

καλὸν ἐστὶν αὐτῷ μᾶλλον εἰ βέβληται εἰς τὴν θάλασσαν.
Лучше ему быть брошенным в море. Марк. 9:42.

г) Прилагательное в сравнительной степени с союзом ἢ (чем).

μεῖζων ὁ προφητεύων ἢ ὁ λαλῶν γλώσσαις.
Больше пророчествующий, чем говорящий языками. 1 Кор. 14:5.

д) Прилагательное в сравнительной степени с последующим отложительным падежом.

τὸ μωρὸν τοῦ θεοῦ σοφώτερον τῶν ἀνθρώπων ἐστὶν.
Глупое Божие мудре людей. 1 Кор. 1:25.

Мы увидим, что в Новом Завете встречается несколько способов передать сравнительную степень прилагательного посредством положительной степени прилагательного в сочетании с предлогом или союзом. Это, несомненно, результат воздействия иврита, то есть аналогично употреблению положительной степени прилагательного с *רַב*. Изредка мы встречаем двойное сравнение, где μᾶλλον или πολλῶ ставятся при сравнительной степени прилагательного (Марк. 7:36; Лук. 18:39). Иногда сравнительная степень выступает в эмпатической, усиливающей функции, когда объект, с которым сравнивают, только подразумевается (временами явно, но часто очень отдаленно) (Ин. 13:27).

(2) Превосходная степень. Функция превосходной степени, как она представлена в греческом койне, может быть реализована тремя способами.

а) Сравнительная степень прилагательного иногда задействуется для выполнения функций превосходной степени.

μεῖζων δὲ τούτων ἡ ἀγάπη.
Но наибольшая из них – любовь. 1 Кор. 13:13.

б) Изредка прилагательное в превосходной степени выступает в своем обычном значении.

ἐγὼ γάρ εἰμι ὁ ἐλάχιστος τῶν ἀποστόλων.
Ибо я – наименьший из апостолов. 1 Кор. 15:9.
 См. также: Марк. 5:7; Деян. 17:15.

в) Большинство прилагательных в превосходной степени в Новом Завете употребляется в эмпатической, усиливающей функции, в значении *очень* и *чрезвычайно*. Это – *элативная превосходная степень*.

τὰ τίμια καὶ μέγιστα ἡμῖν ἐπαγγέλματα δεδώρηται.
Великие и чрезвычайно драгоценные обетования Он дал нам. 2 Пет. 1:4.

Употребление сравнительной степени вместо превосходной представляет собой одну из отличительных черт койне (см. R. 667; Bl. 108; M. 78). Развитие в этом направлении пошло дальше, так что в современном греческом языке вообще отсутствует отдельная форма для превосходной степени, и ее значение передается при помощи артикля, согласованного со сравнительной степенью прилагательного; например, ὁ μικρότερος, наименьший (см. T. 73).

Такое расширение сравнительного оборота вплоть до включения в него более чем двух лексических единиц было, возможно, результатом постепенного выхода из употребления двойственного числа. Так, Моултон говорит: «конечно, первый шаг в отмирании двойственного числа был сделан несколько сотен лет назад» (М. 77). Бласс считает эту перемену «растворением категории двойственности в категории множественности» (Bl. 33). О том, как используется превосходная степень в койне, Новый Завет, тем не менее, не дает полного представления, поскольку в то время как Новый Завет демонстрирует лишь несколько случаев употребления собственно превосходной степени, «множество таких случаев предоставляют нам папирусы» (М. 78).

IV. Местоимение

Ссылки: R. 676-735; R-S. 78-85; M. 84-98.

133. Местоимение – это часть речи, получившая развитие во избежание однообразия, которое было бы обязательным результатом нескончаемого повторения существительных. То есть оно используется «во избежание повторения имени» (R. 676). Термин «местоимение» есть калька латинского слова *pronomen*, состоящего из *pro* и *nomēn* и означающего «вместо имени». Название представляется подходящим, поскольку оно вполне ясно указывает на функции данной части речи. В Новом Завете встречаются девять классов местоимений, грамматическая специфика которых требует их последовательного рассмотрения. Это личные, относительные, указательные, определительные, притяжательные, возвратные, взаимные, вопросительные и неопределенные местоимения.

Существует также три других класса: разделительные, распределительные и отрицательные местоимения, которые мы не будем затрагивать в нашем обсуждении. Грамматически они не занимают важного места в Новом Завете как местоимения, а их значимость в основном является лексической. Полное обсуждение их грамматических особенностей можно найти в R. 744-753.

Личное местоимение

134. Личные местоимения это: ἐγώ, ἡμεῖς, σύ, ὑμεῖς. Аттические местоимения третьего лица οὗ и οφείς не употребляются в Новом Завете, а третье лицо передается определительным местоимением αὐτός. Иногда в качестве местоимения третьего лица употребляется также и артикль (Лук. 1:29).

(1) Употребление личных местоимений в эмпатическом (усилительном) смысле. Местоимение, выступающее в качестве подлежащего при личной форме глагола, обычно не выражается в предложении, а на число и лицо подразумеваемого подлежащего указывает, таким образом, только глагольное окончание. Когда же все-таки употребляется личное местоимение, то это происходит в целях эмпазы (усиления).

τί οὖν βαπτίζεις εἰ σὺ οὐκ εἶ ὁ Χριστός;

Почему тогда ты крестишь, если ты – не Христос? Ин. 1:25.

См. также: Мат. 3:11; Ин. 1:42.

Винер утверждает, что личное местоимение «используется исключительно в целях эмпазы» (W. 153). Робертсон, однако, полагает, что «это не охватывает собой всех примеров» и цитирует Гилдерслива (Gildersleeve) для подтверждения своей позиции (R. 676). Моултон сходит с ним во мнении (М. 85). Фактически, можно обнаружить различие в степени выраженности эмпазы (усиления), которая порой абсолютно очевидна, порой же выглядит весьма завуалированной (см. Ин. 3:10 и Лук. 19:2). В целом Винер более прав, потому что тот простой факт, что личное местоимение является удвоением подлежащего, уже выраженного личным глаголом, наделяет это местоимение до некоторой степени эмпатическим, усилительным смыслом. Эмпаза предполагает обычно противопоставление (Мат. 5:28), хотя может служить и для придания особой выразительности мысли (Кол. 1:7).

(2) *Личное местоимение в функции дополнения.* В Новом Завете личные местоимения очень часто встречаются в косвенных падежах. Частота употребления личных местоимений здесь отражает естественное словоупотребление разговорной речи и, возможно, является в некоторой степени, результатом семитского влияния (см. R. 682 и далее). Местоимения выполняют практически все те функции, которые вообще свойственны тем или иным косвенным падежам. Два варианта употребления личного местоимения в функции дополнения заслуживают особого рассмотрения.

а) Личное местоимение может употребляться вместо *притяжательного*. Притяжательное значение в Новом Завете передается гораздо чаще родительным падежом личного местоимения, чем притяжательным местоимением.

πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς.

Отец наш, сущий на небесах. Мат. 6:9.

См. также: Лук. 21:19; 2 Кор. 4:16.

б) Личное местоимение может употребляться вместо *возвратного*. Существуют, по крайней мере, два ясных примера в Новом Завете (возможно, есть и другие), где личное местоимение употребляется в значении возвратного.

μὴ θησαυρίζετε ὑμῖν θησαυροὺς ἐπὶ τῆς γῆς.

Не собирайте себе сокровищ на земле. Мат. 6:19.

См. также: Мат. 6:20; Еф. 1:9 (?).

i. Часто личное местоимение появляется там, где его употребление производит впечатление ненужного повторения (см. Мат. 8:1; Деян. 7:21; Откр. 3:12). Моултон заявляет, что «преизбыток личных местоимений является вполне ожидаемым фактом разговорного стиля речи, судя то тому, что мы имеем в нашем собственном разговорном языке» (М. 85). Робертсон рассматривает это вместе с тем «и как иудейскую манеру выражаться» (R. 683). Перед нами тенденция, присущая разговорному греческому языку, который с готовностью уступает здесь влиянию схожих иудейских конструкций. Следовательно, здесь наличествует и то и другое явление.

ii. Частое употребление личных местоимений в Новом Завете рассматривается Винером как результат воздействия иврита (W. 143). Бласс также пишет, что данный факт объясняется «зависимостью языка от семитской речи» (Bl. 164). Моултон расходится с ними во взглядах на основании папирусных свидетельств и полагает причину скорее в разговорном характере языка Нового Завета, чем в семитском влиянии (М. 85). Но Робертсон советует «идти дальше Моултона и не отрицать, что в данном случае в новозаветном языке проявляется некоторое семитское влияние» (R. 683). Истина заключается в том, что греческий разговорный и иврит во многом совпадали в том, что касается употребления местоимений, и таким образом причиной отмечаемой особенности в языке Нового Завета явились оба этих фактора.

Относительное местоимение

135. Относительные местоимения употребляются для привязки имени к простому предложению, которое в некотором роде определяет его значение. Например, в предложении «Евнух обратился» мы можем ближе определить существительное «евнух» добавив разъяснительные предложения, такие как: «Евнух, *который* был в Иерусалиме на поклонении, и *который* возвращался в колеснице, обратился». Будет ясно, что привязка этих предложений к имени выражена относительным местоимением *который*. Действительно, Робертсон говорит, что относительное местоимение является «главным видом связи между предложениями» (R. 711). В Новом Завете наиболее часто употребляются такие относительные местоимения как ὅς, ὅστις, οὗος, ὁποῖος и ὅσος (см. R. 710).

Относительное местоимение было первоначально идентично указательному. По мнению Уитни, в санскрите относительное местоимение *яс* (yas) первоначально было указательным, хотя уже «в ранний период развития языка», как стало известно языковедам, оно «утратило все оттенки значения указательного местоимения» (*там же*, стр. 195). Остаточные черты указательного местоимения гораздо лучше сохранились в греческом языке. Из особенностей употребления относительного местоимения в некоторых ранних литературных памятниках, написанных на этом языке легко заметить, что его отделение от указательного еще не завершилось. У Гомера ὅς употребляется попеременно, то как указательное, то как относительное. В классическом греческом языке относительное местоимение обрело устойчивость и определенность в том, что касается функции и формы, хотя

в лучших образцах аттической прозы оно порой сохраняет черты указательного местоимения. Такое употребление и характерно для койне, налицо оно и в Новом Завете. И греческий артикль, и относительное местоимение происходят от указательного местоимения. Они есть не что иное, как указательные местоимения, обособленная по функции (см. R. 695, 711).

(1) Согласование относительного местоимения. Имя, к которому относительное местоимение относит предложение, определяющее это имя, называется *антецедентом*. Относительное местоимение согласуется со своим антецедентом в роде и числе, но не в падеже. Падеж относительного местоимения определяется его местом в том простом предложении, в которое оно входит.

ἐν αὐτῷ, ὃς ἔστιν ἡ κεφαλὴ.

В Нем, Который есть глава. Кол. 2:10.

См. также: Мат. 2:9; Рим. 2:6.

Лицо глагола в предложении, вводимом относительным местоимением, определяется антецедентом этого местоимения; например, ἐγὼ εἶμι ὃς τοῦτο ἐποίησα, *Я тот, кто это сделал*. Относительное местоимение иногда согласуется в роде, числе и падеже с предикатом предложения, которое оно вводит (Еф. 3:13).

(2) Аттракция относительного. Антецедент и относительное местоимение, естественным образом влияют друг на друга при выборе падежа. Замена падежа здесь называется *притяжением (аттракцией)*. Падежу антецедента может следовать относительное местоимение, или, не так часто, антецедент может воспроизводить падеж относительного местоимения.

а) Когда относительное местоимение следует падежу антецедента, то такое притяжение называется *прямым*.

ὅς δ' ἂν πίη ἐκ τοῦ ὕδατος οὗ ἐγὼ δώσω αὐτῷ.

Кто бы ни выпил воду, которую Я дам ему. Ин. 4:14.

См. также: Лук. 1:4; Деян. 1:1.

б) Когда антецедент воспроизводит падеж относительного местоимения, то притяжение называется *косвенным*.

ὃν ἐγὼ ἀπεκεφάλισα Ἰωάνην οὗτος ἠγέρθη.

Этот Иоанн, которого я обезглавил, был воскрешен. Марк. 6:16.

См. также: Деян. 21:16; Рим. 6:17.

Другого вида нерегулярности, иногда проявляющиеся при согласовании относительного местоимения, допускают его согласование в роде с именем сказуемого, когда имя сказуемое «рассматривается в качестве главного подлежащее» (W. 166; см. Марк. 15:16), уподобление естественному роду антецедента (Деян. 15:17), либо среднему роду, под влиянием абстрактной идеи, заложенной во всем предложении (Ин. 2:8; см. R. 712 и далее). Часто антецедент вообще включается в состав относительного придаточного предложения, и тогда оба стоят в одном и том же падеже (Ин. 6:14).

(3) Пропуск антецедента. Когда антецедент ясен из контекста, он может быть опущен.

ὃν ἔχεις οὐκ ἔστιν σου ἀνὴρ.

(Он), которого ты имеешь, не твой муж. Ин. 4:18.

См. также: Лук. 9:36; Евр. 5:8.

Иногда антецедент появляется там, где он кажется излишним с точки зрения английской фразеологии (Марк. 1:7). Тем не менее, перед нами – хороший греческий язык, как можно увидеть из истории вопроса, представленной в R. 722. Хотя «в древнем греческом языке данная конструкция использовалась весьма редко» (*там же*), она все же оставалась употребительной на всех этапах развития греческого языка и «в современном греческом языке получили самое широкое распространение» (R. 723). Итак, этот *избыточный антецедент* совершенно нормален для греческого языка, хотя и кажется необычайным для англичанина (см. далее Откр. 7:2).

(4) Неопределенное относительное местоимение. В греческом языке классической эпохи ὃς употреблялось как относительное местоимение определенное, а ὅστις как относительное местоимение неопределенное, но это различие между ними почти исчезло в

койне. Тем не менее, в своем специфическом значении перестает употребляться именно ὅστις, тогда как ὅς все еще используется в соответствии с аттической нормой.

ὅστις δ' ἂν ἀρνήσῃται με.

Кто бы ни отрекся от Меня. Мат. 10:33.

См. также: Ин. 14:13; Кол. 3:5.

Следует заметить, что ὅς, употребляющееся с ἂν, имеет оттенок неопределенности и может переводиться «кто бы ни» (см. Мат. 5:22). Неопределенное местоимение τίς способно употребляться с ἂν в значении «всякий, кто бы ни» (см. Ин. 16:23). Из контекста обычно ясно, следует ли рассматривать в данной конструкции относительное местоимение как определенное, либо как неопределенное (см. Bl. 172; R. 712, 727).

Указательное местоимение

136. Иногда необходимо особым образом подчеркнуть, *указать* объект, находящийся либо в пределах физической досягаемости для говорящего, либо фигурирующий в художественном произведении. Для этой цели употребляется конструкция с указательным местоимением. Она выстраивается несколькими способами.

(1) Наиболее употребительны правильные *указательные местоимения*.

а) Для указания на объект, находящийся сравнительно близко в реальной действительности или в воображении, употребляется *прямое* указательное местоимение.

οὗτος γὰρ ὁ Μελχισεδέκ μένει ἱερεὺς.

Ибо этот Мелхиседек пребывает священником. Евр. 7:1.

См. также: Мат. 3:3; Рим. 9:9.

б) Для указания на нечто сравнительно отдаленное, в реальной действительности или воображении употребляется *отдаленное* указательное местоимение.

ἰσώθη ἡ γυνὴ ἀπὸ τῆς ὥρας ἐκείνης.

Женщина была исцелена с того часа. Мат. 9:22.

См. также: Ин. 10:1; Деян. 2:16.

(2) *Артикль* иногда сохраняет свое первоначальное значение указательного местоимения при употреблении с μέν или δέ.

οἱ μὲν οὖν συνελθότες ἡρώτων αὐτόν.

Посему, эти, сошедшись, спрашивали Его. Деян. 1:6.

См. также: Деян. 8:4; Мат. 26:67.

Иногда οἱ μὲν и ὁ δέ противопоставлены друг другу (см. 1 Кор. 7:7; Деян. 14:4.).

(3) Имеются случаи, когда в свою очередь *относительное местоимение* вновь получает указательное значение, используя подобно артиклю частицы μέν и δέ.

ὅς μὲν πεινᾷ, ὅς δὲ μεθύει.

Один голодает, другой упивается. 1 Кор. 11:21.

См. также: Марк. 15:23; 2 Тим. 2:20.

(4) Десять раз в Новом Завете встречается местоимение ὅδε, ἥδε, τόδε.

σήμερον ἢ αὔριον πορεύσόμεθα εἰς τήνδε τὴν πόλιν.

Сегодня или завтра отправимся в этот город. Иак. 4:13.

См. также: Лук. 10:39; Откр. 2:1.

Употребление данного местоимения характерно для книги Откровения, где обнаруживается семь из десяти случаев его использования. Нечастое употребление этого местоимения в Новом Завете отражает ситуацию, типичную для койне в целом, поскольку лишь очень и очень редко это местоимение можно обнаружить в папирусах. В современном греческом языке от него остались лишь едва заметные следы. То значение, которым

обладало ὅδε в аттическом греческом языке, указывая на объект, о котором скоро пойдет речь, как говорит Робертсон, «не актуально для Нового Завета, поскольку ὅδε встречается слишком редко» (R. 702).

(5) В произведениях Луки **определятельное местоимение** иногда имеет значение указательного.

διδάξει ὑμᾶς ἐν αὐτῇ τῇ ὥρᾳ.

Он научит вас в самый тот час. Лук. 12:12.

См. также: Лук. 10:7; 20:19.

Различие между указательными местоимениями, обозначенными нами как «прямые» и «отдаленные», не всегда очевидно в Новом Завете, хотя обычно установимо. Οὗτος иногда относится «не к ближайшему по местоположению объекту, а к более отдаленному», однако при более тщательном исследовании становится ясно, что антецедент οὗτος «был *мысленно* ближайшим, то есть наиболее близким к мысли писателя» (W. 157). Таким образом, данное местоимение не обязательно указывает на нечто физически близкое, но на то, что прямо и непосредственно в данный момент присутствует в мыслях писателя. Так и ἐκεῖνος не обязательно указывает на физически отдаленный объект, но и на вещь, мыслящуюся отдаленной. Поэтому мы и определили данные местоимения как «прямые» и «отдаленные».

Определятельное местоимение

137. Определятельное местоимение: αὐτός. По сравнению с остальными местоимениями оно употребляется в Новом Завете наиболее часто и наиболее разнообразным образом, выступая в функции личного, притяжательного, указательного, а также определятельного местоимения. Здесь мы рассматриваем его специфическую функцию как определятельного местоимения.

138. Определятельное местоимение используется с целью подчеркнуть тождество, при этом усиливается его указательное значение. Существует два способа употребления определятельного местоимения, различия между которыми обусловлены атрибутивной или предикативной позицией.

(1) **Атрибутивное употребление.** Занимая атрибутивную позицию, αὐτός означает *тот же (самый)*.

ἔχοντες δὲ τὸ αὐτὸ πνεῦμα τῆς πίστεως.

Но имея тот же дух веры. 2 Кор. 4:13.

См. также: Мат. 26:44; Рим. 2:1.

(2) **Предикативное употребление.** Когда αὐτός стоит в предикативной позиции, оно имеет значение *сам*.

αὐτὸ τὸ πνεῦμα συνμαρτυρεῖ τῷ πνεύματι ἡμῶν.

Сам Дух свидетельствует вместе с духом нашим. Рим. 8:16.

См. также: Рим. 8:26; 1 Фес. 4:9.

Употребление αὐτός в качестве указательного местоимения требует особого внимания. Очевидно, что Лука использует его именно в этом значении, это же значение его можно выявить и у других авторов (см. Мат. 3:4). Например, отрывок Лук. 13:1 мы согласно контексту мы вынуждены перевести ἐν αὐτῷ τῷ καιρῷ «в это самое время», а не «в само время». Такое употребление определятельного местоимения, возможно, предназначено сохранить эмфатичность указательного местоимения (*это самое*) без привлечения двух местоимений. Легко заметить, что выражение ἐν ἐκεῖνῳ τῷ αὐτῷ καιρῷ запутано по смыслу (см. R. 686). Местоимение αὐτός в указательной функции вообще характерно для койне. «В эпоху эллинизма αὐτός ὁ существенно ослабло, в результате отлечения между ним и ἐκεῖνος ὁ имеют тенденцию сглаживаться». (М. 91). Великое множество примеров их взаимозаменяемости обнаружено в папирусах (см. Моултон и Миллиган: *там же*, стр. 94). В современном греческом языке αὐτός употребляется как регулярное указательное местоимение наравне с τοῦτος (οὗτος) и ἐκεῖνος как в своем изначальном виде, так и в измененной форме – αὐτόνος (Т. 90).

Притяжательное местоимение

139. Притяжательные местоимения: ἐμός, σός, ἡμέτερος и ὑμέτερος. В койне отсутствует притяжательное местоимение третьего лица, вместо него употребляются формы родительного падежа от αὐτός в родительном падеже. Кроме того, для указания на принадлежность используются артикль и прилагательное ἴδιος. Итак, в Новом Завете притяжательность выражается четырьмя способами.

(1) Притяжательными местоимениями.

ἡ κρίσις ἡ ἐμὴ δικάια ἐστίν.
Суд мой праведен. Ин. 5:30.
 См. также: Рим. 10:1; Фил. 3:9.

(2) Формой родительного падежа личного местоимения. В греческом койне этот способ является самым распространенным.

τὸ πάσχα ἡμῶν ἐτύθη Χριστός.
Ибо Пасха наша Христос был заклан. 1Кор. 5:7.
 См. также: Мат. 7:3; Рим. 1:4.

(3) Артиклем. Артикль употребляется в тех случаях, когда обладатель достаточно ясен из контекста.

καὶ ἐκτείνας τὴν χεῖρα ἥψατο αὐτοῦ.
И простерши Свою руку, коснулся его. Мат. 8:3.
 См. также: Евр. 7:24; 1 Пет. 4:8.

(4) С помощью ἴδιος. Если автор желает особым образом подчеркнуть факт обладания, он использует прилагательное ἴδιος (свой собственный).

ἦλθεν εἰς τὴν ἰδίαν πόλιν.
Он пошел в свой собственный город. Мат. 9:1.
 См. также: Лук. 6:41; Ин. 4:44.

Возвратное местоимение

140. Если действие, выражаемое глаголом, отсылает нас обратно к подлежащему глагола, то подобная конструкция называется *возвратной*. В Новом Завете существует два способа выразить возвратное значение.

(1) Правильными *возвратными местоимениями* ἐμαυτοῦ, σεαυτοῦ, ἑαυτοῦ и ἑαυτῶν. В Новом Завете множественное число ἑαυτῶν употребляется по отношению ко всем трем лицам.

μηδὲν πράξης σεαυτῷ κακόν.
Не делай себе никакого зла. Деян. 16:28.
 См. также: Лук. 12:1; 2Кор. 3:1.

(2) Косвенным падежом *личного местоимения*, как о том уже шла речь, § 134 (2), б) (см. Мат. 6:19).

Взаимное местоимение

141. Когда подлежащее, стоящее во множественном числе, предполагает обмен действием, выражаемом в глаголе, то такая конструкция называется *взаимной*; например, οἱ τοὶ οἱ ἄνθρωποι ἀδικοῦσιν ἀλλήλους, *эти люди несправедливы друг к другу*. В Новом Завете возможны три варианта построения такой конструкции.

(1) С помощью правильного взаимного местоимения.

ἀγαπητοί, ἀγαπῶμεν ἀλλήλους.
Возлюбленные, давайте любить друг друга. 1 Ин. 4:7.
См. также: Рим. 12:5; 1 Кор. 16:20.

(2) С помощью ввозвратного местоимения.

κρίματα ἔχετε μεθ' ἑαυτῶν.
Вы будете иметь тяжбы друг с другом. 1 Кор. 6:7.
См. также: Еф. 5:19; Кол. 3:16.

(3) С помощью глагольной формы среднего залога.

καὶ συνεβουλεύσαντο.
И посоветовались друг с другом. Мат. 26:4.
См. также: Лук. 14:7; Ин. 9:22.

Вопросительное местоимение

142. Вопросительное местоимение τίς употребляется для ввода как косвенного, так и прямого вопросов. В Новом завете наличествуют пять ясно различающихся способов употребления вопросительного местоимения.

(1) В вопросительном значении. Вопросительное местоимение здесь обычно вводит вопросы.

οὐκ οἴδατε τί αἰτεῖσθε.
Вы не знаете, чего просите. Мат. 20:22.
См. также: Мат. 3:7; Лук. 12:14.

(2) В наречном значении. Когда τίς выступает в функции наречия, оно имеет значение *почему*.

τί δὲ βλέπεις τὸ κάρφος;
И почему ты смотришь на сучек? Мат. 7:3.
См. также: Мат. 6:28; Деян. 5:4.

(3) В значении восклицания. Употребление τίς в функции наречия иногда получает скорее смысл восклицания, чем вопроса.

καὶ τί θέλω εἰ ἤδη ἀήφθῃ.
И как желал бы я, чтобы он уже был зажжен! Лук. 12:49.
См. также: Лук. 22:45.

(4) В значении относительного местоимения. К вопросительной функции τίς иногда прибавляется отчетливый относительный смысл, а именно в конструкции, где косвенный вопрос незаметно переходит в придаточное относительное предложение.

ἀλλ' οὐ τί ἐγὼ θέλω ἀλλὰ τί σύ.
Но не чего Я хочу, а чего Ты. Марк. 14:36.
См. также: Мат. 10:19; Лук. 17:8.

Подобная конструкция олицетворяет собой ту тенденцию в разговорном греческом койне, которая вела к «путанице, гораздо сильнее развившейся в нашем собственном языке» (М. 94). Сложности возникают вследствие общности грамматической структуры относительного придаточного предложения и косвенного вопроса. Например, в предложении «Я знаю, что ты делаешь» налицо, до известной степени слияние относительной функции («то, что ты делаешь») с вопросительным значением («Что ты делаешь?»).

(5) В значении разделительного местоимения. В двойных (разделительных) косвенных вопросах вместо классического ποτέρος, *который из двух*, в греческом койне употребляет τίς.

τί γάρ ἐστιν ἐυκοπώτερον;
Ибо что (из двух) легче? Мат. 9:5.
 См. также: 1 Кор. 4:21; Фил. 1:22.

Моултон рассматривает исчезновение *пότερος* из койне как прямой результат постепенного исчезновения формы двойственного числа. Он находит в папирусах лишь один случай употребления *пότερος* и пишет: «У меня имеется двенадцать собраний папирусов, где *пότερος* встречается лишь *однажды* в указателях, причем и здесь оно неудобочитаемо и (для меня, по крайней мере) не вполне понятно» (М. 77).

Неопределенное местоимение

143. Часто автор желает указать на имя существительное в общем смысле, как на представителя категории. Например, можно упомянуть действие, выполненное учеником Иисуса, не уточняя при этом его личность. Способом выражения, используемым для данной цели, может быть неопределенное местоимение (*τις, τὶ*), то есть *μαθητὴς τις, некий ученик*. Таким образом, неопределенное местоимение является средством выразить общее отношение. Оно встречается в пяти различных конструкциях.

(1) Местоименное значение. *Τίς* может употребляться независимо, функционируя как неопределенное местоимение.

μή τις οὐτερήσατε;
Имели ли вы в чем недостаток? Лук. 22:35.
 См. также: Деян. 3:5; Фил. 3:15.

(2) Значение прилагательного. Будучи согласовано с существительным, *τις* функционирует как прилагательное.

ἐγένετο ἱερεὺς τις.
Был некий священник. Лук. 1:5.
 См. также: Деян. 15:36; Иак. 1:18.

(3) Усилительное значение. *Τίς* иногда употреблялось для того, чтобы подчеркнуть особенность или важность (см. Vt. 114).

λέγων εἶναί τινα ἑαυτόν.
Говоря, что он есть кто-то. Деян. 5:36.
 См. также: 1 Кор. 3:7; Гал. 2:6.

(4) Значение числительного. Употребляясь с числительными, *τις* служит для выражения идеи приблизительности.

προσκαλεσάμενος δύο τινὰς τῶν μαθητῶν.
Призвав неких двух из (числа) учеников. Лук. 7:19.
 См. также: Деян. 15:36.

(5) Разделительное значение. Мы иногда встречаемся с конструкциями *τινες ... τινες* или *τις ... ἕτερος*, которые употребляются для построения выражений с разделительным значением.

ἐλέγοντο ὑπὸ τινῶν ὅτι Ἰωάννης ἠγέρθη ἐκ νεκρῶν, ὑπὸ τινῶν δὲ ὅτι Ἠλείας ἐφάνη.
Одними говорилось, что Иоанн был воскрешен из мертвых, другими же, что Илия явился.
 Лук. 9:7-8.

См. также: Фил. 1:15; 1 Кор. 3:4.

i. Обычно местоимения заимствует грамматическую форму от предшествующего ему имени (антецедента), выраженного напрямую или подразумеваемого. Но иногда вместо прямого согласования грамматической формы с выраженным напрямую антецедентом происходит логическое согласование с реальным или допускаемым, а не с грамматическим родом (Мат. 28:19), в других же случаях – с множественным значением собирательного существительного, а не с реально данным грамматическим числом (Еф. 5:12).

ii. Местоимения становятся особенно распространенными в период койне, и сфера употребления их продолжает расширяться вплоть до современного периода. В Новом Завете они, как правило, ближе, нежели прилагательные, к аттической норме. Существует множество случаев, «где местоимения употребляются осторожно, в соответствии с классическими образцами» (М. 79). Винер замечает, что в употреблении местоимений Новый Завет отличается от аттического греческого языка двумя основными моментами: «Во-первых, в нем увеличено число личных и указательных местоимений ради большей ясности. ... Во-вторых, в нем пренебрегают ... многими формами, которые следует скорее отнести к языковым роскошествам» (W. 140).

V. Артикль

Ссылки: R. 754-796; R-S. 68-77; M. 81-84.

144. Ничто так не свойственно греческому языку, как употребление артикля. Моултон считает, что в Новом Завете «использование артикля находится в согласии с аттическим диалектом» - черта, показывающая, что язык Нового Завета в большей степени обработан литературно, чем язык папирусов (М. 80 и далее). Мы, таким образом, изучая эту важную часть греческой речи, имеем под собой широкую историческую базу. Верно также и то, что именно здесь студент, изучающий греческий язык, отвлекает для себя увлекательнейшую область лингвистического исследования, поскольку, несомненно, «развитие греческого артикля – одно из самых интересных явлений в истории человеческой речи» (R. 754). До сих пор ученые не уделяли ему достаточного внимания, не пытались с должным прилежанием выявить истинный смысл артикля, таящийся среди разнообразных способов его употребления. Мы не претендуем на то, что приводимое нами ниже обсуждение вопроса имеет исчерпывающий характер, однако, мы надеемся, что оно сможет дать толчок адекватному восприятию роли артикля. Действительно, исчерпывающее рассмотрение этой темы потребует объема большего, чем вся наша книга. Тому, кто желает продолжить изучение дальше, следует обратиться к трудам Гилдерслива (*Синтаксис* (Gildersleeve: *Syntax*), стр. 215-332) и Робертсона (R. 754-796).

Происхождение артикля

145. Артикль произошел от указательного местоимения $\acute{\omicron}$, $\acute{\eta}$, $\tau\acute{o}$, и явно родственен указательному местоимению $\acute{\omicron}\varsigma$, $\acute{\eta}$, $\acute{\omicron}$. В связи с этим он постоянно сохранял оттенок указательности в значении. О том свидетельствует частое употребление артикля в папирусах в функции указательного местоимения (например, *P. Elph.* 1:15). Робертсон говорит: «Таким образом, $\acute{\omicron}$ изначально представляет собой указательное местоимение, которое постепенно или свелось к артиклю или поднялось до уровня относительного» (R-S. 68).

$\tau\omicron\upsilon \gamma\grave{\alpha}\rho \kappa\alpha\iota \gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\sigma\mu\acute{\epsilon}\nu.$

Ибо мы и род Его. Деян. 17:28.

См. также: Рим. 8:24; Гал. 4:25.

Подобно местоимению, артикль обычно согласуется с существительным в роде, числе и падеже, хотя иногда имеет место согласование с подразумеваемым родом (см. Откр. 3:14, $\acute{\omicron} \acute{\alpha}\mu\acute{\iota}\nu$, где $\acute{\omicron}$ подразумевает Иисуса). В греческом языке не было неопределенного артикля, хотя $\tau\acute{\iota}\varsigma$ и $\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ в иных случаях близки ему по значению (см. Лук. 10:25; Мат. 8:19).

Функции артикля

146. Артикль указывает на объект, либо привлекает к нему внимание. Употребление артикля со словом явным образом выделяет это слово. «В любом случае, выступая с артиклем, объект всегда предстает определенным. Когда же артикль отсутствует, объект может мыслиться либо определенным, либо неопределенным» (R. 756). Предлоги, притяжательные и указательные местоимения, родительный падеж также подчеркивают

определенный характер объекта. В подобных случаях, даже если артикль не употреблен, объект уже обозначен с достаточной ясностью.

i. Основная функция артикля – указание на *самостоятельность вещи*. Эта функция шире, нежели показ «объекта, мыслящегося определенным» (W. 105), поскольку имя существительное в греческом языке определен и без артикля. С этой точки зрения греческое существительное имеет тот же характер, что и в латыни. «Функцией артикля, который первоначально был указательным местоимением и всегда отличается в большей или меньшей степени указательным значением, является фиксация в потоке сознания прилагательного или существительного» (Гилдерслив, *там же*, §514). Гилдерслив далее показывает, что существительное в греческом языке обладает внутренней определенностью, то есть имеет «скрытый артикль». Поэтому, артикль при имени, выраженный явно, заключает в себе больший смысл, чем просто указание на определенность. Грин улавливает этот смысл, говоря, что артикль употребляется «для обозначения специфического объекта мысли» (G. 170). Вместе с тем, следует иметь в виду, что греческий артикль сохранил многое от своего первоначального указательного значения. Одним словом, «необходимо увидеть проблему с точки зрения грека и так найти причину употребления артикля» (R. 756).

ii. Подтверждает высказанное выше предположение об основной функции артикля тот факт, что артикль обычно употребляется с местоимениями οὗτος и ἐκεῖνος «ввиду их способности отличать индивидуальное от массового» (W. 110). Подчеркивание индивидуального своеобразия здесь выражено совершенно явно. Далее можно отметить, что у Гомера «артикль фиксирует контраст, а не простую определенность» (R. 755).

iii. Смысл артикля нигде так ясно не раскрывается, как при его употреблении с инфинитивами, наречиями, словосочетаниями, придаточными предложениями и даже с целыми предложениями (см. Гал. 5:14). Здесь артикль определяет представленный *факт* особым образом: маркируя его, как нечто единственное в своем роде. Так, в Мат. 13:4, καὶ ἐν τῷ σπεῖρειν αὐτόν, *и когда он сеял*, указывается на *действительную* специфичность этого сева, в то время как в Мат. 12:10, τοῖς σάββατον θεραπεύειν, *исцелять в субботы*, подчеркивается специфический *характер* действия (исцеление в субботу). Заметьте, что в первом случае инфинитив имеет артикль, а в последнем – нет. Инфинитив с артиклем маркирует действие как особый случай, в то время как инфинитив без артикля имеет дело с описанием действия.

iv. В Мат. 2:3 у нас ὁ βασιλεὺς Ἡρώδης, поскольку подчеркивается факт, что Ирод был царем (Ирод, а не кто-то другой), в то время как в Лук. 1:5, ἐν ταῖς ἡμέραις Ἡρώδου βασιλέως, *во дни царя Ирода*, речь идет о некотором периоде времени (дни Ирода), а в выражении βασιλεὺς Ἀγρίππα в Деян. 25:26 – о статусе Агриппы (Агриппа-царь). В первом примере цель автора – идентификация, в других двух – определение. При указании на индивидуальность используется артикль; когда же подчеркивается только качество или характер, применяется конструкция без артикля. Следует заметить, что во всех трех вышеприведенных случаях существительное мыслится определенным. В Деян. 7:30 τὸ ὄρος Σινᾶ, означает именно пустынную гору Синай в отличие от какой-либо иной пустынной горы, а в Гал. 4:24 ὄρος Σιών обозначает вид завета – то есть завет горы Синай. В Откр. 14:1 τὸ ὄρος Σιών подчеркивает определенность положения Агнца, в то время как в Евр. 12:22 Σιών ὄρει приводится в доказательство того, что христиане, в отличие от израильтян прошлого, приближаются к своей участи не как к горе Синай, но близки к участи горы Сиона. Этот отрывок можно прочитать так: «Но вы подошли не к горе Синай, но к горе Сион» (см. R. 760). В Рим. 9:28 ποιήσει κύριος ἐπὶ τῆς γῆς, *совершит Господь на земле*, артикль ближе определяет область Божественного действия, а Евр. 6:7 γῆ γάρ ἡ ποιοῦσα τὸν ὑετὸν, *земля, пившая дождь*, он характеризует землю, сделавшуюся плодородной после освежающих дождей. Заметьте, что в обоих случаях существительное в равной степени мыслится определенным. В Мат. 14:3 τὴν γυναῖκα Φιλίππου Иродиана показана женой Филиппа, а ἐνὸς ἀνδρὸς γυνή, в 1 Тим. 5:9 значит *одно-мужняя жена*. Обычно при переводе существительное и в первом случае, *жена Филиппа*, и во втором случае, *жена одного мужа*, рассматривается в качестве определенного. Разница между примерами такова: в первом случае указывается на специфическую индивидуальность, во втором – дается требуемая характеристика. Подобные примеры можно приводить *ad infinitum*¹.

v. Говоря о функциях артикля, необходимо учитывать весьма важное обстоятельство, а именно факт происхождения артикля от указательного местоимения. Опасность здесь кроется в том неверном подходе, когда греческий артикль рассматривают с точки зрения функции современного английского артикля, а не в свете особенностей его собственного происхождения и истории. Нам следует здесь исходить из Гомера и проанализировать Новый Завет, не оглядываясь присущий английскому языку способ выражения. «У Гомера ὁ, ἡ, τὸ - самое общеупотребительное из указательных местоимений» (Милден, *Предикативная позиция в греческом языке* (Milden: *The Predicative Position in Greek*), стр. 7), оно постоянно колеблется в своем значении между местоимением и артиклем. Так, в Илиаде 1:11, 12,

... τὸν Χρύσην ἡγήμησ' ἀρητήρα
Ἀτρεΐδης ὁ γὰρ ἦλθε θεὸς ἐπὶ νῆας Ἀχαιῶν.

Атрид оскорбил священника Хриса, ибо он пришел к быстрым кораблям Ахейцев, в первом предложении τὸν употребляется как артикль, а ὁ во втором – как личное местоимение. В Илиаде 1:125,

¹Ad infinitum – лат., до бесконечности. (Прим. перев.)

ἀλλὰ τὰ μὲν πόλιν ἐξέπραθμεν, τὰ δέδοται,

но трофеи, которые мы взяли в городах, те были поделены, τὰ в первой части фразы выполняет функции относительного местоимения, во второй – указательного. «В *Илиаде* ὁ, ἡ, τό выступают в функции местоимения 3000 раз, а в функции артикля – 218 раз, то есть в пропорции 14:1; в *Одиссее* же они имеют значение местоимений 2178 раз и артикля 171 раз, то есть в пропорции 13:1» (Милден, *там же*, стр. 8). Употребление ὁ, ἡ, τό в местоименном значении, особенно в значении указательного местоимения, преобладает в надписях. В функции относительного местоимения оно часто встречается в лесбосских, фессалийских, аркадо-кипрских и древних беотийских надписях (см. Бак, *Греческие диалекты* (Buck: *Greek Dialects*), стр. 92 и далее). Частота употребления этого местоимения в качестве артикля возрастает на протяжении классического периода и в период наивысшего господства аттицизма ὁ, ἡ, τό является типичным артиклем и лишь в исключительных случаях – местоимением. С этой точки зрения Новый Завет более близок к аттической норме, чем папирусы, которые скорее склоняются к гомеровскому, местоименному употреблению (М. 81). Иногда мы даже находим в папирусах старые гомеровские формы τοί, ταί (см. *P. El.* 1:15) – результат западно-греческого влияния (см. Бак, *там же*, стр. 92). Итак, мы видим, что артикль в Новом Завете несет на себе явную печать «указательности», и мы сделаем серьезную ошибку, если будем игнорировать этот факт.

vi. Употребление θεός (Бог) с артиклем и без него очень поучительно. Исследование контекстов этого слова, проведенное Моултоном и в *Симфонии* Гедена, убеждает в том, что без артикля θεός означает Божественную сущность, в то время как с артиклем, в основном, имеется в виду Божественная Личность. В формулировке Вебстера, опубликованной еще в 1864, проводится четкое различие:

θεός встречается без артикля, (1) когда Божество противопоставляется либо человеческому, либо вселенной как чему-то отличному от Создателя, либо природе и делам злых духов, (2) когда говорится о непередаваемых атрибутах Бога, (3) когда исходящие от Бога действия присущи одной из трех Божественных личностей, (4) когда о Боже высказывается язычник или иудей, отрицающий существование Сына и Святого Духа. Но слово употребляется с артиклем, (1) когда о Боже говорится с христианской точки зрения, (2) когда Первое Лицо благословенной Троицы выделяется особо, за исключением тех случаев, когда артикль необязателен из-за добавления πατήρ или другого отличительного эпитета (*там же*, стр. 29).

Данный анализ, несомненно, несколько более точен и детален, чем это позволяют сделать факты, но, безусловно, он демонстрирует поразительную проницательность исследователя. Конечно, когда Робертсон говорит, что θεός по отношению к артиклю «выступает как имя собственное и может то иметь, то не иметь артикль» (R. 761), он вовсе не хочет сказать, что наличие или отсутствие артикля при θεός вещь несущественная. Нам представляется, что Робертсон скорее имеет в виду отсутствие единства в употреблении артикля с θεός, и вследствие этого порой трудно в четких и недвусмысленных выражениях сформулировать точку зрения ученого, которая имеет все права быть обоснованной. Впрочем, в преобладающем большинстве случаев причина отсутствия-наличия артикля вполне очевидна. Хороший пример – употребление θεός в Ин. 1:1. Прὸς τὸν θεὸν подразумевает связь Христа с личностью Отца; θεὸς ἦν ὁ λόγος подчеркивает сопричастность Христа божественной природе. В первом случае имеется в виду личность, во втором – характер, природа. Такое разделение соответствует общему значению артикля. Его встречаем и в папирусах, например во фразе ὁ φῶς ἐκ φωτός, θεὸς ἀληθινός, *Свет от света, Бог истинный*, здесь подчеркивается скорее характер Бога, нежели Его личность (Миллиган, *там же*, стр. 134).

vii. Конструкция с артиклем подчеркивает *индивидуальность*; конструкция без артикля – характер. Если студент, изучающий язык обратится к Рим. 8:1 и далее, то, следуя данному принципу, он обнаружит, насколько это действительно полезно для понимания и толкования текста. Несомненно, что всякий, занимающийся толкованием, не может позволить себе пренебречь артиклем. Новый Завет здесь полностью подтверждает наблюдение Баттмана, гласящее, что «любое употребление артикля имеет свою определенную причину» (Bt. 88).

Артикль в своем обычном значении

147. Существуют определенные конструкции, где артикль обычно употребляется в соответствии со своим основным значением. Термин «обычный» здесь используется в смысле обыкновенности употребления, но не в смысле соответствия неким устоявшимся правилам. В греческом языке нет «правил» употребления артикля, но есть лежащие в основе принципы, указывающие на его значение – как мы уже видели в предыдущем разделе – эти принципы и воспроизводят обычный способ употребления. Уклонение от обычного способа всякий раз связано с авторской волей.

(1) **Обозначение индивидуализированного объекта.** Ближе всего смыслу артикля соответствует его функция указания на индивидуализированный объект.

ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν.
Царство Небесное. Мат. 3:3.

(2) **Употребление с целью обозначения предыдущей ссылки.** Артикль может употребляться для указания на объект, индивидуальность которого определяется каким-либо предыдущим его упоминанием, явствующим из контекста.

πόθεν οὖν ἔχεις τὸ ὕδωρ τὸ ζῶν.
Откуда же у тебя вода живая? Ин. 4:11.

То есть, “живая вода”, о которой Христос уже говорил. См. также: Мат. 2:1; Откр. 15:1, 6.

(3) **С абстрактными существительными.** Абстрактные существительные по своему значению отличаются общим характером, а потому имеют черты неопределенности. Однако если говорящий на греческом языке желает сделать абстрактное существительное более определенным, то он сопровождает его артиклем. Так, ἀλήθεια, истина, означает нечто действительное и подлинное, но в Новом Завете ἡ ἀλήθεια означает то, на что можно положиться и что действительно находится в согласии с Божьим откровением, данным во Христе. Таким образом, абстрактное существительное утрачивает свой общий характер и индивидуализируется: это конкретная истина, открывающаяся во Христе.

τῇ γὰρ χάριτί ἐστε σεσωσμένοι.
Ибо благодатью (этой) вы спасены. Еф. 2:8.

То есть, особой благодатью, а именно благодатью, обеспечивающей спасение человека. Это не благодать как нечто абстрактное отношение и даже не благодатная близость Бога вообще, но «та самая благодать» Божья, действовавшая через искупление в целях спасения для людей. Благодать – качество, которое можно приписать различным объектам; но здесь она индивидуализирована как атрибут Бога, задействованный в определенной сфере. См. также: 1 Кор. 13:4; 15:21.

(4) **С именами собственными.** Артикль часто ставится при имени собственном, обладатель которого очевиден из контекста или считается хорошо известным читателю. Так, в Новом Завете, написанном для людей, хорошо осведомленных в фактах исторического христианства, мы встречаем имя ὁ Ἰησοῦς, и сразу понимаем, что это – тот самый Иисус, Мессия и Спаситель. В Кол. 4:11, когда Павел обращается к некоему члену собрания в Колоссах, которого также звали Иисус, он намеренно опускает артикль перед его именем и добавляет пояснительную фразу ὁ λεγόμενος Ἰουδῆος. Все выражение в целом означает «человек по имени Иисус, которого прозывают Иуст». Данный прием характерен для Нового Завета – опускать артикль, когда имя собственное сопровождается пояснительной фразой; например, Σαῦλος δέ, ὁ καὶ Παῦλος (Деян. 13:9); Σίμων ὁ λεγόμενος Πέτρος (Мат. 10:2). В такой конструкции имя скорее просто обозначает человека, нежели подчеркивает своеобразие индивидуума, названного данным именем.

ὁρῶζω ὑμᾶς τὸν Ἰησοῦν ὃν Παῦλος κηρύσσει.
Заклинаю вас Иисусом, Которого Павел проповедует. Деян. 19:13.

i. То есть, «тем, известным Иисусом, которого проповедует некто по имени Павел». На конкретное лицо здесь указывает имя Ἰησοῦς, но не Παῦλος. Это сделано для того, чтобы особым образом выделить имя Иисуса. См. также: Деян. 15:19; 19:1.

ii. Гилдерслив утверждает, что имена собственные, «будучи по своей природе определенными, не требуют артикля, поэтому, когда артикль употребляется с ними, он сохраняет свое первоначальное указательное значение» (там же, 215). Здесь таким образом, задействуется индивидуализирующая функция артикля. Ἰωάννης, как имя собственное, может быть носимо любым количеством индивидуумов, но ὁ Ἰωάννης – это индивидуализированный субъект, который носит это имя. То есть ὁ Ἰωάννης имеет в виду некоего определенного Иоанна, известного читателю. Похоже, что такое разделение, в общем-то, и лежит в основе рассматриваемой конструкции, хотя оно не обязательно стоит на первом плане при реальном употреблении. Действительно, трудно найти правило, которое бы обнимало все случаи такого использования артикля. Винер, несомненно, прав, высказывая взгляд, что «употребление артикля с персоналиями... едва ли можно подогнать под правило» (W. 112). Моултон согласен с ним: «ученые еще не решили полностью проблему употребления артикля с именами собственными» (M. 83). Таким образом, мы вынуждены согласиться с выводом Робертсона

о том, что «невозможно каким-либо удовлетворяющим образом сформулировать принцип, регулирующий наличие или отсутствие артикля при именах собственных» (R. 761). Это не означает, что у нашего автора не было причин использовать артикль при имени собственном, но показывает нашу неспособность определить в некоторых случаях эту причину. При любом раскладе безосновательно предположение, что анализируемый нами автор использует данный способ выражения случайно, хотя изредка имеет место и это.

iii. В поисках решения этого вопроса, поучительно было бы пронаблюдать за употреблением артикля с Ἰησοῦς. Это имя встречается в Новом Завете девятьсот девять раз (согласно Моултону и Гедену: *там же*). Оно употребляется триста пятьдесят девять раз без артикля (WH). В ста семидесяти пяти из этих случаев подчеркивается значение этого имени, как имени Мессии, которое означает «спаситель». Сорок один раз это имя маркируется скорее как обозначающее, нежели идентифицирующее личность спасителя, что почти соответствует по смыслу нашему выражению «человек по имени». Десять раз оно употребляется без артикля в звательном падеже. В нескольких случаях в отсутствии артикля оно встречается в приветствиях, где безартиклевая позиция, с несомненностью вытекает из общепринятой традиции не использовать артикль в приветствиях. Эта традиция находит свое отражение, как в Новом Завете, так и в папирусах. Но сто тридцать три раза Ἰησοῦς встречается без артикля, и никаких очевидных причин для этого мы найти не можем. Хотя это только пятнадцать процентов всех случаев и всего тридцать четыре процента от всех случаев безартиклевого употребления, все же это достаточно доказывает, что мы еще не способны сформулировать для себя четкий принцип, следуя которому можно было бы объяснить употребление артикля с именами собственными. Безартиклево употребление с Ἰησοῦς преобладает в Евангелии от Иоанна, послании к Евреям, а также в книге Откровения. В Евангелии от Иоанна такое употребление в основном отличает фразы «Иисус сказал» или «Иисус ответил». Большинство случаев безартиклевого употребления у Луки приходится на выражение «Иисус сказал». Это, возможно, объясняется общей тенденцией не употреблять артикль в стереотипных или терминологических выражениях.

(5) В родовом значении. Употребление артикля в родовом значении имеет место с существительными, которые должны быть представлены как представители класса или группы. Гилдерслив говорит: «Принцип родового употребления артикля состоит в том, что отбирается некий представитель или обычный индивидуум» (*там же*, 255). При этом представляемый класс понимается как единое целое и выделяется из всех других классов. Артикль здесь, таким образом, индивидуализирует скорее группу, чем отдельный объект, и указывает на эту группу как на наделенную особыми характеристиками.

αἱ ἀλώπεκες φωλεοὺς ἔχουσιν.

Лисицы имеют норы. Мат. 8:20.

Мысль отрывка в целом может быть сведена к тому, что даже такое приниженное и незначительное существо как лиса имеет своего рода прибежище, а Сын Человеческий унижен еще больше. Значение таково: «Лисы, уж насколько маленькие зверьки, а имеют норы». Таким образом, здесь существительное употребляется скорее для указания на класс, а не на группу индивидов. См. также: Лук. 10:7; 1 Тим. 3:2.

(6) С местоимениями. Поскольку местоимению свойственно отождествлять, оно естественным образом соотносится с артиклем. Так, артикль обычно ставится всегда, когда при существительном стоят местоимения οὗτος и ἐκεῖνος (Лук. 14:30). Он ставится и при притяжательных местоимениях, исключая случай, когда они являются предикатом (Мат. 7:22; Ин. 17:10). Артикль употребляется и с родительным падежом личного местоимения (Мат. 26:25; см. Мат. 27:46). О том, какое значение он получает с αὐτός мы уже достаточно подробно говорили в разделе *Местоимение*. Употребление артикля с πᾶς отличается показательным разнообразием в значении. В единственном числе πᾶς без артикля означает *каждый* (Рим. 3:19). Ὁ πᾶς означает *весь* (Гал. 5:14), и πᾶς ὁ с существительным - *весь* (Деян. 10:2), хотя, как правило, при согласовании с причастием, πᾶς переводится *каждый* (Мат. 5:28). Множественное число πάντες редко употребляется без артикля, хотя иногда и встречается в безартиклевой позиции в значении *все* (Еф. 3:8). Οἱ πάντες имеет значение *все*, как и πάντες οἱ, но в первом случае отчетливее выражен собирательный смысл (Мат. 1:17). Мы указали, как обычно изменяется значение πᾶς под влиянием артикля, хотя вообще отклонения от обычного употребления часто определяются контекстом (см. R. 771 и далее).

(7) С другими частями речи. В соответствии со своей главной функцией, артикль задействован во всякой индивидуализирующей словесной конструкции. В такого рода оборотах артикль функционирует в качестве рамок, сводящих выражение в единое целое и

особым образом подчеркивающих это целое. Так, в Лук. 5:10 $\alpha\pi\omicron\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \nu\upsilon\upsilon$ означает нечто большее, чем можно выразить словом *отныне*. Оно означает отныне как охарактеризованное в своей сути, – как отмеченное новыми обстоятельствами: приходом Иисуса в жизнь тех, к кому Он обращался. Это не просто *отныне*, но *с этого момента*, определенного и индивидуализированного новым отношением к Иисусу. В Лук. 19:48, $\kappa\alpha\iota\ \omicron\upsilon\chi\ \eta\upsilon\rho\iota\sigma\kappa\omicron\nu\ \tau\omicron\ \tau\acute{\iota}\ \pi\omicron\iota\eta\sigma\omega\sigma\iota\nu$, *и не находили, что бы сделать*, переводится, если трактовать текст свободно, *они не могли найти действенного способа, который они могли бы использовать*. (Первосвященники и книжники искали погубить Иисуса, и это для них было трудной задачей, вследствие Его популярности). Это не значит, что они *ничего* не могли придумать, но они не могли прийти к *чему-то определенному*, что обеспечило бы им достижение цели. Из этого можно исходить, анализируя употребления артикля с прилагательными, наречиями, причастиями, инфинитивами, предложными конструкциями и даже сложными предложениям.

$\tau\omicron\ \epsilon\acute{\iota}\ \delta\upsilon\upsilon\eta\iota\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\alpha\ \delta\upsilon\nu\alpha\tau\acute{\alpha}\ \tau\acute{\omega}\ \pi\iota\sigma\tau\epsilon\upsilon\omicron\nu\tau\iota$.

“Если можешь!” Все возможно верующему. Марк. 9:23.

i. Если переводить свободно, $\tau\omicron\ \epsilon\acute{\iota}\ \delta\upsilon\upsilon\eta\iota$ означает: *берегись недостатка веры, который заключен в реплике “Если можешь!”* См. также: Мат. 5:3-4; Деян. 15:11; Рим. 13:10; Гал. 5:14; Евр. 13:24.

ii. Гилдерслив, несомненно, упускает главное, говоря об артикле, что он «субстантивирует различные части речи, то есть, изменяет их природу в направлении существительного» (*там же*, 262 и далее). Здесь на ученого, несомненно, повлияла почти нерушимая взаимосвязь артикля и имени существительного в английском языке. Но в случае с греческим артиклем это не так. Он имеет иную природу, которая делает его способным самым естественным образом усваивать основное значение различных частей речи. В Марк. 1:24 $\acute{o}\ \acute{\iota}\chi\theta\iota\varsigma$ – не есть субстантивация по причине наличия артикля, но субстантивация сама присуща природе прилагательного (см. § 131, (2), а). Мы уже говорили о причинах наличия артикля в конструкции $\tau\omicron\upsilon\ \nu\upsilon\upsilon$ (Лук. 5:10), где артикль не изменяет наречие в существительное, но более конкретно определяет то, о чем идет речь. Поскольку причастие и инфинитив по природе являются отглагольными именами, артикль никоим образом не может воздействовать на их именную природу. В таких оборотах, как $\omicron\acute{\iota}\ \mu\epsilon\tau'\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$, *те, которые с ним*, артикль не изменяет значение предложного словосочетания в смысле его субстантивации, но сам как бы возвращается к своему первоначальному указательному значению. Конструкция в Лук. 11:3 $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\ \eta\mu\acute{\iota}\nu\ \tau\omicron\ \kappa\alpha\theta'\ \eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha\nu$ более трудна для нашего восприятия. Здесь $\tau\omicron$ – наречный винительный падеж отношения. Дай нам наш $\epsilon\pi\iota\omicron\upsilon\sigma\iota\omicron\nu$ (насушный) хлеб *в связи с тем, что дает нам в обычный день*; то есть, *в связи с нашей нуждой в подкреплении пищей*. Перед нами опять та же самая указательная функция артикля, который здесь образует единое целое с сохраняющим свое значение с предложным словосочетанием. В придаточных и независимых предложениях с артиклем, последний, как правило, выступает в индивидуализирующей функции. Наглядный пример – Рим. 8:26: $\tau\omicron\ \gamma\acute{\alpha}\rho\ \tau\acute{\iota}\ \pi\rho\omicron\sigma\epsilon\upsilon\acute{\omega}\mu\epsilon\theta\alpha\ \kappa\alpha\theta\omicron\ \delta\epsilon\acute{\iota}\ \omicron\acute{\iota}\kappa\ \omicron\acute{\iota}\delta\alpha\sigma\epsilon\nu$, *ибо как мы должны молиться, мы не знаем*. Павел здесь хочет сказать: «проблема молитвы в том, что мы не знаем, как мы должны молиться». Артикль сводит придаточное предложение к единственному пункту и представляет проблему как специальный вопрос, определенный куда более строго, чем это позволяет сделать любой оборот английского языка. Такое явление можно назвать «рамочной функцией» артикля. Трудности, испытываемые нами при переводе таких конструкций, порождены спецификой английского способа выражения, а не греческого. В процессе экзегетики вообще необычайно важно видеть проблему с точки зрения именно греческого языка. Сравните Рим. 1:26; 4:16.

Особенности в употреблении артикля

148. Некоторые случаи использования артикля лишь отдаленно связаны с его основной функцией, поэтому их можно рассматривать как примеры особого употребления.

(1) С существительными, соединенными $\kappa\alpha\iota$. Правило, сформулированное более столетия назад Гренвиллом Шарпом (Granville Sharp), подтверждается и сегодня: «Если связующее $\kappa\alpha\iota$ соединяет два существительных, стоящих в одном и том же падеже и если артикль $\acute{o}$ или любая его падежная форма, предшествуя первому существительному или причастию, не повторяется впоследствии перед следующим за ним существительным или причастием, то последнее всегда относится к тому же лицу, которое выражено или описано стоящим впереди существительным или причастием. То есть, оно характеризует лицо, упомянутое первым».

$\tau\omicron\upsilon\ \kappa\upsilon\rho\acute{\iota}\omicron\upsilon\ \kappa\alpha\iota\ \sigma\omega\tau\eta\rho\varsigma\ \text{Ἰησοῦ Χριστοῦ}$.

Нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа. 2Пет. 2:20.

В данном примере артикль указывает на тот факт, что Иисус является как Господом, так и Спасителем. Текст 2 Пет. 1:1 τοῦ θεοῦ ἡμῶν καὶ σωτῆρος Ἰησοῦ Χριστοῦ означает, что Иисус в одном лице – наш Бог и Спаситель. Точно также Тит. 2:13 τοῦ μεγάλου θεοῦ καὶ σωτῆρος Ἰησοῦ Χριστοῦ подчеркивает, что Иисус – и великий Бог, и Спаситель.

(2) В качестве местоимения. Первоначальная местоименная природа артикля проявляется во многих способах его употребления, и здесь данное слово, строго говоря, уже не артикль, но представляет собой восстановленное местоимение. Это особенно характерно для аттицизма. Так, Гилдерслив, в рамках явления, называемого им «субстантивным употреблением» артикля, приводит множество примеров из произведений классических авторов (*там же*, 216 и далее). При этом:

а) Артикль иногда полностью обрывает значение *указательного* местоимения.

οἱ τοῦ Χριστοῦ.

Те, кто Христовы. Гал. 5:24.

См. также: Мат. 13:29; Евр. 13:24.

б) Артикль может употребляться с μέν и δέ как *разделительное* местоимение.

οἱ μὲν ἐχλεύαζον, οἱ δὲ εἶπον, ἀκουσόμεθά σου.

Одни насмехались, а другие говорили: послушаем тебя. Деян. 17:32.

См. также: Мат. 21:35; Деян. 14:4.

в) Артикль часто употребляется фактически как *притяжательное* местоимение.

ἐκτείας τὴν χεῖρα ἥψατο αὐτοῦ.

Протерши свою руку, коснулся его. Мат. 8:3.

См. также: Деян. 5:19; 2 Кор. 8:18.

Такое употребление артикля преобладает в папирусах, например, в Р. Оху. 294:31. Δωρίωνα τὸν πατέρα, *Дориона, отца нашего*, и Р. Оху. 292:6: Ἑρμίαν τὸν ἀδελφόν, *Ермия, брата моего*. Вместе с тем, это вовсе не отличительная черта койне, но способ употребления, типичный для греческого языка классического периода; например, Фукид.. 1:69. οὐ τῇ δυνάμει ἀλλὰ τῇ μελλήσει ἀμυνόμενοι, *защищаясь, не твоей силой, но твоими угрозами*.

г) Повторение артикля со словом или словосочетанием, выступающем в определительной функции, является разновидностью эмпазы. При этом артикль уклоняется от своего приближаясь уже, скорее, к *относительному* местоимению.

ὁ λόγος ὁ τοῦ σταυροῦ.

Слово, (которое) о кресте. 1Кор. 1:18.

См. также: Мат. 26:18; 1Тим. 3:13.

Сходным образом артикль употребляется также в целях придания большей выразительности придаточному предложению, определяющему существительное. Такая конструкция преобладает в аттическом диалекте. Здесь эмпаза – это, по сути, род контраста. Контраст может быть специализированным, как в Рим. 2:14, ἔθνη τὰ μὴ νόμον ἔχοντα, где *народы, не имеющие закона*, противопоставляются евреям, имеющим закон; или он может иметь характер всеобщности, как в Деян. 20:21, πίστιν τὴν εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ (TR), где *вера, (которая) в нашего Господа Иисуса Христа*, противопоставляется любой иной вере. Если артикль не задействован, то нет и контраста (см. 2 Фес. 3:14).

(3) С подлежащим в пояснительном предложении. В пояснительном предложении артикль ставится для того, чтобы отличить подлежащее от сказуемого. Отрывок из *Анабасиса* Ксенофонта 1:4:6, ἐμπόριον δ' ἦν τὸ χωρίον, *и это место было рынок*, имеет параллели в тексте Ин. 1:1 καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος, *и слово было Бог*. В обоих примерах артикль указывает на подлежащее. Причем *это место* не было единственным рынком, а *это слово* не было всем Богом, как это было бы, если бы артикль стоял и при θεός. Следовательно, под словом θεός могут подразумеваться и другие лица Троицы.

μάρτυς γάρ μου ἐστὶν ὁ θεός.
Ибо Бог – мой свидетель. Рим. 1:9.
 См. также: Марк. 6:35; 1 Ин. 4:8.

В обратимом предложении, где подлежащее и сказуемое взаимозаменяемы, они оба имеют артикль (1 Кор. 15:56). Если подлежащее выражено именем собственным, личным или указательным местоимением, оно может стоять без артикля, в то время как имя сказуемое имеет артикль (см. Ин. 6:51; Деян. 4:11; 1Ин. 4:15).

Отсутствие артикля

149. Иногда при существительном, требующим определенного контекста, артикль не ставится, что предполагает акцент скорее на качественной стороне существительного, чем просто подчеркивает его индивидуальность. Ведь всякий объект может быть осмыслен с двух сторон: как некая *индивидуальность* или как некое *качество*. Для первого в греческом языке употребляется артикль, для второго – конструкция без артикля. Точно также в выражениях, представляющих собой технические термины или стереотипные фразы, а также в приветствиях, артикль не употребляется, как следствие тенденции к краткости в часто употребляемой или обычной фразеологии. Сравните, например, английские выражения “at home”, “down town”.

τοῦτο γὰρ ὑμῖν λέγομεν ἐν λόγῳ κυρίου.
Ибо сие говорим вам словом Господним. 1Фес. 4:15.

i. То есть, словом известного качества, исходящим от того, кто является Богом. Здесь подчеркивается именно богодухновенность учения. См. также: Ин. 4:27; 1 Фес. 5:5; Евр. 6:7.

ii. Мы разделяем мнение Робертсона относительно того, что было бы более точным говорить об «отсутствии» артикля, чем о его «опущении». Ведь употребляя термин «опущение», мы как бы подразумеваем, «что артикль должен быть» (R. 790), тогда как в действительности его присутствие не требуется, поскольку автор стремился передать мысль, которую артикль не смог бы выразить должным образом. Сказать «опускается» здесь все равно, что мерить греческую фразу английским аршином. Винер, тем не менее (W. 119), говорит об «опущении артикля» и тем самым совершает распространенную ошибку, полагая, что артикль не употребляется именно потому, что имя существительное мыслится вполне определенным и без него. Следует, однако, быть осторожнее и рассматривать артикль с точки зрения его истории и функции в греческом языке, а не с точки зрения норм английской грамматики. Баттман поддерживает такой подход, говоря: «опущение артикля встречается очень часто именно в тех случаях, когда мы его употребляем», но совершенно портит дело, добавляя: «и где, строго говоря, он должен стоять также и в греческом языке» (Вт. 88). В какой мере обладаем мы правом говорить, что «он должен стоять также и в греческом языке»? Древнегреческого писателя судят на основании норм современной немецкой и английской фразеологии!

iii. Важно заметить, насколько часто существительное без артикля встречается в предложных конструкциях. Это – не просто случайность, поскольку в развитии языка нет случайностей, и каждый способ выражения имеет свою причину. Частое отсутствие артикля здесь не связано также и с тем, что существительное мыслится вполне определенным и без артикля, хотя, конечно, и это имеет место, поскольку греческому существительному присуща внутренняя определенность. Однако не она здесь причина отсутствия артикля. Предложная конструкция обычно предполагает некий род качественного состояния. Ἐν ἀρχῇ в Ин. 1:1 говорит о Христе как о предсуществующем, и дает тем самым определение Его личности. Когда Павел в Кол. 2:20 пишет: «Если вы со Христом умерли для стихий мира, то для чего вы, как живущие ἐν κόσμῳ (в мире) держитесь своих установлений?», становится ясно, что ἐν κόσμῳ указывает на то, как живут: некая «жизнь-в-мире». Таким образом, можно привести массу примеров в подтверждение того факта, что в предложной конструкции акцент делается скорее на качественном аспекте имени существительного, чем на его индивидуальности (см. Рим. 2:23: ἐν νόμῳ; 1 Кор. 15:34: πρὸς ἐντροπὴν; Еф. 4:24: κατὰ θεόν). Существительные, лишённые как артикля, так и предлога также акцентируют характер или качество (см. τέκνα φωτός, Еф. 5:9).

iv. Робертсон уделяет мало внимания этой стороне вопроса, хотя он и признает, что выражать качество «более свойственно существительному без артикля» (R. 794). Моултон признает важность проблемы, замечая, однако, что «в плане экзегетического анализа в греческом языке существует ряд тонких моментов, в большей степени заслуживающих внимания, чем опущение артикля в тех случаях, когда писатель хотел бы подчеркнуть качество или характер объекта» (М. 83).

v. Лучшим руководителем в вопросе об артикле является обогащенный знаниями здравый смысл, который закалился, применяя на опыте экзегетический принцип, уже давно сформулированный Вильямом Вебстером: «Причина того, почему артикль ставится или опускается, не выяснится до тех пор, пока мы не взглянем на это дело с той самой точки зрения, с какой подходил к нему автор» (*там же*, с. 27).

Местоположение артикля

150. Употребление артикля с прилагательным, причастием и указательным местоимением требует особого внимания.

(1) Когда артикль предшествует прилагательному, он стоит в *атрибутивной позиции*.

ὅταν τὸ ἀκάθαρτον πνεῦμα ἐξέλθῃ.

Когда нечистый дух вышел. Мат. 12:43.

См. также: Марк. 12:37; Ин. 10:11.

Атрибутивное значение в сущности создается не в силу воздействия артикля, но возникает из совсем иных соображений, о которых шла речь в разделе о прилагательных (§ 131, (1)). Однако если артикль употребляется с прилагательным, выступающем в функции атрибута (дополнения), он обычно стоит в атрибутивной позиции. Иногда, в тех случаях, когда атрибутивность ясна из контекста, указывающий на нее артикль отсутствует (Еф. 2:10). Следует помнить, что употребление или неупотребление артикля в атрибутивной конструкции «зависит от воззрения говорящего или пишущего» (R. 787), и таким образом, то что автор возжелал употребить именно данную форму, не следует относить к категории случайностей. Иногда целые фразы или предложения выполняют функции атрибута (дополнения) (1 Пет. 1:11).

(2) Когда артикль не предшествует прилагательному, то он стоит в *предикативной позиции*.

οὐ καλὸν τὸ καύχημα ὑμῶν.

Не хороша хвала ваша. 1 Кор. 5:6.

См. также: Евр. 7:24; 1 Пет. 4:8.

i. Артикль при существительном, выступающем в функции предиката никогда не ставится, пока для этого не появится особая причина. Очевидно, что предикативное существительное обычно подчеркивает качество и, в силу этого, естественно, артикль здесь не нужен. В вышеприведенном примере καλὸν отчетливым образом определяет некий род гордыни. Когда артикль, в свою очередь, ставится при предикате, то он указывает, что предикат, по сути, тождественен подлежащему. Например, в ἡ ἀμαρτία ἐστὶν ἡ ἀνομία (1 Ин. 3:4) грех отождествляется с беззаконием. Если же артикль стоит при имени, но отсутствует при прилагательном, это показывает, что прилагательное является предикатом, хотя такого рода фразеологизм и может показаться англичанам неуклюжим (см. 1 Кор. 11:5).

ii. Следует аккуратно разграничивать с одной стороны атрибутивное и предикативное *словоупотребление*, отражающее существенную взаимосвязь прилагательного с контекстом, а с другой – атрибутивную и предикативную *позицию*, связанную с правилами постановки артикля при прилагательном.

(3) Когда артикль имени существительного повторяется при прилагательном, следующим за существительным, он эмфатически в равной мере выделяет как прилагательное, так и существительное, заставляя прилагательное играть роль приложения. Здесь проявляется индивидуализирующая функция артикля.

ἐγὼ εἰμι ὁ ποιμὴν ὁ καλός.

Я есть пастырь добрый. Ин. 10:11.

i. Фактический смысл этого высказывания – *Я есть пастырь* (а именно), *добрый пастырь*. См. также: Мат. 17:5; Евр. 13:20.

ii. Робертсон объясняет значение определительной позиции перед или после существительного. В позиции перед существительным определение несет на себе отчетливый смысловой акцент, а если оно стоит после существительного, этот акцент распределяется более равномерно, и прилагательное «прилагается с определенным артиклем, сообщая фразе завершенность» (R. 776). Иногда, в виду неопределенности существительного, прилагательное выступает в функции своего рода индивидуализирующего определения, причем существительное лишено артикля, а следующее за ним прилагательное всегда с артиклем. Помимо прилагательного иначе выраженные определения также нередко следуют за существительным с повтором артикля (см. 1 Кор. 1:18; Марк. 4:31), впрочем, такие определения могут примыкать к существительному и без сопровождения артикля. Артикль встречается иногда в атрибутивной позиции, и в этом случае его можно перевести относительным местоимением (Рим. 8:39).

iii. Когда несколько прилагательных выступают как определения по отношению к одному существительному, то с целью подчеркнуть разницу между ними при каждом прилагательном повторяется артикль (Откр. 1:17); однако, если просто указывается на свойства субъекта, выражаемого существительным, употребляется только один артикль (Откр. 3:17). Если артикль повторяется при перечислении, он сводит

перечисляемые предметы в единый логический объект (Еф. 2:20). Вместе с тем, здесь не следует забывать и наблюдение Гилдерслива: «С точки зрения теории, конечно, повторение артикля предполагает рассмотрение по отдельности, а опущение, в свою очередь, подчеркивает единство. Однако, практически, греки были в этом почти так же свободны, как и мы, и здесь нельзя провести строгого разграничения» (*там же*, 277).

iv. О случае повторения артикля в эмфатических целях и в значении близком к относительному местоимению со словосочетанием, выступающим в функции определения или придаточным предложением, речь шла выше. Этот случай тесно связан с тем способом употребления артикля, о котором мы сейчас говорим.

(4) Когда причастие сопровождается артиклем, оно выступает при существительном подобием определения, указывая на качество или состояние; причастие без артикля имеет функции предиката. Так, ὁ ἄνθρωπος ὁ ἐλθὼν εἰς τὴν πόλιν значит *человек, пришедший в город*, но ὁ ἄνθρωπος ἐλθὼν εἰς τὴν πόλιν значит *человек, придя в город*. Причастие, выступающее в роли определения, совершенно как определение-прилагательное, может стоять между артиклем и существительным. Указательное значение артикля, стоящего при причастии, вполне естественно сообщается и причастию, поэтому при причастиях мы встречаем артикль значительно чаще, чем при прилагательных.

ἀλλὰ λαλοῦμεν θεοῦ σοφίαν τὴν ἀποκεκρυμμένην.

Но говорим о Божией мудрости, и (мудрости), сокровенной. 1 Кор. 2:7.

См. также: Деян. 9:39; 1 Фес. 2:15.

(5) Указательные местоимения обычно ставятся перед артиклем.

οὗτος ὁ ἄνθρωπος ἤρξατο οἰκοδομεῖν.

Этот человек начал строить дом. Лук. 14:30.

См. также: Ин. 4:53; 2 Кор. 7:8.

Раздел II.

Глагол

151. Глагол – это часть речи, выражающая действие или состояние и выступающая в предложении в функции сказуемого. Таким образом, глагол, в силу своей природы предполагает две разновидности. Во-первых, выражаемое глаголом действие может требовать после себя дополнения в целях обретения высказыванием полноты значения. В самом деле, фраза “Он строит” вызывает чувство напряженного ожидания, мы непроизвольно задаемся вопросом, что же он строит, но если распространить фразу и сказать: “Он строит дом”, то смысл высказывания становится полным. Глагол такого рода называется *переходным* глаголом. Другие глаголы не требуют после себя дополнения для полноты высказывания. Так, предложение “Он бежал” обладает внутренней полнотой и завершенностью. Такого рода глаголы называются *непереходными* глаголами.

Робертсон весьма своевременно предостерегает против того, чтобы смешивать характер, или сущность глагола с его залогом. Качество «переходности-непереходности» принадлежит самой сущности глагола, в то время как залог определяется контекстуальными отношениями, и прежде всего отношением глагола к подлежащему. Через отношение «глагол-дополнение» переходность *различается*, но характером глагола она *определяется*. “Переходные глаголы могут относиться к любому залогу, и непереходные – к любому залогу” (R. 330). “Данное качество – свойство самого глагола, не залога” (R. 797). См. ἐγείρω в Мат. 10:8 и 26:46. Однако такого рода вывод не следует истолковывать в том плане, что переходность и непереходность фиксируются значением корня глагола. Переходность определяется тем, как задействован глагольный корень в речи, использованием значения этого корня в определенном рода конструкций. Так, глагол βλέπω в Ин. 9:25 непереходный - τυφλὸς ὢν ἄρτι βλέπω, *бывши слепым, теперь я вижу*; но в Мар. 8:24 он переходный - βλέπω τοὺς ἀνθρώπους, *я вижу людей*. Даже исходное значение глагола может зависеть от контекста и перемены залога. При этом следует отметить, что в отличие от переходности, которая в основном определяется исходным значением глагола, залог полностью определяется контекстом. Поэтому переходность может исчезнуть с переменной залога, а может и не исчезнуть. Глаголы, переходные в действительном залоге, могут оставаться переходными и в среднем, или же могут стать непереходными. Обычно страдательный залог образуется только у переходных глаголов, хотя в некоторых случаях мы обнаруживаем, что страдательный залог могут образовывать и непереходные глаголы (см. Марк. 10:45; Евр. 11:2). Страдательный залог, как правило, предполагает непереходность, но глагол, после которого стоят два дополнения, может сохранить одно из них и будучи употребленным в страдательном залоге (см. Деян. 18:25; Гал. 2:7). Глаголы, обычно являющиеся переходными, иногда могут употребляться как непереходные без какого-либо изменения залога; например, ἵγω *веду*, в повелительном наклонении настоящего времени ἵγε означает *иди*. Наиболее наглядным примером здесь является употребление глагола ἔχω (*имею*) в некоторых устойчивых конструкциях с наречиями; например, Мат. 4:24 τοὺς καθὼς ἔχοντες *тех, кто болен* (буквально: *которых имеющих плохо*).

I. Залог, лицо и число

Ссылки: R. 797-820; R-S. 133-135; M. 152-163.

152. Залог – это свойство глагола, служащее показателем отношения подлежащего к действию, выражаемому глаголом. Мы уже видели, что залог необходимо отличать от переходности, которая определяется отношением глагола к дополнению. Сравнение предложений “Он убил” и “Он был убит” делает акцент именно на различии в плане отношения действия, выражаемого глаголом, к подлежащему, в то время как сравнение предложений “Он бежал” и “Он бежал дистанцию” делает акцент на наличии дополнения. Итак, мы видим, что залог указывает на отношение действия, выражаемого глаголом, к подлежащему (см. R. 798).

Различия в употреблении форм того или иного залога нам следует, как правило, определять по контексту. Например, то что συιέτεθειτο в Ин. 9:22 следует переводить как *они договорились друг с другом* (взаимный средний залог) становится ясным для нас только после тщательного исследования контекста, где речь идет о том, как Иудеи периодически совещались друг с другом, выискивая способы помешать Иисусу. Всякому, кто изучает греческий язык, важно не забывать о том, что залог глагола определяется контекстом, им же определяются и различные оттенки смысла глагола. Употребление той или иной залоговой формы в греческом койне практически совпадает с ее употреблением в аттическом диалекте классической эпохи.

Действительный залог

153. Действительный залог характеризует подлежащее как *производящее определенное действие* или пребывающее в состоянии, выраженном глаголом. Это самый простой способ глагольного словоупотребления. Указание на тот факт, что некий субъект производит действие, является, конечно, самым очевидным из всех возможных значений глагола. Однако это вовсе не обязательно означает, что действительный залог является наиболее древним по происхождению. Имеются причины, заставляющие некоторых языковедов полагать, что наиболее древним является средний залог. Впрочем, на самом деле, окончательно и со всей достоверностью это установить невозможно.

(1) Простой действительный залог. Обычная функция действительного залога – представить подлежащее в качестве активного субъекта действия, выражаемого глаголом.

ὁ δὲ θεὸς γινώσκει τὰς καρδίας ὑμῶν.

Но Бог знает сердца ваши. Лук. 16:15.

См. также: Лук. 22:54; 1Кор. 3:6.

Разновидностями простого действительного залога являются *действительный залог при возвратных местоимениях* (Марк. 15:30), а также *безличный действительный залог* (1 Пет. 2:6).

(2) Каузативный (причинный) действительный залог. Иногда глагол представляет подлежащее лишь опосредованно связанным с выражаемым действием.

τὸν ἥλιον αὐτοῦ ἀνατέλλει.

Он побуждает его солнце всходить. Мат. 5:45.

См. также: 1 Кор. 3:6; 8:13.

Такого рода идиоматизмы – необходимый атрибут грамотной речи и поэтому в той или иной степени присущи всем языкам. В иврите мы встречаемся с идиоматическим выражением схожего плана, представленным основой на *Хифел*. В русском языке также имеются подобные идиоматизмы: “каять грешника” и т.п. Схожие выражения распространены и в английском языке: «to blow a horn», «to shine a light», «to run a horse». Такого рода обороты возникают как результат употребления непереходного глагола в переходном значении.

Средний (медиа́льный) залог

154. Здесь мы приступаем к анализу одного из тех замечательных феноменов греческого языка, которые столь резко выделяют его из массы других языков. Данный феномен невозможно с достаточно точностью или адекватно передать средствами английского языка, поскольку в последнем отсутствуют даже приблизительные параллели. Изучающему греческий язык, таким образом, следует совершенно – насколько это возможно – забыть об английском языке, и встать на точку зрения греческого.¹ Следует оставить всякую надежду точно передать значение греческого среднего залога средствами английского перевода, тем не менее, мы должны постараться проникнуться атмосферой греческой мысли, ее содержанием, хотя мы и не в силах выразить его надлежащим образом.

155. Средний залог глагола указывает на то, что подлежащее как бы *участвует в результатах действия*. Так, глагол βουλεύω означает *я советую*, но βουλεύομαι означает *я советуюсь*; здесь субъект действия имеет своей целью стать причастным к его результату. В то время как действительный залог делает акцент на действии, средний залог – на действующем лице. То есть, средний залог в определенном смысле более тесным образом привязывает действие к подлежащему. Каким конкретным отношением они связаны, сама форма среднего залога не показывает, это отношение необходимо определять по контексту или исходя из характера действия, выраженного глаголом (см. R. 804).

¹В русском языке греческому медиа́льному залогу во многих отношениях соответствует возвратная форма глагола (Ср. *обращаюсь, решаюсь, советуюсь* и пр.) (Прим. ред.)

i. Так, “средний залог, строго говоря, никогда не употребляется без указания на определенного рода привязки к подлежащему” (Вт. 193). Он “вновь относит действие к его субъекту” (W. 252), или “акцентирует внимание на подлежащем” (R. 804). “Таким образом, средний залог, по сути, сводится к тому, чтобы привлечь внимание к субъекту действия, как до известной степени заинтересованному в действии” (М. 153). Все приведенные определения подходят к основной функции среднего залога с разных точек зрения. Едва ли можно дать единое определение основной функции данного залога, которое бы подходило вообще ко всем случаям его употребления. Нельзя выявить единый принцип, которому бы следовали все случаи, поскольку “сфера приложения среднего залога ... не имела четких границ” (М. 158). Представляется уместным предостережение Робертсона: “Нам не следует обольщаться в своем стремлении выявить смысл среднего залога средствами английского перевода” (R. 804). О том, сколь важна здесь проблема интерпретации, свидетельствует заключение Бласса: “В общем и целом, вывод, к которому мы приходим, состоит в том, что авторы Нового Завета вполне были способны проводить различие между действительным и средним залогом” (Bl. 186).

ii. “В индогерманском праязыке существовало два залога – действительный и средний” (Wt. 250). Окончания среднего залога позволяют предположить, что он являлся первоначальной формой глагола. Моултон говорит: “Ни в чем мы не можем быть так уверены, как в том, что в материнском языке нашей языковой семьи не было страдательного залога, а были только действительный и средний. Последний первоначально был равен первому по частоте употребления, хотя в настоящее время он не представлен ни в одном языке и сохранился только в формах, утративших характерное значение среднего залога” (М. 152). В санскрите наличествовали только формы действительного и среднего залога, которые сохранились до настоящего времени, причем они имели отдельное страдательное спряжение. Действительный залог называется индийскими лингвистами *парасмай падан*, буквально “слово для другого”; средний – *атман падан*, “слово для себя”. Эта терминология весьма живо указывает нам на основное различие между двумя залогом.

156. Любой анализ способов употребления среднего залога с неизбежностью выглядит более или менее произвольным. Действительно, между ними невозможно провести сколько-нибудь четкие границы. Однако эти границы существуют, и ниже мы укажем ряд основных особенностей в употреблении среднего залога. Но всякому, изучающему греческий язык, в первую очередь следует уяснить для себя основное значение среднего залога, а уже затем толковать каждый случай его употребления, исходя непосредственного из контекста и принимая во внимание значение рассматриваемого глагола.

(1) Прямой (возвратный) средний залог. В большинстве случаев основная функция среднего залога заключается в том, что он соотносит результаты действия непосредственно с субъектом действия, сообщая глаголу оттенок возвратности.

καὶ ἀπελθὼν ἀπήγγετο.

И, выйдя, он повесился. Мат. 27:5.

См. также: Марк. 7:4; 1 Кор. 16:16.

“В собственно возвратном значении средний залог встречается сравнительно редко; для этой цели обычно используются возвратные местоимения с действительным залогом глагола” (G. 292). Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое в сравнительном языкознании определяется как “аналитическая тенденция” в языке. Однако аналитические конструкции не полностью вытеснили возвратный средний залог, поскольку он все еще наличествует в современном греческом языке, хотя иногда и встречается в сочетании с возвратными местоимениями или их эквивалентами. (T. 144).

(2) Косвенный («динамический») средний залог. Иногда средний залог, акцентируя внимание на субъекте действия, подчеркивает даже не то, что субъект действия участвует в его результатах, но скорее то, что он сам непосредственно выполняет это действие. Средний залог показывает здесь, что действие тесно привязано к подлежащему, или соотносено с подлежащим в некотором особом и отличительном смысле, который автор желает подчеркнуть. Основания для такого авторского намерения легко выявляются из контекста.

αἰωνίαν λύτρωσιν ἐῴρατο.

Он Сам приобрел вечное искупление. Евр. 9:12.

См. также: 1 Кор. 13:8; 2 Тим. 4:15.

i. Данный способ употребления среднего залога иногда называют динамическим средним залогом; такое определение вряд ли является вполне адекватным, однако оно имеет некоторый смысл. Рассматриваемый вид среднего залога приблизительно соответствует основе на *Пил* в еврейском языке, но в греческом его использование разнообразнее и шире. Моултон отстаивает название “динамический” средний залог и считает, что “он акцентировал роль субъекта в глагольном действии”, – более чем уместное предположение. Он

признает, что нелегко провести границу между вариантами этого употребления, но, на наш взгляд, конечно, переоценивает эти трудности, заявляя, что “под эту категорию подпадает некоторое количество глаголов, в отношении которых бесполезно изощряться в изобретательности, пытаясь интерпретировать их значение в среднем залоге, поскольку он в своем развитии не продвинулся здесь далее рудиментарного уровня” (М. 158). Изучающий греческий язык должен задействовать здесь все свои познания и все свое языковое чутье, чтобы найти разумное объяснение всякому и каждому случаю употребления среднего залога. Однако мы должны признать, что случаи употребления рассматриваемого здесь вида среднего залога крайне разнообразны, и его значение нельзя зафиксировать в серии строгих и четких дефиниций.

ii. Интенсифирующий средний залог можно увидеть и в 2 Тим. 4:15 ὃν καὶ σὺ φυλάσσω, *которого берегись и ты*. Здесь Павел предупреждает Тимофея в отношении Александра медника, который и причинил Апостолу много зла. Смысл отрывка примерно следующий: “Поскольку он обращался со мною так жестоко, остерегись его и *ты сам*”. Греки вообще использовали средний залог там, где мы должны прибегать к курсиву. Яркий и показательный пример можно найти в Деян. 20:24 ἀλλ’ οὐδενὸς λόγου ποιοῦμαι τὴν ψυχὴν τιμᾶν ἑμαυτῷ, *но я не считаю мою жизнь сколько-нибудь ценной для себя*. В этой фразе значение формы среднего залога ποιοῦμαι представляется следующим: “Я сам не считаю (свою жизнь ценной для себя)”. Павел вовсе не хочет сказать, что жизнь не представляет для него интереса, но утверждает, что служение, ниспосланное ему Богом, выше любого личного интереса, который может быть в его жизни. Средний залог здесь указывает, что хотя люди могут иметь различные мнения по данному вопросу, но *сам* апостол пришел именно к такому заключению. Здесь средний залог имеет не только динамическое (акцентирующее) значение, но и значение противопоставления (см. αἰτεῖσθαι - αἰτεῖτε - αἰτεῖσθε в Иак. 4:2, 3).

iii. Интенсифирующий средний залог может сообщать глаголу некое индивидуальное, особое значение. Так, στρατεύειν означает *проводить военную кампанию*, в то время как στρατεύεσθαι означает *быть воином* (2 Тим. 2:4); πολιτεύειν означает *жить в свободном государстве*, в то время как πολιτεύεσθαι означает *принимать активное участие в делах государства, то есть быть гражданином* (Фил. 1:27).

iv. Такой способ употребления среднего залога является наиболее распространенным, и в силу этого своего характера требует и заслуживает самого основательного исследования. Робертсон делает различие между косвенным средним залогом и употреблением среднего залога в усилительном смысле (примеры этого были приведены выше), и употребляя, как и Моултон, термин “динамический” для указания на каждый вариант в отдельности. Несомненно, использование этого термина способствует большей точности анализа, однако вводит разделение, «демаркационная линия» которого неясна и которое непонятно для рядового студента, начинающего изучать греческий язык. Поскольку употребление в интенсифирующем смысле, без сомнения, входит в основную функцию косвенного среднего залога, мы приходим к выводу, что в таком случае будет более правильным расширить определение косвенного среднего залога, сделав ссылку на его употребление в интенсифирующем смысле, поскольку термин «динамический» средний, на наш взгляд, действительно скорее подобен «поддону», который «стоит под жарящимся мясом среднего залога, собирая капли жира, падающие с других способов его употребления» (Гильдерслив, *цитируется по* R. 811). По нашему мнению, лучше отказаться от такого поддона и использовать для «собирания капель» термин «косвенный» средний залог, поскольку мы находим, что он вполне подходит для такой цели.

(3) Пермиссивный средний залог. Средний залог может представлять субъекта действия сознательно подчиняющим себя результатам действия, либо стремящимся обратить эти результаты в свою пользу.

διὰ τί οὐχὶ μᾶλλον ἄδικεῖσθε;

Почему же вы не позволяете себе быть обиженными? 1 Кор. 6:7.

См. также: Лук. 2:4, 5; 1 Кор. 11:6; Деян. 15:1.

Такого рода идиоматизмы встречаются уже у Гомера, например, λυόμενος θυγάτρα, *тот, кто позволит дочери освободиться*. Пример из папирусов можно найти в *Tb. P. 35*, ἐαυτὸν αἰτιάσεται, *он подвергнет себя обвинению*.

(4) Взаимный средний залог. Глагол в среднем залоге с подлежащим во множественном числе может указывать на взаимный для занятых в нем субъектов характер действия.

συνετέθειντο οἱ Ἰουδαῖοι.

Иудеи договорились друг с другом. Ин. 9:22.

См. также: Мат. 26:4; Лук. 14:7.

i. В некоторых случаях мы встречаем средний залог в сопровождении местоимения (Деян. 7:58). Робертсон называет это *избыточным средним залогом*. “Гильдерслив видит в такого рода обороте попытку более четко выразить возвратное значение среднего залога” (R. 811). Поскольку возвратное местоимение здесь приходит на помощь самому среднему залогом как таковому, то сочетание последнего с ним не выглядит естественным. Возвратное местоимение и страдательный залог как бы постепенно вторгаются в сферу действия среднего

залога: возвратное местоимение - перенимает его функции, а страдательный залог – его формы. Тем не менее, хотя в современном греческом языке средний залог уже не имеет собственного спряжения, все же свойственные ему функции сохранились и выражаются в формах, идентичных формам страдательного залога. Таким образом, он наличествует в современном греческом языке в виде отложительных глаголов, имея возвратное, взаимное и каузативное значение.

ii. Поскольку средний и страдательный залогов имеют в некоторых временах схожие формы, иногда трудно их различить. В этом случае залог следует определять, исходя из контекста и в соответствии со значением глагола (Мат. 11:5).

Страдательный залог

157. Страдательный залог представляет подлежащее в качестве *субъекта, претерпевающего действие*. Варианты в употреблении страдательного залога зависят от способа, каким подлежащее претерпевает то или иное действие. На основании этого можно провести следующее разделение.

(1) Страдательный залог с выраженным действующим лицом. Когда желают указать лицо, которое собственно и производит действие, выраженное глаголом в страдательном залоге, то обычно употребляется оборот «ὅπό с отложительным родительным падежом».

κατηγορεῖται ὑπὸ τῶν Ἰουδαίων.

Он обвиняем Иудеями. Деян. 22:30.

См. также: Мат. 10:22; Рим. 3:21.

Одушевленное действующее лицо может также, хотя и редко, передаваться творительным падежом (см. Лук. 23:15). «Однако такой вариант в греческом языке, конечно, не настолько распространен, чтобы мы могли предположить возможность его равнозначной и безболезненной замены во всяком и любом случае оборотом «ὅπό с родительным падежом» (Bt. 187). Указанный выше оборот имеет место только в том случае, когда одушевленность действующего лица находится в тени, зато сделан акцент на нем как инструменте действия, как мы видели выше (Лук. 23:15), где акцентируется скорее виновность, нежели личная причастность к ней. Когда студенты пишут сочинения на греческом языке, им лучше всего употреблять обычный оборот «ὅπό с отложительным родительным падежом».

(2) Страдательный залог с опосредованно выраженным действующим лицом. Когда действующее лицо рассматривается как посредник, через которого реализуется действие, выраженное глаголом, стоящим в страдательном залоге, обычно употребляется оборот «διὰ с родительным падежом».

πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο.

Все через Него начало быть. Ин. 1:3.

Здесь Бог Отец представлен как изначальная причина всего, а λόγος мыслится в качестве посредника. См. также: Мат. 1:22; Гал. 3:18.

(3) Страдательный залог с неодушевленным действующим лицом. Если лицо, через посредство которого совершается действие, выраженное глаголом в страдательном залоге, является неодушевленным, то оно передается творительным дательным падежом – либо без предлога, либо с предлогом ἐν.

χαρίτι ἑστε σωσμένοι.

Благодаря вы спасены. Еф. 2:8.

См. также: Мат. 3:12; Деян. 12:2.

i. Действующее лицо также выражается конструкциями с предлогами ἀπό (2 Кор. 3:18), ἐκ (Гал. 4:4) и παρά (Ин. 17:7).

ii. Страдательный залог произошел от среднего, и четкой границы между ними никогда не было. В некоторых случаях оба залога частично совпадали друг с другом, представая в равной степени обоснованными. Так, в Деян. 22:16 βαπτίσαι стоит в среднем залоге и означает *крестись*. Но если говорить о смысле слова в практическом плане, то разве приведенный перевод так уж сильно отличается от общепринятого *будь крещен*? Нам, тем не менее, следует быть осторожными и не попадать в плен к закоснелым переводческим клише, используя их для перевода форм обоих залогов (см. М. 162). В виду того, что страдательный залог вытеснял

средний из обычной сферы его употребления, имелись случаи, где они могли быть взаимозаменяемы. В действительности же, как мы видели выше, средний залог живет и здравствует в греческом языке и поныне.

iii. Если глаголы, управляющие двумя винительными падежами, принимают форму страдательного залога, то винительный падеж лица заменяется именительным подлежащего, а винительный падеж предмета обычно сохраняется (2 Фес. 2:15). Если глагол в действительном залоге имеет прямое дополнение в винительном падеже и косвенное дополнение в дательном падеже, то при переводе этого глагола в страдательном залоге имя в дательном падеже обычно становится подлежащим, а прямое дополнение сохраняется в качестве винительного падежа отношения (Рим. 3:2).

Неправильности в употреблении залога

158. В греческом языке имеется два разряда глаголов, которые – в сравнении с обычными – обнаруживают значительные отклонения в использовании залоговых форм. К этим глаголам относятся:

(1) **Недостаточные глаголы** – это глаголы, которые не образуют форм всех трех залогов, либо не имеют употребления во всех временных формах какого-либо залога. Это явление возникло как результат естественного процесса языковой эволюции, поскольку основное значение, присущее глагольному корню, вообще, как правило, всего лучше соотносится с каким-то одним залогом, поэтому формы, выглядящие менее естественно выходят из употребления и заменяются формами, производными от другого глагольного корня, который в большей степени соответствует функции данного глагольного залога и данного глагольного времени. Например, у глагола ἔρχομαι, «прихожу», первоначально, по-видимому, имела и форма действительного залога ἔρχοι, однако по каким-то причинам форма среднего залога была признана более удобной, и форма действительного залога была утрачена. Вместе с тем, когда же действие требовалось передать в прошедшем времени (аористе), то способу выражения, свойственному аористу в большей степени соответствовал не глагол ἔρχοι, а его синоним ἔλθοι, аорист от которого - ἦλθον. Таким образом, форма настоящего времени ἔλθοι вышла из употребления. Как следствие такого рода процессов и возникли недостаточные глаголы. К их числу относится подавляющее большинство так называемых неправильных глаголов.

(2) **Отложительные глаголы** – это глаголы, которые образуют только формы среднего или страдательного залога, но с действительным значением. В связи с этим, очевидно, что один и тот же глагол может быть как недостаточным, так и отложительным. Характерной особенностью отложительных глаголов является также то, что у них форма залога и функция залоговой формы не совпадают. Так, δέχομαι значит: *я принимаю*, а не *я принимаю себя* или *я принимаюсь*.

i. Можно встретиться с тем, что одни лингвисты говорят об отложительных глаголах как о страдательных по своей форме, а другие – как об обладающих формой среднего залога. В действительности, отложительные глаголы могут быть как теми, так и другими. Различать их следует по форме аориста. У большинства отложительных глаголов аорист имеет форму среднего залога, например - ἀσπάζομαι, аорист ἠσπασάμην; в то же время у некоторых глаголов аорист имеет форму страдательного залога, например - βούλομαι, аорист ἐβουλήθη. Несколько глаголов образует аористы обеих форм, например - θεάομαι, аорист ἐθεασάμην или ἐθεάθη.

ii. Робертсон и Моултон подвергают резкой критике термин “отложительный” на том основании, что он должен относиться как к глаголам, которые могут стоять в действительном залоге, но не имеют формы среднего, так и к глаголам, которые могут стоять в среднем залоге, но не имеют формы действительного, “если имеет место и то и другое явление” (М. 153). Для обозначения рассматриваемого класса глаголов Робертсон вместо термина “отложительный” употребляет термин “динамический”, признавая, что и он не “намного лучше” (Р. 812). Единственное оправдание сохранению здесь старого термина заключается в том, что в языке действительно существует феномен, для обозначения которого требуется специальный термин, и это совершенно понятно. В то же время конечно, неуместными представляются заявления, что глагол «утратил» (*deponere*, лат., “откладывать, класть в сторону”) свое значение в действительном залоге (что, по всей видимости, действительно противоречит истории глагола). С другой стороны, термин “отложительный” настолько утвердился в грамматической терминологии, что заменить его другим термином вряд ли представляется возможным – по крайней мере, до тех пор, пока не будет найдено что-то действительно лучшее. Возможно термин “недостаточный” мог бы решить проблему, но в этом случае всякий раз должно быть оговорено, что не иметь залога и использовать один залог в значении другого – это разные вещи.

Действительно, можно запутаться, если зайти так далеко, как Винер, и вслед за Винером определять: “От глаголов, употребленных в среднем залоге, следует, подходя со всей тщательностью, отличать отложительные глаголы” (W. 258). Отложительность глаголов – это не залог, это отклонение в употреблении залога.

Лицо и число

159. В греческом языке, как и во всех других языках, лицо и число определяется отношением говорящего или пишущего к глагольному высказыванию. Если высказывание по своему содержанию принадлежит говорящему, то глагол стоит в первом лице. Если высказывание по своему содержанию принадлежит тому, к кому обращаются, глагол стоит во втором лице. Если же оно принадлежит кому-либо третьему, помимо того, кто высказывается или того, к кому обращаются, то глагол стоит в третьем лице. Если же оно по своему содержанию принадлежит более чем одному лицу, то глагол стоит во множественном числе (так в греческом койне, в архаическом греческом было еще и двойственное число). Эти важнейшие факты языка привели к появлению “правила согласования”, которое гласит, что глагол согласуется с подлежащим в лице и числе.

i. Кажущимся исключением из отмеченного выше синтаксического правила является то, что подлежащее среднего рода во множественном числе обычно требует глагола в единственном числе (Ин. 9:3). Несомненно, это происходит по той причине, что средний род множественного числа обычно указывает на неодушевленные объекты, которые рассматриваются скорее совокупно, чем по отдельности. Доказательством справедливости приведенного объяснения является тот факт, что глагол стоит обычно во множественном числе, в том случае, если множественное число среднего рода относится к лицам одушевленным (Мат. 12:21), или если автор специально желает указать именно на множественность (Лук. 24:11). В Ин. 10:27 τὰ πρόβατα τὰ ἐμὰ τῆς φωνῆς μου ἀκούουσιν, *овцы Мои слушаются голоса Моего*, Иисус имеет в виду, что каждый из его учеников самостоятельно откликается на его голос, и более того, πρόβατα как фигура речи, вообще предполагает одушевленность. Все это делает вдвойне необходимым здесь форму множественного числа.

ii. При наличии двух или более подлежащих, соединяемых союзом, глагол обычно стоит во множественном числе (Деян. 15:35), хотя по временам и может согласовываться с ближайшим к нему подлежащим (1 Кор. 13:13). Когда подлежащее – имя собирательное – обозначает некую совокупность, множество, то глагол стоит в единственном числе (Марк. 5:24), но если составляющие этого множества мыслятся индивидуализировано, то глагол ставится во множественном числе (Марк. 3:7).

II. Наклонение

Ссылки: R. 911-1049; R-S. 128-132; M. 164-201.

160. Выстраивая глагольное высказывание, необходимо определить отношение этого высказывания к действительности: идет ли речь о простой констатации действия или о действии желаемом, ожидаемом. В самом деле, совершенно невозможно выразить в высказывании ту мысль, например, что ребенок бежит, без указания либо на самый факт его беганья (в настоящем, прошлом или будущем), либо на возможность (желательность) такого беганья. В первом случае получится высказывание типа: «ребенок бежит», втором – «ребенок мог бы побегать». Способность глагола выражать *отношение высказывания к действительности* называется наклонением. В данном случае речь не идет о действительной реальности или нереальности действия, выраженного глаголом. Наклонение показывает пути возможного осмысления и усвоения сути дела. Наклонение – это “восприятие действия со стороны говорящего” (M. 164). Робертсон также удачно определяет наклонение как “способ утверждать о факте” (R. 912).

161. Если подойти к анализу функции глагола в языке со всей возможной строгостью, мы обнаружим не более двух основных наклонений. Действительно, поскольку наклонение представляет собой способ передать отношение выражаемого действия к действительности, оно предполагает две возможные характеристики этого отношения: действие реальное и действие в возможности. Форма настоящего времени с отрицанием, утверждая отсутствие или невозможность некоего факта, не меняет, по сути, этого отношения. Они – лишь способ негативно выразить представления, лежащие в основе заданного отношения. Таким образом,

изъявительное наклонение определяет действие, выражаемое глаголом, как реально существующее. Возможное действие в греческом языке может быть выражено одним из трех различных наклонений. Если это действие мыслится зависящим от каких-то определенных и известных условий – будучи при этом *объективно* возможным – тогда употребляется сослагательное наклонение. Если же действие рассматривается как возможное безотносительно к существующим условиям – будучи *субъективно* возможным – в таком случае употребляется опатив (желательное наклонение). Там, где реализация возможного действия мыслится через волевое воздействие на посредника и обусловлена его реакцией – возможной вследствие *волевого усилия* – употребляется повелительное наклонение. Итак, в греческом языке по сути имеется два основных наклонения: *реальное*, представленное изъявительным наклонением, и потенциальное, которое включает в себя сослагательное, желательное и повелительное наклонения (см. W. 281). Однако в целях доступности грамматического анализа нам следует рассмотреть категорию наклонения по четырем отдельным рубрикам: изъявительное, сослагательное, опатив и повелительное.

i. Согласно Шеффилду, наклонение – это “обеспокоенность, проявляемая говорящим в отношении высказываемого” (*Грамматика и мышление*, стр. 120). Такое определение представляется уместным вполне, но не адекватным, что Шеффилд сам далее признает (*там же*, стр. 127). Понятие «наклонение» им трактуется односторонне и смысл этого понятия не исчерпывается целиком предлагаемым определением. Обеспокоенность, проявляемая в отношении глагольного высказывания, может иметь влияние на замысел говорящего, однако здесь может быть и множество других факторов, или же, с другой стороны, момент личной заинтересованности может быть совершенно не выражен в глагольном высказывании. Суть наклонения – в передаче того, как это высказывание соотносится с действительностью.

ii. По вопросу о количестве наклонений в греческом языке среди языковедов не было и нет единства мнений. Некоторые утверждают, что только сослагательное и желательное наклонения являются в строгом смысле слова наклонениями, поскольку они всего явственней передают характер мысли говорящего, выраженной в высказывании. Другие хотят включить сюда и повелительное наклонение, которое, понятно, является также наклонением намерения. Однако большинство принимает имеющиеся четыре наклонения по той причине, что, хотя изъявительное наклонение, действительно, просто констатирует факт, оно, тем не менее, передает и вполне определенный характер мысли. Инфинитив и причастие ни одним из исследователей не рассматриваются в качестве собственно наклонений. Робертсон относит инфинитивы и причастия к группе “отглагольных имен”, что представляется вполне оправданным решением. В соответствии с этим, их нельзя называть наклонениями. Мы, таким образом, принимаем господствующую точку зрения, предполагающую существование четырех наклонений: изъявительного, сослагательного, желательного и повелительного.

iii. Некоторые языковеды обнаруживают следы существования форм примитивного *запретительного* наклонения. Робертсон считает, что ввиду исключительной близости этого наклонения к императиву, оно должно рассматриваться в “работе, посвященной истории языка” (R. 321). Моултон обнаруживает в нем истоки повелительного наклонения. Он полагает, что “глагольное значение как таковое здесь сочеталось с окончанием, замещающим подлежащее”. Это наклонение “было просто имперфектом или аористом в изъявительном наклонении без приращения” (M. 165). Оно действительно обнаруживается в санскрите, где выражает запрещение.

iv. Имеется, однако, только одно наклонение, обладающее способностью выражать временные отношения. Это изъявительное наклонение. Вполне естественно ожидать этого именно от изъявительного наклонения, поскольку оно отражает действительность, а то, что действительность случается или происходит неизбежно, соотносится с каким-либо моментом во времени. Между тем, то, что существует лишь в возможности, не обладает четкой соотнесенностью со временем, его соотнесенность со временем имеет относительный характер. Ввиду этого, у наклонений, выражающих возможность, совершенно отсутствует временное измерение.

v. Новый Завет довольно аккуратно следует общепринятым разграничениям в использовании наклонений. “Стоит лишь отметить, что опатив (желательное наклонение), как это вообще бывает у поздних греческих авторов, не стремящихся к классической рафинированности, частично отставлен в сторону ... и в некоторых конструкциях заменен конъюнктивом (сослагательным наклонением)” (W. 282; см. Bt. 207). Употребление опатива после исторических времен в койне, таким образом, прекратилось.

vi. “Употребление наклонений – это наиболее сложная тема греческого синтаксиса” (R. 912). Самые большие трудности представляет собой взаимоналожение функций. Это означает, что разные наклонения могут выполнять одну и ту же функцию. Так, например, для выражения запрещения может использоваться и сослагательное, и повелительное наклонение. В функции повеления может выступать как изъявительное, так и повелительное наклонение, а изъявительное наклонение и опатив в равной степени могут выражать пожелание. “Эволюция форм и способов выражения была постепенной, и различия между ними никогда не имели четкого характера” (R. 924). Однако, если подойти с необходимым тщанием, они достаточно очевидны.

Изъявительное наклонение

162. Изъявительное наклонение – это повествовательное наклонение, которое выражает простое утверждение или вопрос. Изъявительное наклонение – это наклонение *определенности*. Оно просто обозначает факт, существование которого либо утверждается, либо оказывается под вопросом. Отличительный признак изъявительного наклонения – его независимость от каких-либо качеств или условий. Оно подходит к смыслу, выражаемому глаголом, с позиции реальности. Изъявительное наклонение, таким образом, заведомо требует четкого ответа на вопрос, является ли данная действительность действительно реальной или нет. “Изъявительное наклонение утверждает нечто как действительно существующее, но не *гарантирует* реальность этого. Суть его в том, что говорящий производит некое *высказывание* по рассматриваемой проблеме” (R. 915). Это “наклонение главным образом служит для простого, без привнесения дополнительных характеристик утверждения некоего факта или для постановки вопроса о нем” (Br. 73), и поэтому оно употребляется наиболее часто.

(1) Изъявительное наклонение повествовательное. Основное значение изъявительного наклонения наиболее очевидно, когда мы имеем дело с простым утверждением некоего факта.

ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος.

В начале было Слово. Ин. 1:1.

См. также: Еф. 4:1; 1Фес. 2:7.

(2) Изъявительное наклонение вопросительное. Когда изъявительное наклонение употребляется в простом вопросе, то факт, о котором ставится вопрос, мыслится существующим реально.

τί ζητεῖτε;

Что вы ищите? Ин. 1:38.

См. также: Мат. 16:13; Марк. 1:24.

Изъявительное наклонение вопросительное предполагает, что имеется некий реальный факт, констатация которого может быть ответом на вопрос. Хотя этот основной смысл может разнообразно варьироваться в зависимости от силы и ясности высказывания, им, без сомнения, обусловлено употребление здесь изъявительного наклонения. Робертсон с большим основанием утверждает, что на самом деле между повествовательным предложением и простым вопросом нет разницы в том, что касается основного значения этого наклонения (R. 915). Мы выделяем эти два типа употребления, скорее простоты ради, чем в целях строгости анализа. Смотри об употреблении отрицательных частиц в вопросительных предложениях раздел о частицах, а об употреблении вопросительных местоимений – раздел о местоимениях.

(3) Изъявительное наклонение повелительное. Форма будущего времени изъявительного наклонения иногда выражает повеление, предписание.

ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου ὡς σεαυτόν.

Возлюби ближнего твоего, как себя. Иак. 2:8.

См. также: Мат. 27:24; Лук. 1:13.

(4) Изъявительное наклонение потенциальное. Иногда изъявительное наклонение содержит в себе оттенок неопределенности, который может сообщаться частицей ἄν, может непосредственно диктоваться значением глагола, а может обуславливаться контекстом. В соответствии с этим обычно различают три случая.

а) Изъявительное наклонение может выражать *долженствование*.

οὗς ἔδει ἐπὶ σοῦ παρῆναι.

Которым надлежало бы предстать перед тобой. Деян. 24:19.

См. также: Мат. 25:27; 1Кор. 4:8.

б) Изъявительное наклонение может выражать *побуждение*.

ἡὺχόμην γὰρ ἀνάθεμα εἶναι.

Ибо я желал бы отлучения. Рим. 9:3.

См. также: Деян. 25:22; Гал. 4:20.

в) Изъявительное наклонение может выражать определенного рода *условие*.

εἰ ἦς ὧδε οὐκ ἂν ἀπέθανεν.

Если бы Ты был здесь, он не умер бы. Ин. 11:21.

См. также: Марк. 14:5; Деян. 26:32.

В Гал. 4:15 есть пример употребления изъявительного наклонения в условном предложении без ἂν. Заметим, что употребление изъявительного наклонения в функции потенциального на самом деле противоречит основному значению изъявительного наклонения как наклонения определенности, поскольку привносимы оттенок неопределенности обусловлен частицей ἂν или контекстом, или значением глагола.

Сослагательное наклонение

163. Сослагательное наклонение указывает, что нечто с очевидностью произойдет, это наклонение *вероятности*. В то время как изъявительное наклонение имеет дело с действительностью, сослагательное наклонение имеет дело с тем, чего нет. Оно, таким образом, представляет собой первый шаг в сторону от действительности, в направлении того, что лишь предполагается, и потому по праву открывает список потенциальных наклонений. По мере того как выражаемое значение отклоняется от действительности в большей степени, чем это свойственно сослагательному наклонению, оно плавно переходит в опатив (желательное наклонение). В том случае, когда речь идет о выраженном намерении или цели, то значение возможности обычно передается повелительным наклонением. Эти три наклонения родственны друг другу, поскольку объединены общей идеей – идеей возможности.

i. Тесная связь сослагательного наклонения с повелительным отчетливо прослеживается в побудительном сослагательном наклонении и запретительном сослагательном наклонении. Родство сослагательного с опативом хорошо иллюстрируется тем фактом, что именно сослагательное наклонение впоследствии взяло на себя функции опатива. Оно выступает в функции опатива в латыни, а в греческом получает значение желательного в период койне, совершенно вытесняя из употребления опатив к началу современной эпохи (Т. 115). Можно с полным основанием утверждать, что именно сослагательное наклонение является типичным потенциальным наклонением, а опатив и повелительное наклонение – это лишь его варианты. Действительно, значение возможности преобладает в опативе, не чуждо оно и императиву. В самом деле, действие либо реально, либо возможно, и даже малейшее отклонение от реальности ведет к возможности. В силу этого потенциальные наклонения выражают, по сути, различные градации возможного.

ii. Имеется, по-видимому, тесная взаимосвязь между сослагательным наклонением и будущим временем изъявительного наклонения. “Более чем возможно, что будущее время изъявительного наклонения является просто разновидностью аориста сослагательного наклонения” (R. 924). В наиболее ранних из доступных нам памятниках греческого языка сослагательное наклонение и будущее время изъявительного наклонения были взаимозаменяемы. В литературе классического периода различие между этими формами четко прослеживаются, “но у поздних писателей непостоянство в их применении опять становится заметным (Vt. 211). Идея будущего со все безусловностью соотносится с сослагательным наклонением, но из-за присущего ей момента неотвратимости (а ведь сама по себе возможность, выражаемая сослагательным, предполагает относительный характер будущего), идея будущего не является для этого наклонения чем-то первостепенным м основным. Именно предполагаемое отклонение от реальности – с чем связано происхождение сослагательного наклонения – должно являться основным его значением.

(1) Сослагательное наклонение побудительное. Когда некто призывает других разделить вместе с ним какое-либо действие или состояние, употребляется форма сослагательного наклонения первого лица множественного числа.

κρατῶμεν τῆς ὁμολογίας.

Давайте будем твердо держаться нашего исповедания. Евр. 4:14.

См. также: Евр. 12:1; 1Ин. 4:7.

Форма первого лица единственного числа сослагательного наклонения иногда выражает просьбу позволить совершить то или иное действие (см. Мат. 7:4; Лук. 6:42).

(2) Сослагательное наклонение запретительное. Форма второго лица аориста сослагательного наклонения может выражать запрещение или просьбу не совершать того или иного действия.

μὴ εἰσενέγκῃς ἡμᾶς εἰς πειρασμόν.

Не введи нас в искушение. Мат. 6:13.

См. также: Мат. 6:34; Евр. 3:8.

Сослагательное наклонение запретительное может также встречаться в форме третьего лица, особенно в придаточных боязни или опасения, а порой и в главных предложениях, выражающих прямое запрещение (1 Кор. 16:11).

(3) Сослагательное наклонение делиберативное. Сослагательное наклонение употребляется в вопросах, когда вопрос в действительности не предполагает ответа, а представляет собой некое размышление, или имеет черты вопроса риторического.

τί εἴπω ὑμῖν;

Что же сказать вам? 1 Кор. 11:22.

См. также: Марк. 12:14; Лук. 3:10.

Сослагательное наклонение ставится также в косвенных вопросах такого рода (Мат. 6:25). Вопросы вообще можно разделить на два класса: собственно вопросы и вопросы риторические. Собственно вопросы предполагают ответ, содержащий информацию того или иного плана (Мат. 16:13). Риторические вопросы выражают характер мысли или предположение о действительности, выраженные в форме вопроса (Рим. 10:14).

(4) Сослагательное наклонение выраженного отрицания. Когда отрицательное утверждение хотят особым образом выделить, используется сослагательное наклонение с οὐ μή.

καὶ οὐ μὴ ἐκφύγῳσιν.

И им невозможно будет избежать. 1Фес. 5:3.

См. также: Мат. 5:20; Лук. 6:37.

(5) Сослагательное наклонение потенциальное. Предыдущие способы употребления сослагательного по большей части ограничены главными предложениями, однако, это наклонение широко задействовано и в зависимых придаточных предложениях. Они обычно характеризуются некой апелляцией к будущему, и, вместе с тем, указывают на вероятность. К этому типу сослагательного относятся все случаи его употребления в придаточных предложениях дополнительных или условных.

διαμαρτύρομαι ἵνα ταῦτα φυλάξῃς.

Я заклиная, чтобы ты это сохранил. 1Тим. 5:21.

См. также: Мат. 17:20; Лук. 6:34.

Желательное наклонение

164. Оптатив (желательное наклонение) – это наклонение, предполагающее большую степень неопределенности; наклонение *возможности*. Оно не выражает какого-либо ожидания того, что действие осуществится, но просто представляет его как нечто возможное. Оптатив, таким образом, в сравнении с сослагательным, – это еще один шаг в сторону от реальности. В действительности, однако, это отличие желательного от сослагательного никогда не было чем-то ярко выраженным, и оптатив никогда не оказывался чем-то большим, нежели “слабой степенью сослагательного” (R. 936).

i. Некоторые языковеды считают, что оптатив выражает “возможность, имевшую место в прошлом”. Эта точка зрения зиждется на обычном для классического периода употреблении желательного наклонения после

исторических времен – основание для определения весьма зыбкое. Тут больше подходит термин *выраженная возможность*, поскольку он по сути отражает основное значение наклонения, включая его употребление в независимых и в придаточных предложениях. Эта близость оптатива к сослагательному появляется как в истории обоих наклонений, так и в их функциях. Быть может оптатив возник, чтобы сослагательное могло точнее определиться со своим значением. Употребление оптатива после исторических времен было, вероятно, одной из его первоначальных функций – не случайно он принял в спряжении окончания исторических времен. Поскольку оптатив появился в качестве дублера сослагательного, то вряд ли первоначальным значением оптатива было выражение желания, хотя именно это значение отражено в его названии (optativus происходит от латинского opto, *я желаю*; прим. перев.). Но “это название ничего не значит. Его изобрели языковеды спустя много времени после того, как функции желательного наклонения в языке окончательно определились” (R. 936).

ii. В Новом Завете оптатив редко употребляется в придаточных предложениях. “Оптатив, как наклонение придаточных, чаще всего встречается в произведениях Луки; однако, даже здесь употребление оптатива в этом качестве, несомненно, идет по убывающей” (Bt. 215).

iii. В санскрите оптатив практически вытеснил сослагательное наклонение и стал главным средством выражения потенциальности. Уитни отмечает, что “вместо того, чтобы, сохранившись в употреблении, им обоим (как в греческом языке) выработать лучшие и более определенные значения, сослагательное наклонение постепенно исчезает, а оптатив берет на себя функции и того и другого” (*Грамматика санскрита*, стр. 261). В греческом языке развитие шло прямо противоположным образом. В архаическом и классическом греческом языке оптатив и сослагательное употреблялись с практически равной частотой. Оптатив стремительно выходит из употребления в период койне, исключением не является и язык литературы. В разговорной речи оптатив – скорее исключение, он встречается всего шестьдесят семь раз в Новом Завете и лишь изредка в папирусах и надписях. Робертсон пишет: “сомнительно, чтобы оптатив когда-либо активно употреблялся в живой речи, даже в Афинах” (R. 325). В самом деле, он “никогда не был общеупотребительной формой в народном языке, на что указывает его редкое использование в аттических надписях” (R. 326). Винер, говоря об оптативе, делает весьма уместную оговорку: “все еще остается вопросом, в какой мере он был задействован в народной речи древних греков. Часто случается, что народ упорно избегает употребления в речи определенных форм и конструкций, являющихся украшением литературного стиля” (W. 282). Оптатив – это “литературное наклонение, которое умолкло в победоносном шествии сослагательного” (R. 936). В современном греческом языке оптатив полностью исчез из употребления (T. 115).

(1) Оптатив желания. Оптатив является обычной формой выражения желания. Это наиболее распространенный способ употребления оптатива в Новом Завете.

ὁ δὲ κύριος κατεύθυναι ὑμῶν τὰς καρδίας.

Господь же да направит ваши сердца. 2Фес. 3:5.

См. также: Деян. 8:20; 1Пет. 1:2.

“Оборот μή γένοιτο («де не будет») представляет собой оптатив желания, в резкой форме протестующий то, что было предметом предыдущего вопроса или утверждения. Четырнадцать из пятнадцати новозаветных случаев употребления этой формулы встречаются в посланиях Павла, и в двенадцати из них Павел с ее помощью стремится предупредить ложное умозаключение, которое, как он опасается, можно сделать на основании его доводов” (Bt. 79).

(2) Оптатив возможности. В некоторых случаях в Новом Завете оптатив задействован в придаточном предложении, выражающем условие. Он употребляется здесь в сопровождении частицы ἄν.

τί ἄν θέλοι λέγειν;

Что он хотел бы сказать? Деян. 17:18.

См. также: Лук. 1:62; Деян. 8:31.

В своем полном виде предложение выглядело бы так: *Что он хотел бы сказать, если бы мог сказать что-нибудь?* Оптатив здесь означает выполнение условия, которое подразумевается, и в подавляющем большинстве случаев это подразумеваемое условие становится ясным из контекста.

(3) Делиберативный оптатив. Несколько раз в Новом Завете оптатив встречается в косвенных вопросах, имеющих характер вопросов риторических. Оптатив выражает здесь сильную степень неуверенности или сомнения.

διελογίζετο ποταπὸς εἴη ὁ ἀσπασμὸς οὗτος.

Она размышляла, что это могло быть за приветствие. Лук. 1:29.

См. также: Лук. 22:23; Деян. 17:11.

Повелительное наклонение

165. Повелительное наклонение – это наклонение, выражающее приказ или просьбу, наклонение *волеизъявления*. Смысл повелительного наклонения – выразить волеизъявление того или иного лица, адресованное другим лицам. Обычно в акте речевой коммуникации мысль апеллирует к мысли, но в случае с повелительным наклонением мы, наоборот, сталкиваемся с волеизъявлением, апеллирующим к другому волеизъявлению. Это наклонение выражает не вероятность или возможность, но исключительно намерение. Императив, таким образом, отстоит от реальности дальше всех прочих наклонений.

i. Есть все основания полагать, что повелительное наклонение, - из наклонений, по-видимому, самое молодое – имеет своим истоком употребление глагольной основы в функции междометия, поскольку мы обнаруживаем, что последнее – “простейшая из возможных глагольных форм” (М. 171). Вспомним употребление δεῦρο в значении *сюда* и заметим, что “недостает лишь восклицательного знака, чтобы сообщить ему значение *иди сюда*” (М. 172).

ii. У повелительного наклонения никогда не было сил обеспечить за собой всю сферу своего употребления целиком, так что повеление, вообще говоря, передается формами и изъявительного, и сослагательного наклонений, инфинитива и даже причастия (и кроме того оптативом в аттическом диалекте). Более того, повелительное наклонение и само едва сумело выжить, сохранившись в современном греческом языке в рудиментарном виде. Тем не менее, как ни ослабло оно на позднейших этапах существования койне, это мало повлияло на Новый Завет. “Употребление повелительного наклонения в Новом Завете сохраняет всю рафинированность классической эпохи ” (Симкокс, *Язык Нового Завета* (Simcox: *Language of the New Testament*), стр. 114).

(1) Повелительное наклонение указательное. Если волеизволение говорящего прямо и непосредственно апеллирует к волеизъявлению адресата, то перед нами наиболее характерный случай употребления повелительного наклонения. Авторитетность сделанного указания, равно как и степень вероятности того, что тот, кому дали указания,отреагирует – вопросы важные, но второстепенные в свете основного значения повелительного наклонения. Ведь императив сам по себе означает лишь апелляцию к волеизъявлению.

ἀγαπάτε τοὺς ἐχθροὺς ὑμῶν.

Любите врагов ваших. Мат. 5:44.

См. также: Мат. 6:6; 1Фес. 5:16.

(2) Повелительное наклонение запрещения. Повелительное наклонение часто употребляется для выражения запрещения.

ἐγὼ εἰμι, μὴ φοβεῖσθε.

Это Я, не бойтесь. Ин. 6:20.

См. также: 1Кор. 6:9; Лук. 7:14.

Об особенностях употребления тех или иных времен, а также о разнице между сослагательным и повелительным наклонениями в повелительных и запретительных конструкциях см. параграфы с 288 и далее.

(3) Повелительное наклонение просьбы. Часто повелительное наклонение не выражает повеления в его законченных формах, но означает некую настойчивую просьбу.

πρόσθες ἡμῖν πίστιν.

Придай нам веры. Лук. 17:5.

См. также: Марк. 9:22; Ин. 17:11.

(4) Повелительное наклонение позволения. Повеление, выраженное императивом, может быть представлено как согласное с имеющимся желанием или очевидным намерением

того, к кому обращаются с указанием. Повелительное наклонение здесь, таким образом, как бы призывает согласиться с определенного рода повелением, призывает позволить.

εἰ δὲ ὁ ἄπιστος χωρίζεται, χωρίζεσθω.

Но если неверующий разводится, позволь ему развестись. 1Кор. 7:15.

См. также: Мат. 8:32; 26:45.

Обычно форма повелительного наклонения предполагала соответствующую повелительную интонацию. Последняя представляет собой характерную особенность императива, хотя могла отклоняться в сторону простого позволения. Древние греки видели это именно так, потому, никогда не употребляли повелительное наклонение при обращении к вышестоящему лицу. Все это подчеркивает значимость того факта, что в Новом Завете формы повелительного наклонения встречаются чрезвычайно часто. Апостолы и их сподвижники не считали, что они должны давать указания своим читателям “в осторожной, смягченной форме, поэтому как в повелительных предложениях Того, Кто ‘учил как власть имеющий’, так и в морального плана увещаниях тех, кто проповедовал во имя Его, мы, естественно, встречаем большое количество форм повелительного наклонения”(М.173).

III. Время

Ссылки: R. 812-910; R-S. 136-146; M. 108-151.

166. Для изучающего Новый Завет в греческом языке нет ничего важнее категории времени. Разница в значении, обусловленная использованием форм того или иного времени, зачастую рассеивает неясности, которые смущали нас при чтении текста, проливая порой свет истины, наполняющий сердце радостью и вдохновением. И хотя вопросы, связанные с категорией времени, запутанны и трудны для рассмотрения, однако никакой другой раздел греческой грамматики не воздаст с такой полнотой сторицей. Но эту жатву мы снимем здесь лишь после того как, затратив немало времени и труда, обретем, наконец, понимание характерных для греческого языка особенностей в использовании времен и оттенков в их значении.

В греческом языке категория глагольного времени достигает апогея в своем развитии, являя собой величайшее разнообразие форм и значений. “Среди известных нам древних языков ни один не выражает многообразные временные (и модальные) отношения глагола в такой степени, в какой это делает греческий язык” (Bt. 194). И далее, “что касается знания особенностей в употреблении различных временных форм, то с ним у авторов Нового Завета было все в порядке” (Bt. 195). Такого рода соображения должны убедить нас в том, насколько важно уметь употреблять греческие времена, хотя “ничто, связанное с синтаксисом, не усваивается обычными студентами в такой степени плохо, как усваивается категория времени” (R. 821). Действительно, Робертсон не решает утверждать тот факт, что сами греки всегда с осознанной точностью соблюдали временные отличия (R. 829). Тем не менее, будет неправильным идти вперед, исходя из какого-то иного предположения, а не из того, что новозаветные авторы использовали глагольное время, с тем, чтобы выразить именно тот смысл, который они желали выразить. Из этого следует исходить, и на все кажущиеся исключения смотреть с сомнением.

167. Специфической функцией глагола является выражение действия. Действие, как его выражает смысл глагола, включает в себя два элемента: *время* действия и *вид* действия. Это значит, что действие может быть описано как происходящее в определенное время, и, кроме того, должно быть описано, если это возможно, и как выполненное определенным образом. Категория глагольного времени рассматривает действие, выражаемое глаголом, в этих двух аспектах, причем *вид* стоит здесь на первом плане, поскольку собственно *время действия*, с греческой точки зрения, - это нечто, имеющее второстепенное значение.

168. По отношению к реальному времени, всякое действие может быть определено либо как прошедшее, либо как настоящее, либо как будущее. В греческом языке временные различия проявляются только в изъявительном наклонении, а наклонения потенциальные, напротив, не выражают временных значений – за исключением того, что относят действие к некому условному будущему. Прошедшее время в изъявительном наклонении отмечено наличием приращения, которое в структуре греческого глагола является единственным элементом с собственно временным значением. Суффиксы, которые служат для различения

глагольных времен изъявительного наклонения, причастны к этому значению, но в ином смысле.

169. Для глагольного времени в греческом языке важно указать на *вид действия*. Это – то, что в греческом времени выражается в первую очередь. “Основной функцией греческого грамматического времени является, таким образом, не обозначить время как таковое, но показать развитие действия” (Вг. 6). Эту составляющую глагольного времени современные языковеды обозначают немецким термином *aktionsart* – «вид действия». Всякое действие может быть охарактеризовано трояким образом: оно может быть либо продолжающимся, либо завершенным, либо просто представлено как нечто, имеющее место, как факт, безотносительно к своему характеру. В соответствии с этим, в греческом языке существуют три основных грамматических времени: настоящее, представляющее продолжающееся действие; перфект, представляющее завершенное действие; аорист (*ἀόριστος* – *без границ, неопределенное*), представляющее неопределенное действие. “Эти три грамматических времени первоначально развивались вне всякой связи с реальным временем” (R. 824).

(1) Продолжающееся действие. Основная временная форма, выражающее данное значение – *настоящее время*, которое в изъявительном наклонении означает действие, совершающееся в настоящий момент. Действие, продолжающееся в прошлом, обозначается имперфектом. Для обозначения действия, которое будет продолжаться в будущем, как правило, употребляется обычное будущее, хотя лучше всего такое действие передается будущим описательным.

(2) Завершенное действие. Основная временная форма, выражающая значение завершенности – *перфект*, в изъявительном наклонении означающий действие, завершенное к настоящему моменту. Действие, завершенное к некоему моменту в прошлом, обозначается плюсквамперфектом. Действие, которое завершится к определенному моменту в будущем, выражается будущим перфектным временем.

(3) Действие как факт. Это значение выражается формами *аориста*. Аорист соотносится с реальным временем только в изъявительном наклонении, где он обозначает совершившееся действие и, следовательно, отмечено приращением. У аориста нет четко выраженных форм настоящего и будущего, хотя грамматические формы как настоящего, так и будущего времени могут передавать значение аориста. В современном греческом языке возникла особая форма аористного будущего (Т. 125). Специфическое значение аориста лучше всего раскрывается в потенциальных наклонениях.

Специфичность аориста особенно заметна при сравнении значений инфинитива настоящего времени, перфектного инфинитива и аористного инфинитива, например, ποιεῖν – *делать (быть делающим)*, πεποικέναι – *сделать (к настоящему времени)*, ποιῆσαι *сделать (вообще)* (см. Хедли и Аллен, *Греческая грамматика* (Hadley, Allen: *Greek Grammar*), стр. 204).

170. Собственно существует два основных подхода к действию. Во-первых, оно может рассматриваться в качестве действия единичного, как бы сводимого к одной точке, и его можно определить как *точечное* действие (R. 823); во-вторых, его можно представить как развивающимся, в виде некоей линии, и здесь мы говорим о *линейном* действии (М. 109). Перфект сочетает оба значения: подходя к действию как к действию вообще, он представляет результаты этого действия существующими в настоящем, то есть продолжающимися существовать в определенной точке. Таким образом, перфект совмещает обе возможные характеристики: линейность и точечность. И если аорист символически можно представить точкой (•), а настоящее время – линией (—), то перфект будет комбинацией первого и второго (•—).

i. Имеются свидетельства в пользу того, что “изначально существовало два типа глагола, из которых один выражал только длительное, или линейное действие, а второй только моментальное или точечное действие. В силу этого некоторые глаголы имеют по два корня, один со значением линейного (длительного) действия, например φέρω (*несу*), другой – со значением точечного (моментального) действия, например φέρω (*принес*) ... В других глаголах это разделение было не столь ярко выражено, у них один и тот же корень мог употребляться и в первом, и во втором значении (см. φημί, ἔφημι; λέγω, ἔλεγον). Все это происходило еще до

того, как оформились позднейшие грамматические времена. Таким образом, ἔφαγ-ον (я съел) предполагает точечное действие, в то время как ἐσθίω (я ем) – линейное, или длительное” (R. 823). “Очевидно, что аорист предполагает ‘точечность’ действия; то есть, сводит действие к некоей точке ... Форма настоящего времени обычно передает *длящееся* действие – *линейное*, как можно его назвать Действие, выражаемое *перфектом*, является некоей разновидностью линейного, обозначая то, что началось в прошлом и все еще продолжает существовать” (М. 109). Таким образом, мы видим, что основными временами в греческом языке являются настоящее время и аорист. И нам в нашем анализе временных форм следует всегда помнить об этом, равно как и о том, что оба они, по сути, ничего не говорят о времени реальном.

ii. Моултон настаивает, что именно от глагольного времени “зависит разрешение многих, наиболее сложных вопросов экзегетики”, и что “анализирую ту или иную форму (прошедшего или настоящего) нам менее всего следует думать о том, какое время в реальности она выражает. Что же касается проблемы *aktionstart* (вида действия), то отнесение φέυω (в общем смысле) к настоящему, а ἔφευγον, ἔφυγον и φύγων – к прошедшему является простой случайностью; основной вопрос, которым мы должны здесь задаться, это вопрос о различии в значении между φεύω и φύω, которое прослеживается во всех временах и во всех наклонениях” (М. 119).

171. В приведенном выше анализе значений времен мы стремились не к исчерпывающему изложению, но скорее к тому, чтобы дать пищу для размышления. В самом деле, если бы мы сразу, без соответствующей подготовки, стали приводить греческие времена во всех вариантах их форм и значений, то учащийся просто запутался бы и вряд ли должным образом усвоил эту важную тему. Подготавливая, таким образом, подробный анализ функций временных форм, который будет дан ниже, мы стремились здесь, прежде всего, к простоте и доступности изложения. Надеемся и полагаем, что изучающий греческий язык и в дальнейшем будет, с помощью хороших руководств по грамматике, отслеживать временные формы, отмечая многообразные оттенки в их значении. Мы же здесь не можем дать ничего иного, кроме как ввести исследователя в курс дела и вдохновить на дальнейшие разыскания.

Наш подход, без сомнения, выиграл бы в смысле своей научности, если бы мы, следуя Робертсону, выстроили свой анализ значений глагольных времен в соответствии с основными видами действия (действие точечное, длящееся и завершенное). Однако, простоты ради, мы будем рассматривать времена в том порядке, в каком их проходят, изучая глагольное спряжение – он для учащегося наиболее привычен. Таким образом, поскольку наше пособие предназначено скорее учащимся, нежели учебным специалистам, мы будем следовать традиционному школьному порядку изложения. Конечно, имперфект и плюсквамперфект встречаются только в формах изъявительного наклонения, да и будущее время употребительно главным образом в формах индикатива, тем не менее, в виду исключительной употребительности этого наклонения в Новом Завете, будет справедливо при рассмотрении глагольных времен иметь в виду, прежде всего индикатив. То есть те знания по греческому глаголу, которые мы даем, ориентированы на их практическое применение при изучении новозаветных текстов, чему способствуют и упрощенная подача материала. Тем не менее, некоторое место надо уделить и глагольному времени, хотя бы в форме индикатива.

Настоящее время

172. Основное значение настоящего – выражать идею процесса. Это *линейное* время. Однако линейность не является его единственным значением. Было бы ошибкой предположить, что «значение длительности присуще самой основе настоящего времени как таковой» (М. 119). Действительно, поскольку аорист не имеет значения настоящего времени, настоящее грамматическое время, когда оно употреблялось в индикативе, должно было выражать как линейное, так и точечное действие. Вместе с тем, следует четко помнить, что собственно настоящее значение для грамматического настоящего времени не является основным. Реальное время передается формами изъявительного наклонения, где грамматическое настоящее предстает как «несовершенный вид (физического) настоящего», а грамматическое прошедшее, известное нам под именем имперфекта – как «несовершенный вид (физического) прошедшего». Значение длительности, присущее настоящему времени, всегда должно рассматриваться как его первичное значение, особенно в соотношении с потенциальными наклонениями, которые по самой своей природе не нуждаются ни в каком «настоящем точечном» времени. Во всех этих случаях для выражения точечного действия потенциальными наклонениями задействуется аорист, поскольку этим наклонениям не свойственно временное значение. В изъявительном наклонении присущее настоящему

времени линейное значение иногда может выглядеть достаточно отдаленным, что является результатом дополнительных воздействий. Воздействуют же на значение той или иной формы настоящего времени, как сама идея, выражаемая глагольным корнем, так и общий контекст высказывания. В связи с этим, анализируя форму настоящего, следует учитывать не только основное значение данного грамматического времени, но также значение глагольного корня и общий контекст высказывания. Как результат воздействия этих трех факторов, настоящее время обнаруживает в своем употреблении несколько вариантов.

Эти же три фактора следует иметь в виду, при анализе форм прочих грамматических времен. Порой решающее значение имеет один из них, порой два, а подчас и все три.

Настоящее время в своем обычном значении

173. Существует три способа употребления настоящего времени, где базовая для него идея процесса выражена наиболее явно. В целях более легкого усвоения материала, эти способы можно выделить в отдельную группу, определив их как *обычные способы употребления*.

(1) Настоящее время незавершенное. Этот способ употребления ближе всего стоит к базовому значению грамматического настоящего. Настоящее время здесь обозначает продолжающееся действие или состояние, и графически может быть представлено в виде линии (—). В изъявительном наклонении оно соотнесено с настоящим физическим временем, и поскольку налицо различные варианты этой соотнесенности, настоящее время может рассматривать выражаемое им действие с трех точек зрения.

а) Настоящее время может использоваться в *описательном* смысле, обозначая действие, совершающееся в настоящий момент. Этот способ употребления даже можно назвать “настоящим изобразительным”, поскольку он, по сути, ориентирован на то, чтобы представить сознанию живую картину развивающихся событий.

αἱ λαμπάδες ἡμῶν σβέννυνται.

Лампады наши гаснут. Мат. 25:8.

См. также: Мат. 8:25; Ин. 5:7.

б) Настоящее время приближается к родственному ему перфекту, когда обозначает *результат действия, продолжающий существовать в настоящем*. При этом нечто совершившееся в прошлом подается как факт, проявивший себя лишь в настоящем. Так, мы говорим: “Я знаю, что ты переехал” (то есть информация об этом ранее поступила ко мне, и в настоящий момент я ей обладаю).

ἀκούω σχίσματα ἐν ὑμῖν ὑπάρχειν.

Я слышу, что между вами есть разногласия. 1 Кор. 11:18.

См. также: Лук. 15:27; Гал. 1:6.

Сказать, что перед нами здесь “настоящее, заменяющее перфект” (Гилдерслив, *Синтаксис*, стр. 87) - значит не вполне точно представить суть дела. По своему значению настоящее здесь, действительно, вплотную приближается к перфекту. Однако при этом сама форма настоящего времени указывает на *продолженность* существования в настоящем результатов того или иного действия так, как этого не смог бы сделать перфект. Последний означает, что результат действия сохраняется в настоящем, но не указывает, насколько долго. Фраза *μαρτάνω αὐτὸν ἐλθεῖν* “я знаю, что он ушел”, таким образом, лишь приближается по своему значению к *μεμάρτηκα αὐτὸν ἐλθεῖν* “я узнал, что он ушел”.

с) Настоящее время длительное порой непосредственно спроецировано в прошлое, обозначая действие или состояние, начавшееся в прошлом и продолжающееся в настоящем. Приискивая лучшее наименование этому способу употребления, такое настоящее можно назвать *продолжающимся* временем. В предложении ему обычно сопутствует наречие времени, а переводить его на английский язык лучше всего перфектом. (На русский язык — глаголом прошедшего времени совершенного вида, или, как и в греческом языке, формой настоящего времени.)

ἀπ' ἀρχῆς μετ' ἐμοῦ ἐστε.

Вы от начала - со Мной (т.е.: вы от начала есть (пребыли) со мной). Ин. 15:27.

См. также: Лук. 13:7; 2Кор. 12:9.

Гилдерслив весьма кстати определяет данного рода идиоматизмы как “настоящее временного единства” (*там же*, стр. 86) и, в согласии с большинством языковедов, выделяет его в отдельный класс. Но если мы подойдем к данной форме как к частному случаю настоящего незавершенного, то это даст нам возможность лучше понять такое употребление. Грамматическое настоящее здесь “соединяет в себе прошедшее и настоящее” (М. 119), или другими словами, сводит – в полной гармонии со своим основным значением. Робертсон употребляет термин «незавершенное» только применительно к этому частному случаю, при этом сам термин недостаточным и, оправдываясь «отсутствием лучшего» (R. 879). Как мы признали выше, приискать хорошее название для такой конструкции – дело трудное, «незавершенное» - это слишком хороший термин для того, чтобы рисковать им в сомнительной ситуации. Тем более, что он исключительно удачно подходит для обозначения всех тех способов употребления настоящего, где оно всего ближе к «незавершенному действию» - как и базовому своему значению.

(2) Настоящее время гномическое (пословичное). Настоящее время может обозначать то, что обычно случается, или, иными словами, то, чего со всем основанием можно ожидать. Здесь временное значение – даже в изъявительном наклонении – отходит на второй план, поскольку действие или состояние принимается в качестве истинных как в отношении настоящего, так и в отношении прошлого и будущего.

πᾶς γὰρ οἶκος κατασκευάζεται ὑπὸ τινος.

Ибо всякий дом строится кем-либо. Евр. 3:4.

См. также: Мат. 7:17; 2Кор. 9:7.

(3) Настоящее время итеративное. Настоящее время может обозначать действие, периодически повторяющееся, или которое мы воспринимаем как периодически повторяющееся во времени. Такое настоящее иногда называют настоящим временем итеративным.

καθ' ἡμέραν ἀποθνῄσκω.

Я ежедневно умираю. 1Кор. 15:31.

См. также: Рим. 8:36; 1Кор. 11:21.

Различие между настоящим временем пословичным и настоящим временем итеративным не четкое. Графически они оба могут быть представлены одинаково: (.....). Робертсон рассматривает их вместе как один способ употребления (R. 880). Однако различие все же имеет место, хотя оно и не всегда понятно. В 1Кор. 11:21 ἕκαστος γὰρ τὸ ἴδιον δεῖπνον προλαμβάνει ἐν τῷ φαγεῖν - *ибо каждый берет свою пищу прежде другого, когда вы едите* имеется в виду не устоявшийся обычай или что-то, естественно присущее данному действию, но порочная практика, всякий раз проявляющаяся при совершении Вечери Господней в коринфской церкви. Павел здесь хочет подчеркнуть, что это повторяется вновь и вновь, надеясь, конечно, на то, что такая практика *не станет* каким-то устоявшимся обыкновением или традицией. Таким образом, мы считаем, что между настоящим пословичным и настоящим итеративным имеется различие, которое заслуживает внимания.

Особые случаи употребления настоящего времени

174. Есть ряд способов употребления настоящего времени, не связанных напрямую с его основным значением и встречающихся значительно реже, в сравнении с обычными способами.

(1) Настоящее время аористное. Как мы знаем, в изъявительном наклонении нет специального грамматического времени, которое бы выражало действие в настоящем, не рассматривая его при этом как развивающийся процесс, то есть представляло бы действие в настоящем как точечное. Для обозначения такого точечного действия, в связи с этим, может использоваться грамматическое настоящее. Вобщем же, для обозначения точечного действия в прошлом используется, как известно, аорист изъявительного наклонения. Настоящее аористное, таким образом, представляет некое событие как бы совершающимся в настоящий момент.

Αἰνέα, ἰάταί σε Ἰησοῦς Χριστός.
Эней! Исцеляет тебя Иисус Христос. Деян. 9:34.
См. также: Деян. 16:18; Гал. 1:11.

«Такой способ употребления – это определенный отход от обычного способа употребления настоящего как обозначающего действие в процессе его осуществления Поскольку в изъяснительном наклонении нет временной формы, которая бы обозначала действие как единичный акт, не относя его вместе с тем либо к прошлому, либо к будущему, то в подобных случаях задействуется форма настоящего (способ употребления настоящего более редкий, в сравнении с обычным, обозначающим длительное действие). Здесь действие, совершающееся в настоящем рассматривается вне соотнесения его с идеей процесса» (Вг. 9). Учащемуся стоит обратить внимание на то, насколько живо в приведенном наблюдении Бартона охвачена сама суть аористного значения.

(2) **Настоящее время будущее.** Настоящее время может означать действие, которое еще не осуществилось, но безусловная уверенность в том, что оно осуществится, позволяет представить его себе уже реализующимся в настоящем.

ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου παραδίδοται εἰς τὸ σταυρωθῆναι.
Сын Человеческий предается на распятие. Мат. 26:2.
См. также: Лук. 3:9; Ин. 14:3.

Хотя настоящее здесь как бы “предвосхищает будущее”, тем не менее, настоящее время сохраняет за собой свое основное временное значение, даже когда означает действие в будущем. Поскольку такое действие представляется либо заранее предрешенным, либо совершающимся на основании некоего неизменного закона” (W. 265).

(3) **Настоящее время историческое.** Настоящее время употребляется в рассказе о прошлом, сообщая прошедшим событиям живость и колорит настоящего.

καὶ ὁψίας γενομένης ἔρχεται μετὰ τῶν δώδεκα.
И когда настал вечер, Он приходит с двенадцатью. Марк. 14:17.
См. также: Мат. 3:1; Ин. 1:29.

Возможно, такое употребление настоящего является пережитком примитивного индоевропейского синтаксиса, где, как у семитского глагола, временные отношения скорее определялись по контексту, чем по форме флексии. Гильдерслив полагает, что такое употребление настоящего “изначально присуще языкам нашей семьи” и “предшествует различению имперфекта и аориста” (там же, стр. 86).

(4) **Настоящее время намерения.** Настоящее время может обозначать действие, которое намереваются или пытаются осуществить, но которое в действительности еще не осуществляется. Настоящее время здесь означает, что-то или иное действие имеет все шансы осуществиться, то есть обозначает действие, стремящееся к реализации.

διὰ ποῖον αὐτῶν ἔργον ἐμὲ λιθάσετε;
За какое из этих дел вы побиваете Меня камнями? Ин. 10:32.
См. также: Мат. 2:4; Гал. 5:4.

(5) **Настоящее время статистическое.** Настоящее время может обозначать состояние, которое представляется существующим неизменно или чем-то раз и навсегда данным.

πάντα οὕτως διαμένει ἀπ’ ἀρχῆς κτίσεως.
Все остается, как оно и было, от начала творения. 2Пет. 3:4.
См. также: Ин. 15:27; 1Ин. 3:8.

И хотя настоящее в таком значении встречается редко, значение это, тем не менее, вполне согласуется с основной функцией данного грамматического времени. Глаголам действия, представляющим действие как продолжающийся процесс, естественным образом соответствуют глаголы состояния, представляющие то или иное состояние неизменным и длительным. Настоящее статическое, таким образом, по сути представляет собой вариант настоящего незавершенного, в его приложении к глаголам состояния.

Имперфект

175. Имперфект можно рассматривать как особого рода вспомогательную форму, зависимую от настоящего. Функция этой временной формы заключается в том, чтобы значение длительности, свойственное настоящему, соотнести в изъявительном наклонении с прошедшим временем. Это ясно уже из самой формы имперфекта, которая образуется от основы настоящего. Имперфект дает «своего рода движущуюся панораму, нечто вроде «ожившей картины действия». ... Аорист просто констатирует факты, фиксирует то, что было, а имперфект представляет картину действия. Он разворачивает перед нашим взором события, так, как они развивались в потоке времени» (R. 883). Иными словами, имперфект «не только называет действие, но показывает его в развитии» (Гудвин, *Наклонение и время в греческом языке*, стр. 12). По сравнению с настоящим временем собственно временной элемент в имперфекте выражен более сильно, так как имперфект образует исключительно формы изъявительного наклонения. С другой стороны, ввиду того, что имперфект по своему значению во многом соответствует настоящему, оба времени по способу своего употребления должны совпадать друг с другом.

Вебстер приводит определение имперфекта, которое дает Дональдсон (Donaldson): «Имперфект обозначает действие незавершенное, развивающееся, еще не достигшее ожидаемой завершенности. Имперфект означает, что на протяжении некоторого отрезка времени совершается определенное действие, но не указывает, что этой действие завершилось» (*Синтаксис и синонимы греческого Нового Завета*, стр. 87).

Имперфект в своем обычном значении

176. Обычные способы употребления имперфекта заставляют вспомнить настоящее.

(1) Имперфект незавершенный. Имперфект здесь обозначает незавершенное, длительное действие в прошлом. Это наиболее характерный для данного грамматического времени способ употребления. Идея процесса, которую несет с собой имперфект, здесь может быть выражена двояко.

а) Действие, развивающееся в прошлом, может быть представлено со всей живостью, так, как оно действительно протекало в прошлом. Такой имперфект мы предлагаем назвать имперфектом незавершенным *описательным*.

καὶ πολλοὶ πλούσιοι ἔβαλλον πολλά.

И многие богатые клали много. Марк. 12:41.

См. также: Мат. 3:6; Лук. 15:16.

б) Действие, развивающееся в прошлом, может рассматриваться как процесс, протекавший в прошлом до определенного момента, который ясен из контекста. Однако сама имперфектная форма как таковая не выражает завершенности действия. И в том случае, если автор желал подчеркнуть, что действие завершилось, он обычно использовал плюсквамперфект. Имперфект, о котором идет речь, можно назвать *длительным* имперфектом. Длительный имперфект может мысленно соотноситься с текущим настоящим временем, которое выражено или подразумевается, а также вообще с параллельно развивающимся действием. В последнем случае можно говорить об «имперфекте одновременного действия». На русский язык отмеченные выше разновидности имперфекта могут переводиться прошедшим временем несовершенного или – что случается реже – прошедшим временем совершенного вида. При этом значение временной формы не может определяться ее переводом: она выявляется посредством тщательного исследования контекста, при обязательном учете тех свойств, которые отличают данное глагольное время в целом.

ἐν τῷ μεταξὺ ἡρώτων αὐτὸν οἱ μαθηταί.

Между тем ученики просили Его. Ин. 4:31.

См. также: Лук. 2:49; 1Кор. 3:6.

Нам не удалось обнаружить в Новом Завете ни одного случая употребления имперфекта, где последний действительно был бы соотносим по своему значению с настоящим состоянием. Можно привести несколько примеров, напоминающих такой имперфект, но по нашему мнению, все они, на самом деле, представляют собой имперфект незавершенный. Форма имперфекта ἐφίλει в Ин. 11:36 по своему значению ближе всего подходит к тому, чтобы обозначать существующий результат, но даже ее мы можем трактовать здесь как длительный имперфект. Если у изучающего греческий язык есть желание рассмотреть этот вопрос подробнее, мы можем указать на еще несколько случаев употребления имперфекта, которые, по нашему мнению, следует отнести к той же группе: Мат. 14:4; Лук. 23:8; Деян. 9:31; Рим. 15:22; 1Ин. 2:7.

(2) Имперфект обыкновенно случающегося действия. Имперфект может обозначать действие, которое обыкновенно или как правило совершалось в прошлом. Имперфектную форму здесь следует переводить расширенно, используя обороты *иметь обыкновение, привычку делать что-либо, обыкновенно* и т.п.

καὶ ἐπρωτῶν αὐτὸν οἱ ὄχλοι.

И народ обычно спрашивал Его. Лук. 3:10.

См. также: Мат. 15:6; 1Кор. 10:4.

(3) Имперфект повторяющегося действия (итеративный). Имперфект может обозначать действие, повторяющееся в прошлом через определенные промежутки времени. Лучше всего это значение передается словами и выражениями *продолжать, не прекращать, постоянно что-либо делать* в согласовании со смысловым глаголом. Графически повторяющееся (итеративное) действие в прошлом можно представить в виде пунктирной линии (-----).

τὰς πρωτοκλισίας ἐξελέγοντο.

Они постоянно избирали для себя первые места. Лук. 14:7.

См. также: Ин. 19:3; Деян. 3:2.

Говоря о настоящем времени, мы уже отмечали большое сходство между действием, которое обычно случается, и действием итеративным (повторяющимся). Тем не менее, они все-таки отличаются друг от друга, что следует учитывать в целях более корректной интерпретации.

Особенности в употреблении имперфекта

177. Имперфект отличается от аориста тем, что представляет действие скорее как процесс, чем как просто совершившийся факт. В свою очередь от перфекта имперфект отличается тем, что неким образом не может означать завершенности действия. Рассмотренный в этом, своего рода негативном ключе имперфект, конечно не выражает законченного действия. Иными словами, имперфект обозначает незавершенный процесс. С этим значением незавершенности связано три специфических способа употребления имперфекта, которые очень схожи между собой, но в то же время, и отличаются друг от друга, так как подходят к действию с различных точек зрения.

(1) Имперфект попытки совершить действие. Незавершенность действия, свойственная имперфекту, может трактоваться контекстом в положительном ключе, означая, что хотя действие и осталось незавершенным, предпринимались, тем не менее, попытки его завершить, или оно само уже шло к завершению. Такой имперфект несколько раз встречается в Новом Завете, причем из всех греческих временных форм именно эта чаще всего трактуется неверно. Учащийся, таким образом, должен всегда с особым тщанием отслеживать случаи подобного употребления имперфекта.

καὶ ἐκάλουν αὐτὸν Ζαχαρίαν.

И собирались назвать его Захария. Лук. 1:59.

См. также: Мат. 3:14; Деян. 7:26.

(2) Имперфект намерения. Значение незавершенности, свойственное имперфекту, может быть с легкостью использовано для выражения желания или намерения совершить действие. Ведь желание всегда сопряжено с определенным рода недостатком. В Новом Завете

встречается лишь несколько случаев употребления имперфекта намерения, но принципы научного подхода к грамматике требует выделения этих примеров в отдельный класс.

ἐβουλόμην καὶ αὐτὸς τοῦ ἀνθρώπου ἀκοῦσαι.

Даже я сам хотел бы послушать этого человека. Деян. 25:22.

См. также: Рим. 9:3; Гал. 4:20; Филим. 13.

(3) Имперфект начинательный. Имперфект может обозначать не столько само действие как процесс, сколько начало процесса. Речь идет, таким образом, либо о начале какого-то действия, либо о действии, которое вот-вот случится. На русский язык начинательный имперфект переводится описательно – словами *начать, приступить, и т.п.* в сочетании со смысловым глаголом (ср. «Я начал уставать» и т.п.).

καθίσας ἐδίδασκεν τοὺς ὄχλους.

Сев, он начал учить народ. Лук. 5:3.

См. также: Марк. 5:32; Деян. 3:8; Евр. 11:17.

i. Ни одна из временных форм, встречающихся в Новом Завете, не требует столько внимания и осторожности в интерпретации, сколько требует имперфект. Однако кропотливое исследование приносит замечательные плоды. С самого начала учащийся должен очень хорошо запомнить, что имперфект это не русское прошедшее времени несовершенного вида, но нечто иное. Важно осознавать также, чем отличается имперфект от других прошедших времен изъявительного наклонения, имеющих в греческом языке.

ii. Хороший пример, превосходным образом иллюстрирующий, насколько имперфект отличается от аориста, имеется в 1Кор. 10:4, καὶ πάντες τὸ αὐτὸ πνευματικὸν ἔπιον πόμα· ἔπιον γὰρ ἐκ πνευματικῆς ἀκολουθοῦσης πέτρας, *и все пили одно и то же духовное питье, ибо они были приучены пить из духовной твердыни, следовавшей (с ними).* Здесь аорист (ἔπιον) констатирует факт, относящийся к истории Израиля, в то время как имперфект (ἐπιον) указывает на имевшее место в течение долгого времени обыкновение.

iii. Имперфект отличается от перфекта тем, что для последнего характерны завершенность процесса действия и наличествующий результат, а имперфект показывает действие в процессе его развития, абсолютно ничего не говоря о том, чем оно завершится. Так, в Мат. 4:10 ἔγραπται, *написано*, имеет в виду то, что явилось результатом Божественного вдохновения, поскольку ветхозаветное Писание на тот момент уже существовало, а глагол διηκόνουν, *начали служить*, имеет в следующем стихе значение имперфекта начинательного, относясь к тому моменту, когда ангелы начинали утешать Иисуса после искушения. Такого же рода различие наблюдается между имперфектом и плюсквамперфектом.

Будущее время

178. Будущее время – это главным образом времени изъявительного наклонения, и ввиду этого временной элемент проявляется здесь с большой отчетливостью. Тем не менее, будущее в значительной степени передает и характер действия, однако здесь, в отличие от настоящего времени и имперфекта, основной акцент делается не на продолжительности действия, но напротив подчеркивается его неопределенность (аористное или точечное действие). «Это, отчасти, объясняется самой ситуацией: будущее вообще, в большей или меньшей степени представляется чем-то неопределенным» (R-S. 142). Будущее время и аорист похожи и близки друг другу по форме. История греческого языка свидетельствует, что форма будущего времени ведет свое происхождение от аориста сослагательного наклонения. В силу этого, представляется вполне естественным, что точечность, как основной компонент аористного значения, сохраняется и в будущем времени (M. 149). Подобно тому, как аорист изъявительного наклонения повествует о некоем событии в прошлом, точно так же и будущее время представляет собой ожидание некоего события в будущем. Эта уверенность, что в будущем нечто произойдет, и является основным его значением, а все прочие качествообразующие элементы обусловлены либо контекстом, либо особенностями данного глагола.

i. Так называемое будущее описательное, образуемое согласованием глагола μέλλω с инфинитивом, часто встречающееся в Новом Завете, отличается по своему значению от обычного будущего. Такое будущее более экспрессивно и подчеркивает, что ожидаемое действие имеет все шансы осуществиться. Робертсон

охарактеризовал будущее описательное как “своего рода короткий полустанок на перегоне от настоящего времени со значением будущего к обычному” (Р. 870).

ii. Вне изъявительного наклонения будущее время встречается в Новом Завете крайне редко. Оптатив будущего времени не встречается совсем – он и в самом деле совершенно исчез из греческого койне. Инфинитив будущего времени употребляется редко, чаще можно встретить причастие будущего времени, однако и причастие будущего не самая распространенная форма (см. М. 151).

(1) Будущее время предсказательное. В своем простом и обычном значении будущее время как бы предсказывает то или иное событие, осуществление которого ожидается в будущем. Аористный или точечный характер будущего при этом выражен совершенно явно.

ἐκεῖνος ὑμᾶς διδάξει πάντα.

Он научит вас всему. Ин. 14:26.

См. также: Рим. 6:14; Фил. 3:21.

(2) Будущее время незавершенное. Иногда в силу контекста или присущего глагольному корню значения, действие, выражаемое будущим временем, следует трактовать как незавершенное длительное действие в будущем.

ἐν τούτῳ χαίρω· ἀλλὰ καὶ χαρήσομαι.

Этому я радуюсь, более того, и дальше буду радоваться. Фил. 1:18.

См. также: Рим. 6:2; 2Фес. 3:4.

(3) Будущее время предписывающее. Будущее время иногда употребляется для выражения повеления, предписания. И это совершенно естественно, поскольку всякое предписание относится к будущему.

καὶ καλέσεις τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰωάννην.

И ты назовешь имя его Иоанн. Лук. 1:13.

См. также: Мат. 1:21; Иак. 2:8.

“Этот способ выражения, обычный для Нового Завета, явно демонстрирует влияние Септуагинты. Чаще всего он встречается в запрещениях, причем не с μή, но οὐ, что, вообще говоря, типично и для классического греческого языка” (Вг. 35). Здесь, однако, нам следует подходить к этому со всей осторожностью и не считать такой способ выражения еврейзмом, поскольку оно часто встречается в аттическом греческом; например, у Еврипида, *Медя*, 1320:

λὲγ' εἴ τι βούλει· χειρὶ δ' οὐ ψάύσεις ποτέ.

Говори, что пожелаешь; ты никогда не коснешься моей руки.

Подобных примеров немало (см. Гудвин, *там же.*, стр. 19). Перед нами совершенно иного рода случай, когда схожий способ выражения встречается в обоих языках, и лишь только само частое употребление его в нашем тексте, а не сам факт его наличия в Новом Завете, вызывает влияние Септуагинты.

(4) Будущее время делиберативное. Иногда будущее время изъявительного наклонения употребляется в вопросах, выражающих неуверенность, колебание. «Вопрос здесь может либо действительно выражать потребность в получении сведений, либо иметь характер риторического, равнозначного прямому утверждению» (Вг. 36).

κύριε, πρὸς τίνα ἀπελευσόμεθα;

Господи, к кому мы пойдем? Ин. 6:68.

См. также: Рим. 3:6; 10:14.

(5) Будущее время пословичное (гномическое). Будущее время может означать, что тот или иной факт или действие, при нормальных условиях обязательно должны осуществиться.

ἕκαστος γὰρ τὸ ἴδιον φορτίον βαστάσει.

Ибо каждый будет нести свое бремя. Гал. 6:5.

См. также: Рим. 5:7; Еф. 5:31.

Аорист

179. Обратимся теперь к наиболее распространенному и значимому из греческих грамматических времен. Оно, ко всему прочему, и всего более свойственно греческому способу выражения. Базовое значение аориста – маркировать действие как просто происходящее, безотносительно к его развитию. Это – *неопределенное* время (ἄοριστος, *неограниченный*). Оно не имеет собственно временного значения, соотносясь с реальным временем лишь в изъявительном наклонении, где аорист выступает в функции прошедшего совершенного вида и в силу этого получает приращение. Действительное предназначение аориста лучше всего раскрывается в потенциальных наклонениях и должно со всей тщательностью отслеживаться при переводе. Аорист ничего не говорит о завершенности действия, он только представляет действие как уже произошедшее. Он констатирует *факт* действия или его результат без указания на *длительный характер* действия. Так, имперфект ἐποίει τοῦτο означает: *он делал это* или *имел обыкновение делать это*; перфект πέποιθε τοῦτο, *он сделал это* (т. е. *завершил действие к настоящему моменту*); плюсквамперфект ἐπέποιθε τοῦτο *он сделал это* (в какой-то определенный момент в прошлом); но аорист ἐποίησε τοῦτο означает просто: *он это действительно делал (совершал)*. Аорист, таким образом, представляет действие или его результаты как бы в виде некоторой «точки» и ввиду этого получил наименование «точечного» времени.

i. Основное значение аориста трактовалось филологами различно. Бартон, например, говорит, что аорист «представляет то или иное действие никак его не определяя, то есть, просто как некое событие» (Вг. 16). Близким к этому, хотя и не таким четким, выглядит определение, предлагаемое Гильдерсливом: «Аорист констатирует завершившееся в прошлом действие безотносительно к его длительности, просто как нечто совершившееся» (*там же*, стр. 103). Недостаток этого определения в том, что оно выводит на первый план временной элемент. Гораздо более дифференцированным выглядит замечание Гудвина: «Аорист изъявительного наклонения означает просто, что нечто *произошло* в прошлом». Он, таким образом, соотносит аорист с реальным прошедшим временем только в изъявительном наклонении, а о потенциальных наклонениях замечает далее: «Это базовое *событийное* значение аориста остается его основной характеристикой во всех формах косвенных наклонений, какими бы неопределенными они ни были по отношению к реальному времени» (*там же*, стр. 19). Исключительно удачно определение основного значения аориста предлагается Моултоном. Аорист, по его мнению, обозначает «совершившийся акт действия как *единое целое*, не принимая во внимание время, затраченное на его совершение» (*Введение в изучение новозаветного греческого языка*, стр. 190). Схожим является определение Робертсона, который считает, что аорист представляет «действие как единое целое независимо от его протяженности во времени» (R. 832). Этой же точки зрения придерживается Грин, отмечая, что аорист обозначает неопределенное действие. (G. 296). Вебстер так же характеризует аорист как неопределенное время, констатируя, что аорист представляет то или иное действие «в качестве просто совершенного, без каких-либо уточнений, касающихся его длительности или завершенности» (*там же*, стр. 80). Замечание Винера относительно того, что аорист обозначает «нечто, совершившееся в один из моментов прошлого» (W. 264) справедливо только в отношении изъявительного наклонения. Непонятно, в связи с этим, почему Бласс говорит об аористе, как о времени, «которое выражает завершенность» (Bl. 193). Ошибочность данного определения в том, что окказиональное производное значение возводится здесь на уровень основного. Аорист представляет действие просто как совершившийся факт, ничего не говоря о том, как оно было осуществлено.

ii. *Аорист и настоящее время.* Греческий автор интуитивно знал, какое время следует употребить для того, чтобы выразить мысль точно. Такого понимания у вас тем больше, чем глубже вы знакомы с греческим языком. Иногда, например, один и то же глагол повторяется в следующих друг за другом придаточных предложениях, но – в различных временных формах, поскольку пишущий всегда ясно осознавал разницу в значениях времен, которые по-своему подходят к действию. Игра шла, главным образом на том, является ли действие «точечным» (то есть представленным как единое целое), либо противоположным «точечному» по своему характеру, то есть длительным или повторяющимся. Ясный и показательный пример этой удивительной «игры значений», построенной прежде всего на различии между аористом и настоящим временем, дает Ин. 10:38: ἵνα γινώτετε καὶ γινώσκτε ὅτι ἐν ἐμοὶ ὁ πατήρ καὶ ἐν τῷ πατρί, *чтобы вы узнали* (т.е. аорист начинательный) *и знали впредь* (настоящее незавершенное), *что Отец во Мне, и Я в Отце*. Обе временные формы вновь задействованы для аналогичного контрастного сопоставления в Евр. 6:10: «Ибо не неправеден Бог, чтобы забыл дело ваше и любовь, которую вы показали во имя Его, (не забудет), что вы *служили* (διακονήσατε) святым и *продолжаете служить* (διακονοῦτε)». В связи с вопросом об отношении верующего к греху, чрезвычайно важно обратить внимание на то, как употребляются аорист и настоящее в Первом послании Иоанна. В 1Ин. 2:1 он два раза употребляет аорист от глагола ἁμαρτάνειν, *грешить*: «Детки мои, сие пишу вам, ἵνα μὴ ἁμαρτήτε *чтобы вы не согрешили*. И ἐάν τις ἁμαρτή, *если кто согрешит*, мы имеем ходатая к Отцу». В

Ин. 3:9 этот же глагол у Апостола стоит в форме настоящего времени: “Всякий, рожденный от Бога, οὐ ποιεῖ не творит или *впредь не творит* грех; потому что семя Его μένει *всегда пребывает* в нем, и он не может ἀμαρτάνειν *пребывать в грехе*, потому что он γεγέννηται *рожден* от Бога”. Таким образом, знание особенностей в употреблении того или иного времени зачастую может способствовать лучшему пониманию мест, обычно кажущихся трудными для перевода.

Аорист в своем обычном значении

180. Рассматривая действие в качестве единого целого, аорист может подходить к нему с различных точек зрения. Он может представить действие во всей его полноте, и такой аорист мы называем *констатирующим* аористом; например, ἔζησεν, *он жил*. Представим констатирующий аорист графически как: <•>. Далее, аорист может фиксировать факт начала действия – такой аорист мы называем *начинательным*: например, ἀπέθανεν, *он умер*. Графически начинательный аорист представим как: •>——. Если же действие рассматривается с точки зрения всего результата, то такой аорист мы называем *кульминативным* аористом; например, ἀπέκτεινεν, *он убил*. Графически представим его как: ———<•. Аорист одного и того же глагола, в зависимости от контекста, может, таким образом, получать одно из трех значений; например, βάλεῖν может означать *бросить* (констатирующий аорист) или, наоборот, *метнуть* (начинательный аорист), или *ударить* (кульминативный аорист). Однако, и семантика глагольного корня, и контекст обычно оказывают достаточно сильное влияние на значение аористной формы (см. М. 130). Приведенные выше способы выразить основное аористное значение представляют аорист в его обычном употреблении. Здесь можно встретить аористные формы всех четырех наклонений, а также инфинитивы и причастия.

(1) Констатирующий аорист. Такой аорист рассматривает действие во всей его полноте, представляя это действие в качестве единого целого, безотносительно к его длительности. Здесь аорист выступает в своем основном, не модифицированном значении.

τεσσαράκοντα καὶ ἕξ ἔτεσιν οἰκοδομήθη ὁ ναὸς οὗτος.

Этот храм строился сорок шесть лет. Ин. 2:20.

См. также: Мат. 8:3; Евр. 11:13.

Ввиду того, что констатирующий аорист ничего не говорит о длительности действия, это может лишь подразумеваться или различными способами быть выражено в контексте. Мы видим, что констатирующий аорист может означать одномоментное действие (Деян. 5:5), но, вместе с тем, также действие или состояние, осуществляющееся на протяжении определенного промежутка времени (Еф. 2:4), или даже ряд действий или событий (2Кор. 11:25) (см. Вг. 19 и далее).

(2) Начинательный аорист. Аорист может означать, что данное действие начало осуществляться. В этом случае обычно используются глаголы со значением состояния, причем речь идет о начальном моменте того или иного состояния.

δι' ὑμᾶς ἐπαύχεσεν.

Ради вас Он обнищал. 2Кор. 8:9.

См. также: Деян. 15:12, 13; 19:26.

(3) Кульминативный аорист. Этот способ употребления аориста отражает желание представить действие как нечто целостное и, вместе с тем, уже в значительной степени реализовавшееся. Такой аорист характерен для глаголов со значением усилия или целенаправленного действия, он означает здесь, что усилия увенчались успехом.

ἐγὼ γὰρ ἔμαθον αὐτάρκης εἶναι.

Ибо я научился быть самодостаточным. Фил. 4:11.

См. также: Лук. 1:1; Деян. 5:4.

Такого рода аорист лучше переводить на русский язык прошедшим временем совершенного вида. (На английский язык – настоящим или прошедшим перфектным временем.) «Присутствие причастия или наречия делает перевод еще более легким». (R. 844). Как и в случае с начинательным аористом Робертсон считает, что основную смысловую нагрузку здесь несет глагол. Этот аорист ученый называет *результативным аористом*, не

считая, однако, предложенный термин «особенно удачным» (R. 834). Бласс, со своей стороны, полагает, что аорист здесь «расширил границы своего употребления, потеснив перфект» (Bl. 199). Впрочем, на наш взгляд, Бласс просто путает греческий перфект с немецким.

Особенности в употреблении аориста

181. В дополнение к выше описанным трем способам употребления, которые напрямую вытекают из основного значения этого грамматического времени, имеются и три других способа употребления аориста, присущие риторическому стилю речи.

(1) Пословичный (гномический аорист). То или иное действие или явление, взятые в целом, могут рассматриваться как нечто до такой степени предсказуемое и само собой разумеющееся, что их всего лучше будет передать формой аориста, как словно они уже были реальностью. Такой *пословичный* аорист на русский язык переводится настоящим временем.

ἐν τούτῳ ἑδοξάσθη ὁ πατήρ μου.

В этом прославляется Отец Мой. Ин. 15:8.

См. также: Лук. 7:35; 1Пет. 1:24.

i. Пословичный (гномический) аорист иногда трудно отличить от аориста кульминативного. Так, например, не вполне ясно, какой аорист перед нами в Рим. 3:23. Очень может быть, что ἥμαρτον – это гномический аорист, и тогда весь отрывок в целом следует переводить: “*Общим правилом является то, что все грешат* и через то лишаются славы Божьей”. По своему значению аорист здесь в точности соответствует форме настоящего - ὁσπεροῦνται. Но если мы возьмем более широкий контекст, то обнаружим, что Павел говорит о грехе как об универсальном явлении, охватившем все человечество. То есть, здесь подчеркивается тот факт, что, как с очевидностью показывает прошлое, мы все осуждены законом, и поэтому все отпали от славы Божьей. И мысль Павла как раз делает акцент на реальности такого положения дел, ввиду этого аорист здесь следует трактовать как кульминативный аорист, и, соответственно, переводить как - *все согрешили*.

ii. Яркий пример пословичного (гномического) аориста дает текст Гал. 5:24, где οἱ δὲ τοῦ Χριστοῦ τὴν σάρκα ἐσταύρωσαν, можно перевести: *те, кто с Христом, посылают (собств. послали) плоть на крест*. Филологи расходятся во мнениях относительно наличия в тексте Нового Завета гномического аориста как такового, имеется немало бесспорных примеров по праву относящихся именно к этой разновидности аориста (см. R. 836 и далее).

(2) Эпистолярный аорист. Греческий автор иногда как бы ставил себя на место читателя или читателей, используя аорист изъявительного наклонения для констатации действия либо состояния, являющегося по отношению к автору настоящим или будущим.

σπουδαίωτέρας οὖν ἔπεμψα αὐτόν.

Поэтому я скорее посылаю (собств.: послал) его. Фил. 2:28.

См. также: Деян. 23:30; Кол. 4:8.

“Такой способ выражения обусловлен точкой зрения автора. Последний трактует свое сообщение как бы с точки зрения своего адресата” (R. 845). Это тот случай, когда сочинитель как бы “становится на место читателя и представляет в качестве прошедшего то, что для него самого является настоящим, но будет восприниматься читателем как прошедшее” (Вг. 21). Эпистолярный аорист встречается в латыни, исключительно часто его можно встретить в папирусах. “В силу этого нет серьезных оснований подвергать сомнению его наличие в текстах Нового Завета” (R. 846).

(3) Драматический аорист. Аорист может выражать особую уверенность в реальности существующего состояния как результата определенного действия в прошлом. Перед нами своего рода эмпфаза. Такой аорист обычно означает только что наступившее состояние, либо результат действия, осуществившегося или осуществляющегося.

νῦν ἑδοξάσθη ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου.

Ныне прославился Сын Человеческий. Ин. 13:31.

См. также: Мат. 3:17; 1Кор. 4:18.

i. Моултон полагает, что «здесь мы, вероятно, имеем здесь дело с одним из древнейших способов употребления аориста» (M. 135), с чем согласен и Робертсон, характеризуя драматический аорист как «возможно, первичную функцию этого грамматического времени» (R. 841).

ii. Без сомнения, справедливо замечание Робертсона, что никоим образом нельзя с уверенностью утверждать, будто аорист «употребляется вместо» других времен. В самом деле, рассуждения такого рода

обычно являются результатом невольного проецирования конструкций своего родного языка на другой язык. Грек, например, тоже мог бы сказать, что английское простое прошедшее тождественно аористу, и то, что знаменитые английские писатели часто вместо простого прошедшего используют настоящее перфектное объясняется схожестью настоящего перфектного с аористом в определенных конструкциях. Но тем не менее, английский автор вряд ли будет использовать настоящее перфектное в какой-то иной, а не свойственной именно этому грамматическому времени функции. То же самое справедливо и для греческих времен. Когда две или более временных формы встречаются вместе в одном контексте, то это лишнее доказательство того, «насколько отчетливо автор ощущал разницу между ними» (R. 838). Иногда аорист и имперфект употребляются рядом, бок о бок, но из этого не следует, что одна временная форма используется вместо другой. У каждого глагольного времени своя функция, отличающая его от других времен. При такого рода «непосредственном соседстве аорист как бы открывает представление, а имперфект его продолжает» (*там же*; см. Марк. 12:41-44). Подводя итог, Бартон справедливо отмечает, что путаница по вопросу взаимоотношения аориста и перфекта возникает из-за «различий между английским и греческим способом выражения» (Вг. 24).

iii. Особо следует отметить отличие аористного инфинитива от инфинитива настоящего времени. Аористный инфинитив указывает на нечто конечное или частное, в то время как инфинитив настоящего времени означает состояние либо процесс. Так, например, πιστεύσαι (уверовать) значит выказать веру в данном отдельном случае, тогда как πιστεύειν (веровать) означает быть верующим; точно так же, δουλεύσαι (услужить) значит оказать единичную услугу, в то время как δουλεύειν (служить) – означает постоянно пребывать в рабстве; ἁμαρτεῖν (согрешить) значит совершить грех, ἁμαρτάειν (грешить) – быть грешником. В этом основное и типичное отличие, хотя, конечно, в том или ином конкретном случае возможны варианты.

iv. Робертсон обращает внимание на трудности, связанные с проблемой адекватного перевода аористной формы. В самом деле, если мы всюду, без разбора, будем переводить его прошедшим временем совершенного вида*, то мы поневоле можем исказить смысл, вкладывавшийся в эту форму автором. Вначале следует внимательно рассмотреть значение данного грамматического времени как такового, выявить его место в контексте, определить смысл глагола, затем решить вопрос о значении употребленной аористной формы и только после этого, наконец, подобрать способ выражения, который наиболее полно представлял бы это значение. Пожалуй, нигде переводчики не ошибаются так часто, как при переводе аористных форм. Моултон считает данный вопрос «настолько важным, что необходимость его обширнейшего исследования совершенно очевидна». Об искренности этого его утверждения свидетельствует шесть добрых страниц, которые он отводит на обсуждение вопроса (М. 135-140). Лучший ключ к адекватному пониманию текста – это правильная интерпретация аориста.

Перфект

182. Перфект является грамматическим временем, выражающим действие в его завершенности. Основная функция перфекта – представить какое-либо действие или состояние достигающим своей кульминации, а его результаты – существующими в настоящем. То есть, перфект предполагает завершенное действие. Гильдерслив делает важное дополнение, отмечая, что перфект «рассматривает действие всесторонне» (*там же*, стр. 99). Перфект, таким образом, предполагает процесс, но рассматривает этот процесс как достигший своей крайней точки и существующий уже в завершенном состоянии. Это значит, что действие здесь всегда завершено в точке, предшествовавшей реальному времени, с которым соотносится перфект с своим употреблением. Графически, в связи с этим, перфект можно представить следующим образом: _____•_____.

183. Перфект изъявительного наклонения означает действие, завершенное с точки зрения настоящего. Точно передать значение перфекта в переводе зачастую очень сложно, поскольку оно переплетается со значением английского простого прошедшего времени (в русском – прошедшего времени совершенного вида). Таким образом, у англоязычного читателя создается впечатление, что граница между аористом и перфектом выражена нечетко, однако такая путаница связана в первую очередь с тем, что мы пытаемся выразить греческую мысль средствами английского языка.** Самое лучшее здесь – допустить, что

*В английском языке простым прошедшим (the simple past). Прим. ред.

**Проще обстоит дело с переводом перфекта на русский язык. Так, например, значение перфекта страдательного залога прекрасно передается русским кратким причастием, напр.: он ранен = τέρωται. В свою очередь, действительный залог перфекта на русский язык переводится обычно формами прошедшего времени совершенного вида, с прибавлением наречия *уже*, напр.: πέποικα - я (уже) сделал. Прим. ред.

каждый случай использования перфекта имеет под собой определенную причину, вызвавшую употребление именно этого времени.

i. Действительно, нетрудно под влиянием английского способа выражения, спутать греческий перфект с аористом. Однако, хотя и справедливо утверждение, что «не всегда легко провести границу между перфектом и аористом» (М. 141), все же следует считать ее существующей и прилагать все усилия к ее выявлению. Верно, что эти два грамматических времени очень близки между собой в реальном употреблении, а в современном греческом языке почти слились, но, тем не менее, предполагать, «что старинное различие между аористом и перфектом стерлось уже тогда», было бы «совершенно недопустимым» (*там же*). Это принципиальное отличие перфекта от аориста прекрасно иллюстрируется в Кол. 1:16. Первым предложением, *ἐν αὐτῷ ἐκτίσθη τὰ πάντα*, *Им было создано все*, просто констатируется тот факт, что Христос был субъектом творения, в заключительном же предложении, *τὰ πάντα δι' αὐτοῦ καὶ εἰς αὐτὸν ἔκτισται*, *все через Него и для Него создано*, вселенная подается как *результат* деятельности Христа-творца, она – «вселенная, сотворенная Христом».

ii. Нам по справедливости, безусловно, следует принять как само собой разумеющееся, что новозаветный автор, употребляя два разных грамматических времени, стремился выразить различные смыслы, вне зависимости от того, сможем ли мы полностью понять причины этого авторского намерения или нет. И всякий, кто утверждает, что «в целом, в связи с этим, представляется необходимым признать факт стирания границы между аористом и перфектом в Новом Завете» (Симкокс, *там же*, стр. 106), утверждает это сугубо под влиянием английского способа выражения. Таким образом, гораздо больше здравого лингвистического чутья в другом требовании, выдвигаемом тем же автором: «следует, в каждом конкретном случае, *искать* причины того, почему здесь использовано именно это время, а не другое» (*там же*).

iii. Студент, чей родной язык английский, с трудом отличает греческий перфект от аориста по той простой причине, что по своему употреблению эти греческие времена не вполне совпадают с соответствующими английскими. Так, сфера употребления у греческого аориста значительно шире, чем у английского простого прошедшего времени, а греческий перфект, напротив, куда более ограничен в своем употреблении, чем соответствующее английское времена. Подробное обсуждение вопроса с более строгим разграничением функций времен можно найти в Вг. 23-30.

184. Основное значение перфекта сводится к следующему: перфект обозначает действие завершенное, результат которого сохраняется в настоящем. В соответствии с контекстом и значением глагольного корня, может подчеркиваться либо сам факт завершенности действия, либо тот факт, что результат действия сохраняется в настоящем. С возможностью по-разному расставлять логические акценты и связаны различия в способах употребления перфекта.

(1) Перфект интенсивный. Такой перфект, сосредотачиваясь на результате действия, пожалуй, ближе всего к основному значению этого грамматического времени, поскольку выставляет действие в качестве характерного «готового продукта». Ведь в том случае, когда основное внимание сосредоточено на результатах действия, подчеркивается главным образом, лишь факт наличия последнего. Предполагается, таким образом, завершенное действие или состояние, причем с особой силой подчеркивается: это *есть*, это *существует*. В английском языке нет соответствия греческому интенсивному перфекту и, в связи с этим, точный перевод здесь невозможен. Ближе всего по своему значению к греческому перфекту английское настоящее время (в русском – формы прошедшего времени совершенного вида, см. прим.). Вместе с тем, всегда нужно помнить, что английское настоящее – это не греческое настоящее. Перфект выражает факт существования завершенного действия в настоящем с куда большей полнотой, чем это могло бы сделать греческое или английское настоящее время.

ὁ δὲ διακρινόμενος ἐὰν φάγῃ катаκέριται.

Но сомневающийся, если вкусит - осужден. Рим. 14:23.

i. Если смысл этого отрывка передать по-русски в более развернутом виде, то у нас получится: *но сомневающийся уже осужден и соответственно, если вкусит – осужден точно так же.* (ср. Лук. 24:46; Иак. 1:6).

ii. Бартон называет такой перфект «перфектом существующего состояния», замечая, что «сюда следует отнести случаи, где элемент прошедшего практически выпадает из поля зрения, и все внимание сосредоточено на существующем состоянии» (Вг. 38). Далее Бартон, приводя ряд специфических глаголов, соответствующего значения, использует термин «интенсивный перфект», но – с явной нерешительностью. Мы, в данном случае, целиком разделяем его сомнения в уместности выделения такого дополнительного класса.

(2) **Перфект завершающий.** Другой составляющей двойственного значения перфекта является завершенность действия. Именно на этом иногда делается акцент. В таком случае перфект означает уже не состояние, существующее в настоящем, но завершённый процесс. Не следует, впрочем, полагать, что результат действия, существующий в настоящем, целиком выносится за пределы поля зрения, ведь «автор имел в виду как действие в прошлом, так и его результат в настоящем» (Вг. 38). В противном случае был бы задействован аорист, а именно аорист кульминативный, обозначающий завершённое действие безотносительно к наличию результата. Напротив, перфект завершающий означает не просто действие, но действие завершённое и предполагающее наличие результата.

πεπληρώκατε τὴν Ἱερουσαλὴμ τῆς διδασχῆς ὑμῶν.

Вы наполнили Иерусалим учением вашим. Деян. 5:28.

См. также: Рим. 5:5; 2Тим. 4:7.

Разница между перфектом завершающим и кульминативным аористом, чем бы они ни была обусловлена, определяется тем, как оба времени соотносятся с результатом действия. Кульминативный аорист означает действие завершённое, а перфект – ещё и существующее в настоящем. Графически это различие между временами можно представить так: кульминативный аорист означает, что действие завершилось: _____•; перфект завершающий выражает завершённое действие: _____•.....; перфект интенсивный подчеркивает наличие результата:•_____. Все это, конечно, относится скорее к теории, но вместе с тем составляет основу практики, насколько можно судить по настоящему греческому тексту. Студент, чей родной язык английский, может испытывать затруднения по той причине, что все три указанных подхода охватываются английским настоящим перфектным волегеом (в русском – прошедшим временем совершенного вида).

(3) **Перфект итеративный.** Завершённое действие, выражаемое перфектом, может представлять собой действие, не развивающееся непрерывно, но возобновлявшееся через определенные промежутки времени. Такой перфект называется перфектом итеративным, или – повторяющегося действия. И это в самом деле перфект, поскольку перед нами действие, совершавшееся через определенные промежутки времени и в настоящий момент завершённое. Перфект здесь, таким образом, означает, что результат этого действия существует в настоящем. При этом, особо подчеркивается завершенность действия, многократного по своему характеру. Итеративный перфект редко встречается в Новом Завете.

θεὸν οὐδεὶς ἑώρακεν πώποτε.

Бога не видел никто никогда. Ин. 1:18.

См. также: Ин. 5:37; 2Кор. 12:17.

(4) **Перфект драматический.** Способ употребления перфекта, с которым мы здесь имеем дело, в рамках данной выше классификации рассматривается как самостоятельный. Впрочем, трудно назвать справедливым выделение в особый способ этого единственного в своем роде случая непрямого употребления перфекта. Перфект драматический – это скорее, риторическая фигура. Ввиду того, что перфект выражает существующее состояние, он может использоваться с целью придать сообщаемому особую живость и наглядность. Схожую функцию выполняют также историческое настоящее время и драматический аорист (см. выше), однако из указанных трех времен именно перфект всего более подходит для этих целей. По своему значению перфект драматический близок нашим обиходным выражениям, живо подчеркивающим быстроту и легкость совершения действия, например, «Он сделал это во мгновение ока». Грек бы просто сказал: πέποιθε τοῦτο. Как и перфект интенсивный, драматический перфект делает акцент на результатах действия. В действительности драматический перфект является просто особой, риторической разновидностью интенсивного, подчеркивающего существующее состояние перфекта. Новозаветные авторы довольно часто использовали такой способ выражения.

ἀπελθὼν πέπρακεν πάντα ὅσα εἶχεν.

Отходя, он продал все, что имел. Мат. 13:46.

i. Эта цитата взята из притчи о драгоценной жемчужине, употребленный здесь драматический перфект подчеркивает большую поспешность и настойчивость, с которой человек стремился приобрести для себя найденное им сокровище. Мы бы сказали так: «Он пошел и во мгновение ока продал все, что у него было!» См. также: Ин. 1:15; Откр. 5:7.

ii. Возможно, большинство случаев употребления так называемого «аористного перфекта» в Новом Завете (если не все случаи) следовало бы отнести к перфекту драматическому. Перфект аористный может встречаться в Новом Завете, будучи известен, как то показывают тексты, более ранним формам литературного греческого. Однако вопрос об их влиянии на новый Завет остается открытым. Моултон, определенно сомневаясь, допускает наличие здесь, хотя бы в качестве пережиточных, «форм, которые по справедливости могут рассматриваться в качестве таковых» (М. 145). Характерно при этом, что, приводя примеры таких пережиточных форм, он об одних говорит как о «подлежащих проверке», а другие «предлагаются с большим колебанием» (М. 238). Бартон, положительно настаивая на том, что «перфект в Новом Завете порой имеет аористное значение», все же приходит, тем не менее, к выводу, что такое употребление перфекта имеет «строго ограниченный характер» и можно говорить лишь «о нескольких случаях» (Вг. 44). Робертсон, в свою очередь, допускает всего один (2Кор. 2:13) и то как «возможный, но не вполне достоверный», заключая при этом, что «новозаветных авторов и можно было бы обвинить в подобном способе выражения, однако все еще нет доказательств того, что это было действительно так» (R. 901, 902). Если же отдельные примеры аористного перфекта и существуют в Новом Завете, а это возможно, то такого рода способ выражения следует скорее рассматривать как подчеркивание перфектной «точности», чем как употребление перфекта «вместо аориста». Понятно, что перфект, обозначая совершенное действие или установившееся состояние, близко подходит, при этом, по своему значению, к прошедшему совершенного вида. Тем не менее, такое действие или состояние мы должны рассматривать как существующее в настоящем, даже если мы не в силах отразить это в переводе. В связи с тем, что наличие аористного перфекта оказывается, таким образом, под вопросом, мы не выделяем аористный перфект в качестве самостоятельного способа употребления. В самом деле, по нашему мнению, примеры обычно приводимые из Нового Завета в таких случаях относятся, в действительности, к перфекту драматическому.

Плюсквамперфект

185. Поскольку плюсквамперфект есть не что иное, как прошедшее время перфекта изъявительного наклонения, по своему значению и основным способам употребления плюсквамперфект тождествен перфекту. Подобно последнему, обозначает завершенное действие. Результат этого действия представлен как существовавший в прошлом, когда именно — определяется по контексту. Собственно временное значение для плюсквамперфекта является второстепенным, оно сполна проявляется только в изъявительном наклонении. Однако, поскольку плюсквамперфект употребляется почти только в изъявительном наклонении, временной элемент в значении этого времени всегда отчетливо выражен. Таким образом, тот факт, что временное значение всегда присуще плюсквамперфекту и, можно сказать, является основным, скорее следует отнести на счет наклонения, а не грамматического времени как такового.

(1) Плюсквамперфект интенсивный. Плюсквамперфект, как это мы уже видели на примере префекта, может подчеркивать в первую очередь то, что результат данного действия действительно существовал в прошлом. С особой силой — гораздо большей, чем, если бы это был аорист — здесь дается понять, что так действительно было. На английский язык плюсквамперфект интенсивный можно перевести только простым прошедшим временем (на русский — прошедшим временем совершенного вида с прибавлением наречий *тогда, в тот момент*).

ἄνδρες δύο παρέστηκεισαν αὐτοῖς.

Два мужа (тогда) встали перед ними. Деян. 1:10.

См. также: Лук. 4:41; Ин. 18:16.

(2) Плюсквамперфект завершающий. Плюсквамперфект может представить действие как некий процесс, уже завершившийся к определенному моменту в прошлом, ясному из контекста.

ἦδη γὰρ συνετέθειντο οἱ Ἰουδαῖοι.

Ибо Иудеи уже сговорились. Ин. 9:22.

См. также: Лук. 8:2; Деян. 9:21.

i. В Новом Завете имеется лишь один случай употребления плюсквамперфекта, о котором мы можем заключить, что это именно итеративный плюсквамперфект (Лук. 8:29). И этот единственный случай не основание для классификации итеративного плюсквамперфекта как самостоятельного способа употребления. Плюсквамперфект же драматический не встречается вовсе. Это весьма характерный и специфический способ употребления, основным задачам которого куда в большей степени отвечает перфект.

ii. Перфектное будущее редко встречается в Новом Завете, и немногочисленные случаи употребления этого времени могут быть истолкованы в свете тех основных разделений, которые отличают перфект и плюсквамперфект (см. R. 906).

Интерпретация и перевод временной формы

186. По ходу предложенного выше обсуждения мы вновь и вновь возвращались к нашему требованию того, чтобы учащийся, говоря о значении той или иной временной формы, всякий раз исходил из трех важнейших компонентов этого значения, принимая во внимание: *основную функцию грамматического времени, контекст и значение глагола*. Приведенный выше обзор глагольных времен будет неполным, пока мы не объясним самого процесса интерпретации и перевода временной формы, поскольку именно от этого зависит, насколько правильным и эффективным будет использование учащимся уже полученных знаний о глагольных временах. Рассмотрим в качестве примера Рим. 6:12, $\mu\eta\ \omicron\upsilon\nu\ \beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\epsilon\tau\omega\ \eta\ \acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\acute{\iota}\alpha$, *итак, пусть грех не царствует*. $\beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\epsilon\tau\omega$ здесь – форма третьего лица единственного числа императива настоящего времени действительного залога от глагола $\beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\omega$. **(1)** Обратим внимание, прежде всего, на функцию настоящего времени. Настоящее время означает длительное действие. **(2)** Как явствует из контекста, Павел здесь говорит о том, что верующий обязан воздерживаться от греха, поскольку только такая жизнь отвечает духовному опыту человека, обретшего то спасение, которое дает ему новую духовную природу. Соответственно, воспрещается позволять греху господствовать. **(3)** Этому в точности соответствует значение глагола, так как $\beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\epsilon\iota\nu$, прежде всего, означает *царствовать (господствовать)*, хотя инфинитив аориста этого же глагола может означать *стать царем*. В нашем случае настоящее время, без сомнения, сохраняет свое основное значение. В связи с этим в свете трех указанных выше основополагающих компонентом глагольной экзегезы мы можем передать мысль Павла так: “Пусть грех *более не царствует* над вашим смертным телом”.

i. Если бы Павел хотел сказать: “Не позволяйте греху *когда-либо воцариться* в вашем смертном теле”, он употребил бы обычный в таком случае аорист сослагательного наклонения запретительный, $\mu\eta\ \beta\alpha\varsigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\sigma\eta$. Мы не будем касаться здесь богословской проблематики, которая очевидна, наша цель – лишь обратить внимание на языковую сторону. Несомненно, что строя фразу таким образом, Павел стремился подчеркнуть, насколько важно для нас постоянно воздерживаться от греха.

ii. Интерпретация глагольного времени – это одна из тех областей, где переводчиками и толкователями Нового Завета допускались наиболее грубые ошибки. Без сомнения, Винер был прав, полагая, что именно здесь “толкователи и комментаторы Нового Завета впадали в величайшие заблуждения” (W. 264). Высказанное столетие назад, это замечание сегодня нуждается в корректировке, поскольку с тех пор в понимании греческих глагольных времен был сделан большой и обнадеживающий шаг вперед, и «было устранено немало абсурдного» (Bt. 195), но, в целом, замечание Винера и по сей день не утратило своей актуальности.

iii. Быть может, ничто так хорошо не сохранялось в греческом языке на всем протяжении его эволюции, как идиоматика глагольного времени. И хотя было бы слишком смелым утверждать, что времена «употреблялись в Новом Завете сообразно тем же правилам, что и у греческих авторов» (W. 264), тем не менее, все разнообразие оттенков значений, свойственное греческому глагольному времени, было хорошо известно и новозаветным авторам. Смена оттенков и изысканное варьирование значения встречаются здесь повсюду (см. Мат. 4:11; Рим. 3:23). В самом деле, у нас нет никаких оснований предполагать, что такое временное разнообразие наши авторы используют с безрассудной небрежностью. Грамотный анализ, проведенный со всей тщательностью, и с обязательным учетом основного значения времени, в большинстве случаев выявляет причины, почему автором предпочтен тот или иной вариант. Таким образом, «как бы ни было далеко употребленное в тексте время от наших представлений о нем, следует постараться взглянуть на это с точки зрения автора, с тем, чтобы понять, какое реальное время в каждом конкретном случае скрывается за употребленным здесь грамматическим, и затем постараться воспроизвести это в переводе» (Bt. 195). К приведенному высказыванию Баттмана необходимо добавить, что «реальное время» – вопрос второстепенный, так как основная задача

грамматического времени – выражать вид, характер действия (*aktionsart*), что и следует в первую очередь понять учащемуся.

IV. Инфинитив

Ссылки: R. 1051-95; R-S. 187-192; M. 202-218.

187. Грамотная и стройная речь по временам нуждается в том, чтобы просто назвать то или иное действие, указав на его отношение к другим членам предложения как на отношение именное. Мы имеем здесь, таким образом, дело с формой, соединяющей в себе признаки существительного и глагола. Такое значение иногда может быть передано обычным именем существительным действия, однако в наибольшей степени присуще как раз имени глагола. В функции такого глагольного имени и выступает инфинитив, который именно в греческом языке, без сомнения, достигает пика в своем развитии по разнообразию способов употребления.

Происхождение и характер греческого инфинитива

188. Инфинитив, строго говоря – это глагольное имя, а не наклонение глагола. До тех пор, пока мы не признаем этого факта, значение и функции греческого инфинитива останутся для нас непонятными. Ничто так не свойственно греческому языку, как именной характер инфинитива. Последний часто встречается в оборотах, в которых его именная природа раскрывается с такой полнотой, что даже новичок в греческом легко увидит это. Прекрасный пример дает Евр. 2:15: “Те, что из страха смерти, διὰ παντὸς τοῦ ζῆν, *всю их жизнь*, были подвержены рабству”. Здесь при инфинитиве ζῆν мы видим предлог, прилагательное выступает в качестве определения инфинитива, артикль подчеркивает определенный характер последнего, а сам инфинитив стоит в форме родительного падежа: все это, по сути, то, что отличает обычное существительное. И хотя приведенный частный пример – наиболее сложная инфинитивная конструкция в Новом Завете, тем не менее, это, без сомнения, один из типичных способов употребления греческого инфинитива. У Платона встречаем διὰ παντὸς τοῦ εἶναι («в течение всего существования») – ближайшую параллель к приведенному выше примеру из Послания к Евреям. В папирусах мы находим ἅμα τῷ λαβεῖν, *сразу же по получении*, где именнoе характеристики инфинитива не так многообразны, но тем не менее, достаточно ярко выражены (P. Tebt., 421). Точный перевод подобных конструкций на английский язык невозможен, и учащийся, таким образом, должен научиться чувствовать сам смысл греческого оборота.*

189. История греческого инфинитива показывает, что изначально он являлся именем существительным. Наиболее ранние формы инфинитива в санскрите – это формы абстрактного имени существительного, производного, стоящего обычно в дательном падеже (Уитни, *Грамматика санскрита*, стр. 203). Тщательным образом, исследуя вопрос, Робертсон приходит к следующему выводу: “Именно отсюда, в качестве своеобразной именной формы, и берет свое начало инфинитив” (R. 1052). Гудвин, в свою очередь, так же допускает, что “греческий инфинитив первоначально развился ... главным образом из формы дательного падежа примитивного отглагольного существительного” (*там же*, стр. 297). Сама форма инфинитива говорит о его именном происхождении, поскольку скорее является пережитком склонения, чем спряжения, обладая двумя флексиями примитивного существительного – формами дательного и местного падежей. Впрочем, хотя эти падежные формы инфинитива совершенно очевидны, в его реальном употреблении они им не задействуются. В самом деле, мы видим, что форма, представляющая собой дательный падеж, по сути, выполняет функции именительного или винительного падежа (см. R. 1057).

*На русский язык греческий инфинитив переводится в таких случаях отглагольным именем существительным на -ание, -ение ли просто именем существительным. Прим. ред.

Весьма вероятно, что, взяв на себя некоторые специфические глагольные функции, инфинитив утратил именную флексию. Однако и в таком, несколько затушеванном виде, инфинитив сохраняет свое основное значение существительного.

190. Появление у инфинитива категорий залога и времени относится к древнейшему периоду в истории греческого языка. В санскрите инфинитив не имеет залога, но он уже наличествует у Гомера, а это значит, что залог появился у инфинитива после того, как греческий оформился в отдельный язык. Ведь ясно, что залоговые и временные характеристики инфинитива являются вторичными, а первичны, напротив, его именные форма и функции (см. R. 1079).

i. Касаясь истории инфинитива, Робертсон замечает: "Эволюция инфинитива является одной из наиболее интересных страниц в истории языка" (R. 1056). Первоначальный греческий инфинитив был ничем иным, как существительным в дательном или местном падеже без времени и залога. Впоследствии присоединились другие функции, но инфинитив никогда не терял своего основного значения – значения существительного. У гомеровского инфинитива падежное значение утратило ясность, и появились чисто глагольные элементы – как по форме, так и по функции; тем не менее, инфинитив все еще сохраняет отчасти различие падежей, и артикль все еще не употребляется с ним. В аттическом диалекте инфинитив достигает вершины в своем развитии. Он полностью утратил различие форм дательного и местного падежей, но зато целиком сохраняет значение и функции существительного, употребляясь во всех падежах (за исключением звательного падежа, если его вообще можно назвать падежом). На этом этапе инфинитив часто выступает вместе с артиклем, который помогает ему сохранить именное значение. В эпоху койне за инфинитивом остаются все функции, которыми он обладал в классический период, однако постепенно проявляются черты упадка. В современном греческом языке инфинитив сохранился лишь частично (см. T. 116). "Вне понтийского диалекта инфинитив мертв, как инфинитив с артиклем, так и без артикля, в употребителен только при наличии вспомогательного глагола" (R. 1056).

ii. Для того, чтобы уяснить для себя, что такое греческий инфинитив, необходимо понять двойственность его природы. В качестве некоторого подспорья учащемуся мы прилагаем ниже сопоставительный перечень глагольных и именных свойств инфинитива, представленных в виде двух параллельных колонок.

Именные свойства инфинитива:

Имеет падежное согласование.
Образует конструкции с предлогом.
Выступает в функции подлежащего.
Выступает в функции дополнения.
Является определением.
Употребляется с артиклем.
Определяется прилагательными.

Глагольные свойства инфинитива:

Имеет залог и время.
Имеет при себе дополнение.
Определяется наречием.

Следует заметить, что именные характеристики в инфинитиве преобладают.

Инфинитив с артиклем

191. Для именной природы инфинитива особенно показательно его употребление с артиклем. Гильдерслив замечает в связи с этим: "В результате того, что дательный падеж инфинитива потерял свое значение, инфинитив приобрел много глагольных черт; после же того, как он начал употребляться с артиклем, инфинитив вернул себе именные функции, и даже в еще большем объеме" (*Американский филологический журнал (American Journal of Philology)*, III, стр. 195). Инфинитив с артиклем типичен прежде все для аттического диалекта, хотя и не является исключительным достоянием последнего, поскольку иногда встречается в других греческих диалектах. Сравнительно нередок инфинитив с артиклем и в Новом Завете, совпадая здесь по своему употреблению с аттическим (см. M. 214). Это – одно из доказательств в целом высокого уровня новозаветного греческого, в сравнении, например, с текстами папирусов.

192. Артикль не оказал большого влияния на употребление инфинитива. Иными словами, инфинитив в той или иной функции может употребляться как с артиклем, так и без артикля. Все зависит от предпочтения автора, желает ли он высказаться в более общем или более частном смысле (см. §146, iii). Что касается Нового Завета, то здесь явным исключением из этого правила выглядит инфинитив с предлогом, при котором всегда стоит артикль; однако инфинитив с предлогом без артикля нередок в библейском греческом языке, и конечно – в

литературном койне (см. Вотау, *Инфинитив в библейском греческом языке* (Votaw: *Infinitive in Biblical Greek*), стр. 5; Аллен, *Инфинитив у Полибия и т.д.* (Allen: *Infinitive in Polybius, etc*), стр. 49). В связи с этим, отсутствие такой конструкции в Новом Завете следует рассматривать как случайность. Все имеющиеся свидетельства указывают на то, что артикль не привнес ничего радикально нового в функции инфинитива. Вместе с тем, нельзя сказать, что присоединение артикля не возымело вовсе никакого эффекта. Артикль воздействовал на инфинитив в двух отношениях.

(1) Исторический аспект. Артикль "вновь уравнивал глагольную и именную составляющие в инфинитиве" (Р. 1054). Мы видели, что инфинитив изначально появился как существительное с окончаниями дательного и местного падежа. У Гомера инфинитивные падежи утратили свое значение, и в инфинитиве усилились глагольные черты. Несомненно, развитие инфинитива шло в сторону полной потери им именных свойств и качеств. Однако в этот самый момент в греческом языке возникают другие тенденции, направленные на то, чтобы сохранить за инфинитивом значение и функции существительного. Из примитивных форм указательного местоимения развивается артикль, который, выполняя конкретизирующие функции, получает тесную привязку к имени. Однако сам факт того, что в греческом языке употребление артикля не ограничивалось одним именем существительным, сделал возможным употребление артикля с инфинитивом (а равно с другими частями речи). С этого времени все более широкое употребление инфинитива с артиклем синонимично развитию греческого артикля вообще. Не может быть никакого сомнения в том, что такого рода привязка артикля к инфинитиву помогла последнему сохранить свое именное значение.

(2) Грамматический аспект. В некоторых конструкциях артикль всего более естественен как некоего рода указание на падежную функцию инфинитива: например, когда инфинитив выступает как дополнение при глаголе, требующем родительного падежа (2Кор. 1:8), или когда при инфинитиве ставится предлог (см. Марк. 4:6 и Гал. 3:23).

а) Без сомнения, артикль облегчает для инфинитива предложное согласование. И действительно, инфинитив с артиклем и предлогом наиболее распространен в Новом Завете, где он встречается около двухсот раз. Для сравнения, укажем, что инфинитив с предлогом, но без артикля отсутствует вовсе, а инфинитив с артиклем, выражающий цель действия (второй по частоте способ употребления артиклизированного инфинитива) ограничен лишь тридцатью тремя примерами (см. Вотау, *там же*, стр. 46, 47). Употребление инфинитива с предлогами определяется падежным значением в той или иной предложной конструкции. Так, например, διὰ с τοῦ означает *через* (Евр. 2:15), в то время как с τὸ этот предлог имеет значение *потому что* (Иак. 4:2).

б) В отсутствие предлога, то инфинитив с артиклем обычно ставится в требуемом падеже. Инфинитив с τὸ встречается в конструкциях с именительным и винительным падежом, и как правило, соответствует падежному значению артикля. Инфинитив с τοῦ часто выступает в роли простого определения при существительном (Евр. 5:12), либо дополнения при глаголах, требующих, обычно, родительного (Лук. 1:9) или отложительного падежа (Рим. 15:22). Этот инфинитив широко задействуется для выражения цели или результата действия, и также в различных других конструкциях. Напротив, τῷ с инфинитивом без предлога мы встречаем во всем Новом Завете лишь единожды – в функции творительного падежа причины (2Кор. 2:13). Инфинитив с τῷ, таким образом, почти всюду сопровождается предлогом ἐν.

с) Вместе с тем, следует отметить, что совпадение падежа артикля с падежной функцией инфинитива не является абсолютным правилом. Нам может встретиться, например, инфинитив-подлежащее в согласовании τοῦ (Деян. 27:1).

i. Наилучшее представление об особенностях употребления инфинитива с артиклем и без него может дать краткая сводная таблица, где показана сравнительная встречаемость основных инфинитивных конструкций. Мы приводим эти данные по Вотау (*там же*, стр. 46, 47).

Подлежащее	Дополнение	Приложение	Предложное дополнение	Обстоятельство цели	Обстоятельство результата
------------	------------	------------	-----------------------	---------------------	---------------------------

						действия
Без артикля	289	1104	13	...	261	82
С артиклем	27	29	5	200	33	4

ii. Работа профессора Вотау – ученого неординарных способностей, выполненная с предельной тщательностью, показывает нам, что инфинитив встречается в текстах Нового Завета 2276 раз, из них 1957 раз – без артикля, и 319 раз – с артиклем.

Употребление инфинитива

193. Инфинитив – это часть речи, задействованная в текстах Нового Завета наиболее широко. Двойственный характер инфинитива позволяет ему выступать в самых различных функциях. Классифицировать их можно сообразно доминированию одной из двух составляющих инфинитива: глагольной или именной. Обе эти стороны инфинитивного значения задействуются при любом способе употребления инфинитива, при этом одна из них всегда выражена ярче. Именно из этого исходит предполагаемая нами ниже классификация.

Инфинитив в его глагольном значении

194. Здесь речь пойдет о тех способах употребления инфинитива, которые определяются, прежде всего, его глагольной природой. Иными словами, инфинитив здесь выполняет функции личной формы глагола, стояще в соответствующем наклонении и входящей в состав придаточного – в одном из случаев – главного предложения.

(1) Цель действия. Инфинитив может указывать на цель действия, выступая в качестве дополнительного глагольного члена при личной форме глагола. Такой инфинитив цели часто встречается в Новом Завете.

καὶ ἦλθομεν προσκυνῆσαι αὐτῷ.

И мы пришли поклониться ему. Мат. 2:2.

См. также: Мат. 5:17; Лук. 1:77.

Для обозначения цели действия может быть задействован просто инфинитив с τοῦ (Деян. 9:15), инфинитив с предлогом (εἰς, 1Фес. 3:5; πρός, Мат. 6:1), с ὥστε (Лук. 4:29) или ὡς (Лук. 9:52).

(2) Результат действия. В Новом Завете имеется ряд мест (восемьдесят шесть, по Вотау, там же, стр. 46, 47), где инфинитив, очевидно, означает результат действия. Различие между инфинитивом цели и инфинитивом результата далеко не всегда ясно выражено, и во многих случаях оба эти значения совмещаются, так что порой трудно решить, какое из них преобладает. Тем не менее, есть примеры, где инфинитив со всей очевидностью означает результат действия.

ἐὐδοκῆσονται ἐλθεῖν πρὸς ὑμᾶς.

Я буду благословлен прийти к вам. Рим. 1:10.

См. также: Деян. 5:3; Рим. 7:3.

i. Для обозначения результата действия может быть задействован просто инфинитив (Кол. 4:3), инфинитив с τοῦ (Деян. 18:10) и инфинитив с εἰς (Деян. 7:19). Всего чаще, однако, встречается инфинитив результата с ὥστε (Лук. 12:1).

ii. Инфинитив может подходить к выражаемому им результату действия с трех различных точек зрения. Он может представить его как *действительный* результат (Марк. 9:26) или как *предполагаемый* результат, который вытекает из природы вещей или предполагается в будущем (1Кор. 13:2). С другой стороны, результат может быть как бы *запланированным*, представляя собой достижение намеченной цели (Лук. 20:20). В последнем случае оба значения – цели и результата – сливаются.

(3) Время действия. Инфинитив может заменять собой придаточное предложение времени. Однако "время, выраженное инфинитивом, очень неопределенно" (R. 1091). Временное значение как таковое вообще не свойственно инфинитиву, оно может быть обусловлено контекстом, а также употреблением инфинитива с предлогом или частицей. В Новом Завете все три основных временных значения могут быть выражены инфинитивом.

а) Инфинитив в конструкции с $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ или $\pi\rho\acute{\iota}\nu \eta$ означает действие, которое *предшествует* главному предложению.

$\pi\rho\acute{\iota}\nu \eta \delta\acute{\iota}\varsigma \acute{\alpha}\lambda\acute{\epsilon}\kappa\tau\omicron\rho\alpha \phi\omega\nu\eta\sigma\alpha\iota.$

Прежде чем дважды пропоет петух. Марк. 14:30.

См. также: Ин. 4:49; Деян. 2:20.

б) В конструкции с $\acute{\epsilon}\nu \tau\omega$ инфинитив, выступая в функции местного падежа, означает действие, *одновременное* действию главного глагола.

$\kappa\alpha\acute{\iota} \acute{\epsilon}\nu \tau\omega \sigma\pi\acute{\epsilon}\iota\rho\epsilon\iota\nu \alpha\upsilon\tau\omicron\nu.$

И когда он сеял. Мат. 13:4.

См. также: Лук. 1:21; Деян. 9:3.

с) Инфинитив с $\mu\epsilon\tau\grave{\alpha} \tau\omicron$ означает действие, которое *последует* в будущем.

$\mu\epsilon\tau\grave{\alpha} \delta\grave{\epsilon} \tau\omicron \acute{\epsilon}\gamma\epsilon\rho\theta\eta\nu\alpha\acute{\iota} \mu\epsilon.$

После Моего воскресения. Мат. 26:32.

См. также: Лук. 12:5; Деян. 1:3.

(4) **Причина действия.** Винительный падеж инфинитива в конструкции с $\delta\acute{\iota}\alpha$ очень удобен для выражения причины.

$\epsilon\upsilon\theta\acute{\upsilon}\omega\varsigma \acute{\epsilon}\xi\alpha\nu\acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota\lambda\epsilon\nu \delta\acute{\iota}\alpha \tau\omicron \mu\grave{\eta} \acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu \beta\acute{\alpha}\theta\omicron\varsigma \gamma\grave{\eta}\varsigma.$

Оно немедленно вошло, потому что было посеяно неглубоко. Мат. 13:5.

См. также: Марк. 5:4; Иак. 4:2.

Только в одном единственном случае инфинитив с артиклем и без предлога имеет в Новом Завете причинное значение (2Кор. 2:13). Всюду здесь мы видим инфинитив в сопровождении $\delta\acute{\iota}\alpha \tau\omicron$, хотя встречается один раз и $\acute{\epsilon}\nu\kappa\epsilon\nu \tau\omicron\upsilon$ (2Кор. 7:12).

(5) **Императивное значение.** Такой инфинитив обычно называют "императивным инфинитивом". Это единственный способ употребления греческого инфинитива, где он выступает в качестве самостоятельной формы, причем встречается этот способ не слишком часто. "Императивный инфинитив весьма древнего происхождения, и с особенной частотой задеиствуется Гомером" (Вг. 146). Эта функция инфинитива указывает, быть может, на близкое родство между неопределенной формой инфинитива и повелительным наклонением в целом. В самом деле, "весьма вероятно, что такие формы повелительного наклонения, как, например, $\delta\epsilon\acute{\iota}\xi\alpha\acute{\iota}$... по своему происхождению являются инфинитивом" (Р. 943). И хотя императивным инфинитив встречается в текстах Нового Завета не часто, он более чем характерен для койне той эпохи, поскольку в изобилии представлен в папирусах. По мнению Моултона, тот факт, что такой инфинитив редок в Новом Завете "может лишь вызвать недоумение" (М. 180).

$\epsilon\acute{\iota}\varsigma \delta\grave{\omicron} \acute{\epsilon}\phi\theta\acute{\alpha}\sigma\alpha\mu\epsilon\nu, \tau\omega \alpha\upsilon\tau\omega \sigma\tau\omicron\iota\chi\epsilon\acute{\iota}\nu.$

Каких путей мы мы достигли, теми и ходите. Фил. 3:16;

См. также: Рим. 12:15; Тит. 2:2.

i. Примеры императивного инфинитива в греческом языке отцов церкви можно найти в Дидахе 14:3: $\pi\rho\sigma\phi\acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota\nu \mu\omicron\iota \theta\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\nu \kappa\alpha\theta\alpha\rho\acute{\alpha}\nu$, *принеси мне жертву чистую.*

ii. Инфинитив в косвенной речи практически эквивалентен сказуемому придаточного предложения, выполняя функции глагола в личной форме, и по этой причине по справедливости должен рассматриваться как инфинитив в его глагольном значении. Кроме того, такой инфинитив является также и дополнением при управляющем глаголе. Согласно Вотау – это разновидность инфинитива глагольного дополнения (*там же*, стр. 8 и далее). И инфинитив здесь, таким образом, выступает как в функции глагола, так и в функции имени. Подробнее этот способ употребления инфинитива мы рассмотрим в §285.

Инфинитив в его именном значении

195. В определенных конструкциях значение инфинитива определяется, прежде всего, его именной природой. Он выполняет здесь обычные функции существительного, выступая в

качестве подлежащего, дополнения, косвенного дополнения, приложения, обозначая орудие действия, выступает как именное определение.

(1) Подлежащее. Выполняя функции имени существительного, инфинитив может играть роль подлежащего при личном глаголе. Такое же употребление свойственно инфинитиву и в нашем языке, например: "Предотвратить происшествие было его целью".

τὸ γὰρ θέλειν παράκειται μοι.

Ибо желание (досл.: желать) пребывает со мною. Рим. 7:18.

См. также: Мат. 3:15; Еф. 5:12.

(2) Прямое дополнение. Именная природа инфинитива способствует тому, что он охотно берет на себя функции прямого дополнения при личном глаголе.

καὶ ἐζήτουν αὐτὸν κρατῆσαι.

И они искали схватить Его. Марк. 12:12.

См. также: 2Кор. 8:11; Фил. 2:6.

Инфинитив-дополнение обычно употребляется при глаголах, которые в силу самого их значения требуют инфинитивного дополнения. Это совпадает с основной функцией дополнения в связке дополнение-глагол, где оно в первую очередь дополняет собой значение глагола. В силу этого, к вышеуказанной рубрике мы отнесли и большинство случаев так называемого "инфинитива дополнительного". Инфинитив дополнительный, встречающийся при существительных и прилагательных, на самом деле представляет собой инфинитивное определение и, при тщательном рассмотрении, всегда можно установить падеж.

(3) Косвенное дополнение. Инфинитив может выполнять функции косвенного дополнения при личном глаголе, уподобляясь существительному в дательном падеже. Инфинитив, до известной степени, обозначает здесь цель действия, поскольку выражает "то, для чего или в отношении чего совершается или реализуется данное действие или состояние" (Вотау: *там же*, стр. 11; см. Вр. 147).

ἡ ἀδελφή μου μόνην με κατέλιπεν διακονεῖν.

Сестра моя одну меня оставила служить. Лук. 10:40.

См. также: Лук. 7:40; Деян. 7:42.

(4) Орудие действия. Инфинитив иногда, подобно существительному в творительном падеже, обозначает орудие действия, то есть ко всему прочему "более четко определяет содержание действия, выраженного главным глаголом или именем существительным" (Вр. 150). Бартон считает такой инфинитив разновидностью инфинитива результата, однако основная функция у этого инфинитива, как и у существительного в творительном падеже, инструментальная.

ὁ Χριστὸς οὐχ ἑαυτὸν ἐδόξασεν γενεθῆναι ἀρχιερέα.

Христос не Себя прославил тем, что стал (досл.: становлением) первосвященником. Евр. 5:5.

Перед нами своего рода творительный падеж материала, метафорически переосмысленный, с целью полнее выразить значение глагола. Так в Деян. 15:10, "Зачем вы искушаете Бога *возложив* (ἐπιθεῖναι) ярмо на шею учеников", инфинитив как бы поясняет, что здесь подразумевается под искушением Бога. В функции творительного причины с очевидностью выступает инфинитив в 2Кор. 2:13, "я не мог успокоиться духом своим, *не найдя* (τῷ μὴ εὑρεῖν) брата моего Тита".

(5) Приложение. Инфинитив может относиться к имени существительному как приложение.

ὁ ἁγιασμός ὑμῶν ἀπέχεσθαι ἀπὸ τῆς πορνείας.

Освящение ваше – воздерживаться от блуда. 1Фес. 4:3.

См. также: Деян. 15:28; Иак. 1:27.

(6) Определение. Подобно тому, как имя существительное может выполнять функции определения по отношению к другому имени, выступая в различных падежах, точно так же и

инфинитив может являться определением имени существительного. Многие существительные и прилагательные в силу своего значения требуют именно конструкции с инфинитивом. Это, например, такие существительные как *власть, необходимость, способность, пригодность* и т.п.

а) Инфинитив может являться определением имени существительного в обычной именной конструкции.

ἔδωκεν αὐτοῖς ἐξουσίαν τέκνα θεοῦ γενέσθαι.

Он дал им власть сделаться детьми Бога. Ин. 1:12.

См. также: Мат. 3:14; Откр. 11:18.

б) Инфинитив может выступать как определение при субстантивированном прилагательном.

οὐκ ἐὶν ἱκανὸς λύσαι.

Я не достоин развязать Марк. 1:7.

См. также: 1Кор. 7:39; 1Пет. 1:5.

i. Именную природу инфинитивного определения легко увидит, заменив инфинитив существительным в том же падеже. Например, фразу в Ин. 1:12 можно видоизменить следующим образом: "Он дал им правомочия детей Божьих"; а отрывок Марк. 1:7 легко представим как: "Я не достоин звания самого смиренного слуги".

ii. Прекрасно иллюстрирует специфику греческого инфинитива Евр. 5:11, где инфинитив в точности соответствует винительному падежу отношения: περὶ οὗ πολὺς ἡμῖν ὁ λόγος καὶ δυσερμήνευτος λέγειν, *о котором у нас много есть, что сказать и труднообъяснимого*, это, в свою очередь означает: *о котором у нас есть важный разговор, и причем имеется много такого, что трудно объяснить* (см. Гал. 5:3). Родительный определительный инфинитива можно обнаружить в Рим. 13:11: ὥρα ἤδη ὑμᾶς ἐξ ὕπνου ἐγερθῆναι, *вот уже час для вас пробудиться ото сна*, то есть, *вот уже час вашего пробуждения от сна*. Инфинитив в функции родительного приложения встречается в Лук. 2:1: ἐξῆλθεν δόγμα ἀπογράφεσθαι πᾶσαν τὴν οἰκουμένην, *вышло повеление переписать весь мир*, то есть, *повеление о переписи всего мира*; также и в Рим. 1:28: εἰς ἀδόκιμον νοῦν, ποιεῖν τὰ μὴ κατ'ἔκγοντα, *уму привыкшему делать неподобающее*; то есть, *уму неподобающих деяний*. Таким образом, инфинитив часто выступает в Новом Завете в функции именного определения. Тому, кто изучает греческий язык, в связи с этим, особенно важно не забывать об именной природе греческого инфинитива.

V. Причастие

Ссылки: R. 1095-1141; R-5, 193-198; M. 220-232.

196. Лишь немногие языки могут сравняться с греческим по изобилию и разнообразию способов употребления причастия и ни один не смог превзойти его в этом. Греческое причастие имеет все основные временные формы, и вдобавок еще и будущее время, а также все три залога. «Логическое значение или модальная функция» причастия (Вг. 163) представлены широким спектром вариаций, иначе говоря, способ выражения, где задействуется причастие, раскрыт во всем своем разнообразии. Таким образом, греческое причастие, достигшее зенита в своем развитии, предстает перед взором изучающего Новый Завет в богатстве и многообразии своих функций. Последнее, при надлежащем его учете, становится ценным вкладом в толкование текста. При этом тот факт, что в английском языке причастие (а в русском – причастие и деепричастие – прим.перев.) само по себе используется весьма часто, существенно облегчает процесс перевода.

Происхождение и природа причастия

197. Причастие, как и инфинитив, - это не наклонение, а отглагольное имя. Однако, в то время как инфинитив уподобился существительному, причастие взяло на себя функции прилагательного. В виду этого, система именных флексий у причастия, в сравнении с инфинитивом, получила большее развитие, и причастие стало склоняться как типичное прилагательное, изменяясь по родам, числам и падежам. Кроме того, достаточно рано оно

усвоило категории залога и времени, которые являются его характерными особенностями уже в санскрите.

i. Причастие получило функции прилагательного уже на самых ранних этапах своего развития, не утратив, как это случилось у инфинитива, своей первичной флексии. И впоследствии, как по форме, так и по функции оно оставалось прилагательным. Глагольные черты, свойственные причастию, такие как залог, время, способность вступать в роли сказуемого, иметь при себе дополнение и т.д., не изменили именной природы причастия, но лишь обогатили ее. В санскрите причастие вообще получило большее развитие, нежели инфинитив. Так Уитни пишет, что причастия в формах обоих залогов образуются здесь от всех временных основ, исключая будущее описательное время и аорист (*там же*, стр. 220). Аористное причастие существовало в санскрите на более ранних этапах его развития, однако позже исчезло. У Гомера «причастие предстает уже в качестве вполне развитой части речи» (R. 1098). Наибольшее богатство и разнообразие форм отличают причастие в греческом языке классического периода. Большую роль играло причастие и в литературном койне, однако стало малоупотребительным в разговорной речи, о чем свидетельствуют папирусы. Мы видим, таким образом, что язык Нового Завета в этом плане ближе к литературному, поскольку пользуется причастием достаточно широко, хотя и не в такой степени, как в литературном койне. В современном греческом языке причастные конструкции становятся все более малоупотребительными, но тем не менее, причастие все же продолжает употребляться, выступая в формах действительного, медиального и страдательного залога (Т. 168).

ii. Степень задействованности причастных конструкций в текстах Нового Завета варьирует от автора к автору, находясь в прямой зависимости от литературной подготовки и вкуса последнего. Явную склонность к причастию выказывает Лука, особенно в книге Деяний. Чрезвычайно примечательна особая употребительность в Новом Завете аористного причастия. Конструкции с этим причастием – отличительная черта греческого языка вообще, в то время как, например, в санскрите аористное причастие было утрачено, а в латыни стало малоупотребительным. Греческий язык, таким образом, по выражению Бродеса, без сомнения, это «язык, где аорист любят».

Причастие в его сопоставлении с инфинитивом

198. Поскольку тесная взаимосвязь между инфинитивом и причастием в плане их природы и функций для нас очевидна, будет полезным рассмотреть ее всесторонне. Если мы сопоставим инфинитив и причастие, то увидим как определенное сходство, так и явные отличия. При этом стоит заметить, что отличий гораздо больше, чем сходства.

(1) **Сходство.** В целом они оба – как инфинитив, так и причастие – относятся к одному классу отглагольных имен, и могут употребляться как с артиклем, так и без него. Кроме того, как причастие, так и инфинитив не указывают точных границ действия, являясь, в этом смысле *инфинитивными* (неопределенными) по своей природе.

(2) **Отличия.** Инфинитив представляет собой несклоняемое существительное, изначально имевшее форму дательного падежа, но в исторический период употреблявшееся во всех падежах единственного числа. Причастие, напротив, выполняет функции прилагательного, согласуясь, подобно ему, с именем существительным в роде, числе и падеже. Именная флексия инфинитива утратила свое значение, в то время как причастие в качестве прилагательного вполне распознаваемо. Кроме того, инфинитив обычно тесно привязан к глаголу, причастие же ближе стоит к подлежащему или дополнению. Далее, причастие обычно рассматривает действие как реально происходящее, инфинитив же предполагает потенциальность. Так, например, в Лук. 16:3, “*просить* стыжусь”, инфинитив ἐπαίτεῖν означает нечто возможное, но нежелательное; если бы автор хотел подчеркнуть, что речь идет о реально существующем положении дел, то он предпочел бы причастие: ἐπαίτῳ αἰσχύνομαι, мне стыдно, что я прошу (предстаю *просящим*). Тем не менее, имеются моменты, когда инфинитив и причастие близки друг к другу по своей функции, например – в косвенной речи. Однако и здесь их не следует считать тождественными друг другу по своему значению (см. R. 1103).

Немало интересных мыслей относительно различий между инфинитивом и причастием можно найти в работе, написанной в середине девятнадцатого века:

Правила употребления инфинитива при глаголе, отличающие его от причастия можно сформулировать так. Инфинитив употребляется при глаголе в тех случаях, когда *естественным дополнением* главного глагола мыслится *действие* или *состояние*, γινώσκειν τρέφειν τὴν γλώσσαν ἡσυχῶτα (они научатся держать

язык за зубами). Причастие же употребляется в тех случаях, когда *естественным дополнением* главного глагола мыслится *лицо* или *предмет*, чьи действие или состояние описываются причастием, ὁρῶ ἄνθρωπον ἀποθνήσκοντα (я вижу умирающего человека). Таким образом, инфинитив – это существительное, которое выражает действие или состояние; причастие же – это прилагательное, которое так же выражает действие или состояние; следовательно, если дополнением глагола мыслится действие или состояние, при глаголе ставится инфинитив, выполняющий функции обычного существительного. В тех же случаях, когда дополнением при глаголе мыслится *лицо* или *предмет*, причастие, определяя это дополнение, описывает присущее ему действие или состояние (Якоб, *Греческая грамматика* - Jacob: *Greek Grammar*, §135).

К этому можно добавить некоторые наблюдения и самого Вебстера, из работы которого мы позаимствовали вышеприведенную цитату:

Чаще всего инфинитив выступает в качестве слова, дополняющего значение других слов, прежде всего глаголов. Если глагол мыслится *завершенным* в своем значении, он обозначает некое автономное, в самом себе завершенное действие или состояние. Однако, если глагол в своем значении не завершен, требуется дополнительное слово, с тем, чтобы сделать действие полным. При этом глаголы восприятия требуют при себе только такого дополнения, которое бы выражало этот воздействующий на чувства воспринимающего объект. В функции такого рода дополнения и выступает причастие. При других глаголах, по смыслу нуждающихся в дополнении, ставится инфинитив пояснительный, обозначающий объект действия или его замысел, цель (*там же*, стр. 108).

Функции причастий

199. Изучение этого вопроса приводило и приводит филологов-эллинистов к самым различным мнениям. Тому подтверждение – исследования таких авторитетных ученых как Хедли и Аллена, Гудвина, Бартон, Робертсона и др. Так, например, Хедли и Аллен подразделяют причастия на два класса: атрибутивные и предикативные, последние, в свою очередь, разделяются на обстоятельственные и дополнительные (*там же*, стр. 302). Гудвин, со своей стороны, предлагает тройственную классификацию: выделяя причастия атрибутивные, обстоятельственные и причастия дополнительные. При этом исследователь признает, что «различие между второй и третьей группой менее выражено, чем между первой и двумя остальными» (*там же*, стр. 329). Бартон, напротив, делит причастия на три разряда: причастия-прилагательные, причастия адвербиальные и именные (Вг. 163); а Робертсон – на два: причастия-прилагательные и причастия глагольные (R. 1103 и далее). Мы, в свою очередь, также предлагаем разделить причастия на два класса: *причастия-прилагательные* и *причастия адвербиальные*. Мы согласны, таким образом, Робертсоном, в том, что «единственный способ адекватно подойти к причастию – это постараться отразить в классификации его двойственную природу отглагольного имени, разделяя именные и глагольные функции» (R. 1104). Кроме того, мы стремились здесь по возможности упростить изложение.

Причастие-прилагательное

200. В прямом соответствии со своей именной природой причастие может выполнять при имени существительном определительные функции, иначе говоря – определять его. Функция определения, как известно, состоит в том, что существительному либо *приписываются* те или иные характеристики, либо его значение *ограничивается* определенным контекстом. Отсюда вытекают два способа употребления причастия-прилагательного.

(1) Приписывающее употребление. Причастие здесь либо приписывает имени некое качество, определяющее или прямо характеризующее его, либо само выступает в качестве имени существительного, выражая принадлежность к некоему общему классу объектов. Это – наиболее типичный способ употребления причастия в функции прилагательного. Причастие здесь выступает в качестве определения именной части сказуемого и имени существительного.

а) Подобно прилагательному, причастие может относиться к имени существительному как его *атрибут*. В атрибутивной позиции причастие может употребляться и без артикля.

ἠκρίβωσεν τὸν χρόνον τοῦ φαινομένου ἀστέρος.

Он выведal время появления (буквально: появляющейся) звезды. Мат. 2:7.

См. также: Лук. 1:17; Деян. 10:1.

б) Как и прилагательное, причастие может выступать в качестве *именной части* сказуемого при глаголе состояния.

ἡμῖν δὲ ἀγνοούμενος τῷ προσώπῳ ταῖς ἐκκλησίαις.

Церкви не знали меня в лицо (собств.: был неузнаваемый...). Гал. 1:22.

См. также: Лук. 1:10; Деян. 5:25.

Следует указать на отмеченное Бартоном важное различие между тремя возможными способами употребления предикативных причастий. Так, причастие может быть субстантивированным и употребляться в качестве именной части сказуемого (Марк. 10:22); либо оно может по смыслу примыкать к глаголу-связке в описательной глагольной конструкции (Лук. 5:17); либо оно выступает в качестве предикативного прилагательного в чистом виде, как, например, в вышеприведенном примере (см. Вг. 168).

в) В отсутствие существительного, причастие может брать на себя его функции. Артикль при таком причастии может и ставиться и не ставиться. Само причастие здесь выступает в роли подлежащего, дополнения или определения.

ὁ φοβούμενος αὐτὸν δεκτὸς αὐτῷ ἐστίν.

Боящийся Его приятен Ему. Деян. 10:35.

См. также: Ин. 7:32; Евр. 2:9.

Такая конструкция аналогична конструкции с субстантивированным прилагательным. Субъект никак не называется, и определяется скорее через выполняемое им действие. По своей функции причастие такого рода близко к инфинитиву.

(2) Отграничивающее или относительное употребление. Причастие может особым образом определять объект, выраженный существительным, или указывать на признак, который особенным образом выделяет его из числа других. По своей функции такое причастие аналогично относительному (отграничивающему) придаточному предложению и может быть передано им при переводе на современные языки (при переводе на русский язык это причастие хорошо переводится обычным причастным оборотом). Отличие причастия отграничивающего от причастия приписывающего состоит в том, что приписывающее причастие просто приписывает объекту некое качество или характеристику, а причастие отграничивающее указывает на такое качество, которое выделяет данный объект из числа других.

οὗτός ἐστιν ὁ ἄρτος ὁ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καταβαίνων.

Это хлеб, нисходящий с небес. Ин. 6:50.

См. также: Мат. 10:4; Деян. 4:16.

Отграничивающее причастие, строго говоря, не представляет собой ничего принципиально нового в сравнении с приписывающим причастием, являясь лишь расширением употребления последнего. По сути своей отграничивающее причастие – это причастие приписывающее, которое определяет объект через указание на его отличительные свойства, и значение которого обусловлено контекстом. Если отграничивающее причастие указывает на факт, воспринимаемый в качестве очевидного или уже известного, то оно выступает в функции причастия *разъяснительного* (2Кор. 2:17). Субстантивированное причастие также может употребляться в отграничивающем смысле (Мат. 10:37; Деян. 10:35).

Адвербиальное причастие

201. Такое причастие, тесно связанное с существительным, определяет его в связи с действием или состоянием, выражаемым главным глаголом. Причастие здесь, таким образом, проявляет свои глагольные качества. Неслучайно Робертсон отводит этому способу употребления особый раздел, озаглавленный «Глагольные свойства причастия» (Р. 1110 и далее). Для такого рода причастий мы использовали терминологию Бартона (Вг. 169 и далее).

И хотя значение причастия здесь может быть передано придаточным предложением, некорректным было бы предположить, что причастие в синтаксическом плане равнозначно придаточному предложению. В самом деле, значение прилагательного сохраняется за причастием и здесь, и тесно привязывает последнее как к существительному, так и к глаголу. Адвербиальное причастие, таким образом, – это просто прилагательное, определяющее также и глагол, и, следовательно, вполне уместно назвать это причастие адвербиальным (наречным). Вариации при наречном употреблении причастия обусловлены не изменениям основной функции причастия, но главным образом контекстом. С тем, чтобы яснее представить все это разнообразие функций наречного причастия, ниже мы будем переводить их соответствующими придаточными предложениями. При этом, однако, учащемуся нужно всякий раз помнить о том, что такой перевод не передает значение причастия с совершенной точностью. Лучшим переводом здесь будет английское причастие, так как именно в употреблении причастий английский и греческий языки обнаруживают наибольшее сходство. (На русский язык греческое причастие может переводиться как причастием, так и деепричастием.)

(1) Причастие цели. Причастие, обозначающее цель действия, – это обычно, хотя и не обязательно, причастие будущего времени. Однако в Деян. 15:27 мы встречаем в функции причастия цели причастие настоящего времени. Впрочем, такие случаи редки. Вообще говоря, причастие цели и само по себе встречается нечасто.

ἴδωμεν εἰ ἔρχεται Ἰλίας σῶσων αὐτόν.

Давайте посмотрим, придет ли Илия, чтобы спасти Его (собств.: намеревающийся спасти Его). Мат. 27:49.

См. также: Деян. 3:26; Рим. 15:25.

(2) Причастие времени. По своему значению это причастие соответствует придаточному предложению времени, и, чаще всего, переводится именно им (в зависимости от контекста различными придаточными временными, вводимыми союзами – *когда, после того как, в то время как и т.п.*).

ἰδόντες δὲ τὸν ἀστέρα ἐχάρησαν.

И когда они увидели звезду (собств.: «и увидев звезду»), они возрадовались. Мат. 2:10.

См. также: Рим. 4:10; 2Кор. 2:13.

(3) Причастие причинное. Причастие может обозначать причину действия, выраженного главным глаголом. По своему значению это причастие соответствует придаточному предложению причины, вводимому союзами *так как, потому что* и т.п.

ἐδέξαντο αὐτὸν πάντα ἑωρακότες ὅσα ἐποίησεν.

Они приняли Его, видя (т.е. «потому что видели») все то, что Он сделал. Ин. 4:45.

См. также: Мат. 3:6; 1Тим. 4:8.

“В тех случаях, когда причинному причастию предшествует ὥς, причина, выражаемая этим причастием, мыслится лишь предполагаемой, выставляемой кем-либо в качестве причины (обычно – главным субъектом действия). При этом говорящий не указывает, является ли выдвигаемая им причина подлинной причиной действия” (Вг. 170).

(4) Причастие условия. Причастие может заменять собой придаточное предложение условное.

ἐξ ὧν διατηροῦντες ἑαυτοὺς εὖ πράξετε.

По этой причине воздерживаясь (т.е. «если будете воздерживаться»), хорошо сделаете. Деян. 15:29.

См. также: Лук. 3:11; Евр. 2:3.

(5) Причастие уступления. Причастие может иметь уступительное значение, употребляясь как с соответствующими частицами, так и без них.

εἰ γὰρ ἐχθροὶ ὄντες κατηλλάγημεν τῷ θεῷ.

Ибо, пусть даже будучи врагами, мы примирились с Богом. Рим. 5:10.

См. также: Евр. 5:12; 1Пет. 1:6.

(6) Инструментальное причастие. Причастие может обозначать инструмент, с помощью которого совершается действие, выраженное главным глаголом.

ἐργασίαν πολλὴν παρείχεν μαυτευομένη.

Она приносила большой доход, прорицая. Деян. 16:16.

См. также: Мат. 6:27; 1Тим. 1:12.

(7) Причастие образа действия. Причастие может выступать в функции обстоятельства образа действия при главном глаголе. Такое причастие нередко сопровождается частицей ὥς.

παράγινεται Ἰωάννης ὁ βαπτιστὴς κηρύσσων.

Приходит Иоанн Креститель, проповедуя. Мат. 3:1.

См. также: Мат. 19:22; Лук. 1:64.

(8) Причастие-дополнение. Причастие может как бы завершать собой действие, выраженное основным глаголом. В таком случае причастие нередко служит определением подлежащего или глагольного дополнения, согласуясь с ними в падеже.

οὐ παύομαι εὐχαριστῶν ὑπὲρ ὑμῶν.

Я не перестаю благодарить (досл.: «не перестаю благодарящий») за вас. Еф. 1:16.

См. также: Мат. 6:16; Евр. 5:12.

В этой конструкции, причастие приближается по своему значению к инфинитиву. Разновидностью причастия-дополнения является причастие, задеиствованное в косвенной речи (см. Деян. 8: 23).

(9) обстоятельственное причастие. Порой причастие, не выступая явным образом ни в одной из вышеназванных функций, просто указывает на некое привходящее обстоятельство – объективно существующее или полагаемое, что при переводе на английский язык лучше всего передать личной формой глагола с союзом «и». (При переводе на русский язык обычно используют деепричастный оборот.) В то же время перевод такого причастия придаточным предложением, строго говоря, едва ли возможен. Подобный случай употребления причастия относится к числу тех языковых явлений, которые не имеют прямых соответствий в английском языке.*

ἐκεῖνοι δὲ ἐξελθόντες ἐκήρυξαν πανταχοῦ.

И они, выйдя, проповедовали всюду. Марк. 16:20.

См. также: Лук. 4:15; 2Тим. 4:11.

(10) Причастие в функции повеления. Здесь мы сталкиваемся с особенностями греческого койне, отличающими как язык Нового Завета, так и язык папирусов. Тем не менее в Новом Завете лишь несколько таких причастий. Некоторые исследователи относят их к еврейзмам, однако употребление подобных причастий в папирусах противоречит этой точке зрения. (М. 180, 222).

γυναικες ὑποτασσόμεναι τοῖς ἰδίοις ἀνδράσιν.

Пусть жены будут в подчинении у своих мужей. 1Пет. 3:1.

См. также: Марк. 5:23; Рим. 12:9; 1Пет. 2:18.

i. В так называемой повелительной конструкции могут встречаться и прилагательные, хотя такие случаи, вне всякого сомнения, следует понимать как обычное употребление глагола *быть* в повелительном наклонении. Говоря о повелительной конструкции важно помнить, что причастие по своей сути не относится ни к изъявительному, ни к сослагательному, ни к повелительному наклонениям, ни к оптативу. Значение

*В русском языке такому причастию соответствует деепричастие. Прим. ред.

причастия устанавливается по контексту. «Причастие само по себе – это неличная (немодальная) форма, как и инфинитив, хотя порой и вовлекается в сферу модальности» (R. 946).

ii. Иногда нелегким делом является установить точное значение причастия, является ли оно, скажем, причастием определительным, именным, или же выступает в функции причастия времени, причины или образа действия. На первый взгляд проведенные различия между причастиями могут показаться произвольными, но если подойти тщательнее, эти различия, пусть в какой-то степени и приблизительные, все же отражают реальность.

Категория времени у причастий

202. Так называемое «время причастия» хотя и имеет относительное, а не абсолютное значение, тем не менее, причастие в контексте своего употребления предполагает временные отношения. Иными словами, причастие выражает реальное время не непосредственно, а грамматически, но опосредовано, через соотнесение с контекстом. «Время причастия имеет сугубо относительное значение» (R-S. 197). И ввиду того, что та или иная «временная» форма причастия скорее приспособлена к определенному контексту, мы часто видим, как автор в данном контексте предпочитает это «время» другим (см. Евр. 6:10). Не следует думать, что здесь есть какие-то строгие правила, тем не менее, наблюдения за языковой практикой показывают, что временные формы причастия в своем употреблении сохраняют до некоторой степени временное значение. Выражая вид действия, оно аналогично соответствующему времени личных глаголов.

В контексте своего употребления причастие обычно имеет три «времени», обозначая:

(1) Действие, предшествующее действию главного глагола. Для этого, как правило, задействуется причастие аористное или причастие перфектное. Однако часто аористное причастие обозначает действие, происходящее одновременно с действием основного глагола (Мат. 22:1), или даже происходящее после него (Евр. 9:12).

τοῦ δὲ πλήθους τῶν πιστευσάντων ἦν καρδία μία.

Было единение у множества уверовавших. Деян. 4:32.

См. также: Деян. 1:1; Мат. 28:5.

(2) Действие, происходящее одновременно с действием главного глагола. Здесь обычно используется причастие настоящего времени.

εὐσέβεια ὠφέλιμος ἐστὶν ἐπαγγελίαν ἔχουσα ζωῆς.

Благочестие полезно, неся с собой обетование жизни. 1Тим. 4:8.

См. также: Ин. 11:49; Рим. 12:3.

(3) Действие, происходящее после действия главного глагола. Оно обычно выражено причастием в будущем времени.

Μωϋσῆς μὲν πιστὸς εἰς μαρτύριον τῶν λαληθησομένων.

Моисей верно засвидетельствовал то, что надлежало сказать. Евр. 3:5.

См. также: Ин. 6:64; 1Кор. 15:37.

Причастие в описательном спряжении

203. Причастие в согласовании с личной формой глагола нередко используется для образования форм описательного спряжения. Такой способ выражения, встречающийся во всех языках, широко распространен и в греческом языке. Формы описательного спряжения встречаются во всех залогах и временах, но редко в аористе. Так, согласно Робертсону, в Новом Завете имеется лишь один случай употребления описательного аориста, а именно, ἦν βληθείς (*был брошенный*) в Лук. 23:19 (R. 375). Некоторые временные формы в греческом языке, напротив, образуются только описательным способом, например, медио-пассивный перфект в сослагательном наклонении и опативе. Из числа личных глаголов в описательном спряжении обычно задействуется εἰμί, наряду с γίνομαι и ὑπάρχω, а ἔχω может иногда

использоваться для образования перфекта (см. Лук. 14:18; 19:20) и плюсквамперфекта (Лук. 13:6). Более всего в Новом Завете распространен описательный имперфект.

Эту тему скорее следует рассматривать в разделе, отведенном морфологии, но поскольку описательная конструкция, безусловно, является одним из способов употребления причастия, мы предпочитаем обсудить ее здесь.

(1) **Описательное настоящее время** состоит из глагола εἰμί в настоящем времени и причастия настоящего времени. Описательная форма настоящего времени ярче акцентирует основное значение этого времени, а именно – длительное действие в настоящем. И ввиду того, что настоящее время не имеет формы, обозначающей аористное (точечное) действие, настоящее описательное время представляется весьма удобным способом выражения, и даже кажется несколько странным, что это время редко встречается в Новом Завете.

καθὼς καὶ ἐν παντὶ τῷ κόσμῳ ἔστιν καρποφοροῦμενον.

Как и во всем мире, оно плодоносит (собств.: есть плодоносящее). Кол. 1:6.

См. также: Мат. 27:33; 2Кор. 2:17.

(2) **Описательный имперфект** состоит из причастия настоящего времени и имперфекта глагола εἰμί. Описательный имперфект с совершенной отчетливостью обозначает длительное действие, хотя он и не является обязательной формой, поскольку изначально значение длительности было свойственно обычному имперфекту, который располагал также аористом для обозначения точечного действия в прошлом. Тем не менее, описательный имперфект широко употребляется в Новом Завете, и в этом, несомненно, есть след арамейского влияния.

καὶ ἦν διδάσκων τὸ καθ' ἡμέραν ἐν τῷ ἱερῷ.

И Он учил ежедневно (собств.: был учащим) в храме. Лук. 19:47.

См. также: Марк. 10:32; Гал. 1:22.

(3) **Описательное будущее время** образуется с помощью причастия настоящего времени и будущего времени глагола εἰμί. Поскольку обычное будущее время было по своему значению в основном аористным, описательная его форма оказалась очень удобной для выражения длительного действия в будущем.

ἀπὸ τοῦ νῦν ἀνθρώπους ἔσῃ ζωγρῶν.

Отныне ты будешь ловить (собств.: будешь ловящий) людей. Лук. 5:10.

См. также: Мат. 13:25; Лук. 21:17, 24.

Нередко мы встречаем согласование μέλλω с инфинитивом, и такого рода конструкцию также можно назвать описательным будущим (Рим. 8:18). Инфинитив в согласовании с θέλω по своему значению иногда приближается к “повелительному будущему времени” (R. 878). Впрочем, на первом плане почти во всех случаях с θέλω стоит именно решимость совершить действие.

(4) **Описательный перфект** образуется с помощью причастия перфекта и настоящего времени глагола εἰμί. Описательный перфект обычно выступает в усиливающей функции, однако ряд примеров отчетливо указывают на функцию завершенности (см. Вг. 40).

εἰ δὲ καὶ ἔστιν κεκαλυμμένον τὸ εὐαγγέλιον ἡμῶν.

Но даже если сокрыто наше благовестие. 2Кор. 4:3.

См. также: Лук. 20:6; Евр. 4:2.

(5) **Описательный плюсквамперфект** образуется с помощью имперфекта εἰμί и перфектного причастия. Подобно описательному перфекту, эта форма обычно имеет усиливающее значение, и только в нескольких случаях передает значение завершенности.

καὶ ἦν αὐτῷ κεχρηματισμένον ὑπὸ τοῦ πνεύματος τοῦ ἁγίου.

И было ему дано откровение от Духа Святого. Лук. 2:26.

См. также: Мат. 26:43; Деян. 21:29.

(6) *Перфектное будущее описательное* образуется с помощью будущего времени глагола ἐμί и перфектного причастия. В Новом Завете такая форма является обычным способом выражения перфектного будущего. Исключения редки и вызывают сомнения.

ἐγὼ ἔσομαι πεποιθὼς ἐπ' αὐτῷ.

Я положусь (собств.: буду положившимся) на Него. Евр.2:13.

См. также: Мат. 18:18; Лук. 12:52.

i. Языковеды видят в широком употреблении описательных конструкций в Новом Завете арамейское влияние. Знаменательно, что так много этих форм мы находим у Луки и прежде всего именно в тех местах, которые с наибольшей вероятностью базировались на арамейских источниках. Но вместе с тем, верно и то, что описательное спряжение является вполне греческим, так как оно широко употреблялось в классической литературе и в небиблейском койне. «Но только там, греческий текст основывается на арамейском источнике, имеет место чрезмерное употребление описательных конструкций, не столь уж частотной в эллинистических источниках» (М. 226)

ii. *Причастие независимое.* Эта тема уже рассматривалась в другом месте. Речь идет о согласовании причастия с именем существительным в родительном и винительном падежах, результатом чего является образование придаточных предложений, грамматически не связанных с другими членами предложения (см. §§ 90 (8), 96 (5)).

iii. *Отглагольные имена.* В греческом языке имеется ряд отглагольных имен, которые не могут быть отнесены к числу причастий, «поскольку у них нет ни времени, ни залога» (R. 1095). Речь идет об отглагольных именах на -τος и -теος. «В широком смысле, их, тем не менее, можно считать причастиями, так как они объединяют в себе черты, как глагола, так и прилагательного ... Отглагольные имена на -τος восходят к раннему индогерманскому периоду, где они были чем-то вроде страдательного перфектного причастия» (*там же*). Вместе с тем, Робертсон стремится показать, что у этих отглагольных образований, по сути, отсутствует категория залога. Хотя, быть может, изначально они выполняли ряд функций страдательной формы. Латинское страдательное причастие, по-видимому, указывает на возможность такого употребления. Но «даже в латыни слова типа *tacitus* с самого начала демонстрируют отсутствие категорий, как времени, так и залога у производного прилагательного» (М. 221). Если изначально отглагольное прилагательное и обладало некоторыми качествами страдательной формы, то это, скорее всего, было обусловлено собственным значением данного слова и в историческую эпоху исчезло. Так, ἄγνωστος означает *неизвестный*, а ἄπιστος, в свою очередь *неверующий*: в первом случае перед нами страдательный залог; во втором – действительный.

VI. Наречие

Ссылки: R. 544-552; R-S. 67; G. 136-139.

204. Подробное рассмотрение наречия – задача лексикологии и этимологии, тем не менее исключительно важное место этой части речи в структуре предложения вообще и в толковании Нового Завета в частности делает такое рассмотрение необходимым. В противном случае изложение новозаветного синтаксиса нельзя считать исчерпывающим. Вместе с тем это рассмотрение будет достаточно кратким, касаясь по необходимости как этимологических, так и лексикологических вопросов.

Природа наречия

205. Наречие важно для точного определения и описания предмета речи; оно, кроме того, напрямую апеллирует к нашему воображению через наглядные, яркие и живописные образы. Как по форме, так и по функции наречия тесно связаны с прилагательными. Так, например, καλῶς отличается от прилагательного καλός только долготой гласного в последнем слове. Как и прилагательное, наречие уточняет значение слова. Однако, в отличие от прилагательных, которые употребляются почти всегда в согласовании с существительным, наречия обычно ближе определяют значение глаголов, наречий, прилагательных и только в редких случаях – существительных. Наречие выступает в функции обстоятельства времени, места, образа действия или указывает на степень выраженности признака. В связи с этим, наречия естественным образом отвечают на вопросы: *когда, где, как, насколько*, а иногда *до какой*

степеню; например, νῦν - теперь; ἐκεῖ - там; καλῶς - хорошо; πόσον - как много; τῶν ὑπεολίαν ἀποστόλων - весьма по-апостольски.

Сфера употребления наречий

206. Термин "наречие" является настолько общим по своему характеру, что приложим к самым различным грамматическим формам. В широком, неспециальном смысле, все предлоги, союзы, частицы и междометия являются наречиями. Гилз (Giles) верно подметил, что: "Нельзя провести четких границ между наречием и предлогом", и "ввиду этого предлог является всего лишь наречием, приспособившимся к определенному употреблению". Рассматривая предлоги, мы уже обращали внимание на их грамматическую близость к наречию. Наречное значение союзов распространяется на придаточное предложение в целом, тогда как собственно наречия определяют собой как правило лишь одно слово. Так, например, ὅτε, *когда*, предполагает придаточное предложение, а τότε, *тогда, в то время*, выражает временные отношения, предполагающие одно слово или группу слов. Простейшие примеры: τότε λέγει αὐτοῖς, *тогда он говорит им*; οἱ τότε ἄνθρωποι, *люди того времени*. В самом деле, здесь в первом случае только процесс *говoreния*, а во втором только *люди* локализованы во времени. Частицы являются наречиями по происхождению и большей частью по употреблению. Тем не менее, сфера их функционирования в греческом языке строго ограничена и в связи с этим они нуждаются в особом названии. Мы рассмотрим их отдельно в другой главе. Междометия зачастую – просто наречия, употребляемые при восклицаниях. Робертсон приводит список "восклицательных наречий": ἄγε, δεῦρο, δεῦτε, ἔα, ἴδε, ἴδου, οἶα, ὦ, упоминая и другие междометия, имеющие, возможно, схожее значение.

Образование наречий

207. Наиболее общеупотребительный и простой способ образования наречия заключается в том, что у прилагательного в положительной степени в родительном падеже множественного числа конечное ν заменяется на ς. Ударение остается прежним. Например:

φίλος, <i>прекрасный</i> ;	род. п., мн. ч.: φίλων;	наречие: φίλως.
καλός, <i>хороший</i> ;	род. п., мн. ч.: καλῶν;	наречие: καλῶς.
πᾶς, <i>все</i> ;	род. п., мн. ч.: πάντων;	наречие: πάντως.
ταχύς, <i>быстрый</i> ;	род. п., мн. ч.: ταχέων;	наречие: ταχέως.

Наречия по своей форме восходят к различным частям речи. Однако большая часть наречий – это производные от фиксированных падежных форм имен существительных, местоимений и прилагательных.

(1) Наречия, образованные от фиксированных падежных форм.

а) Винительный падеж. В Новом Завете винительный падеж все еще сохраняет свое наречное значение. Примеры наречного винительного падежа мы уже приводили выше в соответствующем параграфе. Вместе с тем, некоторые имена существительные, которые особенно часто употреблялись в форме винительного наречного, перешли в разряд наречий, например, πέραν, *по ту сторону*; δωρεάν, *даром*; χάριν, *ради, в угоду*. Кроме того, в функции наречий часто выступал винительный падеж единственного и множественного числа от формы среднего рода прилагательного в сравнительной и даже превосходной степени; например, πολὺ, *много*; πλησίον, *близко*; μᾶλλον, *больше*; ὕστερον, *после*; πρότον, *сперва*; μάλιστα, *особенно*. Иногда наречное значение получал артикль в согласовании с прилагательным среднего рода; например, τὸ πρότερον, *прежде*; τὸ λοιπόν, *наконец*; τὰ πολλά, *главным образом*.

б) Косвенные падежи существительных и местоимений.

- (а) *Отложительный* падеж. Робертсон высказал мнение, что все наречия на -ως восходят к форме отложительного падежа. Так, он полагает, что καλῶς, например, развилось из первоначального καλῶδ, где δ перешла в с.
- (б) *Родительный* падеж. Есть ряд наречий, имеющих окончания родительного падежа: αὐτοῦ, *там*; ὁμοῦ, *вместе*; ὅπου, ποῦ, *где*; τοῦ λοιποῦ (Гал. 6:17), *наконец*.
- (в) *Местный* падеж. Наречий с окончаниями местного падежа не так много. В греческом языке классического периода часто встречается ποῖ, совершенно отсутствующее в Новом Завете, где, мы, тем не менее, находим ἐκεῖ, *там*; κύκλῳ, *вокруг*; πρῶί, *рано*.
- (г) *Инструментальный* падеж. Ввиду того, что этот падеж изначально указывал на способ или инструмент действия, то вполне естественно, что он внес свой специфический вклад в образование наречий. Подписная йота, отличающая многие формы инструментального падежа, исчезла из употребления в архаическом греческом языке за несколькими исключениями. К инструментальному падежу восходят следующие наречия: ἅμα, *вместе*; ἄνω, *вверх*; ἐκῆ, *тицетно*; ἔξω, *без*; κρυφῇ, *тайно*; περὶ, *пеишом*.
- (д) *Дательный* падеж. Языковеды не видят наречий, которые бы восходили к этому падежу. Впрочем, некоторые приводят ряд примеров, относящихся, по их мнению, именно к дательному падежу: πάλα, *прежде*; σπουδῇ, *усердно*; χάμα, *внизу*, *на земле*.
- (2) Наречия, образованные суффиксальным способом.** За некоторыми исключениями наречные суффиксы означают:
- а) -ι, -σι, -ου место, в ответ на вопрос “где”; например, ἐκεῖ, *там*; πέρυσι, *в прошлом году*; ὅπου, *где*.
- б) -θεν – место, в ответ на вопрос “откуда”; например, ἐντεῦθεν, *отсюда*; ἄνωθεν, *сверху*.
- в) -δε, -σε показывают направление, отвечая на вопрос “куда”; например, ἐνθάδε, *сюда*; ἐκεῖσε, *туда*.
- г) -τε обозначает время; например, ὅτε, *когда*; πότε, *некогда*; τότε, *тогда*.
- д) -ως – образ действия; например, δικάίως, *справедливо*; ταχέως, *быстро*.
- е) -ις, -κις – суффиксы наречий-числительных; например, δίς, *дважды*; τρίς, *трижды*; πολλάκις, *много раз*, *часто*.
- ж) Значение других суффиксов остается не вполне ясным; например -δην, -δον, -ка, -кас, -τι, -σσι.
- (3) Наречия отглагольные.** Отглагольных наречий всего несколько, и все они первоначально были императивами; например, ἄγε и δεῦτε, *сюда*; ἴδε и ἰδοῦ, *смотри*; ὅφελον, *о, если бы*.
- (4) Наречия-приставки.**
- а) ’Α- и ἄν- (от ἄνευ, *без*) передает значение отрицательной частицы (предлога) *не* или *без*; например, ἄ-γαμος, *неженатый*; ἄ-γνωστος, *неизвестный*; ἄν-ἄξιος, *недостойный*; ἄν-υδρος, *безводный*.
- б) Δυσ- означает затруднение или проблему; например, δυσ-βάστακος, *неудобоносимый*; δυσ-νόητος, *непонятный*.
- в) Εὖ- *благо* или *хорошо*; например, εὖ-γενής, *благородный*; εὖ-δοκία, *благомыслие* или *благоволение*; εὖ-λογία, *благословение* или *хвала*.

Степени сравнения наречий

208. Степени сравнения наречий в большинстве случаев образуются по тем же правилам, что и степени сравнения прилагательных. По способу образования степеней сравнения наречия можно разделить на три группы.

(1) Большинство наречий, оканчивающихся на -ως в положительной степени, в сравнительной и превосходной степени получают окончания прилагательных. Это значит, что они при образовании сравнительной и превосходной степени присоединяют, соответственно, окончания (со степенным суффиксом) единственного и множественного числа прилагательных среднего рода -τερον и -τατα.

Положительная	Сравнительная	Превосходная
ἀσφαλῶς, безопасно	ἀσφαλέτερον, безопаснее	ἀσφαλέστατα, безопасней всего
δικαίως, справедливо	δικαιότερον, справедливее	δικαιότατα, справедливей всего
ἰσχυρῶς, сильно	ἰσχυρότερον, сильнее	ἰσχυρότατα, сильней всего
φοβερῶς, страшно	φοβερότερον, страшнее	φοβερότατα, страшнее всего

(2) Наречия другой группы получают -τέρω в сравнительной и -τάτω в превосходной степени. Прежде всего это касается наречий, оканчивающихся в положительной степени на -ω.

Положительная	Сравнительная	Превосходная
ἄνω, вверх	ἄνωτέρω, выше	ἄνωτάτω, выше всего
κάτω, вниз	κατωτέρω, ниже	κατωτάτω, ниже всего
πόρρω, далеко	πορρωτέρω, дальше	πορρωτάτω, дальше всего

(3) Все оставшиеся наречия образуют степени сравнения различными способами. Вместе с тем, многие из этих наречий получают в сравнительной степени окончание -ον.

Положительная	Сравнительная	Превосходная
ταχέως, быстро	τάχειον, быстрее	τάχιστα, быстрее всего
ἡδέως, сладко	ἡδιον, слаще	ἡδιστα, всего сладостней
ἐγγύς, близко	ἐγγύτερον, ближе	ἐγγιστα, ближе всего
μάλα, очень	μᾶλλον, больше	μάλιστα, больше всего

Соотносительные местоименные наречия

	Указательное	Относительное	Неопределенно-относительное	Неопределенное	Вопросительное
Времени	πότε, тогда νῦν, сейчас	ὅτε, когда ἥνικα, когда	ὅταν, когда-либо	ποτέ, некогда	πότε; когда?
Места	αὐτοῦ, здесь ὧδε, здесь	οὕ, где	ὅπου, где	πού, где-то	πού; где?
	ἐντεῦθεν, прочь ἐκείθεν, отсюда	ὅθεν, откуда			πόθεν; откуда?
	ἐκεῖ, туда ἐνθάδε, сюда				
Образа действия	οὕτως, так, таким образом	ὥς, в качестве	ὅπως, как	πώ(ς), как-нибудь	πῶς; как?

VII. Союзы

209. Союз – это часть речи, служащая для соединения между собой предложений, придаточных предложений, словосочетаний и отдельных слов. Союзы могут выступать в функции формальной связки, не вносящей в значение соединяемых слов какого-либо дополнительного смыслового оттенка. Типичный пример связки - союз τῆ. Союз καί в большинстве случаев своего употребления так же выполняет функции связки. Тем не менее, некоторые союзы, присоединяя слова или группы слов, воздействуют также и на их значение. К этим союзам относятся ἵνα и ὥστε. Знание основных особенностей употребления и оттенков значения греческих союзов крайне важно для правильной интерпретации текстов

Нового Завета. Поворотные моменты в изложении, характеризующие развитие мысли, обычно обозначены союзом. По союзу зачастую можно судить о значении вводимого им предложения или даже целого абзаца, которым союз сообщает соответствующую окраску. Кроме того, ввиду многозначности греческих союзов – явления, свойственного также древнееврейскому и латинскому языкам – союз может иметь несколько значений, каждое из которых требует отдельного и тщательного рассмотрения.

210. В данной главе мы рассматриваем только те союзы, которые представляют собой наибольшие трудности. Мы специально приводим их в алфавитном порядке, а не классифицируем по группам, так как значения этих союзов пересекаются. Союзы, которые здесь не упомянуты, достаточно подробно описываются в словарях, предназначенных для практического использования.

Ἀλλὰ

211. Этот союз обладает ярко выраженным противительным значением. Как правило, он означает **но, однако**, например в Мат. 5:17, οὐκ ἦλθον καταλῦσαι ἀλλὰ πληρῶσαι, *Я пришел не разрушить, но исполнить* (см. Мк. 5:39; 9:22, 37). В Мк. 4:22 его вполне можно перевести **разве что, кроме как**: οὐ γάρ ἐστιν κρυπτόν ἐὰν μὴ ἵνα φανερωθῇ, οὐδὲ ἐγένετο ἀπόκρυφον ἀλλ' ἵνα ἔλθῃ εἰς φανερόν, *ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не сокрыто, разве что затем, чтобы сделаться явным*. Стоит отметить, что в приведенном выше предложении ἀλλὰ по своему значению близко к ἐὰν μὴ. «Таким образом, имеются случаи, где ἀλλὰ = кроме как» ,Моултон и Миллиган, *Словарь греческого Завета*; см. Мат. 20:23). То же самое, в Лук. 12:51 и 2 Кор. 1:13 ἀλλὰ ἢ = кроме как, разве что. Однако и в ряде других мест значение ἀλλὰ является чисто эмфатическим. И хотя в этом случае союз обычно переводится как *же*¹, такой вариант не всегда является наилучшим, даже тогда, когда ἀλλὰ без сомнения выполняет утвердительную или эмфатическую функцию.

В самом деле там, где обычно ἀλλὰ переводится как противительный союз, его следует переводить, исходя из его эмфатической функции. В 1 Кор. 4:15, перевод ἀλλὰ как **несомненно** прекрасно соответствует контексту: “Ибо, хотя у вас десять тысяч наставников во Христе, у вас, **несомненно**, не много отцов”. То же значение имеет ἀλλὰ в 1 Кор. 9:2: “Если для других я не апостол, уж для вас то, **несомненно**, апостол”. Свойственное ἀλλὰ эмфатическое значение близко соответствует нашему **на самом деле** в Деян. 19:2, “Они же сказали ему: **на самом деле**, мы и не слышали, есть ли Дух Святой”, или в Еф. 5:24, “**На самом деле**, как церковь повинуетя Христу, так и жены своим мужьям”; также в 1 Кор. 3:3, “**На самом деле**, и теперь не в силах, потому что вы еще плотские” (Дж. Р. Мантей, журнал *Толкователь* (Лондон), Т. XXIII, стр. 376; см. Ин. 4:23; 7:27; 8:26; 1 Кор. 4:3; 2 Кор. 1:13; 3:15; Фил. 3:8).

Ἰα

212. Этот союз всегда употребляется постпозитивно. В большинстве случаев он имеет значение некоего итога или заключения, иными словами вводит заключительное по смыслу предложение. Тем не менее, в сравнении с οὖν или διό он выглядит более субъективным и непрямым. С учетом этого Ἰα может переводиться **поэтому, в таком случае, итак** и т.п.: Гал. 3:7, γινώσκετε Ἰα ὅτι οἱ ἐκ πίστεως, οὗτοι υἱοὶ εἰσιν Ἀβραάμ, *итак познайте, что верующие суть сыны Авраама* (см. Рим. 7:21; 8:1; 10:17). Обыкновенно Ἰα выступает в функции союза, за исключением нескольких случаев, когда Ἰα по своему значению ближе к нашему **возможно, в самом деле**. Такой перевод отражает эмфатическое значение союза, подчеркивая неопределенность высказывания.

Тем не менее в Новом Завете, равно как и в других памятниках греческой литературы,

¹ Здесь и далее в приведены варианты из русского синодального перевода. (*Прим. перев.*)

налицо множество примеров, подтверждающих, что этот союз часто берет на себя функцию эмфатической частицы. При этом, мы не считаем, что обремененное ударение на первом слоге необходимо нашему союзу, когда с него начинается вопрос. В самом деле, если мы рассматриваем ἄρα как эмфатическую частицу, то такая трактовка лишь еще более проясняет значение вопросительного, в точности соответствуя контексту. См. Деян. 8:30, ἄρα γέ γινώσκεις ἃ ἀναγινώσκεις; в самом ли деле ты понимаешь то, что читаешь? Геродот также употребляет ἄρα в эмфатическом значении, что видно из следующего примера: ὥς δὲ οὐκ ἔπειθεν ἄρα τὸν ἄνδρα, δεύτερα λέγει ἡ γυνὴ τὰδε, но, поскольку, она и в самом деле не убедила своего мужа, во второй раз эта женщина говорила так. В свою очередь, Дж. Бонд и А.С. Уолпоул (J. Bond, A.S. Walpole) переводят ἄра как «действительно» в своих «Избранных произведениях Лукиана». Примеры из папирусов с эмфатическим ἄра приводятся в «Словаре греческого Завета» Моултона и Миллигана. Для одного из этих примеров ими предлагается перевод в самом деле. Кроме того, еще одно эмфатическое ἄра дают Papyri Oxyrhynchus, I, 113:28. В Деян. 12:18, где этот союз вообще не поддается переводу, ἄра, тем не менее, по своему значению не является заключительным. Ввиду этого, в плане лучшего понимания смысла предложения, ἄра здесь следует интерпретировать скорее как союз усилительный или эмфатический: “Что же, действительно, стало с Петром?” Вообще есть три варианта перевода, всего лучше отражающие эмфатическое значение ἄра” в самом деле, возможно, действительно, при этом, последний из вариантов, быть может является наилучшим для Мат. 18:1. Таким образом, вполне уместен перевод: “Кто действительно больший в Царстве Небесном?” Равно и в Лук. 12:24: “Господь же сказал: кто действительно является верным и благоразумным домоправителем?” Следует обратить особое внимание на 1 Кор. 15:15, εἴπερ ἄρα νεκροὶ οὐκ ἐγείρονται, если же мертвые действительно не воскресаются. Еще ряд мест Нового Завета, где союз ἄра может иметь эмфатическое значение: Мат. 7:20; Деян. 8:22; 11:18; 2 Кор. 1:17; Евр. 12:8 (Дж. Р. Мантей, журнал Толкователь (Лондон), Т. XXIII, стр. 377-378).

Γάρ

213. Кюннер дает следующую общую сводку значений союза γάρ: «Γάρ может означать: (а) обоснование или причину, (б) пояснение, (в) подтверждение или заверение, следовательно, может переводиться как (а) **ибо**, (б) **а именно, например**, (в) **в самом деле, действительно**» (Грамматика греческого языка - Kühner: *Grammar of the Greek Language*, стр. 1186). Он употребляется постпозитивно и образуется сложением двух слов - γέ и ἄра.

(1) Всего чаще этот союз употребляется в *резюмирующем* смысле, обозначая причину. В таком случае он переводится как **ибо** и т.п. Однако так γάρ переводят, пожалуй, слишком часто. С толку здесь сбивают и словари, и переводы Нового Завета, где этот союз, как правило, предлагают переводить как **ибо** или **потому то**, и только в нескольких местах, где γάρ имеет ярко выраженное эмфатическое значение, он переводится как эмфатическая частица (например, Рим. 8:7; 15:27).

В Рим. 8:18 и далее он получает причинное значение; см. Мат. 1:21, «Ты наречешь Ему имя Иисус, *ибо Он спасет народ Свой* (αὐτὸς γὰρ σώσει τὸν λαὸν αὐτοῦ)». С аналогичным употреблением мы сталкиваемся и там, где γάρ всего лучше переводится междометиями *ну, да ведь* и т.п.; Мат. 27:23, τί γὰρ καὶν ἐποίησεν, он сказал: *Ну, и какое же зло Он сделал?* Ин. 9:30, ἐν τοῦτῳ γὰρ τὸ θαυμάσιόν ἐστιν, *Да ведь это же удивительно*.

(2) В соответствии с контекстом γάρ выступает в *пояснительной* функции в следующих местах: Мат. 9:5, «Для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? *Например* (γάρ), что легче сказать: прощаются твои грехи ...»; Лук. 14:27, 28, «и кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником. *Например* (γάρ), кто из вас, желая построить башню ...» Наши **итак** или **и вот** во многих случаях передают значение пояснительного γάρ лучше,

чем *например*; см. 1 Кор. 11:6-7, “А если жене стыдно быть остриженной, пусть покрывается. *Итак* (γάρ) муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия”; 1 Кор. 10:1, «*Итак* я не хочу оставить вас, братья, в неведении». То же и в Ин. 4:8, 44; Деян. 13:36; 18:3; 19:37; 20:16; 1 Кор. 11:19; 2 Кор. 1:12.

(3) Помимо этого, несомненно, имеется ряд случаев употребления γάρ в эмфатической функции. Так, Лидделл и Скотт (Liddell, Scott) вопросительное: ἀλλὰ γάρ переводят как «но действительно» или «конечно». Бласс в качестве вариантов предлагает *да, воистину, в самом деле*. Напротив, в Деян. 8:31 переводчик и вовсе отказывается от всяких попыток точно перевести γάρ, поскольку этот союз вместе с вместе с оптативом призван передать здесь всю безнадежность стараний евнуха постичь смысл Писания. Евнух, в ответ на вопрос, понимает ли он, что читает, восклицает: «Как же, в самом деле (γάρ), я могу разуместь, если кто не наставит меня?» Следует обратить внимание и на Деян. 16:37, «Нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? Ну, уж нет! (οὐ γάρ)». Деян. 4:16, «Что нам делать с этими людьми? Потому что, в самом деле, явное чудо (ὅτι μὲν γάρ γνωστὸν σημεῖον) сделано ими, и это всем известно». Деян. 19:35, «Мужи Ефесские, какой человек, в самом деле, не знает?» (см. Деян. 4:34; 1 Кор. 5:3; 11:22; 2 Тим. 2:7).

Δέ

214. Этот союз употребляется в постпозитивно. (1) Обычно он выступает в *противительной* функции и по большей части переводится как *но, а, однако, с другой стороны, же* и т.п. Мат. 6:15, ἐὰν δὲ μὴ ἀφῆτε, *но если вы не простите*; Мат. 5:22, ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν, *Я же говорю вам* (см. также: Мат. 6:6, 20, 23). (2) Δέ широко употребителен и как *соединительный* союз, и переводится в таком случае как *и, сверх того, тогда, итак, же* и т.д. В этом соединительном значении δε тридцать восемь раз встречается у Матфея в родословии (ср. Ин. 7:2, «*Итак* (δέ) приближался праздник Иудейский»; также Лук. 4:1; Рим. 3:2). (3) Употребление δε в *пояснительном* значении напрямую вытекает из значений союза, рассмотренных выше. Ин. 3:19, «*Итак* (δέ) это есть суд, а именно, что свет пришел в мир»; 1 Кор. 1:12, «*И вот* (δέ) я говорю это, потому что каждый из вас говорит ...» (см. Ин. 6:6; 1 Кор. 14:6; Еф. 2:4; 5:32). (4) Тем не менее, у союза де имеется еще один способ употребления, являющийся предметом обсуждения в узком кругу ученых-эллинистов. Речь идет об *усилительной* или *эмфатической* функции де, что позволяет переводить его как *в самом деле, действительно, в сущности, же*. Следует обратить внимание на его эмфатическое значение в Деян. 3:24, καὶ πάντες δὲ οἱ προφῆται κατήγγειλαν τὰς ἡμέρας ταύτας, *и, в сущности, все пророки ... возвестили эти дни* (см. Мат. 23:4; Ин. 8:16; Деян. 13:34; 1 Ин. 2:2).

Διό

215. Союз διό означает прежде всего вывод или логическое заключение. Он образовался в результате слияния предлога διὰ с ὅ - формой среднего рода относительного местоимения. Переводится διό обычно как *в следствие чего* или *по этой причине*. Мат. 27:8, διὸ ἐκλήθη τὸ ἄγρὸς ἐκεῖνος Ἀγρὸς Αἵματος, *по этой причине и было названо поле то «поле крови»* (см. Лук. 1:35; 7:7; Рим. 1:24). Моултон и Миллиган (*там же*) в одном папирусном фрагменте (108 г.) переводят διό как *поэтому*, διὸ ἐπιτελεῖτε ὡς καθήκει, *поэтому выполни дело, как полагается*. По-видимому, перевод *поэтому* действительно в некоторых случаях больше подходит по контексту, чем *по этой причине*, однако только фанатик грамматической точности будет настаивать на первом варианте в противовес второму (см. 2 Кор. 4:13, ἐπίστευσα διὸ ἐλάλησα, *я верил, поэтому сказал*). Часто встречается синонимичное этому союзу выражение – διὰ τοῦτο – *в силу этого* (см. Рим. 1:26; 4:16). Διότι употребляется дважды (1 Кор. 8:13; 10:4) представляя собой, по-видимому, усилительную форму διό, что соответствует нашему *по*

этой самой причине. Другой союз, производный от διό, διότι, означает *потому что* или *ибо* (см. Лук. 1:13; 2:7; Рим. 1:19, 21).

Ἐάν

216. Ἐάν представляет собой сочетание εἰ с ἄν и переводится обычно как «если». Исходя из функции частицы ἄν¹ (см. *Частицы*), имеющей значение неуверенности или ожидания, легко понять, почему Ἐάν употребляется именно с наклонением ожидания, то есть с сослагательным наклонением. Ἐάν вводит придаточное предложение условно-футуральное (отнесенное к будущему). Это значит, что условие, вводимое Ἐάν, мыслится в достаточной степени неопределенным, в сравнении, например, с условием, вводимым простым εἰ. «Различие между Ἐάν и εἰ значительно сгладилось в греческом языке эпохи эллинизма, в результате чего мы довольно часто встречаем Ἐάν с индикативом, как, скажем, в Лук. 19:40; Деян. 8:31; 1 Фес. 3:8; 1 Ин. 5:15» (Моултон и Миллиган: *там же*). Сочетание εἰ ἄν нередко передается на письме как ἄν и переводится *если*, как и в случае, когда оно передается как Ἐάν. В свою очередь, Ἐάν часто употребляется в значении ἄν, соответствуя нашему *бы*. Этот союз часто встречается в согласовании с относительными местоимениями и наречиями, получая значение обобщения или неопределенного ожидания, например, Марк. 13:11, **что бы ни**. Подробнее об ἄν будет сказано в разделе «Частицы». Ἐάν μή равно как и εἰ μή обычно переводят *если не* (см. 1 Кор. 14:6; Откр. 2:22). Присущее Ἐάν значение неопределенного ожидания в будущем, порой проецируется на время в той же степени, что и на явления. В таких случаях Ἐάν переводится *когда бы ни* (см. 1 Ин. 3:2, οἶδαμεν ὅτι ἔαν φανερωθῇ, ὅμοιοι αὐτῷ ἐσόμεθα, *мы знаем, что когда бы ни был Он явлен, мы будем подобны Ему*; Ин. 8:16, καὶ ἔαν κρίνω δὲ ἐγώ, ἡ κρίσις ἡ ἐμὴ ἀληθινὴ ἐστίν, *и когда бы Я ни судил, Мой суд истинен*; 2 Кор. 13:2, προλέγω ... ὅτι ἔαν ἔλθω εἰς τὸ πάλιν οὐ φείσομαι, *я предрекаю, что когда бы я ни пришел снова, я не пощажу*).

Εἰ

217. Этот союз означает *если* (в тех случаях, когда он вводит условное предложение) и *ли* (если он вводит косвенный вопрос). За несколькими исключениями он всегда употребляется с изъявительным наклонением, предполагая либо реально-выполнимое условие, либо его невыполнимость, в случае, если оно противоречит действительности. Когда εἰ вводит прямой вопрос, союз следует оставить без перевода (как и в случае с ὅτι, вводящим прямую речь; см. Лук. 22:49, κύριε, εἰ πατάξομεν ἐν μαχαίρῃ; *Господи, мы ударим мечом?* См. также: Мат. 12:10; Лук. 13:23; Деян. 1:6; 19:2). После выражений, означающих удивление, εἰ лучше переводить нашим **что**, как в Марк. 15:44, «Пилат удивился, **что** Он уже умер» (см. также: 1 Ин. 3:13; Лук. 12:49). Необычным и редким способом употребления εἰ является его употребление в качестве μή (εἰ заменяет μή в Евр. 3:18). Эта специфическая функция εἰ объясняется тем, что в древнееврейском языке условная частица тоже иногда подменяла собой отрицательную (см. Марк. 8:12, ἀμὴν, λέγω εἰ δοθήσεται τῇ γενεᾷ ταύτῃ σημεῖον, *истинно говорю, не будет дано роду сему знамение*). В Септуагинте случаи употребления εἰ вместо μή встречаются в Быт. 14:23; Чис. 14:28 (см. также: Евр. 3:11; 4:3).

Эта частица также дает множество производных. Так, например, εἴπερ (1 Кор. 8:5) и εἰ καί (Кол. 2:5) означают *хотя*. Однако εἴπερ в 1 Кор. 15:15 получает другое значение: ὃν οὐκ ᾔγασεν εἴπερ ἄρα νεκροὶ οὐκ ἐγείρονται, *Которого Он не воскресил, если мертвые поистине не воскресаются*. В свою очередь и εἰ καί может переводиться *даже если* или *также если*. Сочетание εἰ μή может означать *если не, пока не, кроме как* (Марк. 9:29; 1 Кор. 8:4), но в Гал. 1:7 и Откр. 21:27 оно означает *только*. Близкое к рассмотренному εἰ δὲ μή (Марк. 2:21, 22)

¹По своему значению частица ἄν очень близка к русской частице *бы*.

означает *иначе*. В Деян. 27:12 и Рим. 1:10 сочетание εἰ πῶς, по-видимому, соответствует нашему *если вообще возможно*. Требуется пояснения специфическое употребление εἰ с неопределенными местоимениями, которое обычно никак не отражается ни в переводах Нового Завета, ни в словарях (Робертсон обсуждает его на стр. 956). В самом деле, сочетания εἰ τι или εἰ τις синонимичны ὅ τι или ὅς τις (см. *Анабасис* Ксенофонта, I, 5:1; I, 6:1). Следует обратить внимание на перевод Фил. 4:8, “Все что достославно, *все что* добродетель и *все что* похвала, о том помышляйте”. Здесь Павел сначала перечисляет частности, а затем обобщает. Высказывание Закхей в Лук. 19:8 в свою очередь следует переводить: “*Что бы я ни* взыскал с кого-либо неправильно, воздам в четверо” (см. также: Мат. 18:28; Марк. 4:23; 8:34; Рим. 13:9; 2Кор. 2:10; 7:14).

’Επεὶ

218. ’Επεὶ - один из наиболее распространенных причинных союзов, он соответствует нашим *так как* и *потому что* (см. Евр. 5:2, “*Так как* он тоже сломлен немощью”; Мат. 18:32, “Злой раб, весь долг я простил тебе, *потому что* ты упросил меня”; см. также: Мат. 21:46; 27:6). В некоторых выражениях ἐπεὶ означает *в противном случае* или *иначе* – как, например, в Евр. 9:26, “*В противном случае* надлежало бы Ему многократно страдать” (см. также: Рим. 11:6, 22). В вопросительном предложении Рим. 3:6, в свою очередь, вполне приемлем перевод *в таком случае*, ἐπεὶ πῶς κρινεῖ ὁ θεὸς τὸν κόσμον, *как в таком случае Бог будет судить мир?*

’Η ... ἥ

219. Эти союзы являются коррелятивными (взаимосоотносящимися) и соответствуют нашим *или ... или* (Мат. 12:33). Впрочем иногда задействуется только одна ἥ (Лук. 20:4). Очень близка по значению к указанной конструкция εἴτε ... εἴτε (1 Кор. 3:22) и εἴαν τε ... εἴαν τε (Рим. 14:8), *ли ... ли*. Отрицательная коррелятивная частица *ни ... ни* встречаются в следующих вариантах: οὐκ ... οὐδέ (Деян. 8:21); οὐδέ ... οὐδέ (Откр. 9:4); οὐδέ ... οὐτε (Гал. 1:12); οὐτε ... οὐτε (Деян. 24:12); μή ... μηδέ (Ин. 4:15); μηδέ ... μηδέ (Мат. 10:10); μηδέ ... μήτε (2 Фес. 2:2); μήτε ... μήτε (Мат. 5:35);

’ἵνα

220. ’ἵνα всего чаще употребляется в придаточных предложениях цели или в придаточных требования, обычно – с сослагательным наклонением и всего в нескольких случаях – с оптативом. В случае если ἵνα указывает на цель действия, его полный перевод в случае обозначения цели – *для того чтобы*, но часто мы встречаем просто *чтобы*. Отрицательная частица μή может ставиться при ἵνα, если предложение содержит в себе отрицание, например в Мат. 7:1, ἵνα μὴ κριθῆτε, *для того чтобы вы не были судимы*; в свою очередь μή может употребляться и без ἵνα, как в Марк. 13:36, μὴ εὕρῃ ὑμᾶς καθεύδοντας, *чтобы он не нашел вас спящими*. Помимо придаточных требования или цели ἵνα в Новом Завете часто употребляется в придаточных предложениях дополнительных. Нередко ἵνα синонимичен ὅτι. В таких случаях ἵνα следует переводить *что* или *чтобы*. В таком значении ἵνα встречается после глаголов заботы, стремления, желания, говорения и т.п. (см. Марк. 7:26, καὶ ἡρώτα αὐτὸν ἵνα τὸ δαίμονιον ἐκβάλῃ ἐκ τῆς θυγατρὸς αὐτῆς, *и она просила Его, чтобы Он изгнал беса из ее дочери*). Кроме того, во многих случаях предложение, вводимое ἵνα может переводиться просто инфинитивной конструкцией, например, “*изгнать беса*” (см. Ин. 4:47). Наряду с этим, ἵνα может вводить придаточные предложения изъяснительные, например 1Ин. 5:3, αὕτη γάρ ἐστιν ἡ ἀγάπη τοῦ θεοῦ, ἵνα τὰς ἐντολὰς αὐτοῦ τηρῶμεν, *ибо это есть любовь к Богу, (а именно) что мы соблюдаем Его заповеди*; Ин. 13:34, ἐντολὴν καίνην δίδωμι

ὑμῖν, ἵνα ἀγαπᾶτε ἀλλήλους, *заповедь новую Я даю вам, (а именно) чтобы вы любили друг друга*. Кроме того, мы встречаем ἵνα, в придаточном предложении следствия, где ἵνα переводится **так что**, но в придаточном следствия ἵνα встречается редко и такие случаи относятся, как правило, к позднему койне (см. Ин. 9:2, “Равви, кто согрешил, он или родители его, *так что* он родился слепым?”; Откр. 3:9, “ἵνα ἤξουσιν καὶ προσκυνήσουσιν ἐνώπιον τῶν ποδῶν σου, *так что* они придут и поклонятся перед твоими ногами” (см. также: Гал. 5:17; 1Ин. 1:9; Откр. 9:20)). Мы, таким образом, согласны с утверждением Эбботта-Смита (Abbott-Smith) в его *Словаре*: “У поздних авторов данный союз означает следствие и является синонимом ὥστε, *что, так что*: Рим. 11:11; 1 Кор. 7:29; 1 Фес. 5:4 и др.; также он используется в формулах закланий, ἵνα πληρωθῇ; Мат. 1:22; 2:15; 4:14; Ин. 13:8 и др.”. Необычным является употребление ἵνα в Марк. 5:23 и 2 Кор. 8:7, где по своему значению он близок к логическому выводу, а наиболее подходящим переводом будет **так**. Более того, его можно даже перевести как **когда** в Ин. 16:32! Специально рассмотрев сочетание ἵνα τί в Септуагинте (см. Исх. 2:20; 5:4, 15, 22; Пс. 10:1; Ис. 55:2) мы приходим к выводу, что это сочетание означает *зачем* и соответствующим образом должно переводиться в Мат. 9:4; Лук. 13:7; 1 Кор. 10:29, а также в любом другом месте, где встречается (см. Пс. 2:1, ἵνα τί ἐφύλαξαν ἑθνη, *зачем разбушевались язычники?*).

Καί

221. Καί - самый часто встречающийся союз в Новом Завете. Взятые наугад пять страниц из текста Весткотта-Хорта показывают, что в среднем на одну страницу приходится по четырнадцать употреблений καί. Впрочем, следует заметить, что этот средний показатель получился завышенным, прежде всего, потому что одна из этих страниц была взята из Марка, где καί встречается необычно часто, в среднем более чем по разу на строку.¹ Обычно при изучении греческого языка возникают трудности с переводом καί, поскольку этот союз имеет множество разнообразных значений. Ввиду того, что он нередко выступает в простой, соединительной (связующей) функции, вопрос о том, какой перевод всего лучше соответствует контексту, порой остается на усмотрение читателя. Словарный запас грамотного человека эпохи эллинизма, как о том свидетельствуют папирусы, включал в себя лишь несколько союзов и καί был из них главным; но подобно современному среднему американцу, грек конечно же знал, как заставить эти союзы выполнять в его речи самые разнообразные функции.

(1) Значения καί обычно сводят к трем основным: соединительное значение, соответствующее нашему; эквивалентно **и**; присоединяющее значение – **также** и усиливающее, восходящее – **даже**. Поскольку в этом случае перевод очевиден, мы не будем терять время на примеры. Тем не менее, мы считаем, что такой перевод не охватывает всех способов употребления союза καί в Новом Завете, ввиду того, что имеется еще два основных значения, а именно, противительное и эмфатическое.

(2) Для иллюстрации противительного значения достаточно обратить внимание учащегося на ряд мест, где καί и так уже переводят как **но** (см. Ин. 16:32; 17:11). Здесь **однако** или **но** является, пожалуй, не просто хорошим, но лучшим вариантом перевода. Возьмем, например, Деян. 7:5, “И не дал ему на ней наследства ни на стопу ноги, **но** (καί) обещал дать ее во владение ему”. Сравни также Марк. 4:16-17, “Которые, когда услышат слово, тотчас с радостью принимают его, **но** (καί) не имеют в себе корня” (см. Мат. 7:23; Лук. 10:24; 13:17).

(3) Употребление καί в эмфатической функции не вызывает сомнения и наблюдается часто. В подтверждение этого нашего утверждения приведем цитату из Дж. Р. Манти (*там же*, Т. XXIII, стр. 381):

¹ В тексте USB⁴ καί встречается 9018 раз (в среднем по 10 раз на страницу), из них 1091 раз у Марка (в среднем по 14 раз на страницу). (Прим. перев).

«Итак, в связи с эмфатическим употреблением καί. То, что языковеды называют употреблением в восходящем (усиливающим) смысле, следует, на мой взгляд, расширительно трактовать как усиливающее или эмфатическое употребление. В подобных случаях этот союз следует переводить такими эмфатически окрашенными выражениями, как *в самом деле, поистине, действительно, в сущности, да, конечно* и т.д., а не только одним союзом *и*. Вариант перевода *и* вообще подходит далеко не к каждому контексту, где καί имеет восходящее или эмфатическое значение. Есть ли смысл ограничиваться одним стереотипным словом? Ввиду того, что переводчики относились с недоверием к иным отличным от стандартного переводам, в некоторых случаях они вообще не переводили καί, (как, например, не переводили его Гренфил и Хант (Grenfell, Hunt) в своих изданиях папирусов) ... В 1 Кор. 14:19 мысль говорящего становится яснее, если трактовать καί эмфатически: “Но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы я, *действительно* (καί), мог наставить других, нежели десять тысяч слов на [незнакомом] языке”. Кол. 4:3, “Возвещать тайну Христову, за которую, *в сущности* (καί), я в узах” (см. 1 Фес. 2:13, 19; Фил. 4:15; Кол. 3:8; Деян. 22:28), где καί, похоже, усиливает значение личного местоимения (см. также: Лук. 3:9, 18; 10:29; 11:18; 2 Кор. 4:3, 10, 11).

Сочетание καὶ γάρ в некоторых вариантах своего употребления, как в греческом языке классической эпохи, так и в Новом Завете, рассматривалось как эмфатическое. Подобным образом его переводят и у Моултона и Миллигана, *там же*: καὶ γάρ ἐγὼ ὁλος διαπονοῦμαι εἰ “Ἐλενος χαλκούς ἀπόλεσεν, *Я весьма расстроен тем, что Гелен потерял деньги*. В переводе καὶ γάρ иногда передают и как *ибо и* (1 Фес. 3:4; 4:10). Однако наше *в сущности*, пожалуй, даже лучше подходит к большинству контекстов (см. также: Лук. 22:37; 1 Кор. 12:13; 14:8; 2 Кор. 7:5).

ὅτι

222. По форме этот союз является просто средним родом неопределенно-относительного местоимения ὅ τι. **(1)** Очень часто он выполняет функции частицы, обозначающей причину - *потому что* или *ибо*. ὅτι в этом значении можно встретить в каждой из заповедей блаженства (см. Ин. 1:30, “За мною идет муж, который существовал до меня, ὅτι πρῶτός μου ἦν, *потому что Он был прежде меня*”; Лук. 6:20; Деян. 1:5). **(2)** Помимо этого, ὅτι весьма употребителен в качестве союза и вводит придаточные предложения дополнительные после глаголов полагания, говорения, видения, чувствования и т.д. (см. Марк. 3:28, “Истинно говорю вам, *что* (ὅτι) будут прощены ...” (см. Мат. 3:9; 6:32; 11:25; Лук. 2:49)). **(3)** В том случае, если ὅτι вводит прямую речь, он, как и εἰ в прямом вопросе вообще не нуждается в переводе, фактически, лишь указывая на цитату. Мат. 7:23, καὶ τότε ὁμολογήσω αὐτοῖς ὅτι οὐδέποτε ἔγνων ὑμᾶς, *и тогда Я объявлю им: “Я никогда не знал вас”* (см. также: Марк. 2:16; Лук. 1:61; Ин. 1:20). **(4)** В своей работе профессор Миллиган (*там же*) привлекает внимание еще к двум не вполне обычным способам употребления ὅτι: “При переводе Марк. 9:11, 28 ὅτι вполне правильно воспринимают синонимичным τί, *почему*; что же касается подобного употребления ὅτι в косвенных вопросах, смотри примеры в примечаниях на стр. 33 ... В 2 Кор. 5:19 ὥς ὅτι трактуется Блассом, *Грамматика*, стр. 321 и далее, как эквивалент аттического ὥς в сочетании с родительным самостоятельным (Vg. quasi), но в папирусах более позднего периода ὥς ὅτι часто просто означает *что*”.

οὖν

223. Составители словарей новозаветного греческого языка, большинство исследователей (за исключением Робертсона) и практически все комментаторы обычно полагают, что этот союз имеет лишь значение логического вывода, заключения (завершения). Однако, не так давно Дж. Р. Манти подготовил докторскую диссертацию на тему “*Значение οὖν в произведениях Иоанна*”, опубликовав результаты своих исследований в журнале *Толкователь*

(Лондон) в виде статьи, озаглавленной “Вновь обнаруженные значения οὖν”. Ввиду этого мы рассмотрим здесь этот союз довольно подробно, приводя вновь выявленные его значения.

(1) В тексте Весткотта-Хорта союз οὖν встречается четыреста девяносто шесть раз. Из них только приблизительно в двухстах случаях οὖν следует переводить как союз заключительный, используя наши: *поэтому, так, следовательно, тогда* и т.п. (см. Ин. 3:23; 4:5, 12, 33, 40). При этом, в тех случаях когда οὖν имеет значение заключения, вывода, то само это значение передается главным глаголом предложения, а не глаголом подчиненного придаточного предложения, и не инфинитивом или причастием. И вот, в силу того, что ранее этот союз трактовали только как союз заключительный, несколько раз как в AV, так и в RV οὖν переводили вопиюще неверно (см. (в AV и RV) Ин. 18:24; 20:30; Лук. 14:34; Деян. 8:25).

(2) Οὖν следует переводить нашим *затем* и *и вот* или *итак* примерно в ста семнадцати случаях. В каждом из них οὖν интерпретируется по-разному, то есть выделяется несколько различных значений, а именно, переходное и обобщающее значения. Последнее преобладает в Евангелии от Иоанна. При этом, *затем* как вариант перевода подчеркивает, что события развиваются последовательно. В свою очередь, варианты *и вот* или *итак* указывают на переход от одной мысли к другой при сохранении субъекта речи, на развитие мысли, изложения. Οὖν, для которого подходят указанные варианты перевода синонимично таким союзам, как γάρ, δέ, καί и даже τότε. Приведем два папирусных фрагмента: (а) B. G. U. vi, 1079:6 (41 г.), “Я послал тебе два письма, одно через Недима, и одно через Крония меченосца. *Затем* (οὖν), наконец, я получил письмо от Араба, прочитал его и огорчился”. (б) B. G. U. ii, 423:11 (2 г.), καλῶς μοί ἐστιν ἐρωτῶ σε οὖν, ρύριέ μου πατήρ, γράψον μοι ἐπιστόλιον, *я в порядке. И вот, я умоляю тебя, господин мой отец, напиши мне небольшое письмо*. Другие отсылки к папирусным фрагментам, иллюстрирующие данный способ употребления: B. G. U. i, 48:4; 73:10; 322:9; vi, 1024:7; 1078:6; 1097:8. Платон часто употребляет οὖν в этом значении, например, Седо: “Спустя продолжительное время он вышел и приказал нам войти. *И вот*, когда мы вошли, мы нашли Сократа уже вымывшимся”.

Вопреки всей своей практике, и несмотря на все свое предубеждение против переводов подобного рода, авторы исправленного перевода Библии на английский язык (но не русского синодального перевода; *прим. перев.*) все же переводят οὖν, как *и вот* или *итак* в Деян. 1:18; 1Кор. 9:25; Евр. 7:11; 8:4; 9:1. Приводимые ниже цитаты обнаруживают преимущества и уместность такого перевода: Ин. 3:24-25, “Ибо Иоанн еще не был заключен в темницу. *И вот*, у Иоанновых учеников произошел спор с Иудеями”; Ин. 4:6, “Там был колодезь Иаковлев. *И вот*, Иисус, утрудившись от пути, ...”; Ин. 4:27-28, “Однако же, ни один не сказал: чего Ты требуешь? или: о чем говоришь с нею? *Затем* женщина оставила водонос”; Ин. 18:23-24, “Если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня? *Затем* Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе” (см. также: Ин. 9:17,20,21,32,38,56; 12:1,2,3,9,17,21,29; Деян. 8:25; 9:19,31; 10:29,30).

(3) Хартунг в работе “Учение о частицах в греческом языке” (Hartung: *Lehre von den Partikeln der Griechischen Sprache*) выделяет ряд случаев употребления οὖν как особое *ответное* οὖν, и приводит несколько примеров из греческого языка классического периода в качестве доказательства, что подобный способ употребления действительно имел место. В Исх. 8:10 также есть хороший пример такого οὖν: ὁ δὲ εἶπεν, εἰς αὖριον εἶπεν οὖν, Ὡς εἴρηκας ἵνα εἰδῇς ὅτι οὐκ ἔστιν ἄλλος πλὴν κυρίου, *И он сказал: завтра. В ответ он сказал: Как ты уже говорил, чтобы ты мог узнать, что нет другого кроме Господа*. В Новом Завете «ответное» οὖν встречается около тридцати трех раз, причем все эти случаи приходятся на Евангелие от Иоанна. Вполне приемлемым переводом для «ответного» οὖν, пожалуй, будет наше *в ответ* (см. Ин. 4:7, 9, “Иисус говорит ей: дай Мне пить. ... *В ответ* говорит Ему женщина Самарянская ...”; Ин. 6:52-53, “Как Он может дать нам есть Плоть Свою? *В ответ* Иисус сказал им ...” (см. также: Ин. 7:6, 16, 28, 47; 8:13, 19, 25, 57; 9:10, 16, 20, 25, 26)).

(4) Как папирусы, так и Новый Завет предоставляют нам убедительные и исчерпывающие доказательства того, что οὖν часто получало значение усилительной или

эмфатической частицы. Такие выводы были сделаны, прежде всего, в результате наблюдений за употреблением οὖν в постскриптурах. Рассмотрим внимательно P. Fay. 110:34 (94 г.), μὴ οὖν ἄλλως ποιήσῃς; B. G. U. iii, 824:17 (56 г.), μὴ οὖν ἄλλως ποιήσῃς; оба примера можно перевести, как *ты уж не сделай по другому*. Еще один несомненный пример такого способа употребления имеется в Brit. M. P. i. 28 (162 г.), “Аполлоний Серапиону, своему брату: приветствия. καλῶς οὖν ποίῃς φρότισαί μοι σιτάριον, *пожалуйста, ради меня присмотри за зерном*” (см. также: P. Tebt. i, 33; P. Oxy. ii, 281:9; 282:6; 294:14, 25; x, 12,937; xii, 1493:9). Папирусы дают несколько образцов необычного употребления οὖν. Союз здесь входит в состав относительного придаточного предложения, и по-видимому, сообщает местоимению большую определенность, точно так же, как это делает ὅν. Примеры, иллюстрирующие данный способ употребления: ὅν δὲ ποτὲ οὖν τρόπον (P. Amh. ii, 86:9); ἢ ὅστις οὖν (Brit. M. P. iii, 1171:8); ὅσα ποτὲ οὖν (P. Ryl. iii, 243:9); ὅστις ποτ’ οὖν (P. Par. 574:1240).

В Фил. 3:8 мы встречаем ἀλλὰ μὲν οὖν γὰρ καὶ и в 1 Кор. 6:7 – ἥδη μὲν οὖν ὅλως. Такое скопление частиц явно ставит перед собой эмфатические цели. В каждом примере, по крайней мере, три слова из четырех имеют эмфатическое значение. Какая же глубина чувств здесь выражена! Поистине, вся душа Апостола Павла раскрывается в этих частицах. Переводчики даже и не пытались перевести οὖν ни в первом, ни во втором случае. Тем не менее, в каждом из них из контекста ясно, какая эмфатическая частица или выражение являются наиболее подходящими. Можно, например, предложить следующие варианты: *бесспорно, уж конечно, разумеется, несомненно, во что бы то ни стало, воистину, весьма, действительно, более всего, безусловно, в самом деле*. Οὖν, по-видимому, получает эмфатическое значение также в Ин. 20:30, “*Бесспорно*, Иисус также сотворил много других знамений”; Лук. 14:34, “*Соль, бесспорно*, добрая вещь ...”; Откр. 3:3, “*Во что бы то ни стало*, вспомни, что ты видел и слышал”; Мат. 10:32; 12:12; Лук. 14:33; 21:7; Деян. 2:33; 10:33; 25:11; Рим. 4:10; 5:9 и др. Обратим ваше внимание на следующее замечание профессора Миллигана (*там же*): “Οὖν кроме того, получает усилительное значение в увещаниях и т.п. ... Привлекая внимание к такому способу употребления οὖν, Манти (Mantey) (*Толкователь*, VII, xxii, стр. 210 и далее) считает, что в Новом Завете эмфатическое значение свойственно οὖν примерно в 65 случаях; например, Мат. 3:8, 10, “*Во что бы то ни стало*, сотворите достойный плод покаяния. ... Всякое дерево, *безусловно*, что если оно не приносит доброго плода ...”

(5) К тому выводу, что οὖν может переводиться также и противительным союзом, мы пришли на основании анализа, главным образом, двух папирусных фрагментов. Во-первых, это P. Oxy. 1609:12 (98-138 гг.), “И, похоже, оно появляется там. Ведь не мы видим в этом зеркале, но только отражение того, кто видит. *Однако* (οὖν), относительно этого мы уже говорили ‘Тимей’¹”. Во-вторых, P. Tebt. ii, 315:16 (2 в.), “Знай, что прибыл инспектор храмовой казны, и что он намерен идти также и в твой дистрикт. Но сильно не беспокойся, поскольку я выручу тебя. *Тем не менее* (οὖν), если у тебя действительно есть время, заполни свои книги и приходи ко мне”. Хартунг, как известно, относит οὖν к противительным частицам и даже сближает его с ὁμῶς. Вновь обратимся к профессору Миллигану (*там же*): “Из этого и развилось ослабленно-противительное значение в таких фрагментах, как P. Tebt. 37:15 (73 г. до Р.Х.), ἐγὼ οὖν περιπατῶμενος περὶ ἀναγκαίων γεγραφέα σοι ἵνα ἱκανὸς γένηι, *однако, поскольку я занят срочными делами, я написал тебе, чтобы ты мог взять на себя это дело* (см. Деян. 25:4; 28:5, и Мантия, *там же*, стр. 207 и далее)”. Таким образом, οὖν следует переводить как **однако, тем не менее** в следующих местах: Деян. 26:22, “За это схватили меня Иудеи в храме и покушались растерзать. *Однако* (οὖν), получив помощь от Бога, я до сего дня стою, свидетельствуя малому и великому”; 1 Кор. 11:20, “*Тем не менее*, когда вы собираетесь вместе, невозможно вкушать Вечерю Господню, ибо каждый, приступая к еде, стремится схватить для себя пищу прежде других”; Ин. 8:38, “Я говорю то, что увидел у Отца Моего, *однако*, делаете ли также и вы то, что слышали от Отца?” (см.

¹“Тимей” – название одного из поздних диалогов Платона (360-е гг. до н.э.). Прим. Ред.

также: Мат. 10:26; Лук. 21:14; Ин. 2:22; 4:45; 6:19; 9:18; 11:6; 12:29; 18:11, 27; Рим. 2:21; 10:14; 11:1 и др.). Всего в Новом Завете насчитывается около тридцати случаев такого употребления $\text{o}\ddot{\text{u}}$.

Сводная таблица значений некоторых наиболее распространенных союзов

	Временное	Причинное	Целевое	Следствие	Заключительное, логический вывод	Условное	Соединительное	Противительное	Пояснительное	Эмфатическое
ἀλλά								однако		несомненно
ἄρα					поэтому					действительно
ἄχρι(ς)	пока не									
γάρ		ибо							итак	
δέ							и, и вот	но	итак	в самом деле
διό					по этой причине					
διότι		потому что								
ἐάν						если				ли
εἰ						если				
ἐπεὶ	когда	так как				иначе				
ἐπειδὴ	когда	так как								
ἵνα			для того чтобы	так что			что			
καί							и	но		даже
μέντοι								однако		воистину
ὥπως			для того чтобы							
ὅτε	когда									
ὅτι		потому что					что			
οὖν					поэтому		затем, и вот	однако, тем не менее	итак	действительно
πλήν								тем не менее		
πρίν	до									
τε							и			
τοίην					поэтому					
ὥς	когда, как	так как	для того чтобы							
ὥστε				так что	поэтому					

VIII. Частицы

224. Среди эллинистов нет единого мнения о значении термина *частица*. Некоторые, например, считают, что под эту категорию подходят практически все части речи, за исключением глаголов, существительных и местоимений – то есть к частицам относятся наречия, союзы, предлоги и междометия. Само слово «частица» является калькой с латинского *particula* («частица», от *pars* - *часть*). Такой термин более чем приемлем в качестве заголовка раздела, где собрана «всякая всячина»: не поддающиеся систематизации, разрозненные элементы греческой грамматики. Тем не менее, мы решили ограничиться здесь

лишь теми словами, которые не вполне вписываются в обычные категории: союзы, наречия, предлоги и т.д. Исключительное богатство и разнообразие частиц в греческом языке – его одна из наиболее уникальных и отличительных черт, не имеющая аналогов среди новых языков. Тем не менее, в отличие от греческого языка классического периода, в папирусах и в Новом Завете частиц не так много.

225. Тот факт, что частицы здесь задействуются сравнительно редко, лишний раз подчеркивает значимость каждого случая их употребления. Почему автор считает необходимым предпочесть именно такой способ выражения? Частицы, таким образом, призывают читателя обратить внимание на подтекст, передают тонкие оттенки мысли, выполняя эфатические или поясняющие функции. Пока студент не научится разбираться в значении частиц, пока не осознает всю их значимость для понимания текста, он не сможет в полной мере уловить мысль автора, не сможет оценить красоту и точность греческого языка.

Эфатические, или усилительные частицы

Ссылки: R. 1144-1154; M. 165-169, 200 и далее.

226. Эфатические частицы в предложении выполняют усиливающую (акцентирующую) функцию либо по отношению к отдельному слову, либо по отношению к предложению в целом. И порой очень трудно решить, каким словом – если его вообще можно подобрать – следует передать значение той или иной частицы в переводе. Иногда одну и ту же частицу в разных контекстах переводят различными способами. Как в случае с предлогами и союзами, так и в случае с частицами, контекст является своего рода наивысшей судебной инстанцией, диктующей наиболее адекватный вариант перевода.

ᾠμήν

227. Эта частица – калька с еврейского отглагольного прилагательного *יָמַן*, *быть непоколебимым*, которое переводится в Септуагинте греческим ἀληθινός (Ис. 65:16) и ἀληθῶς (Иер. 35:6¹). ᾠμήν в наиболее важных случаях предваряет в Евангелиях слово Господа, соответствуя нашему *верно, истинно* (см. Ин. 3:3, ἀμήν ἀμήν λέγω σοι, ἐὰν μή τις γεννηθῇ ἄνωθεν, истинно, истинно говорю тебе, если кто не рожден заново ...). Кроме того, ἀμήν указывает, что говорящий всецело одобряет слово молитвы или возносимой хвалы (см. 1 Кор. 14:16, πῶς ἐρεῖ τὸ ἀμήν ἐπὶ τῇ σῇ εὐχαριστίᾳ, как он скажет: "Да будет так (аминь)", – на твоё благодарение? Рим. 15:33, ὁ δὲ θεὸς τῆς εἰρήνης μετὰ πάντων ὑμῶν ἀμήν, Бог же мира да будет со всеми вами. Да будет так (аминь).

ἂν

228. «В английском языке нет частицы, соответствующего ἂν по своему значению². В связи с ἂν, мы можем лишь сказать, что она придает высказыванию оттенок неуверенности или неопределенности» (Нунн, *Синонимы греческого языка Нового Завета*, стр. 128). Однако, даже чаще чем ἂν встречается ἐάν, которое берет на себя, помимо функций частицы ἂν, еще и функции условного союза. Различие между двумя частицами, в данном случае, ограничивается лишь написанием. «Две функции частицы, первоначально взаимосвязанные, теперь резко различаются. С одной стороны, ἂν употребляется с опативом или изъявительным наклонением, подчеркивая явно выраженную или подразумеваемую из контекста зависимость глагола от придаточного условного, вводимого союзом *если*. С другой стороны, ἂν (в новозаветный период чаще встречается написание ἐάν) тесно взаимодействует

¹Номер этого стиха в Септуагинте 35:6, но в русской и еврейской версиях – 28:6. (Прим. перев.)

²В русском языке греческой ἂν во многом соответствует по своему значению частица «бы». (Прим. пер.)

с союзом или относительным местоимением, сообщая им значение, близкое к нашему *что бы то ни было*; тем не менее, эти различия зачастую, конечно, преувеличивают» (М. 166). В любом случае, мы относим ἄν к группе эмфатических частиц.

(1) В большинстве контекстов ἄν близко передается нашим **бы ни**. Например, ὅταν, ἐπεὶ δὲ, *когда бы ни*; ὅπου ἐάν, *где бы ни*; ὅς ἄν, *кто бы ни*. Деян. 8:19, ἵνα ᾧ ἐὰν ἐπιθῶ τὰς χεῖρας, *дабы на кого я ни возложил руки*. Любопытно, что неопределенно-относительное придаточное предложение в Новом Завете вводится, хотя и вводится – пусть нечасто – относительным местоимением ὅστις (получающим в некоторых контекстах эмфатическое значение), тем не менее, куда чаще вводится посредством ὅς ἄν или ὅς ἐάν (Мат. 11:6; Марк. 10:43). В Мат. 12:5 и Гал. 5:10 наряду с ὅστις задействовано и ἄν, по-видимому, с целью сообщить высказыванию более общий характер.

(2) Поскольку ἄν предполагает некоторую степень неуверенности и неопределенности, эта частица более чем уместна в сочетании с сослагательным наклонением или оптативом, которые как раз выражают в той или иной мере неуверенность, неопределенность. Ἄν употребляется также и с изъявительным наклонением в придаточных предложениях условных, подчеркивая, что выставляемое условие противоречит имеющейся действительности.

Γέ

229. Данная частица обычно сообщает дополнительную акцентированность слову, с которым употребляется, и может переводиться: **по крайней мере, действительно, даже, со своей стороны** (см. Рим. 8:32, ὅς γε τοῦ ἰδίου υἱοῦ οὐκ ἐφείσατο, *Тот, Кто даже Своего Сына не пощадил*). Всего чаще γέ встречается в сочетании с другими эмфатическими частицами, такими как ἀλλά, ἄρα, δέ. Яркий пример подобного употребления дает Мат. 7:20, ἄρα γε ἀπὸ τῶν καρπῶν αὐτῶν ἐπιγινώσθε αὐτούς, *вы, со своей стороны, по плодам их узнаете их*. При сочетании γε с ἀλλά, акцентированность выражена особенно сильно: **да уж конечно, непременно**.

Δή

230. Эту частицу прекрасно охарактеризовал Робертсон: «Δή создает некую кульминацию, показывая, что теперь, наконец, все стало ясно, и высказывание может быть принято как истинное» (R. 1149). В Новом Завете эта частица встречается только семь раз. В некоторых местах (Лук. 2:15; Деян. 6:3; 13:2; 15:36 и 1 Кор. 6:20) ее значение хорошо передается эмфатическим **во что бы то ни стало**. В Мат. 13:23 и Евр. 2:16 δή переводится как **действительно** (см. Мат. 13:23, *Тот, кто, действительно, приносит плод*; то есть, является настоящим христианином).

Εἰ μήν

231. Такое сочетание очень редко встречается в Новом Завете. В Евр. 6:14 мы ясно видим эмфатическую функцию εἰ μήν: *"Истинно (или всех более), благословляя, благословлю тебя"*.

Μέν

232. Эта частица всего чаще служит для взаимосоположения или противопоставления отдельного слова или предложения (с которыми она употребляется) следующему за ним слову или предложению (см. Мат. 3:11, ἐγὼ μὲν ... ὁ δέ, *я, со своей стороны, ... Он же*; Рим. 4:15, ὅς μὲν ... ὅς δέ, *один ... другой*). В сочетании с артиклем μὲν переводится местоименной

формой (см. Ин. 7:12, οἱ μὲν ἔλεγον, *некоторые говорили*; αὐτὸς δὲ - он). В остальных случаях μὲν имеет ярко выраженные эмфатические функции, выступая, наряду с тем, в сочетании с другими эмфатическими частицами (см. Деян. 4:16, ὅτι μὲν γὰρ γνωστὸν σημεῖον, *что, в самом деле, явное чудо*; см. также: Деян. 9:31; Рим. 1:8; 3:2; Фил. 3:8). Здесь и в других подобных местах перевод **в самом деле**, по крайней мере, – не худший вариант. В Лук. 11:28, где μὲν употребляется вместе с οὖν, такого рода комбинация частиц предполагает, наряду с противопоставлением, также специфическую акцентировку, соответствуя нашему *но впрочем, скорее*. Эмфатическое μέντοι встречаем в Иак. 2:8 и Иуд. 8, причем то же значение часто дают папирусы, а в свою очередь ὁμοίως μέντοι καὶ οὗτοι переводится *равно как и эти, также, на самом деле*. В остальных текстах μὲν обладает ярко выраженным противительным значением.

Νή, ναί

233. Νή встречается только в 1 Кор. 15:31. И хотя это, и в самом деле, единственный случай ее употребления, тем не менее он является характерным, поскольку эта частица, как правило, употребляется в клятвах, νῆ τὴν ὑμετέραν καύχησιν, *клянусь вашей похвалой*. Следующие папирусные фрагменты прекрасно иллюстрируют такое νή: Р. Паг. 49:30 (164-158 гг. до Р.Х.), ἐγὼ γὰρ νῆ τοὺς θεοὺς ἀγωνιῶ, μήποτε ἀρρωστεῖ τὸ παιδάριον, *ибо клянусь богами, я беспокоюсь, что мальчик не здоров*; Р. Оху. vi, 939:20 (4 в.), νῆ γὰρ τὴν σὴν σωτηρίαν, κύριέ μου, ἥς μάλιστα μοι μέλει, *ибо клянусь твоим спасением, мой господь, о нем у меня первейшая забота*.

234. Ναί эмфатически подчеркивает, утверждает сказанное, соответствуя по своему значению нашему **да** (см. Мат. 13:51, λέγουσιν αὐτῷ, ναί, *они говорят Ему: Да*; Ин. 11:27, λέγει αὐτῷ, ναὶ κύριε, *он говорит Ему: Да, Господи*; см. также: 2 Кор. 1:17, 18, 19, 20).

Πέρ

235. Согласно тексту Весткотта-Хорта, эта частица встречается только в сочетании с другими частицами. Πέρ сообщает слову, к которому присоединена, дополнительную акцентированность, что можно передать в переводе нашими **в самом деле, действительно, совершенно** и т.п. (см. Рим. 8:17, εἴπερ συμπάσχομεν, *если мы, действительно страдаем вместе*; см. также: Евр. 3:14; 5:4, 8).

Ποτέ

236. Ποτέ – частица-энклитик и встречается часто. **(1)** В некоторых контекстах наиболее подходящим вариантом перевода ποτέ является наше слово **когда-либо** (в отрицательном смысле – **никогда**) (см. Евр. 1:5, τίνι γὰρ εἶπεν ποτέ τῶν ἀγγέλων, *ибо кому из ангелов Он когда-либо сказал*; Еф. 5:29, οὐδεὶς γὰρ ποτέ τὴν ἑαυτοῦ σάρκα ἐμίσησεν *ибо никто никогда не ненавидел свою собственную плоть*; см. также: 2Пет. 1:10, 21). **(2)** Ποτέ часто имеет временное значение и может переводиться как **в то время** (следует соотносить с вопросительной частицей ποτέ *в какое время, когда*), **наконец, однажды, когда-то** (см. Еф. 2:2 ἐν αἷς ποτέ περιεπατήσατε, *в которых вы в то время ходили*; Фил. 4:10, ὅτι ἤδη ποτέ ἀνεθάλετε τὸ ὑπὲρ ἐμοῦ φρονεῖν, *что теперь, наконец, вы вновь заботитесь обо мне*; см. также: Еф. 2:3, 11, 13; Лук. 22:32).

Πού, πῶς

237. Обе эти эмфатические частицы – энклитики, однако в Новом Завете встречаются редко. Πού переводится нашим **как-нибудь** или **почти** в Деян. 27:29; Рим. 4:19. В Евр. 2:6 эта

частица, похоже, близка по своему значению к *вовсе*. Πῶς можно перевести в Рим. 11:14 как *любими средствами*. Именно так ее переводят Гудвин и Уайт (Goodwin, White) в *Анабасисе* Ксенофонта (ii, 5:2).

Τοί

238. Τοί встречается только в качестве аффикса в сложносоставных частицах. Τοί практически не поддается переводу, мы можем с уверенностью утверждать лишь то, что ее функция явно эмфатическая (см. Иак. 2:8).

Отрицательные частицы

Ссылки: R. 1155-1175; M. 169-171, 187-194.

239. В греческом языке две главных отрицательных частицы - οὐ и μή. Их функции с очевидностью совершенно различные, но не везде это проводится строго. В процессе исторического развития языка произошли изменения в употреблении отрицательных частиц. Они претерпели значительные изменения, как по форме, так и в функции, подверглись усилению через добавление δέ(ν), но сохранились в современном греческом языке (Т. 199 и далее). Тем не менее, в период койне различие между ними было очевидным, в том числе, конечно, и для новозаветных авторов.

Οὐ

240. Отрицательная частица οὐ пишется и произносится как οὐ перед словами, начинающимися с согласной, как οὐκ – перед словами, начинающимися с гласной, имеющей тонкое придыхание, как οὐχ – перед словами, начинающимися с гласной, имеющей густое придыхание.

(1) Οὐ употребляется в предложениях суждения и выражает *полное отрицание факта*. Из двух вышеназванных частиц οὐ обладает наиболее сильным отрицательным значением и «означает некую очевидность» (М. 232). «Οὐ отрицает существование того, что утверждается. Она означает четкое, абсолютное, объективное, окончательное отрицание» (R. 1156). Так, например, когда Иоанна Крестителя спросили, не он ли «пророк», он ответил одним словом - οὐ (см. Ин. 1:21, ὁ προφήτης εἶμι σύ; καὶ ἀπεκρίθη· οὐ). Ввиду того, что οὐ отрицает самый факт, мы с полным основанием встретим ее в предложениях, где глагол стоит в изъявительном наклонении, выражающих положительное или отрицательное суждение о каком-либо факте. Обычно так и происходит. Тем не менее, Бласс преувеличивает разницу между οὐ и μή, пытаясь свести все к одному правилу. «Все случаи употребления, – пишет он, – здесь можно практически подвести под одно правило: οὐ употребляется с изъявительным наклонением, μή – с другими наклонениями, включая инфинитив и причастие» (В. 253). Хотя это и верно в отношении большинства случаев употребления отрицательных частиц, однако, имеется масса исключений. Всюду, где только грек хотел яснее выразить отрицание или запрет, он не ставил никаких грамматических ограничений употреблению οὐ с другими наклонениями. Он просто использовал наклонение, всего лучше выражающее то, что он хотел сказать, сопровождая высказывание подходящей по смыслу отрицательной частицей. В самом деле, οὐ встречается и с сослагательным наклонением (1Пет. 3:3), и с инфинитивом (Евр. 7:11) и с причастием (Ин. 10:12), хотя большее число случаев употребления, действительно, приходится на изъявительное наклонение. «Однако помимо изъявительного наклонения в папирусах οὐ часто употребляется с причастиями, быть может потому, что эта частица означает отрицание того, что есть» (Миллиган, *Словарь греческого Завета*; см. Р. Оху. iv, 726:10 (135 г.), οὐ δυνάμενος δι' ἁσθενείαν πλεῖσιν, так как он не мог, ввиду болезни, отправиться в путешествие).

(2) Οὐ (или οὐχι,) в вопросе означает, что ожидается положительный утвердительный ответ. В этом смысле наша частица является эквивалентом латинскому *nonne* (см. Мат. 13:55, οὐχ οὗτός ἐστιν ὁ τοῦ τέκτονος υἱός; οὐχ ἡ μήτηρ αὐτοῦ λέγεται Μαριάμ *Не плотников ли Он сын? не Его ли Мать называется Мария?*).

Μή

241. Μή выражает отрицание в более слабой форме мягче, подчеркивая момент субъективности и нерешительности. «Короче говоря, μή - отрицательная частица, которая задействуется, когда говорящий не может выглядеть слишком категоричным. Μή как бы оставляет вопрос открытым для дальнейших предложений или просьб. Οὐ резко захлопывает дверь» (R. 1156).

(1) Таким образом, μή означает *условное отрицание*. Поскольку именно сослагательное наклонение и оптатив предполагают некую неопределенность, то вполне естественно, что μή, отрицая что-либо предположительно и с оговорками, будет употребляться в первую очередь с этими наклонениями. Μή также употребляется с большинством форм повелительного наклонения, с инфинитивами, причастиями, но очень редко – с изъявительным наклонением. При этом, следует помнить, что вышесказанное справедливо не в силу какого-либо установленного правила, но вследствие совпадения функций отрицательной частицы и наклонения.

Профессор Миллиган (*там же*), проанализировав особенности употребления μή с изъявительным наклонением в папирусах, отмечает, что частица встречается «(а) в относительных придаточных предложениях ... (б) в предложениях боязни (как в Лук. 11:35; Гал. 4:11; Кол. 2:18)».

(2) В вопросах μή (или μήτι) предполагает отрицательный ответ. Вспомним, скажем, тот памятный вопрос Иуды: μήτι ἐγὼ εἰμι; *Это же не я?* (Мат. 26:25). Различие между двумя отрицательными частицами в вопросе прекрасно видно на примере Лук. 6:39, μήτι δύναται τυφλὸς τυφλὸν ὁδηγεῖν; οὐχὶ ἀμφοτέρω εἰς βόθυνον ἐμπεσοῦνται; *не может же слепой водить слепого? Не оба ли упадут в яму?* (см. Марк. 4:21; Ин. 4:29).

Кратко пояснить разницу между этими двумя отрицательными частицами во всех предложениях, кроме вопросительных можно следующим образом: "Главное отличие οὐ от μή состоит в том, что οὐ *объективно*, и имеет дело только с фактами, а μή *субъективно*, привнося мысль и стремление. ... В Новом Завете употребление οὐ почти полностью ограничено изъявительным наклонением, в то время как употребление μή распространяется почти исключительно на все прочие наклонения" (*Словарь греческого Завета*). Сходное мнение высказывает доктор Ч. Б. Уильямс (Объединенный университет, Джексон, Теннесси), «Οὐ означает вполне определенное, эмфатически выраженное отрицание; μή – отрицание неопределенное, неясное. Если автор желает, чтобы отрицание выглядело прямым и недвусмысленным, он всегда употребляет οὐ; если же отрицание представляется предположительным, то, конечно, употребляется μή» (неопубликованные *Заметки по грамматике*). Этому вопросу уделено место и в комментарии Вебстера: «Οὐ передает прямое и абсолютное отрицание; μή - субъективное и условное отрицание. В условном предложении μή используется в протазисе, οὐ – в аподозисе. Μή отрицает наличие предположения, запрещает или не разрешает. Οὐ отрицает утверждение, указывая, что нечто не является таковым. Οὐ употребляется, когда объект рассматривается независимо, сам по себе; μή – когда он рассматривается в зависимости от каких-либо мыслей, желаний, целей. Οὐ negat rem ipsam; μή cogitationem rei.* Οὐ просто предполагает несуществование, однако μή предполагает несуществование, притом, что существование все-таки вероятно и возможно. Οὐ отрицает; μή отчуждает" (*там же*, стр. 138). Это различие в значении очевидно 1 Пет. 1:8, ὃν οὐκ ἰδόντες ἀγαπᾶτε, εἰς ὃν ἄρτι μὴ ὁρώντες πιστεύοντες δὲ ἀγαλλιάσθε χαρᾷ ἀνεκλάλητῃ, *Которого, никогда не видев, вы любите, в Которого, хотя не видя, вы верите, и вы радуетесь неизреченною радостью*. В этом предложении οὐκ с аористным причастием, указывает на тот факт, что они и в самом деле не видели Иисуса, в то время как μή с причастием настоящего времени в более мягкой форме замечает, что они теперь не видят Его. Доктор А. Т. Робертсон нашел, как всего наглядней продемонстрировать студентам разницу между двумя отрицательными частицами. Он предлагает им представить себе такую сцену: молодой человек делает предложение девушке. Если она ответит ему μή, то, значит, она хочет, чтобы ее подольше уговаривали. В свою очередь, это также может означать, что она еще в

*Οὐ отрицает саму вещь; μή - мнение о вещи. (Прим. ред.)

сомнении и не решается ответить определенно. Но если девушка скажет οὐ, молодому человеку останется лишь распрощаться и удалиться.

Οὐ μή

242. В тексте Весткотта-Хорта сочетание οὐ μή встречается девяносто шесть раз. Вновь найденные папирусы оказали большую помощь исследователям в определении функции этого удвоенного отрицания, и теперь можно смело сказать, что обе отрицательные частицы употребляются вместе с целью эмфатически усилить отрицание или запрещение. «Οὐ μή - редко и весьма эмфатически окрашенная по своему значению форма отрицания. Она встречается в нелитературных папирусных текстах» (М. 188). Приведенный ниже папирусный фрагмент, представляющий собой отрывок из письма мальчика к отцу, прекрасно иллюстрирует употребление двойного отрицания в папирусах: Р. Оху. i, 119:5, 14 и далее (2-3 в.), ἢ οὐ θέλεις ἀπενέκκειν μετ' ἐσοῦ εἰς Ἀλεξανδρίαν, οὐ μή γράψω σε ἐπιστολήν ... ἄμ (= ἑάν) μή πέμψης, οὐ μή φάγω, οὐ μή πείνω, *Если ты откажешься взять меня с собой в Александрию, я не буду писать тебе письмо ... если не пошлешь (мне), я не буду есть, я не буду пить.* Как мы видим здесь, совместное употребление двух отрицательных частиц имеет своей целью выразить отрицание в подчеркнуто категорической форме (см. Мат. 5:20, οὐ μή εἰσέλθῃτε εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν, *вы никоим образом не войдете в Царство Небесное*; 1 Кор. 8:13, οὐ μή φάγω κρέα εἰς τὸν αἰῶνα, *я теперь не буду есть мясо вовек* (см. также: Лук. 22:16, 18, 67, 68)).

Οὐ образует ряд производных форм: οὐδαμῶς, *ни коим образом*; οὐδέ, *даже не*; οὐδεῖς, οὐθεῖς, *ни один*; οὐδέποτε, *никогда (даже никогда)*; οὐδέπω, *еще не*; οὐκέτι, *не дольше, не больше*; οὐπω, *еще не*; οὐτε, *ни*. Если автор желал выразить отрицательное значение менее резко, те же самые суффиксы присоединялись к μή. Суффиксы -χι при οὐ и -τι при μή выполняют усиливающие функции, подчеркивая значение соответствующих отрицательных частиц (Мат. 13:27; 26:25; Лук. 1:60).

Раздел III.

Синтаксис сложного предложения

243. Каким бы образом мы ни сравнивали языки в процессе изучения, греческий среди них оказывается самым точным, благозвучным, наиболее выразительным, и вряд ли найдется еще язык, способный встать наравне с ним. Свое превосходство он демонстрирует и в плане организации сложного предложения, являя здесь изобилие придаточных самых разнообразных видов. При этом каждый вид отточен до совершенства и служит удобным инструментом непринужденного и изящного выражения любой мысли или оттенка значения.

244. Немногие языковеды выделяют синтаксис сложного предложения в отдельную область исследования. Без сомнения, это связано с тем, что придаточные предложения не выступают в речи как независимая ее часть. Ведь в сущности они как бы сплетены из самостоятельных частей речи, которые рассматриваются отдельно в описательной грамматике. Поэтому, изучив ее, мы до определенной степени можем считать изученными и придаточные предложения. Следовательно, может показаться, что отдельное рассмотрение придаточных предложений будет необходимо сопряжено либо с забвением каких-то важнейших вещей, касающихся функционирующих в предложении частей речи, либо оно станет ненужным повторением пройденного материала. В такого рода возражениях есть момент истины, и его нельзя отрицать, но, тем не менее, при этом мы упускаем из виду уникальность придаточного предложения как элемента синтаксической структуры, которую невозможно адекватно понять, не рассмотрев в систематическом порядке все ее специфические варианты. Действительно, порой различные группы придаточных предложений дублируют друг друга. Это, прежде всего, касается относительных предложений, которые подпадают одновременно под несколько разрядов. Тем не менее, мы решились на эти повторы, жертвуя педантичной правильностью ради изложения, понятного для студентов.

245. По своему характеру все придаточные предложения в общем тяготеют к одной из двух базовых синтаксических функций – имени или глаголу. Таким образом, придаточные предложения по своему характеру могут быть: именными (т.е. играть роль дополнения подобно существительным), адъективными (выступают в качестве определения подобно прилагательным) и адвербиальными (выполняют роль обстоятельства подобно наречиям) (см. R. 952). Рассмотрение придаточных предложений по этим трем группам, выделенным в соответствии с объективными критериями, было бы научно точным, но оно не способствовало бы простоте и ясности изложения. Поэтому здесь мы в классификации придаточных следовали другому принципу, а именно – их функции в том или ином контексте. Подробный анализ предложений в соответствии с объективными критериями, см. Bг. 82.

246. Если говорить о значении наклонений в придаточных предложениях, то здесь применимо следующее общее правило: наклонения в придаточных предложениях, входящих в состав сложносочиненного предложения, имеют то же значение, что и в придаточных предложениях, входящих в состав сложноподчиненных предложений. "Значение наклонений в придаточных предложениях, по сути, совпадает с их значением в независимых предложениях" (R. 950).

I. Функция придаточных предложений

247. Если два или более простых предложения соединены сочинительной связью, они составляют *сложносочиненное* предложение. Отличительной характеристикой этого типа

сложного предложения является равенство его частей, то есть ни одно из входящих в его состав простых предложений не занимает подчиненного положения, но все они равнозначны, будучи соединены сочинительной или *паратактической* связью (παράτακτος: *расположенный рядом*). Если же какая-либо из частей сложного предложения занимает подчиненное положение по отношению к другой, то эта связь называется *гипотактической* (ὑποτάκτος: *расположенный под*), а предложение называется *сложноподчиненным*. При этом, в соответствии с нормами греческого языка, каждое придаточное предложение присоединяется к предыдущему при помощи соединительного слова. Если подобная связка отсутствует, то мы имеем дело с *асиндетоном* (ἄσυνδετος: *не связанный*), то есть – с бессоюзием. Новый Завет дает множество примеров асиндетона. Всего чаще он встречается в Евангелии от Иоанна и в его первом послании.

248. Придаточное предложение – это по сути своей просто род описания, задействуемый в тех случаях, когда требуемое значение трудно выразить одним словом или словосочетанием. Так, значение высказывания: "Я видел идущего домой человека" станет более точным и емким, если словосочетание заменить придаточным предложением: "Я видел человека, который шел домой". Выполняя функцию уточнения значения, придаточное предложение по отношению к главному может вступать в трех ипостасях: (см. §245).

(1) Придаточное предложение может исполнять роль *имени существительного*, выступая в качестве подлежащего или дополнения при глаголе.

οὐκ ἔχω ὃ παραθήσω αὐτῷ.

У меня нет того, что я мог бы предложить ему. Лук. 11:6.

См. также: Ин. 12:10; 1Кор. 4:2.

(2) Придаточное предложение может исполнять роль *имени прилагательного*, выступая в качестве определения существительного.

τῷ σπέρματί σου, ὅς ἐστιν Χριστός.

Семен твоему, которое есть Христос. Гал. 3:6.

См. также: Ин. 4:34; 15:12.

(3) Придаточное предложение может исполнять роль *наречия*.

ἀκολουθήσω σοι ὅπου ἐὰν ἀπέρχῃ.

Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. Лук. 9:57.

См. также: Ин. 3:16; 1Кор. 14:12.

i. Всякий, изучающий греческий язык, столкнется с исключительным разнообразием типов придаточных предложений и самым широким спектром их употребления.

ii. Придаточные предложения будет всего легче рассмотреть в соответствии с вводящими их союзами, объединив предварительно союзы в группы сообразно их значению. Однако в целях ясности изложения отдельно следует рассмотреть отдельно лишь придаточные предложения, входящие в состав сложноподчиненных предложений.

II. Придаточные предложения относительные

Ссылки: R. 953-962. R-S. 168-170.

249. Придаточные предложения относительные разных типов характеризуются тем, что вводятся относительными местоимениями и наречиями. Разнообразие типов относительных придаточных предложений не обусловлено характером вводного слова, но определяется характером и местом самого придаточного предложения. Например, как придаточное предложение причины, так и придаточное предложение цели здесь, по сути, вводятся тем же самым относительным местоимением. Тем не менее, хотя и тип придаточного предложения определяется далеко не только характером вводного слова, последнее все сообщает предложению оттенок определенности или, наоборот, неопределенности.

Относительные местоимения и наречия

250. Относительные местоимения и наречия – это слова, которые в силу своего значения могут связывать одно обладающее смысловой законченностью высказывание с другим. Так, фраза "Человек живет" представляет собой высказывание, обладающее смысловой законченностью, равно как и фраза "Зеленеют пажити". Эти два предложения могут, в свою очередь, при помощи относительного местоимения *где* образовать сложноподчиненное предложение, превратившись соответственно в его главную и подчиненную части: "Человек живет, *где* зеленеют пажити". Здесь первое предложение является главным, а второе – подчиненным. Относительные местоимения – это, прежде всего, ὅς и ὅτις, относительные наречия – ὅως, ὡς и т.п.

Употребление относительных местоимений и наречий

251. Относительное местоимение не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на выбор наклонения; последнее определяется контекстом. Поэтому не следует удивляться, обнаружив, что в относительных придаточных предложениях употребляются два наклонения: изъявительное и сослагательное. Вместе с тем, справедливо и то, что определенное относительное местоимение или наречие более естественно сочетается с изъявительным наклонением, а неопределенное – с сослагательным. Это обусловлено и самим характером этих двух наклонений. Изъявительное наклонение предполагает реальность действия или субъекта, к которому относится вводное слово, в то время как сослагательное наклонение рассматривает их как существующие в предположении.

Изъявительное наклонение в придаточных относительных предложениях

252. В придаточных относительных главным образом – как по частоте встречаемости, так и по вариантам употребления – преобладает изъявительное наклонение, задействованное в пяти типах придаточных предложений.

(1) Придаточное предложение определительное. Придаточное предложение относительное порой имеет своей целью ближе определить или просто уточнить значение имени существительного, выполняя, таким образом, функцию прилагательного.

μνημονεύετε τοῦ λόγου οὗ ἐγὼ εἶπον ὑμῖν.

Помните слово, которое Я сказал вам. Ин. 15:20.

См. также: Ин. 6:37; Гал. 3:16.

(2) Придаточное предложение причины. Придаточное предложение относительное может служить обоснованием утверждения, содержащегося в главном предложении.

οἵτινες ἀπεθάνομεν τῇ ἁμαρτίᾳ, πῶς ἔτι ζήσομεν ἐν αὐτῇ;

Мы, которые умерли для греха, как же нам дальше жить в нем? Рим. 6:2.

См. также: Деян. 10:41; Гал. 5:4.

(3) Придаточное предложение уступительное. Придаточное предложение относительное может выражать уступку.

οἱ λέγοντες αὔριον κερδήσομεν, οἵτινες οὐκ ἐπίστασθε τὸ τῆς αὔριον.

Вы, говорящие «завтра мы получим прибыль», которые (=хотя они и) ничего не знают о завтра. Иак. 4:13-14.

(4) Придаточное предложение условное реальное. Придаточное предложение относительное может выражать условие, соответствуя по своему значению условному предложению реального вида, или протасису. (Протасис – первая (вводящая) часть условного предложения, вторая (заклЮчительная) часть которого называется аподосисом. Например: Если бы он захотел (*протасис*), он бы смог (*аподосис*). Прим. пер.)

ὅσοι γὰρ ἀνόμως ἥμαρτον, ἀνόμως καὶ ἀπολοῦνται.

Ибо все, кто (собств.: если кто) беззаконно согрешили, так же беззаконно погибнут. Рим. 2:12.

См. также: Марк. 10:43; 2 Кор. 2:10.

(5) Придаточное предложение цели. Придаточное предложение относительное может указывать на цель.

τὸν ἀμπελῶνα ἐκδώσεται ἄλλοις γεωργοῖς, οἵτινες ἀποδώσουσιν αὐτῷ τοὺς καρποὺς.

Он отдаст виноградник другим виноградарям, которые (собств.: чтобы они) будут приносить ему плоды.

Мат. 21:41.

См. также: Марк. 1:2; 1 Кор. 4:17.

Сослагательное наклонение в придаточных относительных предложениях

253. В тех случаях, когда контекст и характер вводного слова сообщают предложению значение возможности или неопределенности, употребляется сослагательное наклонение.

(1) Футуральное условное предложение. Придаточное, вводимое относительным местоимением с ἄν, может соответствовать по своему значению протасису условного периода футурального вида. Футуральное условное предложение, в свою очередь, выставляет условие, исполнение которого ожидается.

ὅς δ' ἂν ποιήσῃ καὶ διδάξῃ, οὗτος μέγας κληθήσεται.

Всякий, кто (=если кто) сделает и научит, будет назван великим. Мат. 5:19.

См. также: Марк. 10:43; Иак. 2:10.

В футуральных условных предложениях иногда употребляется будущее времени изъявительного наклонения без ἄν (см. Мат. 10:32). В Новом Завете вместо ἄν иногда встречается ἐάν. Подобный способ употребления типичен для койне, как о том в изобилии свидетельствуют папирусы.

(2) Придаточное предложение следствия. Придаточное предложение относительное может выражать следствие, предполагаемое или ожидаемое.

ὅθεν ἀναγκαῖον ἔχειν τι καὶ τοῦτον ὃ προσενέγκῃ.

Поэтому и Ему следует иметь, что (собств.: такое, которое) принести. Евр. 8:3.

См. также: Марк. 14:14; Лук. 7:4.

i. В придаточных относительных следствия мы сталкиваемся с переплетением двух значений - цели и следствия. Порой бывает затруднительным определить, какое из двух значений преобладает. В тех случаях, когда значение цели выражено слабо, вместо сослагательного наклонения (как в примере, приведенном выше) употребляются формы изъявительного наклонения будущего времени (Фил. 2:20).

ii. *Парные и вопросительные местоимения.* ὅσος, сколько, сколь много часто употребляется вместе с τοσοῦτος, столько, столь много, например, Евр. 1:4, τοσοῦτῳ ... ὅσῳ, столько ... сколько. Равным образом οἷος, какой, часто встречается в сочетании с τοιοῦτος, такой и т.п., например, 1 Кор. 15:48, οἷος ὁ χοῖκός, τοιοῦτοι καὶ οἱ χοῖκοί, каков поп, таков приход. Между ποῖος, какой, и ὅποιος, какой, особой разницы в значении нет. Будучи вопросительным местоимением, ποῖος отличается лишь по своей функции (см. Лук. 24:19; 1 Кор. 3:13). Πόσος, сколь великий, сколь многий (Мат. 6:23), по значению близко к ἥλικος, сколь великий, сколь большой (Иак. 3:5). Последнее, как видно, прежде всего указывает на величину, в то время как первое — на качество или количество.

III. Придаточные предложения причины

Ссылки: R. 962-966; Nunn 115.

254. Придаточное предложение причины обосновывает утверждение, содержащееся в главном предложении.

Придаточные предложения причины в составе сложносочиненного предложения

255. Частица γάρ имеющая значение логического вывода или заключения, как правило выполняет соединительные функции, связывая две части сложносочиненного предложения, из которых одна означает причину (основание), а другая следствие (вывод). Впрочем, соединенные посредством γάρ части сложносочиненного предложения, строго говоря, не являются придаточными предложениями.

μάρτυς γάρ μου ἐστὶν ὁ θεός.

Ибо свидетель мой – Бог. Рим. 1:9.

i. Выше Павел выказал свой глубокий личный интерес к состоянию дел в римской церкви и дал свою оценку этой церкви. Цель приведенного предложения – подтвердить справедливость оценки Апостола (см. также: 1 Кор. 8:5; Гал. 4:15 и т.д.).

ii. Иногда трудно определить, сложносочиненное ли предложение перед нами, или сложноподчиненное. Частица γάρ обычно указывает на то, что предложение сложносочиненное. Если же предложение вводится ὅτι, оно, как правило, является сложноподчиненным, хотя и имеется ряд исключений (см. 1 Кор. 1:25; 10:17).

Придаточные предложения причины

256. К сложноподчиненным предложениям относится в частности четыре группы придаточных предложений причины.

(1) Придаточные предложения, вводимые подчинительным союзом. Эти предложения вводятся такими союзами и частицами как ὅτι, διότι, καθότι, ἐπεί, ἐπειδὴ, ὅθεν; а также оборотами ἐφ' ὧ, ἐφ' ὅσον, ἀνθ' ὧν, οὗ χάριν.

ὅτι ἐγὼ ζῶ καὶ ὑμεῖς ζήσετε.

Поскольку Я живу, и вы будете жить. Ин. 14:19.

ἐφ' ὅσον ἐποιήσατε ἐνὶ τούτων.

Так как вы сделали это одному из них. Мат. 25:40.

См. также: Рим. 1:21; 1 Кор. 1:22; Евр. 3:1.

(2) Придаточные предложения, вводимые διὰ в состав которых входит инфинитив с артиклем.

διὰ τὸ εἶναι αὐτὸν ἐξ οἴκου Δαυίδ.

Потому что он был из дома Давидова. Лук. 2:4.

См. также: Лук. 8:9; Ин. 2:24.

(3) Причастие причины. Причастие может иметь причинное значение, если оно согласовано с одним из членов главного предложения, либо если оно входит в состав оборота родительный самостоятельный.

μὴ θέλων αὐτὴν δεῖγματίσαι.

Не пожелав (=так как не пожелал) выставить ее на позор. Мат. 1:19.

μὴ ἔχοντος δὲ αὐτοῦ ἀποδοῦναι.

И поскольку он не имел, чем заплатить. Мат. 18:25.

См. также: Лук. 16:1; Деян. 12:3.

Ὡς с причастием причины означает, что причина, о которой идет речь, представляется лишь только предполагаемой или мнимой.

(4) Придаточные предложения, вводимые относительным местоимением.

προσέχετε ἀπὸ τῶν ψευδοπροφητῶν, οἵτινες ἔρχονται πρὸς ὑμᾶς ἐν ἐνδύμασιν προβάτων.
Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре. Мат. 7:15.
 См. также: Рим. 6:2; Евр. 12:6.

IV. Придаточные предложения сравнительные

Ссылки: R.966-968; R-S. 175-176.

257. Придаточное предложение сравнительное имеет своей целью подкрепить основную мысль главного предложения через приведение аналогии. Во фразе «Верующий крестится, как и Спаситель» речь идет *просто о крещении* верующего, в то же время в «Верующий воскреснет так же, как воскрес Христос» придаточное сравнительное *подчеркивает* несомненность воскресения. Описательная или эмфатическая функция отличает практически все придаточные сравнительные, а они весьма часто встречаются в Новом Завете.

Сравнительные союзы

258. Всякому, изучающему греческий язык, необходимо иметь представление о союзах, вводящих придаточные предложения сравнительные.

(1) Всего чаще встречаются союзы – ὥς и καθὼς.

οὕτως ἡμᾶς λογιζέσθω ἄνθρωπος ὥς ὑπηρετάς Χριστοῦ.

Так что пусть человек понимает нас как слугителей Христовых. 1 Кор. 4:1.

ἵνα πάντες τιμῶσι τὸν υἱὸν καθὼς τιμῶσι τὸν πατέρα.

Чтобы все чтили Сына, как чтят Отца. Ин. 5:23.

(2) Сложносоставные союзы с κατὰ, например, καθό (Рим. 8:26), καθότι (Деян. 2:45), καθώστερ (Евр. 5:4), καθάπερ (Рим. 3:4).

ἔσμεν εὐηγγελισμένοι καθάπερ κακεῖνοι.

Нам было благовестуемо так же, как и тем. Евр. 4:2.

(3) Составные союзы с ὥς, например, ὥσεί (Мат. 9:36), ὥστερ (Мат. 6:2), ὥστερεί (1Кор. 15:8), ὥσαύτως (Мат. 20:5).

καταβαῖνον ὥσεὶ περιστέρην.

Сходящего, как голубь. Мат. 3:16.

(4) Соотносительное местоимение ὅσος (*сколько великий*). В сравнительной функции оно встречается всего четыре раза, причем все четыре – в послании к Евреям.

ὅσῳ διαφωρότερον παρ' αὐτοῦς κεκληρονόμηκεν ὄνομα.

Сколько большее в сравнении с ними Он унаследовал имя. Евр. 1:4.

(5) Сравнительный союз ἢ, *чем*. Всего чаще он присоединяет отдельные слова, но порой вводит и придаточные предложения.

εὐκοπώτερόν ἐστιν κάμηλον διὰ τρυπήματος ραφίδος διελθεῖν
 ἢ πλοῦσιον εἰσελθεῖν εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ.

*Легче верблюду прийти через игольное ушко,
 чем богатому войти в Царство Божие.* Мат. 19:24.

(6) Оборот ὅν τρόπον, *так же как; наподобие того, как*. В этом значении он часто встречается во втором послании Климента (см. 8, 9, 12).

ποσάκις ἠθέλησα ἐπισυναγαγεῖν τὰ τέκνα σου, ὃν τρόπον ὄρνις ἐπισυνάγει τὰ νοσσία αὐτῆς.

Сколько раз Я хотел собрать вместе детей твоих наподобие того, как птица собирает вместе своих птенцов. Мат. 23:37.

См. также: Лук. 13:34; Деян. 1:11.

Наклонения

259. Ни союзы, ни сравнительная функция сами по себе не влияют на выбор наклонения, который диктуется исключительно контекстом. Выбор того или иного наклонения здесь определяется такими фундаментальными понятиями как реальное действие и возможное (потенциальное) действие, к которым вообще сводится основное значение наклонений.

(1) Изъявительное наклонение в придаточных сравнительных.

ἔσεσθε ὑμεῖς τέλειοι ὡς ὁ πατήρ ὑμῶν τέλειός ἐστιν.

Будьте совершенными, как и Отец ваш совершенен. Мат. 5:48.

См. также: Рим. 3:4; 8:26.

(2) Там, где появляется элемент предположительности, употребляется сослагательное наклонение.

ὡς καιρὸν ἔχομεν, ἐργαζώμεθα τὸ ἀγαθόν.

Насколько нам это возможно, давайте делать добро. Гал. 6:10.

См. также: Марк. 4:26; 2 Кор. 8:12.

V. Придаточные предложения места

Ссылки: R. 969-970; Nunn 114.

260. Придаточные предложения места – это предложения, которые вводятся относительными наречиями места.

Наречия места

261. В Новом Завете придаточные предложения места вводятся главным образом следующими наречиями места.

(1) ὅπου.

καὶ ἄλλο ἔπεσεν ἐπὶ τὸ πετρῶδες ὅπου οὐκ εἶχεν γῆν πολλήν.

И иное упало на каменистую почву, где не много было земли. Марк. 4:5.

(2) οὗ.

ἀναπτύξας τὸ βιβλίον εὗρεν τὸν τόπον οὗ ἦν γεγραμμένον.

Он, раскрыв книгу, нашел место, где было написано. Лук. 4:17.

(3) ὅθεν.

εἰς τὸν οἶκόν μου ἐπιστρέψω ὅθεν ἐξῆλθον.

Возвращусь в дом мой, откуда я вышел. Мат. 12:44.

Наклонения

262. В придаточных предложениях места, как и в других типах придаточных предложений, выбор наклонений определяется общими принципами их употребления.

(1) Если придаточное предложение представляется четким и *определенным* по своему значению, то всегда предпочитается изъявительное наклонение.

θησαυροὺς ἐπὶ τῆς γῆς, ὅπου σὴς καὶ βρῶσις ἀφανίζει.

Сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют. Мат. 6:19.

См. также: Мат. 2:9; Марк. 2:4.

(2) Если же придаточное предложение по своему значению представляется достаточно *неопределенным*, в нем употребляется изъявительное наклонение в том случае, если действие предшествует моменту высказывания, и сослагательное наклонение - если речь идет об ожидаемом действии в будущем. В предложениях этого типа при наречии места иногда стоит ἄν или ἔάν.

ὅπου ἂν εἰσπορεύετο εἰς κώμας.

Где бы ни приходил Он в селения. Марк. 6:56.

ἀκολουθήσω σοι ὅπου ἔάν ἀπέρχῃ.

Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. Лук. 9:57.

См. также: Мат. 24:28; Марк. 6:10.

VI. Придаточные предложения времени

Ссылки: R. 970-979; R-S. 171-174.

263. В греческом языке имеется ряд союзов, произошедших от относительных наречий, которые вводят придаточные предложения времени. Эти союзы соответствуют по своему значению нашим союзам *когда*, *в то время как* и др. Некоторые из них сохранили за собой также функции предлогов, употребляясь в словосочетаниях (см. Мат. 24:38; Лук. 16:16; Евр. 12:4).

Типы придаточных предложений времени

264. Придаточное предложение времени ограничивает действие глагола главного предложения во времени, указывает на место этого действия в потоке времени. Таким образом, эти придаточные предложения можно рассматривать с двух точек зрения.

Характер временных ограничений

(1) **Предшествование.** Действие глагола главного предложения может быть ограничено временем, предшествующим действию глагола придаточного предложения; в таком случае придаточное предложение, как правило, вводится союзом πρίν, *прежде чем*.

(2) **Одновременность.** Действие глагола главного предложения может быть представлено как одновременное действию глагола придаточного предложения; в таком случае придаточное предложение вводится союзами ὥς, *в то время как*, или ὅτε, ὥς, *когда*.

(3) **Предшествование в будущем.** Действие глагола придаточного предложения может быть представлено как начинающееся там, где заканчивается действие глагола главного предложения; в таком случае придаточное предложение вводится посредством ὥς, *(до тех пор) пока (не)*.

Характер времени

(1) **Определенность.** Действие глагола главного предложения может быть ограничено вполне определенным моментом или отрезком времени, что соответствует значению союза "когда". В этом случае употребляется изъявительное наклонение.

(2) **Неопределенность.** Действие глагола главного предложения может быть ограничено некоей возможностью, содержащей в себе элемент условия, что соответствует нашему "когда бы ни". В подобных придаточных предложениях, если речь идет о действии в прошлом, обычно употребляется изъявительное наклонение с ᾗν, а если о действии в будущем – сослагательное наклонение с ᾗν.

Преобладание форм относительных местоимений среди временных союзов, естественно, наводит языковедов на мысль отнести эти предложения к группе придаточных относительных. Так, например, Бартон определяет придаточные времена следующим образом: «Относительные придаточные предложения, вводимые союзами со значением «пока», «когда», «прежде» (Вг. 128). Бласс также рассматривает придаточные времена как «всего лишь особый тип относительных предложений», которые «обнаруживают аналогичную конструкцию» (Вл. 218). Однако Робертсон подходит к этому вопросу с другой точки зрения, настаивая, что придаточные предложения времени представляют собой отдельную категорию. Тем не менее и он признает их родство с придаточными относительными, которое проявляется в их способности выражать действие определенное и неопределенное. В основе неопределенного действия «его отнесенность к будущему, повторяемость и длительный характер». Робертсон цитирует Новый Завет, где в придаточном предложении времени появляется опатив (Деян. 25:16), который, однако, употребляется «по причине косвенной речи». Наличие или отсутствие ᾗν в придаточных предложениях времени определяется союзами и контекстом (см. R. 970).

Конструкции, употребляемые в придаточных предложениях времени

265. Все придаточные предложения времени, встречающиеся в Новом Завете, мы можем разбить на пять групп.

(1) **Изъявительное наклонение.** Там, где действие придаточного предложения мыслится реальным и, кроме того, ограниченным определенным отрезком времени, употребляется изъявительное наклонение. Сюда относятся следующие группы придаточных предложений.

а) Предложения, вводящиеся ὅτε, ἐπειδή, ὁπότε, ὥς (соответствует нашему *когда*).

ὅτε ἐτέλεσεν ὁ Ἰησοῦς τοὺς λόγους τούτους, μετήρεν.

Когда Иисус окончил слова сии, Он ушел. Мат. 19:1.

См. также: Мат. 7:28; 21:1; Лук. 7:1; 11:1.

б) Предложения, вводящиеся ὅταν (соответствует нашему *когда бы ни*).

ὅταν στήκετε προσευχόμενοι, ἀφίετε.

Когда бы вы ни стояли на молитве, отпускайте [грехи]. Марк. 11:25.

См. также: Марк. 3:11; Откр. 4:9.

в) Предложения, вводящиеся ἕως, ἕως οὗ, ἕως ὅτου, ἄχρι οὗ, ἐφ' ὅσον (соответствует нашему *пока*).

ἡνάγκασεν τοὺς μαθητὰς ἐμβῆναι εἰς τὸ πλοῖον, ἕως αὐτὸς ἀπολύει τὸν ὄχλον.

Он понудил учеников войти в лодку, пока он отпустит народ. Марк. 6:45.

См. также: Ин. 9:4; 1Тим. 4:13; Евр. 3:13; Лук. 12:58.

г) Предложения, вводящиеся ἕως, ἄχρι, ἄχρι οὗ со значением (*до тех пор*) *пока (не)*.

ὁ ἀστήρ προῆγεν αὐτούς, ἕως ἐστάθῃ ἐπάνω οὗ ἦν τὸ παιδίον.

*Звезда шла перед ними, пока не остановилась над [местом],
где был младенец.* Мат. 2:9.

См. также: Деян. 7:18; Откр. 17:17.

д) Предложения, вводящиеся ὥς, ἀφ' οὗ со значением *с тех пор как*.

πόσος χρόνος ἐστὶν ὥς τοῦτο γέγονεν αὐτῷ;

Сколько прошло времени с тех пор, как это сделалось с ним? Марк. 9:21.

См. также: Лук. 13:7.

(2) Сослагательное наклонение. Если придаточное предложение указывает на некую возможность, однако нет достаточной уверенности в том, что действие осуществимо, то употребляется сослагательное наклонение. Сюда относятся, например:

а) Предложения, вводящиеся ὅταν, ἐπὶ, ἥνίκα со значением *когда бы ни*.

ὅταν δὲ εἰσφέρωσιν ὑμᾶς ἐπὶ τὰς συναγωγὰς, μὴ μεριμνήσητε τί εἴπητε.

И когда бы ни повели вас в синагоги, не заботьтесь, что сказать. Лук. 12:11.

См. также: Мат. 24:33; Марк. 13:11; Лук. 11:34; 2Кор. 3:15.

б) Предложения, вводящиеся ἕως, ἄχρι, ἄχρι οὗ, μέχρι, μέχρι οὗ со значением *(до тех пор) пока (не)*.

ἐκεῖ μένετε ἕως ἂν ἐξέλθῃτε ἐκεῖθεν.

Там оставайтесь до тех пор, пока не выйдете оттуда. Марк. 6:10.

См. также: Лук. 21:24; Откр. 15:8; Еф. 4:13; Марк. 13:30.

В тех случаях, когда придаточное предложение времени имеет в виду события, которые действительно совершаются, часто употребляется ἄν (1 Кор. 4:5). Если глагол главного предложения стоит в прошедшем времени, меж тем как действие придаточного предложения времени относится к будущему, ἄν опускается (Марк. 18:30).

(3) Инфинитив. В том случае, если действие главного предложения предшествует придаточному, в последнем обычно употребляется инфинитив с πρὶν или πρὶν ἢ (соответствует нашему *прежде чем*).

εἶρηκα ὑμῖν πρὶν γενέσθαι.

Я сказал вам прежде, чем совершилось. Ин. 14:29.

См. также: Мат. 1:18; 26:34.

i. Инфинитив также употребляется в придаточных, вводимых πρὸ τοῦ, *прежде чем* (Гал. 2:12), ἐν τῷ, *пока* (Мат. 13:25) или *когда* (Деян. 8:6) и μετὰ τό, *после* (Деян. 1:3; см. (3) выше).

ii. Если главное предложение содержит в себе отрицание, то в придаточном, вводимом πρὶν ἢ Употребляется изъявительное наклонение (см. Лук. 2:26).

(4) Относительное местоимение. Функции временного союза может выполнять также относительное местоимение с предлогом.

ἐν ᾧ ὁ νυμφίος μετ' αὐτῶν ἐστίν.

Пока жених с ними. Марк. 2:19.

См. также: Мат. 9:15; 13:25.

(5) Причастие. Причастие может заменять собой придаточное предложение времени, причем такое употребление вполне типично для греческого причастия.

καὶ ἐξελθὼν εἶδεν πολλὸν ὄχλον.

И, выйдя (=когда Он вышел), Он увидел множество народа. Мат. 14:14.

См. также: Мат. 14:32; Евр. 11:21.

VII. Придаточные предложения цели

Ссылки: R. 981-991; R-S. 152-154.

266. Специфичность и разнообразие конструкций, используемых в греческом языке для выражения цели, требуют особого внимания. К этому разделу следует подходить со всей тщательностью, добиваясь полного усвоения материала.

Типы придаточных предложений цели

267. Придаточные предложения цели обозначают цель действия глагола главного предложения. Это может быть какая-то запланированная цель, действие, логически развивающее предыдущее или ожидаемый результат предшествующего действия. Так, высказывание: «Павел отправился в Верию проповедовать Евангелие» может означать, что Павел пошел в Верию, следуя намеченному плану или просто, чтобы проповедовать. Таким образом, придаточные предложения цели могут предполагать широкий спектр значений: от указания на запланированную цель до обычного выражения устремленности или ожидаемого результата. Предложения цели делятся на два типа.

(1) *Придаточные предложения финальные* предполагают конкретную цель, рассматриваемую как цель действия, выраженного глаголом главного предложения.

(2) *Придаточные предложения объективные* выражают устремленность действия основного глагола к определенному результату, которого добиваются или которого ожидают.

Конструкции, употребляемые для выражения цели

268. Все конструкции, использующиеся в Новом Завете для выражения цели можно разбить на шесть групп.

(1) Придаточные, вводимые союзами ἵνα и ὅπως, *чтобы, для того чтобы*. Отрицательное значение передается с помощью ἵνα μή и μή, *чтобы не, дабы не*. В этих предложениях обычно употребляется сослагательное наклонение, а в некоторых случаях – будущее время изъявительного наклонения.

ἦλθεν ἵνα μαρτυρήσῃ περὶ τοῦ φωτός.

Он пришел, чтобы свидетельствовать о свете. Ин. 1:7.

δὲδωκεν ἡμῖν διάνοιαν ἵνα γινώσκωμεν τὸν ἀληθινόν.

Он дал нам разумение, чтобы мы узнали Истинного. 1Ин. 5:20.

μὴ κρίνετε, ἵνα μὴ κριθῆτε.

Не судите, чтобы не быть судимыми. Мат. 7:1.

μή τις με δόξη ἄφρονα εἶναι.

Дабы не счел кто-нибудь меня безумным. 2 Кор. 11:16.

ὅπως φανῶσιν τοῖς ἀνθρώποις.

Чтобы они могли бы показаться людям. Мат. 6:5.

См. также: Лук. 20:10; 22:11.

(2) Просто инфинитив.

μὴ νομίσητε ὅτι ἦλθον καταλῦσαι τὸν νόμον.

Не думайте, что я пришел отменить закон. Мат. 5:17.

См. также: Мат. 11:8; 22:3.

(3) Инфинитив с τοῦ.

μέλλει γὰρ Ἡρώδης ζητεῖν τὸ παιδίον τοῦ ἀπολέσαι αὐτό.

Ибо Ирод будет искать младенца, чтобы погубить Его. Мат. 2:13.

См. также: Деян. 26:18; Фил. 3:10.

(4) Инфинитив с артиклем винительного падежа и с предлогами εἰς и πρός; а также, хотя и очень редко, инфинитив без артикля с ὡς и ὥστε.

εἰς τὸ στηριχθῆναι ὑμᾶς.

Для того чтобы утвердить вас. Рим. 1:11.

πᾶς ὁ βλέπων γυναῖκα πρὸς τὸ ἐπιθυμῆσαι.

Всякий, смотрящий на женщину с вожделением (=с тем чтобы вожделеть). Мат. 5:28.

συμβούλιον ἔλαβον ὥστε θανατῶσαι αὐτόν.

Они собрали совет заем, чтобы предать Его смерти. Мат. 27:1.

εἰσῆλθον εἰς κώμην Σαμαριτῶν ὡς ἐτοιμάσαι αὐτῷ.

Они вошли в селение Самаритян, чтобы приготовить для Него. Лук. 9:52.

См. также: Мат. 6:1; Лук. 4:29; Евр. 7:9.

(5) Придаточные, вводимые относительными местоимениями со сказуемым, выраженным будущим временем изъявительного или сослагательного наклонений.

ὃς κατασκευάσει τὴν ὁδόν.

Который приготовит (=чтобы он приготовил) путь. Марк. 1:2.

ἀναγκαῖον ἔχειν τι καὶ τοῦτον ὃ προσενέγκη.

Необходимо, чтобы и у него было, что (=чтобы) принести. Евр. 8:3.

См. также: Деян. 6:3; 21:16.

(6) Причастия будущего и настоящего времени, однако причастие настоящего времени встречается редко.

ἀπέστειλεν αὐτὸν εὐλογοῦντα ὑμᾶς.

Он послал Его благословить (чтобы благословил) вас. Деян. 3:26.

ἐληλύθει προσκυνήσων εἰς Ἱερουσαλήμ.

Он прибыл в Иерусалим поклониться. Деян. 8:27.

См. также: Марк. 3:31; Мат. 27:49.

VIII. Придаточные предложения следствия

Ссылки: R. 997-1003; R-S. 155-156.

Определение

269. Придаточное предложение следствия обозначают результат или последствия действия, выраженного глаголом главного предложения. Как уже говорилось выше, в связи с придаточными цели (§267), порой трудно определить, идет ли речь о следствии или о цели, с тем, чтобы подобрать соответствующий перевод.

Конструкции, употребляемые для обозначения результата (следствие)

270. Результат (следствие) действия можно выразить следующими способами:

(1) Наиболее распространенный – это ὥστε с последующим инфинитивом.

καὶ ἐὰν ἔχω πᾶσαν τὴν πίστιν ὥστε ὄρη μεταστάναι.

И если я имею всю веру, так что и горы [могу] переставлять. 1 Кор. 13:2.

См. также: Марк. 1:27; 2:12.

(2) Просто инфинитив.

τὰ δὲ ἔθνη ὑπὲρ ἐλέους δοξάσαι τὸν θεόν.

Так что народы могли прославить Бога за Его милость. Рим. 15:9.

См. также: Лук. 1:54; Деян. 5:3.

(3) Изредка – инфинитив с τοῦ.

ἐλευθέρα ἐστὶν ἀπὸ τοῦ νόμου, τοῦ μὴ εἶναι αὐτὴν μοιχαλίδα.

Она свободна от закона, так что она не прелюбодейка. Рим. 7:3.

См. также: Деян. 18:10; 20:3; 27:1.

(4) Инфинитив с εἰς τό - также встречается редко.

εἰς τὸ εἶναι αὐτοὺς ἀναπολόγητους.

Так что они неизвинительны. Рим. 1:20.

См. также: Фил. 1:10; Евр. 11:3; Иак. 1:19.

(5) Ὅτι и ὥστε с изъявительным наклонением – тоже редко.

ποῦ οὗτος μέλλει πορεύεσθαι ὅτι ἡμεῖς οὐχ εὐρήσομεν αὐτόν;

Куда Сей хочет идти, так что мы не найдем Его? Ин. 7:35.

ὥστε τὸν υἱὸν τὸν μονογενῆ ἔδωκεν.

Так что Он отдал Сына Своего Единородного. Ин. 3:16.

См. также: Марк. 4:41; Гал. 3:13; Евр. 2:6.

Ὅστε с инфинитивом означает следствие предполагаемое или мыслимое, с изъявительным же наклонением (всего два случая в Новом Завете) ὥστε означает реальное следствие. Впрочем, на реальное следствие порой может быть указано и посредством инфинитива с ὥστε (Мат. 8:24; 12:22; Лук. 5:7).

(6) Ἵνα с сослагательным наклонением. Эллинисты не спешат с признанием такого способа употребления Ἵνα. Однако Дж. Х. Моултон и А. Т. Робертсон, первоначально отрицавшие за Ἵνα значение следствия, позднее поддержали такую трактовку (R. 997). См. подробнее об Ἵνα в разделе, посвященном союзам (§220).

λέγω οὖν, μὴ ἔπταισαν Ἵνα πέσωσιν;

Итак я говорю, неужели они преткнулись, так чтобы пасть? Рим. 11:11.

См. также: Гал. 5:17; Лук. 1:43; Ин. 6:7.

IX. Придаточные предложения условные

Ссылки: R. 1004-1129; R-S. 161-167.

Типы придаточных предложений условия

271. Придаточные предложения условные означают предположение, исполнение которого рассматривается в качестве условия реализации того или иного возможного действия (состояния), выраженного в главном предложении. Придаточное предложение, выдвигающее это предположение, называется *протасис*. Гласное предложение, содержащее основанное на предположении утверждение, называется *аподосис*. Придаточные предложения условные в соответствии с их отношением к реальности можно классифицировать следующим образом.

(1) *Условие как реальное или нереальное.* Протасис придаточного условного выдвигает одно положение в качестве условия для другого. Выдвигаемое условие бывает двух видов. Во-первых, выставляемое условие подчас вовсе не содержит в себе оценки своего отношения к действительности. Такое условие мы называем *простым*. Во-вторых, высказываемое

условие может пониматься как противоречащее действительности, а потому нереальное. Это условие мы называем *нереальным к факту*.

(2) Условие как возможное. Протазис придаточного условного может означать, что высказываемое условие мыслится вероятным. Здесь имеется два варианта. Во-первых, выставленное условие может рассматриваться как нечто вполне исполнимое и даже ожидаемое в будущем. Такое условие мы называем *наиболее вероятным условием в будущем (футуральным)*. Во-вторых, протазис может и вовсе не указывать на исполнимость выставленного условия, которое подается просто как некая возможность. Это условие мы называем *наименее вероятным условием в будущем (потенциальным)*. Итак, мы видим, что всего существует четыре типа условных предложений.

272. Первое, на что здесь следует обратить внимание – это значение функции наклонений, употребляемых в условных предложениях. Как уже отмечалось выше в главе, посвященной наклонениям, изъявительное наклонение констатирует (изъявляет) факт действия, выраженного глаголом, сослагательное привносит в значение глагола толику неопределенности, оптатив – сообщает еще большую неопределенность. Таким образом, в соответствии со значением наклонений все четыре типа условных предложений вполне естественно будет свести в два разряда. К первому следует отнести те типы условных предложений, где задействуется изъявительное наклонение, которое имеет здесь своей целью указать, соответствует ли высказанное предположение действительности или нет. При этом *простое условие* означает, что его соответствие действительности воспринимается говорящим как нечто само собой разумеющееся, а условие нереальное – что высказываемое предположение заведомо рассматривается как противоречащее действительности. В предложениях этого разряда употребляется изъявительное наклонение, как констатация реальности/нереальности. Считать иначе здесь означает не понимать значения и роли греческих наклонений. Ко второму разряду отнесем два оставшихся типа условных предложений, где употребляется не изъявительное, а сослагательное наклонение и оптатив, указывающие на то, что действие мыслится возможным или вероятным. Поскольку оптатив почти полностью исчез из Нового Завета, мы наблюдаем в нем лишь следы четвертого типа условных предложений. Однако сослагательное наклонение в условных предложениях задействуется весьма широко.

273. Следующее, что облегчит нам понимание условных предложений – это частица $\alpha\upsilon$, которая употребляется в условных предложениях всех типов (кроме первого). Придаточные условные в предложениях третьего типа вводятся $\epsilon\iota + \alpha\upsilon$ или $\epsilon\acute{\alpha}\upsilon$, а иногда просто $\alpha\upsilon$. Главные предложения второго и четвертого типа задействуют $\alpha\upsilon$ в большинстве случаев, что, однако, не является обязательным для койне. Как мы уже видели, говоря об $\alpha\upsilon$ в разделе, посвященном частицам, $\alpha\upsilon$ указывает на сомнение или неопределенность. Само ее присутствие в предложении означает, что, по крайней мере, в той части своего высказывания, которая сопровождается $\alpha\upsilon$, говорящий уверен не вполне. Эта частица показывает читателю, что он не должен воспринимать сопровождаемую ей фразу как нечто безусловно истинное. И если мы будем помнить, что указывающая на неуверенность $\alpha\upsilon$ задействуется наклонениями именно с этой целью, мы уже очень многое поймем в в условных предложениях.

274. В том случае, если в условном предложении употребляется изъявительное наклонение, то для выражения отрицания, естественно, используется частица $\omicron\upsilon$. Все остальные наклонения обычно задействуют $\mu\acute{\eta}$. Иногда это правило не абсолютно. Таким исключением, например, являются предложения нереального условия, где регулярно (в Новом Завете за исключением двух случаев) употребляется $\mu\acute{\eta}$, частица, выражающая более слабую степень отрицания, а также сомнение.

Робертсон определяет данные четыре типа условных предложений так: (1) *реальные*; (2) *нереальные*; (3) *вероятности*; (4) *возможности*. Кроме того, он делает обобщение, которое будет нелишним запомнить: «Значение четырех типов условных предложений в том, что форма здесь характеризует только *высказывание*, а

не некую абсолютную истину или саму по себе суть дела... Поэтому следует всегда отличать факт от высказывания о факте. Условные предложения – это лишь один из многих типов высказываний» (R. 1005).

Типы условных предложений

275. Выше мы уже отмечали, что имеется два общих разряда условных предложений, в каждый из которых входят предложения двух типов. Отсюда с необходимостью вытекает наличие четырех типов грамматических конструкций, выражающих возможные виды условия.

(1) Простое условие. Этот тип придаточного условного задеиствуется, когда говорящий считает высказываемое предположение соответствующим действительности. В протасисе обычно стоит $\epsilon\acute{\iota}$ с изъявительным наклонением любого времени. Относительно аподосиса нет строгих правил – может быть задеиствовано любое наклонение и время.

$\epsilon\acute{\iota}$ δὲ πνεύματι ἄγεσθε, οὐκ ἐστὲ ὑπὸ νόμον.

Но если вы ведомы Духом, вы не под законом. Гал. 5:18.

См. также: Марк. 4:23; Откр. 20:15.

(2) Нереальное условие. Этот тип придаточного условного предполагает, что высказываемое условие не соответствует действительности, поэтому здесь употребляются только формы прошедшего времени изъявительного наклонения. Как уже отмечалось, предмет речи здесь характеризуется как несуществующий в действительности, нереальный, хотя на самом деле все может быть иначе – что показано ниже, в первом примере. Протасис вводится $\epsilon\acute{\iota}$, а в аподосисе обычно ставится $\alpha\upsilon$. Исключение составляют Мат. 26:24; Деян. 26:32; 2 Кор. 2:2.

а) Когда нереальное условие противоречит действительности в настоящем, то и в протасисе, и в аподосисе употребляется имперфект.

οὗτος $\epsilon\acute{\iota}$ ἦν προφήτης, ἐγίνωσκεν ἂν τίς καὶ ποταπὴ ἡ γυνὴ.

Если бы Сей был пророком, Он знал бы кто и какая это женщина. Ин. 7:39.

См. также: Ин. 15:19, 22; Гал. 1:10.

б) Когда нереальное условие противоречит действительности в прошлом, то и в протасисе, и в аподосисе употребляются аорист или плюсквамперфект.

$\epsilon\acute{\iota}$ ἦς ὦδε οὐκ ἂν μου ἀπέθανεν ὁ ἀδελφός.

Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Ин. 11:32.

См. также: Мат. 11:21; Марк. 13:20.

(3) Наиболее вероятное условие в будущем. Ввиду того, что в придаточных условных этого типа употребляется сослагательное наклонение, такое предложение предполагает известную степень неопределенности, ожидания. Протасис здесь вводится $\epsilon\acute{\alpha}\nu$, а в аподосисе может встретиться любая глагольная форма, но всегда со значением будущего.

καὶ τοῦτο ποιήσομεν, $\epsilon\acute{\alpha}\nu$ ἐπιτρέπῃ ὁ θεός.

И это мы сделаем, если Бог позволит. Евр. 6:3.

См. также: Мат. 9:21; Рим. 7:2.

(4) Наименее вероятное условие в будущем. Здесь в протасисе – $\epsilon\acute{\iota}$ с оптативом и $\alpha\upsilon$ с оптативом в аподосисе.

ἀλλ' $\epsilon\acute{\iota}$ καὶ πάσχοιτε διὰ δικαιοσύνην, μακάριοι.

Но даже если вы пострадаете из-за праведности, вы блаженны. 1 Пет. 3:14.

См. также: 1 Кор. 14:10; 15:37.

i. В Новом Завете нет ни одного примера условного предложения этого типа, которое было бы полным, как в протасисе, так и в аподосисе. В самом деле, Робертсон отрицает факт наличия полных предложений такого типа в Септуагинте или папирусах - «по крайней мере в той мере, в какой эти тексты»... «Такой способ выражения

отличал речь образованных людей и редко употреблялся в народе, исключая несколько устойчивых словосочетаний» (R. 1020).

ii. Из четырех приведенных типов условных предложений первые два употребляются в Новом Завете очень часто, третий также нередок, но вот четвертый встречается очень редко, и никогда – в полной форме. Придаточные нереального условия не могут быть задействованы ни в какой иной форме, кроме полной по той простой причине, что «видоизменение формы повлекло бы за собой двусмысленность и сразу же нарушило бы логику гипотетического утверждения» (Bt. 224).

Неправильные типы условных предложений

276. Безусловно, в реальной языковой практике греки не ограничивали себя устоявшимися формами условных предложений. Вновь обнаруженные варианты форм плохо поддаются логическому анализу, их можно лишь сгруппировать в соответствии с отличительными чертами их «неправильности». **(1)** Так, встречается довольно много *условных предложений смешанного типа*, то есть предложений, где одна часть взята из одного «правильного» типа, а вторая – из другого (Лук. 17:6). **(2)** Имеются также *предложения подразумеваемого условия*, в которых представлен лишь аподосис, а протасис подразумевается из причастия (1 Тим. 4:4), форм повелительного наклонения (Марк. 1:17) или из вопроса (Мат. 26:15). **(3)** Есть и *эллиптические условные предложения*, где одна часть опущена полностью и восстанавливается по контексту (Лук. 13:9).

X. Придаточные предложения уступительные

Ссылки: R. 1026-1027; R-S. 166-167.

277. По своему характеру придаточные предложения уступительные являются разновидностью условных предложений, но отличаются от последних тем, что в условных предложениях главное предложение обусловлено придаточным, в то время как в предложениях уступительных главное предложение реализуется как бы вопреки придаточному.

Замечание Робертсона относительно того, что придаточные предложения уступительные по сути являются разновидностью условных предложений, вполне обоснованно. В силу этого он помещает уступительные придаточные в один раздел с придаточными условными (см. R. 1026). Здесь Робертсон согласен с Блассом, заявляющим, что «между уступительными и условными предложениями нет существенного отличия» (Bl. 215). Тем не менее, это отличие вполне ощутимо и достаточно, чтобы выделить придаточные предложения уступительные в отдельную группу, хотя в то же время не стоит быть столь же категоричными как Бартон, который полагает, что «по своему значению уступительное предложение, таким образом, существенно отличается от условного» (Bt. 112). В самом деле, уступительные предложения не так уж и «существенно отличаются» от условных.

Классификация

278. Придаточные предложения уступительные встречающиеся в Новом Завете, с трудом поддаются последовательному анализу, и тем не менее, предлагаемое ниже деление их на три класса все же не является совершенно произвольным.

(1) Уступительные логические – здесь речь идет о некоей реальной уступке. Придаточное предложение вводится сочетанием *εἰ καί* с последующим изъявительным наклонением.

εἰ καὶ ἐλύπησα ὑμᾶς ἐν τῇ ἐπιστολῇ, οὐ μετὰμέλομαι.

Хоть я и опечалил вас моим письмом, я не сожалею. 2 Кор. 7:8.

См. также: Лук. 11:8; Фил. 2:17.

(2) Уступительные гипотетические – предполагают уступку как возможность. Придаточное вводится *ἐὰν καί* с последующим сослагательным наклонением.

ἐὰν καὶ προλήμψῃ ἄνθρωπος ἐν τινὶ παραπτώματι, καταρτίζετε τὸν τοιοῦτον.

*Даже если и впадает человек в какое-либо согрешение,
исправляйте такового.* Гал. 6:1.

(3) Уступительные эмфатические – здесь особо подчеркивается, что высказываемое допущение не имеет ничего общего с исполнением. Эти предложения вводятся καὶ ἐὰν с сослагательным наклонением или καὶ εἰ с изъявительным наклонением.

καὶ ἐὰν κρίνω δὲ ἐγώ, ἡ κρίσις ἡ ἐμὴ ἀληθινὴ ἐστίν.

Но если Я и буду судить, Мой суд истинен. Ин. 8:16.

καὶ εἰ θέλετε δεῖξασθαι, αὐτός ἐστιν Ἰησίας.

И если хотите принять, он есть Илия. Мат. 11:14.

См. также: Лук. 6:32; Гал. 1:8.

279. Причастие также может выражать значение уступки. В пяти случаях с причастием, имеющим такое значение, встречается καίπερ, однако часто причастие употребляется самостоятельно.

καίπερ ὢν υἱός, ἔμαθεν ὑπακοήν.

Даже будучи Сыном, Он научился послушанию. Евр. 5:8.

εἰ γὰρ ἐχθροὶ ὄντες κατηλλάγημεν τῷ θεῷ.

Ибо хотя и будучи врагами, мы были примирены с Богом. Рим. 5:10.

См. также: Евр. 5:12; 11:4.

XI. Именные придаточные предложения

Определение

280. Именное придаточное предложение (его часто называют «придаточное предложение-существительное») соотнесено с глаголом главного предложения таким образом, что в составе сложного предложения выполняет функции фактически имени существительного. В Новом Завете придаточных предложений такого типа встречается очень много; они выполняют типичные для существительного функции подлежащего, дополнения или приложения.

Типы именных придаточных предложений

281. Именные придаточные предложения естественным образом подразделяются на три группы. Здесь любопытен тот факт, что употребление этих трех задействованных греками типов конструкции, совершенно не зависело от того, выполняло ли данное придаточное предложение функцию подлежащего, дополнения или приложения. Эти три типа именных придаточных представляют собой инфинитив, предложение, вводимое ἵνα, придаточное, вводимое ὅτι.

(1) Именное придаточное предложение в функции подлежащего.

а) Инфинитив.

τὰ αὐτὰ γράφειν ὑμῖν ἐμοὶ μὲν οὐκ ὀκνηρόν.

Писать вам по же самое для меня не тягостно. Фил. 3:1.

См. также: Евр. 4:6; 9:27.

б) Придаточное, вводимое ὅτι.

οὐ μέλει σοι ὅτι ἀπολλύμεθα;

Неужели не заботит Тебя, что мы погибаем? Марк. 4:38.

См. также: 1Ин. 5:9.

в) Придаточное, вводимое ἵνα.

ἐμὸν βρῶμά ἐστιν ἵνα ποιήσω τὸ θέλημα τοῦ πέμψαντός με.

Моя пища есть творить волю Пославшего Меня. Ин. 4:34.

См. также: Мат. 18:14; 1Кор. 4:3.

(2) Именное придаточное предложение в функции дополнения.

а) Инфинитив.

βούλομαι οὖν προσεύχεσθαι τοὺς ἄνδρας.

Поэтому я желаю, чтобы мужчины молились. 1Тим. 2:8.

См. также: Фил. 2:6; 4:11.

б) Придаточное, вводимое ὅτι.

ἰδὼν αὐτὸν ὅτι νουνεχῶς ἀπεκρίθη.

Видя, что он разумно ответил. Марк. 12:34.

См. также: Ин. 10:36; 11:27.

в) Придаточное, вводимое ἵνα и ὅπως после глаголов говорения, вопроса, увещевания, желания, заботы, стремления и т.п.

ἡρώτα ἵνα καταβῇ καὶ ἰάσῃται αὐτοῦ τὸν υἱόν.

Он просил, чтобы Он сошел и исцелил его сына. Ин. 4:47.

δεήθητε οὖν τοῦ κυρίου τοῦ θερισμοῦ ὅπως ἐκβάλῃ ἐργάτας.

Поэтому молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей. Мат. 9:38.

См. также: Мат. 4:3; Лук. 4:2; 7:3.

г) Придаточное, вводимое μή после глаголов боязни, опасения, предостережения.

βλέπετε μή τις ὑμᾶς πλανήσῃ.

Берегитесь, чтобы кто-нибудь не сбил вас с пути. Мат. 24:4.

См. также: Марк. 13:5; Кол. 2:8.

д) Придаточное с опущение слова (асиндетон).

λέγει αὐτῷ, ὅρα μηδενὶ μηδὲν εἶπης.

Он говорит ему: смотри, чтобы ты никому ничего не сказал. Марк. 1:44.

См. также: Мат. 9:30; Марк. 12:34.

(3) Именные придаточные предложения в функции приложения.

а) Инфинитив.

θρησκεία καθαρὰ αὕτη ἐστίν, ἐπισκέπτεσθαι ὀρφανοὺς καὶ χήρας.

Это – чистое богослужение, посещать сирот и вдов. Иак. 1:27.

См. также: Еф. 3:6, 8; 4:17.

б) Придаточное, вводимое ὅτι.

αὕτη δέ ἐστιν ἡ κρίσις ὅτι τὸ φῶς ἐλήλυθεν εἰς τὸν κόσμον.

И это есть суд, что свет пришел в мир. Ин. 3:19.

См. также: 2 Кор. 1:18, 23; 11:10.

в) Придаточное, вводимое ἵνα.

τίς οὖν μοῦ ἐστὶν ὁ μισθός; ἵνα εὐαγγελιζόμενος ἀδάπανον θήσω τὸ εὐαγγέλιον.

Что же тогда мне награда? Чтобы я, проповедуя евангелие, благовествовал безвозмездно.

1 Кор. 9:18.

См. также: Лук. 1:43; Ин. 15:8, 12.

Наклонения в именных придаточных

282. В предложениях, вводимых ὅτι мы всегда встречаем изъявительное наклонение. Напротив, в придаточных, вводимых ἵνα по большей части, а именно в соотношении тридцать два к одному, задействовано сослагательное наклонение. Вообще именное придаточное предложение с изъявительным наклонением встречается в двадцати шести случаях, семнадцать из которых приходятся на произведения Иоанна; сослагательное наклонение в основном встречается в предложениях, вводимых ὅπως и μή, причем ὅπως употребляется с изъявительным наклонением лишь однажды (Лук. 24:20), а μή (в качестве союза) – только в четырех случаях.

XII. Косвенная речь

Ссылки: R. 1027-1043; R-S. 181-186.

283. Косвенная речь в Новом Завете встречается редко. Нечасто ее встретишь и в других произведениях, написанных на койне. Для разговорного языка характерна простая передача прямой речи. Такой способ выражения представлялся более доступным и образным. Примеры косвенной речи, встречающиеся в Новом Завете, соответствуют общим нормам греческого языка и просты для анализа.

Формы глагола в косвенной речи

284. Этот вопрос требует особого внимания, поскольку имеются отличия в организации косвенной речи в английском и греческом языках. В отличие от русского, который в этом, как и во многом другом, гораздо ближе к греческому, чем английский. (Прим. ред.)

(1) Грамматическое время. В греческом языке, как правило, время глагола, используемое в прямой речи, при переводе прямой речи в косвенную остается без изменений. Этот важный момент следует четко осознать. Так, если, например, Иисус сказал: βλέπω, *Я вижу*, то Лука, переводя прямую речь в косвенную, написал бы: Ἰησοῦς εἶπεν ὅτι βλέπει (или βλέπειν) – Иисус сказал, что он видит (это). Таким образом, хотя и высказывание относится к прошлому, при передаче его в форме косвенной речи используется настоящее время, потому что *изначально в высказывании использовано настоящее время*. Тем не менее, имеется ряд примеров, где имперфект косвенной речи, по-видимому, передает настоящее время изначального высказывания (см. Ин. 2:25). В свою очередь, если говорящий в прямой речи использовал аорист или будущее время, та же временная форма сохраняется и в косвенной (см. Лук. 24:23; Ин. 9:9). Точно так же обстоит дело и в русском языке, например: Иисус сказал: «Я вижу» (прямая речь). Иисус сказал, что он видит (косвенная речь). Глагол «видит» стоит в форме настоящего времени, как и в прямой речи, изменяется только лицо: в прямой речи – это 1 лицо, в косвенной – 3 лицо. (Прим. пер.)

(2) Наклонение. При переводе прямой речи в косвенную сохраняется и наклонение прямой речи. Правда, из этого правила есть ряд исключений. В греческом языке классического периода изъявительное и сослагательное наклонение прямой речи в косвенной речи заменялись оптативом. Из всех новозаветных писателей это наблюдается только у Луки, и то лишь несколько раз (см. Лук. 3:15; 22:23; Деян. 25:16). Встречая в косвенной речи сослагательное или изъявительное наклонение, мы, таким образом, делаем вывод, что в прямой речи было употреблено то же самое наклонение. С другой стороны, инфинитив в

косвенной речи часто заменяет собой изъявительное наклонение прямой речи, но инфинитив, строго говоря - не наклонение, а отглагольное существительное.

(3) Лицо. Лицо глагола в косвенной речи определяется лицом этого глагола в прямой речи. Если говорящий цитирует собственное высказывание, то лицо не меняется; если же он цитирует чужое высказывание, то употребляется третье лицо; если же цитата адресована тому, кому принадлежала прямая речь, употребляется второе лицо. То же имеет место в английском (и в русском) языке. В качестве примера приведем Марк. 9:6, οὐ γὰρ ᾔδει τί ἀποκριθῇ, *ибо он не знал, что ответить*, где изначальное высказывание – τί ἀποκριθῶ (что я отвечу).

Мы не считаем, что косвенная речь вводится исключительно глаголами говорения или мышления: в этой функции выступают самые разнообразные глаголы (см. R. 1035). Косвенная речь может вводиться любым глаголом, предполагающим некоторое требующее самостоятельного выражения содержание.

Формы косвенной речи

285. Существует три формы косвенной речи: повествование, вопрос и повеление. Каждая из этих форм характеризуется типичной для нее конструкцией, поэтому все формы следует рассмотреть по отдельности.

(1) Косвенное повествование выражается тремя способами.

а) Посредством ὅτι с изъявительным наклонением.

ἐγὼ πεπίστευκα ὅτι σὺ εἶ ὁ Χριστὸς.
Я уверовал, что Ты - Христос. Ин. 11:27.
См. также: Деян. 10:34; Гал. 2:14.

б) С помощью инфинитива.

οἱ λέγουσιν αὐτὸν ζῆν.
Те, кто говорят, что Он живет. Лук. 24:23.
См. также: Рим. 2:19; Фил. 2:13.

в) С помощью причастия.

ἀκούομεν γὰρ τινὰς περιπατοῦντας ἐν ὑμῖν ἀτάκτως.
Ибо мы слышим, что некоторые среди вас ходят бесчинно. 2 Фес. 3:11.
См. также: Деян. 7:11; 8:22.

(2) Косвенный вопрос обычно вводится вопросительными местоимениями τίς или τί, хотя может употребляться также относительное местоимение или наречие. В Деян. 9:6 в косвенном вопросе мы встречаем ὅτι. Наклонение прямой речи обычно сохраняется, хотя Лука иногда употребляет оптатив (см. Лук. 18:36).

καὶ ἦλθον ἰδεῖν τί ἐστὶν τὸ γεγονός.
И Они пришли посмотреть, что случилось. Мат. 5:14.
См. также: Марк. 15:44.

(3) Повеление в косвенной речи может быть выражено тремя способами.

а) Посредством инфинитива.

οἵτινες τῷ Παύλῳ ἔλεγον μὴ ἐπιβαίνειν εἰς Ἱεροσόλυμα.
Те, кто говорили Павлу не ходить в Иерусалим. Деян. 21:4.
См. также: Деян. 21:21; 26:20.

б) При помощи ἵνα и ὅπως с сослагательным наклонением.

παρήγγειλεν αὐτοῖς ἵνα μηδὲν αἴρωσιν εἰς ὁδόν.
Он повелел им ничего не брать в дорогу. Марк. 6:8.
 См. также: Деян. 25:3.

в) Делиберативный вопрос в косвенной речи может подразумевать повеление в изначальном высказывании.¹

ὑποδείξω δὲ ὑμῖν τίνα φοβηθῆτε.
Но Я научу вас, кого бояться. Лук. 12:5.

XIII. Повеление и запрещение

Ссылки: Р. 851, 855, 890, 908, 942-50; М. 122-126.

286. Выведение предложений такого рода в особый раздел греческой грамматики выглядит необычным. Тем не менее, средний учащийся, изучающий греческий, никогда в достаточной мере не усвоит важнейшие особенности предложений этого типа по той простой причине, что никогда не рассматривал их подробно и каждое в отдельности. Ввиду того, что наш учебник адресован именно к среднему учащемуся, повеление и запрещение следует вывести в особый раздел. В целях сугубо практических эти предложения всего лучше распределить по трем группам – сообразно задействованным в них грамматическим временам.

Будущее время

287. В некоторых случаях для выражения повеления используется будущее время изъявительного наклонения. Такой способ употребления будущего очень часто встречается в Септуагинте, где будущее повелительное мы находим в каждой из десяти заповедей.

ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου καὶ μισήσεις τὸν ἐχθρόν σου.
Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. Мат. 5:43.
 См. также: Мат. 6:5; 27:4; Лук. 13:9.

Аорист

288. В выражениях повеления и запрещения отчетливо проявляется основное значение аориста.

(1) Аорист сослагательного наклонения в запрещении. Основное значение аориста, как уже было сказано выше, состоит в том, что он указывает на «точность» действия. В том случае, если запрещение (то есть отрицание в повелительном наклонении) выражено аористом, последний означает заведомое запрещение, вне зависимости от последующих намерений. Сослагательное наклонение – это единственный в Новом Завете способ выразить запрещение в аористе в форме *второго лица*. Однако запрещение в *третьем лице* может быть выражено либо сослагательным, либо повелительным наклонением.

καὶ μηδένα κατὰ τὴν ὁδὸν ἀσπάσησθε.
И никого не приветствуйте по дороге. Лук. 10:4.
 См. также: Мат. 10:9; Деян. 7:60.

(2) Аорист императива в повелении. В тех случаях, когда повеление выражено аористом повелительного наклонения, последний указывает на *краткое* действие – «действие, скоротечное или мгновенное, ... или такое, которое следует осуществить

¹Делиберативный вопрос – вопрос, адресуемый риторически к самому себе. Например: Не пойти ли мне? Что мне делать? (Прим. пер.)

немедленно» (W. 313). Аорист императива, таким образом, соответствует по своему значению русскому повелительному совершенного вида (сделай, спой и пр.) (Прим. ред.)

ἀράτω τὸν σταυρὸν αὐτοῦ καὶ ἀκολουθεῖτω μοι.

Пусть он возьмет свой крест (тотчас же; аорист)

и следует за Мною (всегда и неизменно; настоящее время) Мат. 16:24.

См. также: Ин. 5:8; Марк. 2:11.

В Новом Завете преобладает аорист императива, что «характерно для κοινή вообще» (R. 855). Разницей между императивом настоящего и императивом аориста, по-видимому, пренебрегают. Однако нам будет гораздо правильней предположить, что автор предпочитал одно время другому, руководствуясь определенной причиной. В самом деле, Винер пишет: «...во многих случаях именно от автора зависит, представить ли ему действие как имеющее место в определенной временной точке и одномоментное, либо как начинающееся или – главным образом – длительное» (W. 314). Тем не менее, почему же, все-таки, не в каждом случае это зависит от автора? Ответ, на наш взгляд, заключается в том, что в действительности выбор времени всегда зависит от автора.

Настоящее время

289. Императив настоящего времени употребляется и в выражениях повеления, и в запрещениях.

(1) Императив настоящего в выражениях повеления. Императив настоящего времени означает *длительное* или *повторяющееся* действие. Греческий императив, таким образом, вполне соответствует русскому повелительному несовершенного вида (делай, пой и пр.) Так, всякий раз, когда Иисус просил кого-либо следовать за собой, Он использовал глагол ἀκολουθεῖω в императиве настоящего времени.

καὶ λέγει αὐτῷ, ἀκολούθει μοι.

И Он говорит ему: следуй за Мною. Мат. 9:9.

То есть, следуй за Мною сейчас и в дальнейшем.

Кульминацией в притче Иисуса о человеке, который настойчиво просил три куса хлеба, пока не получил их, является именно императив настоящего: αἰτεῖτε ... ζητεῖτε ... κρούετε, *просите; ищите; стучите* (Лук. 11:9). Этот же императив употребляет Лука, приводя ответ Иисуса некоему человеку, просившему помочь ему в получении части наследства: ὁρᾶτε καὶ φυλάσσεσθε ἀπὸ πάσης πλεονεξίας, *будьте бдительны и остерегайтесь всякого любостяжания* (Лук. 12:15).

(2) Императив настоящего в запрещениях. Настоящее время обычно означает длительное действие. Императив настоящего в запрещениях требует, чтобы действие, которое уже совершается, было прекращено.

μὴ κρίνετε, ἵνα μὴ κριθῆτε.

Не судите, да не судимы будете. Мат. 7:1.

ἐγὼ ἔκλαιον ... λέγει μοι, Μὴ κλαῖς.

Я плакал ... он говорит мне: не плачь. Откр. 5:4-5.

См также: Лук. 10:7; Иак. 3:1.

Аориста сослагательного наклонения и императив настоящего в запрещениях

290. Аорист сослагательного наклонения запрещает то или иное действие еще *до того*, как оно началось; то есть, речь идет о предписании никогда не делать того или иного. В свою очередь, императив настоящего запрещает *далее* то или иное действие – то есть представляет собой предписание прекратить определенное действие. Обо всем этом следует иметь самое четкое представление и не путать значения времен. Как уже говорилось выше, когда речь

шла о глагольных временах, настоящее время в любом наклонении предполагает действие линейное или длительное, в то время как аорист любого наклонения предполагает действие, противоположное линейному или длительному – а именно точечное, или одномоментное действие.

(1) Таким образом, запрещение в *настоящем времени*, требует прекращения некоторого уже осуществляющегося действия.

μη κλαίετε ἐπ' ἐμέ.

Не плачьте (то есть, прекратите плакать) *обо Мне*. Лук. 23:28.

См. также: Ин. 2:16; 20:17.

Моултон рассказывает, как случай помог его другу Дэвидсону понять разницу между запрещением в настоящем времени и запрещением аористным. Однажды Дэвидсон, прогуливаясь, услышал, как один грек, гуляя с собакой, приказал ей прекратить лаять, используя *μη* с императивом настоящего. Получив такой ключ к пониманию грамматической формы, он понял эту разницу, которая четко прослеживается на протяжении всей истории греческого языка, начиная от классической аттической литературы до современного разговорного (М. 122).

(2) *Аористное* запрещение, напротив, как бы предостерегает, запрещая еще не начавшееся действие.

καὶ μη εἰσελεύκης ἡμᾶς εἰς πεῖρασμόν.

Не введи (никогда) нас в искушение. Лук. 11:4.

См. также: Лук. 14:8; Ин. 19:24.

i. В Новом Завете обнаруживается несколько случаев аористного запрещения, отклоняющихся от основного правила. В Ин. 3:7 мы встречаем *μη θαυμάσης* (не удивляйся), обращенное к Никодиму, который уже успел удивиться, а в Мат. 1:20 *μη φοβηθῆς παραλαβεῖν Μαρίαν* обращено к Иосифу, который уже задумал расторгнуть помолвку с Марией. «Но, как правило, запрещение, относящееся к не начавшемуся действию передается начинательным аористом сослагательного наклонения, а запрещение, относящееся к протекающему действию – длительным настоящим временем» (R. 852).

ii. Сослагательное наклонение с *ἵνα* может выражать просьбу, эмоционально ярко окрашенную и близкую к предписанию. Так, в Марк. 5:23 просьбу Иаира, адресованную Иисусу, *ἵνα ἐλθὼν ἐπιθῇς τὰς χεῖρας αὐτῇ*, можно перевести так: *О, если бы Ты пришел и возложил на нее руки!*

iii. Предложенную Батманом интерпретацию аориста сослагательного наклонения в запрещениях как «заместителя» императива едва ли можно считать адекватной (Bt. 211). Ведь хотя сослагательное наклонение и занимает здесь место аориста повелительного наклонения, налицо все-таки и собственное значение сослагательного наклонения. Так, например, *μη ποίει τινα* означает: *не делай чего-либо*, в то время как *μη ποιήσης τινα* предполагает некое авторитетное предписание, согласующееся с определенной целесообразностью, лучше всего соответствуя нашему *тебе бы лучше этого не делать*. Вообще, едва ли следует думать, что одно наклонение теряет собственное значение, занимая обычное место другого.

iv. В Новом Завете Моултон насчитывает всего сто тридцать четыре случая употребления императива настоящего в запрещениях, в то время как примеров употребления аориста сослагательного наклонения в запретительной функции лишь восемьдесят четыре. Такая разница, быть может, связана с этическими идеями, нашедшими отражение во взглядах новозаветных авторов. В связи с этим стоит заметить, что аористное запрещение встречается в Новом Завете практически исключительно в форме сослагательного наклонения, аорист же повелительного наклонения встречается всего несколько раз. Это объясняется тем, что аорист сослагательного наклонения выражает некий момент этической сдержанности. Эмфатическое же значение сослагательного аориста с очевидностью следует из того факта, что такого рода запретительная конструкция часто требует двойного отрицания, и здесь она всего ближе к будущему времени изъявительного наклонения (соотношение восемьдесят шесть к четырнадцати) (см. R. 854).